РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. В. КОРОТАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ:
факторы, закономерности, тенденции

Москва
Издательская фирма
"Восточная литература" РАН
2003

Исследование выполнено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 01–03–00332а)

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ:
"ЭВОЛЮЦИЯ", "РАЗВИТИЕ", "ПРОГРЕСС",
"АНТИПРОГРЕСС"..

Глава I. ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ……….

§ 1. "Демографический фактор"...
§ 2. Спонтанные изменения естественной
среды …………………………………………………..
§ 3. Изменение внешней социальной среды …………………..
§ 4. Немутационное варьирование сочетания
генов в генотипах особей популяции...............................…
§ 5. Собственно мутации ………………………………………
§ 6. Квазибиологические социокультурные мутации………....
§ 7. Конфликт интересов ………………………………………
§ 8. "Механизм развертывания потребностей" ………………
§ 9. Исследовательская активность ……………………………
§ 10. Само функционирование социальных
систем определенного типа ………………………………..
Заключительные замечания к Главе I ....

Глава II. ОТ ОДНОЛИНЕЙНЫХ МОДЕЛЕЙ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ К НЕЛИНЕЙНЫМ?….

§ 1. Однолинейный подход …...
§ 2. Многолинейные подходы …..……………………………..
§ 3. Нелинейные подходы ..……………………………………..
Заключение к Главе II ……………………..................................…

Глава III. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ....

Глава IV. ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
ЭВОЛЮЦИИ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ……………..….

Глава V. СОЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЫТИЕ?
(Несколько частных случаев) …………………………………...

§ 1. Полигиния и демократия: кросс-культурное
исследование ……..........……………...................................
§ 2. Родовая организация и глубокая христианизация:
кросс-культурное исследование …………………………..
§ 3. Родовая организация, религии ненасилия
и социализация: кросс-культурное исследование ………..
Заключение к Главе V …………………………………………….

Вместо заключения. ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА ………………………………..

ПРИЛОЖЕНИЕ ……………………………………………………….

АПОЛОГИЯ СИНХРОННОГО
СРАВНИТЕЛЬНО–ЭВОЛЮЦИОННОГО МЕТОДА
СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ ……………………………

БИБЛИОГРАФИЯ..

Summary ………………………………………………………..

ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ: "ЭВОЛЮЦИЯ", "РАЗВИТИЕ", "ПРОГРЕСС", "АНТИПРОГРЕСС"

Я принимаю предложение Х. Й. М. Классена рассматривать *эволюцию* "как 'процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы' " ([Классен, 2000. С. 7]; само определение принадлежит Воже [Voget, 1975. С. 862]; однако именно Классен наиболее последовательно отстаивает это определение в рамках нашей дисциплины ([Claessen, van de Velde, 1982. P. 11ff.; 1985a. P. 6ff.; 1987. P. 1; Claessen, 1989. P. 234; 2000b; Claessen & Oosten, 1996 и т.д.]; см. также, например: [Collins, 1988. P. 12–13; Sanderson, 1990]). Я также полностью согласен с Классеном, когда он утверждает: “Тогда эволюционизм превращается в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода" [Классен 2000. С. 7].[1]

Конечно же, подобное понимание эволюции полностью отличается от понимания эволюции тем самым исследователем, который и ввел это понятие в научный дискурс и который предложил свое определение эволюции, сохраняющее эстетическую привлекательность вплоть до настоящего времени – "изменение от несвязной однородности к связной разнородности"[2] [Spencer, 1972 [1862]. P. 71]; определение это подразумевает, конечно, понимание эволюции как двуединого процесса дифференциации и интеграции. В рамках “классеновского” понимания эволюции эволюция “спенсеровская” будет лишь одним [1] из возможных типов эволюционных процессов наряду с [2] эволюцией от сложных к простым социальным системам и [3] структурными сдвигами на одном и том же уровне сложности (что приблизительно соответствует основным направлениям биологической эволюции по Северцову [1939; 1967] – [1] *ароморфозу* [≈ *anagenesis* в том смысле, который в это понятие изначально вкладывал Ренш {Rensch, 1959.

---

[1] В оригинале: "*Evolutionism then becomes the scientific activity of finding nomothetic explanations for the occurrence of such structural changes*" [Claessen 2000a. P. 2], что лучше было бы, наверное, перевести как: "Эволюционизм таким образом становится научной деятельностью по поиску номотетических объяснений для подобных структурных изменений".

[2] "*A change from an incoherent homogeneity to a coherent heterogeneity*".

P. 281–308; см. также: Dobzhansky *et al.*, 1977; Futuyma, 1986. P. 286}], [2] *дегенерации*, и [3] *идиоадаптации* (≈ *cladogenesis* [Rensch, 1959. P. 97f.; см. также: Dobzhansky *et al.*, 1977; Futuyma, 1986. P. 286]. Таким, образом “классеновское” понимание социокультурной эволюции оказывается лучше, чем "спенсеровское" соответствующим современному пониманию эволюции в биологии.

Надо, тем не менее, подчеркнуть, что процесс, описанный Спенсером, хотя я и избегаю отождествлять его с эволюцией, является важнейшей (хотя и не единственной) разновидностью эволюционных процессов. Процесс этот, конечно же, заслуживает особого внимания. Вместе с тем, на мой взгляд, никакой особой проблемы с обозначением “спенсеровского” типа эволюционных процессов нет. Действительно, термин для обозначения подобного рода процессов давно уже существует; более того, он широко используется для обозначения именно этого типа процессов. Термин этот – просто *развитие.* Примечательно, что и в биологии этот термин обозначает как раз *движение от несвязной однородности к связной разнородности.* Конечно, в биологии развитие и эволюция рассматриваются в качестве совершенно разных процессов. Биологическое развитие не в коей степени не является частным случаем эволюции. Однако в общественной жизни найти полный аналог биологической дихотомии эволюции и развития оказывается невозможным, и ниже “спенсеровская” эволюция обозначается именно как "развитие".[3]

Представляется необходимым оговорить и мое понимание термина "прогресс".

Как известно, в западной социологии и социальной антропологии понятие это исчезло практически полностью из

---

[3] Впрочем, какой-то (хотя в любом случае и неполный) аналог этой дихотомии, вероятно, можно все-таки найти и в общественной жизни. Действительно, развитие обществ на определенных временных отрезках можно, видимо, рассматривать как в высокой степени запрограммированное существующими в них системами культурных кодов, ценностей и структурами власти. В этом случае, под эволюционными сдвигами нужно было бы понимать именно изменения “программирующих” систем и структур, оказывающие свое воздействие на ход и направление развития соответствующих обществ. Подобный подход к теории социокультурной эволюции кажется вполне возможным и перспективным. Вместе с тем, в данной монографии для достижения ее концептуального единства я решил последовательно придерживаться именно “классеновского” понимания эволюции.

академических текстов,[4] но оно, похоже, продолжает достаточно активно употребляться в нашей науке [Назаретян, 1991; 1995; Журов, 1994. P. 94–105 и т.д.]. На мой взгляд, это можно только приветствовать, ибо через это понятие в нашу науку (пускай и в скрытом виде) продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово *прогресс.* Да и, скажем, я, употребляя соответствующие слова в академическом тексте, испытываю ощутимый дискомфорт. Понятия эти – *добро* и *зло.*[5] И на мой взгляд, социальная наука, полностью отказавшаяся от изучения связанной с ними проблематики в значительной степени теряет свой смысл, становится “стерильной”.

В свое время я достаточно долго интересовался проблемой объективных критериев социального прогресса, а относительно недавно я проблему эту, по крайней мере для себя самого, как мне кажется, решил. На мой взгляд, ответ этот заключается в том, что подобных критериев просто не существует.

Действительно, понятие “прогресс” в том виде, как оно чаще всего употребляется, обозначает не просто рост какого-либо этически

---

[4] Хотя в последнее время оно, как кажется, начинает снова туда возвращаться (см., например: Sanderson, 1995. P. 336).

[5] Как кажется, именно эта связь понятия "прогресс" с достаточно субъективными, никогда не объективируемыми полностью категориями добра и зла, и привела к отторжению этого понятия стремившейся к полной объективности, "научности" западной социологией. Я все-таки склонен рассматривать это как акт интеллектуальной трусости. Конечно, исследователю крайне сложно работать с такими в высокой степени оценочными понятиями, имеющими мощнейшую этическую окраску; открытая работа с этими понятиями к тому же, на мой взгляд, возлагает на исследователя большую моральную ответственность. Тем не менее ни к чему хорошему подобная интеллектуальная (и моральная) трусость не ведет. Социальная наука либо становится "стерильной", либо эти во многом субъективные категории незаметно протаскиваются в "объективные" научные исследования в скрытом виде. В результате происходит самое худшее (и при этом именно то, для чего западная наука и предпринимала свое "бегство от прогресса"): по сути своей оценочные суждения, делать которые ученый компетентен ничуть не более, чем любой обладающий моральной интуицией "простой смертный", преподносятся под видом объективных умозаключений, имеющих несравненно большую ценность, чем мнения последних.

нейтрального показателя (например, сложности, дифференцированности, интегрированности) – для этого уже имеется достаточное количество этически нейтральных терминов: “эволюция”, “развитие”, “рост”. Главное отличие от них понятия “прогресс” заключается именно в том, что обычно им обозначается не просто развитие, а именно развитие от плохого к хорошему, т.е. в конечном счете уменьшение зла и рост добра, и именно из-за этого данное понятие представляется мне столь полезным. Действительно, на самом-то деле любой социальный сдвиг (в особенности, если речь идет о социальных сдвигах в том обществе, в котором мы живем)[6] интересен нам не столько своими объективными характеристиками, сколько тем, становится ли нам в его результате хуже или лучше. В конечном счете, самый “объективный” социолог или социальный антрополог, если он дает публичные рекомендации,[7] рекомендует что-либо именно для того, чтобы кому-то от этого стало лучше (не будет же кто-либо рекомендовать какие-либо шаги, от которых ни хуже, ни лучше не станет). Таким образом в любые, самые наукообразные “объективные” публичные рекомендации оказываются необходимо встроены авторские субъективные представления о добре и зле (или говоря мягче, о том, “что такое хорошо, и что такое плохо”). И лучше чтобы эти субъективные представления ясно оговаривались, а не прикрывались маской “научной объективности”.

Итак, я склонен понимать социальный прогресс именно как рост добра/уменьшение зла (или, другими словами, как социокультурную эволюцию от плохого к хорошему). В то же самое время я склонен рассматривать понятия “добро” и “зло” в качестве неопределимых. На мой взгляд, любые попытки свести эти категории к каким-либо достаточно определенным и объективным понятиям (таким как, скажем, “приятность/неприятность”, “эффективность/неэффективность”, “полезность/вредность”) ведут к тому, что эти категории утрачивают свое основное содержание, свою “соль”. Между тем, я настаиваю на том, что с этими категориями можно (и нужно) работать, несмотря на их принципиальную неопределимость. Работает же современная наука с такими неопределимыми понятиями, как

---

[6] А если в нас есть хоть капля сочувствия к людям, живущим в иных обществах, если нам не совсем безразличны их страдания, то все сказанное будет верно и для социальных процессов, идущих там.

[7] А обществу невозможно отказать в праве ждать от антрополога подобных рекомендаций.

“вероятность” или “множество”, более того современная наука без этих понятий просто невозможна.[8]

Могут возразить, что работать с этими понятиями все-таки нельзя, ибо в разных культурах (да и просто у разных людей) существует разное понимание добра и зла. На мой взгляд, это не совсем так. Я бы скорее сказал, что в разных культурах нередко считают “добрыми” и “злыми” разные явления, а одно явление может считаться “злом” одними, и “добром” – другими. Но когда представитель иной культуры говорит мне, что нечто является добром, я вполне понимаю смысл его высказывания, даже если я считаю это злом.

---

[8] В подобном контексте в качестве единственной направленной движущей силы социального прогресса будет выступать стремление людей [страшно сказать!] к добру. Конечно, с изменением представлений исследователя о том, что нужно считать добром, а что – злом, то, что казалось ему движущей силой прогресса, может уже начать ему представляться фактором "антипрогресса" (или, скажем, фактором, этически нейтральным). Однако, если его ценности и представления о должном разделяются (и разделялись) хоть сколько-нибудь заметным числом людей, он всегда обнаружит присутствие этой движущей силы (хотя при этом будут несколько меняться ее носители). Не нужно, конечно, недооценивать и значимости в представлениях о должном общих элементов, разделяемых большинством людей. В условиях эффективной демократической администрации оказывается возможной по крайней мере такая ситуация, когда наблюдается социокультурная эволюция по направлению к "лучшему" с точки зрения большинства граждан. Действительно, развитая демократия и представляет собой во многом именно не слишком оперативную, но вполне эффективную систему обратной связи, периодически корректирующую направление эволюции общества в соответствии с желаниями большинства его активных членов. Субъективные ощущения большинства становятся значимым фактором социокультурной эволюции данного общества (большинству кажется, что стало хуже, чем было четыре года назад, и даже если по "объективным" статистическим данным стало лучше, происходит смена правящей партии – и наоборот). И явную тенденцию к заметному превышению удельного веса прогрессивных составляющих над антипрогрессивными, наметившуюся за последние десятилетия в социокультурной эволюции некоторых наиболее развитых сообществ мира, следует, на мой взгляд, связать именно с этим обстоятельством.

Проблема введения в объективное научное исследование таких субъективных категорий как “добро” и “зло” (да, кстати, и “прогресс”) не является столь уж неразрешимой, как это может показаться. Нужно лишь четко оговаривать субъективность критериев социального прогресса на стадии их введения, после чего с ними можно работать по любой приемлемой научной методике, стремясь вместе с тем свести “зону субъективного” к минимуму. Если же, скажем, такое исследование предполагает какие-либо практические рекомендации (а значит, наряду с авторскими представлениями о добре и зле, не меньшее значение начинают приобретать и подобные представления у тех, для блага которых эти рекомендации предлагаются), то проблема критериев в таких случаях может вполне решаться через поиск консенсуса субъективных представлений о добре и зле (что на самом, деле не всегда столь уж сложно) – многие известные демократические процедуры и представляются во многом именно достаточно удачными конкретными путями поиска подобного консенсуса. Но в любом случае, на стадии оценки результатов подобной рекомендации значение имеют лишь субъективные представления об этих категориях “объектов рекомендаций” – если даже по “объективным показателям” выходит, что стало лучше, а по субъективному ощущению, например, жителей города, где рекомендации были применены и для блага которых они предлагались, выходит, что стало хуже, значит стало хуже.

Конструирование каких-либо “объективных критериев прогресса” является, на мой взгляд, не просто этически ошибочным,[9] но потенциально опасным. Скажем, Назаретян в двух своих недавних, и в целом крайне интересных, монографиях [1991; 1995] рассматривает прогресс как рост устойчивого неравновесия; и хотя он

---

[9] В одной из моих недавних работ [Коротаев, 1995б] я, впрочем, затратил не одну страницу, отстаивая право исследователя на свое собственное определение научного термина, и доказывая то, что определение научного термина вообще не может быть ложным. Противоречия с моими теперешними словами, на мой взгляд, здесь нет. Все дело просто в том, что "прогресс" – это не только строго научный термин, но и слово естественного языка, широко применяемое в политическом дискурсе. То или иное определение прогресса, задающее ему некоторые объективные критерии, конечно, не может рассматриваться в качестве ложного (но, впрочем, и истинного) с чисто научной точки зрения. Однако учитывая реальные этические коннотации этого слова, подобные определения не могут считаться верными по вненаучным (но от этого не менее важным) морально-этическим причинам.

постоянно оговаривает отсутствие у "прогресса" в его понимании какой-либо этической окраски (прогресс ни хорош, ни плох), это мало помогает. Дело в том, что сколько бы таких оговорок не делалось, "положительные" коннотации у этого понятия все равно сохранятся. Если и не в сознании, то в подсознании у большинства все равно сохранится ощущение, что прогресс – это то, к чему нужно стремиться. А вот нужно ли стремиться любой ценой к увеличению устойчивого неравновесия уже не самоочевидно. Говоря предельно грубо, задание прогрессу каких-либо "объективных критериев" несет в себе зерна тоталитаризма, ибо потенциально может привести к появлению некой "элиты", "объективно" знающей лучше остальных людей, что этим последним на самом деле нужно.

Сказанное относится в полной мере, скажем, к марксизму со столь характерным для него представлением о существовании неких "объективных классовых интересов", с неминуемо вытекающим отсюда убеждением о возможности (и необходимости) существования некоей вооруженной истинным научным знанием элиты, знающей, скажем, действительные интересы рабочих лучше их самих, а значит, и имеющей право принуждать их (в случае необходимости даже насильственно) к совершению (или несовершению) тех или иных действий "в интересах пролетариата", даже если сами ("несознательные") рабочие имеют несколько иные ("оппортунистические", "неполноценные", "извращенные") представления о своих собственных интересах (см. об этом, например: [Rigby, 1987]).

Возможность "консенсуального" использования критериев прогресса была недавно убедительно продемонстрирована Сандерсоном [Sanderson, 1995. P. 336–357]. В самом деле, предложенный им список критериев прогресса имеет шансы быть принятым большинством из ныне живущих людей: качество жизни (включая сюда среднюю продолжительность жизни и показатели здоровья населения), характер труда и продолжительность рабочего дня, уровень социального и экономического равенства, демократии и свободы. Примечательно то, что направление рассуждений Сандерсона в основе своей (хотя и не на 100 %) сходно с моим – он обращается к субъективным стремлениям людей, а не к объективным "научным истинам" [Sanderson, 1995. P. 336–337].[10]

Одним из результатов господства в нашей историко-социологической науке однолинейных схем социокультурной эволюции оказалось отсутствие в нашем научном лексиконе необходимых терминов для обозначения некоторых вполне реальных составляющих процесса общественного развития. Общества мыслились подни-

---

[10] Близкое понимание "прогресса" см.: [Штомпка, 1996. С. 59–66].

мающимися по некой лестнице социокультурной эволюции. Общества, конечно, могут и пятиться назад (реакция, регресс), и долго топтаться на одной ступеньке (стагнация, застой), и перепрыгивать через ступеньки (через рабовладение, например, или капитализм). Но главное заключалось в том, чтобы двигаться вперед. Вперед, к новому, небывалому – это хорошо; назад, к старому, уже бывшему – плохо. Таким образом, всякое движение вперед, от старого к новому отождествлялось с благоприятными (непосредственно или в конечном счете) для большинства людей социальными сдвигами и называлось "прогрессом". Прогресс ведь изначально означает лишь "движение вперед", но в вульгарно-эволюционистской социологии слово это приобрело и достаточно определенный смысл "движение от плохого к хорошему", в результате эти два отнюдь не тождественных смысла слились воедино в семантическом поле базового термина вульгарно-эволюционистской исторической социологии.

В то же время очевидно, что все возможные виды социальных изменений невозможно свести лишь к понимаемым таким образом прогрессу, регрессу и одноуровневым сдвигам. В истории нередки и такие движения вперед, от старого к новому, которые характеризуются заметным ухудшением ситуации по любым применяемым ныне критериям социального прогресса (экономическим, политологическим, культурологическим, экологическим, общегуманистическим и т.п.).

Классическим примером этого может служить становление в XX в. тоталитарных режимов. Так, кажется, никто (кроме, естественно, нацистов) не назовет прогрессивным социальным сдвигом утверждение нацизма в Германии. Но ведь это не был шаг назад, к чему-то тому, что уже было. Тоталитаризм был, несомненно, изобретением именно XX века. Лишь некоторые доиндустриальные общества (прежде всего империя Цинь) демонстрировали некоторое приближение к этой модели; но свое "полноценное" воплощение она получила лишь в XX в. Тоталитарные режимы XX в. по целому ряд показателей, несомненно, явно ушли далеко вперед по сравнению с любым "протототалитарными" или "тотальными" системами доиндустриальной эпохи. Их становление явно не было повторением старого. Ни одно общество, например, до того не знало столь развитых и отлаженных репрессивных аппаратов и т. п. Так что движение вперед (без кавычек) к чему-то новому, еще не бывавшему, здесь налицо. Итак, перед нами ни прогресс, ни регресс, и ни одноуровневое движение; но что?

Или рассмотрим, например, усиливающееся на протяжении XX в. загрязнение окружающей среды. И снова очевидно, что мы имеем здесь дел ни с прогрессом, ни с регрессом, движением вспять, к чему-то такому, что уж было. Или вспомним наблюдающийся в процессе развития цивилизаци рост числа самоубийств (а ведь это важнейший

социологический и социоантропологический показатель) на который обратил внимание и подверг тщательному изучению еще Э. Дюркгейм [1912. С. 217]. И снова те же самые вопросы. Перед нами ни прогресс, ни движение вспять к первобытному состоянию (которое как раз такого уровня самоубийств, как правило, не знало). Можно вспомнить здесь и наблюдавшееся в процессе индустриализации нарастающее отчуждение труда, обеднение народного творчества и многие другие подобного рода социальные сдвиги, которые нельзя назвать ни прогрессом, ни регрессом, ни одноуровневыми изменениями.

При этом достаточно очевидно, что подобные сдвиги в истории отнюдь не редкость. Подобного рода изменения (движение вперед, от старого к новому, характеризующееся ухудшением ситуации по каким-либо значимым критериям социального прогресса) можно было бы назвать "антипрогрессом". Именно так они и будут обозначаться в этой книге.

Глава I

ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

"...Тысячи государств за государствами возникали..., да и не меньшее количество их погибало... К тому же они нередко повсюду проходили через всякие формы государственного устройства. И они становились, то бóльшими из меньших, то меньшими из бóльших, то худшими из лучших, то лучшими из худших... Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может тогда мы скорее получим указание относительно возникновения и развития государственного устройства..."

Платон ("Законы"), IV в.до н.э.

"Сказал Хунафир: 'Во времена Невежества являвшийся мне дух почти не расставался со мной, а когда распространился ислам, я потерял его надолго, и это меня удручало. Однажды ночью, когда я спал в том вади, он низринулся будто орел и сказал: <<Хунафир>>. Я сказал: <<Говори, я буду слушать>>. И он сказал: <<Запомни, тогда преуспеешь. У всякого периода есть предел, и все то, чему отведен свой срок, достигает конца>>. Я сказал: <<Так>>. И он сказал: <<Каждое государство существует до определенного предела, затем предназначено ему пережить перемены...>>' "

Абу `Али Исмаил б. ал-Касим ал-Кали ("Китаб ал-амали"), X в.н.э.[11]

Как видно уже из эпиграфа к этой главе, вопрос о движущих силах (причинах) социокультурной эволюции прямо ставился еще Платоном.[12] И не только ставился: еще Платоном были предложены здесь достаточно интересные соображения (например, о роли демографического фактора, конфликта интересов и т.д. – см., например: [Платон, 1924. С. 81–100 (C676B–691A)].[13]

---

[11] Эпиграфы взяты из: [Платон, 1924. С. 81–82 (C676B–C)]; и: [al-Qali, 1234H. P. 133]; цит. по: [Французов, 1994. С. 318].

[12] И я никогда бы не решился утверждать, что проблема эта никем не рассматривалась до него.

[13] В настоящее время актуальность звучания наследия таких античных мыслителей как Платон и особенно Аристотель в этой области в свете последних достижений социобиологии подчеркивается

Вопрос этот продолжал привлекать внимание исследователей и в последующие века.[14] Мне, однако, до сих пор не известно ни одно исследование, где была бы предпринята сколько-нибудь систематическая попытка рассмотреть всю совокупность движущих сил социокультурной эволюции (а не ограничиться анализом лишь 1–2 из них). Данная глава и представляет собой попытку попробовать хоть в какой-то степени восполнить этот пробел.

Несколько предварительных замечаний. Я склонен полагать, что движущие силы социокультурной эволюции тождественны движущим силам социокультурных изменений. Конечно, не всякое социальное изменение можно отождествлять с социокультурной эволюцией, под которой я склонен понимать лишь качественную трансформацию социального организма, приводящую к значимому изменению хотя бы его некоторых существенных характеристик. Но социокультурная эволюция в любом из ее вариантов является социальным изменением. Социокультурную эволюцию можно рассматривать как частный случай социального изменения, и я не вижу оснований полагать, что они имеют разные источники. Лишь поскольку объектом моего особого интереса является социокультурная эволюция, постольку движущие силы социальных изменений представляют для меня интерес именно из-за их тождественности с источниками социокультурной эволюции, и именно поэтому я формулирую данную проблему как проблему движущих сил социокультурной эволюции.

Оговорюсь также, что в этой главе речь пойдет только о "первичных", наиболее фундаментальных движущих силах социокультурной эволюции, не сводимых (по крайней мере на социологическом уровне) к иным более глубоким факторам. Поэтому, в моем списке подобных фундаментальных факторов читатель не найдет, скажем, таких популярных у многих исследователей

многими исследователями: [Fox, 1989; Masters, 1990. P. 195–210; Wilson, 1993. P. 1–11; Arnhart, 1990. P. 479–559; 1994. P. 464–485; и т.д.]

[14] Обзор релевантной литературы см., например, в монографии М.Харриса под несколько вводящим в заблуждение названием *The Rise of Anthropological Theory* [Harris, 1968]. Нужно учитывать, что ее автор – один из виднейших американских неоэволюционистов, и основное внимание в своей истории "антропологической теории" он уделил именно эволюционным теориям с древнейших времен и вплоть до середины 60-х гг. XX в. См.также: [Sanderson, 1990], где рассматриваются важнейшие эволюционные теории последних 150 лет, а основное внимание уделено развитию социального эволюционизма в 50х-80х гг. этого века.

движущих сил как технологический рост[15], война,[16] идеология[17] или массовые социальные движения и революции[18] и именно потому, что я эти факторы не рассматриваю в качестве "первичных", действительно фундаментальных, ибо они, на мой взгляд, являются порождением иных, более глубоких движущих сил.[19]

Итак, я склонен говорить о следующих "первичных" источниках социокультурной эволюции.

Начну с наиболее очевидных:

§ 1

"Демографический фактор"

Возможность расширенного воспроизводства оказавшейся в благоприятных условиях популяции является естественно возникшим универсальным свойством живого.[20] Поскольку в каждый заметный промежуток времени определенное число человеческих популяций (сообществ) практически неизбежно оказывается в подобных условиях (хотя бы на протяжение части этого временного промежутка), данный фактор действует на Земле со времени появления человека практически постоянно.

---

[15] [Ogburn, 1922; Ogburn, Nimkoff, 1950. P. 563–584; Hunt, Collander, 1993. P. 119–120; Kammeyer *et al.*, 1994. P. 628–630; Marshall, 1994. P. 49; Смелзер, 1994. С. 613; Harper, 1998. P. 66–68; Vago, 1999. P. 10–15 и т.д.]; о реальной роли этого фактора в классической марксистской теории см.: [Rigby, 1987].

[16] [Claessen & Skalnik, 1978. P. 625ff.; 1981. P. 475; Claessen, van de Velde, 1985b. P. 253; Claessen, 1989. P. 235 /достаточно осторожная позиция/; Lewis, 1981; Cohen, 1985; Carneiro, 1970 и т.д.]

[17] [Смелзер, 1994. С. 613–614; Hunt & Collander, 1993. P. 121; Kammeyer *et al.,* 1994. P. 632; Harper, 1998. P. 66–70; Vago, 1999. P. 15–18 и т.д.].

[18] [Смелзер, 1994. С. 614; Hunt & Colander, 1993. P. 121–122].

[19] Исключение ниже, впрочем, будет сделано для таких в значительной степени вторичных факторов как изменение внешней социальной среды социума и диффузия.

[20] Случайно появившиеся популяции нечеловеческих живых организмов, лишенные этого свойства, обречены на вымирание, а значит, от них на данном уровне анализа вполне можно абстрагироваться.

Отдельные не лишенные интереса соображения по этому поводу высказывались за много веков до нашего времени,[21] а начиная, как минимум, с прошлого века, демографический фактор в качестве важнейшей движущей силы социокультурной эволюции рассматривается подавляющим большинством исследователей [Мальтус, /1798/ 1993a = b; Comte, 1896, III. P. 305–308; Спенсер, 1866. С. 51; 1898. Т. I. С. 6; Дюркгейм, 1900. С. 205–210 [= 1991. С. 239–241]; Сорокин, 1994. С. 96–104; Смелзер, 1994. С. 612; Fried, 1967; Stevenson, 1968; Harner, 1970; Boserup, 1972; Harris, 1978; Service, 1975. P. 42–43; Claessen, van de Velde, 1985b. P. 248–249; Chase-Dunn, Hall, 1994. P. 266; Chirot, 1994. P. 8; Lenski, Nolan, Lenski, 1995. P. 52–75; Claessen, 2000. P. 89–94 и т.д.]. Единственное заметное исключение здесь составляет, пожалуй, марксизм, где (по крайней мере в его классической и догматической версиях) демографический фактор не включается в число основных движущих сил общественного развития.[22]

Несмотря на основательную изученность этого фактора, я все-таки сделаю к сказанному несколько комментариев.

На протяжении большей части эпохи существования вида *Homo Sapiens* действие данного фактора было в значительной степени блокировано. В самом деле, например, у охотников-собирателей вызванное относительно длительным стабильным демографическим ростом увеличение плотности населения, конечно, должно практически неминуемо приводить к хотя бы незначительным изменениям социальных структур (и т.п.), определенной социальной микроэволюции, стимулируя начало некоего заметного социального сдвига.[23] Однако по мере приближения данного сообщества к пределу

---

[21] См., например: [Платон, 1924. С. 81–100 /676B–691A/; Хазанов, 1979. С. 141] или [Мальтус, 1993a. С. 4 = 1993b. С. 6], где Т. Мальтус упоминает своих предшественников – Монтескье, Франклина, Стюарта, Артура Юнга и Таунсенда.

[22] В советском марксизме в общих теоретических работах демографический фактор не включался в число основных движущих сил даже в 80-е гг. См., например: [Келле, Ковальзон, 1981. С. 142–149; Семенов, 1987. С. 52–81 и т.д.] Отдельные высказывания о значимости этого фактора можно, впрочем, найти у Энгельса [Маркс, Энгельс, т.20. С. 184], что, на мой взгляд, совсем не меняет общей картины.

[23] Что можно предполагать вполне уверенно, учитывая хотя бы сильную корреляцию между плотностью населения и уровнями социальной стратификации и политической централизации – см., например: [Коротаев, 1989. С. 44–59; 1991a. С. 136–191].

несущей способности земли (при данном ХКТ), начинает все сильнее действовать хорошо известный универсальный механизм "экологического маятника": сокращается численность жизнеобеспечивающих животных и растений, растет численность паразитов и т.п., улучшаются условия для распространения заболеваний. В результате, при неизменной (или несущественно изменившейся) хозяйственной базе маятник "механизма" рано или поздно качнется в другую сторону, и чем позднее, тем более вероятно, что "возвратный ход" маятника будет иметь "катастрофический" характер (сравнительно быстрое мучительное вымирание высокого процента данной популяции). Вместе с тем уже действие данного механизма заставляет предположить, что социальное движение доземледельческих сообществ было бы корректнее описывать не как стагнацию, медленный рост или медленную дегенерацию, а как такое колебательное движение, при котором "ось" маятника либо остается неподвижной, либо медленно смещается вверх или вниз. Учитывая достаточно жесткую положительную корреляцию между плотностью населения и показателями социальной стратификации, политической централизации[24] и, в целом, общей дифференцированности социальных организмов, поступательный ход экологического маятника должен был сопровождаться некоторым ростом социальной стратифицированности и политической централизованности; однако при обратном ходе маятника в нормальном случае должны наблюдаться и обратные процессы (дестратификации и децентрализации), в результате чего сообщество возвращается к своему исходному состоянию. Если "ось маятника" при этом остается более или менее неподвижной, то сообщество будет, как правило, проходить серию некритических флуктуаций.

Примечательно, что примеры подобной социальной микроэволюции (трансформация относительно эгалитарных групп в менее эгалитарные, более иерархичные [в том числе и под влиянием возросшей плотности "населения"]) отмечаются уже у приматов – см., например: [Бутовская, 1989. С. 55–111; Бутовская, Файнберг, 1993]. Ничего подобного, конечно, может и не произойти, если в доступных окрестностях данной популяции имеется заметное количество свободных земель (что вполне возможно, скажем, в ранние периоды существования человечества). В этом случае плотность населения может поддерживаться на стабильно низком уровне за счет миграций на свободные земли. Миграции, конечно, могут сами быть (вторичным) фактором социальных сдвигов (нередко, впрочем, совершенно незначительных).

[24] См. предыдущее примечание.

Но "ось маятника" при этом может смещаться как вниз (в случае, скажем, некомпенсируемой антропогенной деградации природной среды), так и вверх (в случае, скажем, появления инноваций, повышающих "несущую способность" земли). В первом случае можно, естественно, ожидать что и показатели общей дифференцированности соответствующих социумов будут иметь тенденцию в конце очередного экологического цикла выходить к точке, несколько более низкой, чем в его начале – и наоборот.

Ситуация кардинально изменилась в ходе неолитической эволюции, когда переход к производящему хозяйству радикально, на 2–3 порядка, повысил несущую способность земли, обеспечив, таким образом, возможность колоссального потенциального роста плотности населения. По всей видимости, в течение нескольких тысячелетий неолитической революции и периода, непосредственно за ней следующего, именно демографический фактор выступал в качестве основной движущей силы социального развития (а не только лишь социокультурной эволюции в целом).

Есть, конечно, соблазн рассматривать этот фактор как вторичный, производный от действия таких факторов как технологический рост или экологические изменения. Однако более продуктивным мне представляется рассмотрение данного фактора именно в качестве самостоятельной фундаментальной движущей силы социокультурной эволюции, действие которой может блокироваться или усиливаться другими факторами.

§ 2

Спонтанные изменения естественной среды

Другим хорошо известным и неплохо изученным фактором социокультурной эволюции является спонтанное изменение естественной среды данных социумов. Достаточно сильные изменения климата, уровня моря, тектонической активности и т.п. практически неизбежно ведут к ощутимым изменениям некоторых существенных социологических характеристик сообществ, затронутых этими изменениями.

Например, хорошо известна важнейшая роль, которую в эволюции человечества сыграли глобальные климатические изменения конца плейстоцена – начала голоцена, выступившие в качестве едва ли не важнейшей движущей силы такого колоссального эволюционного сдвига, каким явился переход в этот период части человечества от присваивающего к производящему хозяйству. Действительно, верхнепалеолитические сообщества были в высокой

степени стабильными и к тому же в большинстве случаев обеспечивали своим членам достаточно высокий уровень жизни, качественное разнообразное питание, среднюю продолжительность жизни, ощутимо бóльшую, чем у подавляющего большинства земледельцев и т.п. [Массон, 1975. С. 29; Файнберг, 1974. С. 76–77;, 1986. С. 144, 191–192; Хазанов, 1979. С. 128; Lee & De Vore, 1968. С. 5; Sahlins, 1976; Cohen, 1977. P. 39; 1987, 1989, 1995, 1998; Cohen & Armelagos, 1984; Ember & Ember, 1999. P. 152–153 и т.д.]. Хотя, как уже говорилось выше, эволюционную динамику этих сообществ было бы неправильно описывать как простую стагнацию (какие-то изменения в них постоянно происходили), однако действия всех остальных движущих сил социокультурной эволюции, судя по всему, оказывалось недостаточно для того, чтобы заставить сообщества охотников-собирателей перешагнуть барьер производящего хозяйства. Здесь нужно иметь в виду, что основные показатели уровня жизни были у верхнепалеолитических охотников и собирателей заметно более высокими, чем у ранних земледельцев, характеризующихся, как правило, ощутимо более низкими показателями средней продолжительности жизни, ухудшенной, более однообразной диетой (с заметно превышающей оптимальные показатели долей углеводов, недостатком белков и витаминов и т.п.), худшей санитарной обстановкой, более частой заболеваемостью и т.д. [Козинцев, 1980; Кабо, 1980; 1986; Федосова, 1994; Cohen, 1977; 1987; 1989; 1995; 1998; *Cohen & Armelagos, 1984*; Ember & Ember, 1999. P. 152–153 и т.д.]. Поэтому переход от присваивающего хозяйства к производящему в сколько-нибудь нормальных условиях был бы полной аномалией и, скажем, даже знакомые с земледелием охотники-собиратели к нему в нормальных условиях не переходят. Трудно поэтому ждать, что люди без всякого мощного стимула затратили бы колоссальные усилия, связанные с переходом к производящему хозяйству, могущему обеспечить им в обозримом будущем уровень жизни, заметно более низкий, чем при хозяйстве присваивающем.

Судя по всему, такой мощный стимул был создан именно глобальными климатическими изменениями конца плейстоцена – начала голоцена, приведшими к катастрофическому вымиранию крупных млекопитающих, охота на которых обеспечивала большинство верхнепалеолитического населения основными пищевыми ресурсами. По-видимому, это было одним из наиболее трагических событий в истории человечества, приведшим к мучительному вымиранию заметной части населения мира.[25]

[25] См., например: [Шнирельман, 1980. С. 44–46; Файнберг, 1986. С. 132–133, 192 и т.д.]

Оказавшиеся перед необходимостью найти альтернативные источники пищевых ресурсов человеческие сообщества в разных частях ойкумены, в разных экологических зонах пошли по самым разным путям адаптации к изменившейся ситуации. В этот период (т.е. в мезолите), например, совершенствуются методы и техника охоты на мелких животных, изобретаются разнообразные силки и ловушки, лук и стрелы и т.п., в ряде областей развивается охота на крупных морских млекопитающих, соответственно совершенствуются лодки, гарпуны, техника кооперации... Одним из путей адаптации к глобальному социально-экологическому кризису раннего голоцена в некоторых регионах оказалась интенсификация собирательства; в тех областях, где это было, скажем, прежде всего собирательство злаков (как, например, в Сиро-Палестинском регионе) развитие специализированных форм подобного хозяйства предполагало и создание и совершенствование таких орудий как серпы, зернотерки и т.д., закладывая таким образом предпосылки к переходу к земледелию. В результате, после нескольких десятков тысяч лет безраздельного господства присваивающего хозяйства сразу в нескольких областях ойкумены (приблизительно совпадающих с вавиловскими очагами доместикации) наблюдается переход к производящему хозяйству, приведшему к колоссальному росту производительности земли, увеличению во многих регионах на порядки плотности населения, связанному с этим гигантскому росту сложности его организации, функциональной дифференциации, стратификации, политической централизации и т.д. Таким образом, спонтанное изменение природных условий оказалось одной из важнейших причин колоссального социально-эволюционного сдвига.

Выше был описан хотя и самый впечатляющий, но, конечно, отнюдь не единственный случай воздействия данного фактора на эволюцию человечества. Недавно, скажем, Д. Б. Прусаковым была выдвинута достаточно правдоподобная гипотеза, согласно которой важную роль в становлении древнеегипетского государства сыграло повышение в IV тыс. до н.э. эвстатического уровня моря [Прусаков, 1994. С. 21–33; 1999. С. 71–85]. Хорошо известна выдвинутая уже достаточно давно А. Л. Чижевским вполне правдоподобная и неплохо аргументированная гипотеза о воздействии на социокультурную эволюцию изменений солнечной активности [Чижевский, 1992 /1924/ и т.д.]. П. А. Грязневичем была указана та важная роль, которую в эволюции южноаравийских обществ сыграли измения в тектонической активности ареала ([Грязневич, 1994. С. 34]; см.также, скажем: [Stookey, 1978. P. 22] и приложение 2 к данной монографии). Хорошо изучено воздействие на социокультурную эволюцию аравийских обществ естественных процессов "усыхания Аравии" [Fedele, 1988.

P. 36; Robin, 1991a. P. 63; 1991b. P. 88; Marcolongo & Palmieri, 1992. P. 121, 123 и т.д.]. За последние годы множество такого рода фактов было собрано и проанализировано Э. С. Кульпиным, активно занимающимся разработкой концепции социоестественной истории [Кульпин, 1990; 1992; 1995; Кульпин, Пантин, 1993 и т.д.]. Данный фактор признается и изучается и очень многими западными исследователями [Steward, 1955; Giner, 1972. P. 265; Cohen, 1977; Harris, 1977; 1979; Sanderson, 1990; Hunt & Colander, 1993. P. 122; Chirot, 1994. P. 8; Штомпка, 1996. С. 41 и т.д.]; см. также: [Сорокин, 1994. С. 75–88].[26]

В целом, по-видимому, нет никаких особых сомнений, что здесь мы можем говорить о достаточно определенной, важной и вполне автономной движущей силе социокультурной эволюции.

Справедливости ради, надо отметить, что целый ряд исследователей достаточно последовательно исключает данный фактор (или, точнее говоря, группу факторов) из числа движущих сил социокультурной эволюции. В западной немарксистской социологии это характерно прежде всего для дюркгеймианской традиции со столь присущей ей непоколебимой (и не имеющей, на мой взгляд, никаких разумных оснований) уверенностью (а точнее говоря, просто верой) в том (то), что социальное можно, почему-то, объяснить только через социальное.[27] Однако, то же самое можно сказать и о многих "ортодоксальных" марксистах.[28]

---

[26] Рассмотрение роли данного фактора в становлении Ислама см. в Приложениях 2–6.

[27] См. прежде всего: [Durkheim, 1958]. Подобный подход одно время приобрел на Западе такую популярность, что издатели одной из наиболее популярных хрестоматий текстов по социокультурной эволюции даже в 1964 г. решились сделать следующее утверждение: "*The environmental and biological theories [of social change] have been so completely rejected that they are only of historical interest*" [Etzioni & Etzioni, 1964. P. 6]. Из западных исследователей, не принадлежащих к дюркгеймианской традиции, можно назвать, скажем, Л. Уайта [White, 1949. P. 363–393] или Х. Й. М. Классена, не включившим данный фактор (по крайней мере в сколько-нибудь явном виде) в свою эволюционную Модель Сложного Взаимодействия (*the Complex Interaction Model*) [Claessen, van de Velde, 1985b. P. 246–263; 1987. P. 1–23; Claessen, 1989. P. 235]; см. также теоретические разделы Классена в: [Claessen & Skalnik, 1978; 1981] и т.д.

[28] [Келле, Ковальзон, 1981. С. 142–149; Семенов, 1987. С. 52–81] и т.д. Кстати, уже неоднократно отмечалось, что по многим позициям

§ 3

Изменение внешней социальной среды

В качестве одной из важнейших причин многих существеннейших эволюционных сдвигов в отдельных социумах выступает крайне часто именно изменение внешней социальной среды. Скажем, достаточно мощное усиление давления варварской периферии на цивилизационный центр практически неминуемо приводит к той или иной существенной перестройке социально-политических структур данного центра – возрастают расходы ресурсов на оборону, растет удельный вес специализированных воинов, меняется система налогообложения, структура ремесленного производства (в связи с ростом производства вооружения) и т.д. и т.п. Важная роль данного фактора признается практически всеми исследователями [Тойнби, 1991. С. 106–142; Sanderson, 1990; Fried, 1967; 1975; Carneiro, 1970; Claessen & Skalnik, 1978. P. 625ff.; Claessen, 1989. P. 235 и т.д. и т.п.], и вряд ли кто-либо будет спорить с тем, что понять эволюцию каждого данного социума невозможно не принимая в расчет изменения его внешней социальной среды.[29] Тем не менее, рассматривать данный фактор как самостоятельную фундаментальную движущую силу социокультурной эволюции все-таки можно только с самыми серьезными оговорками. Дело в том, что если все сказанное выглядит абсолютно правильным, пока мы продолжаем изучать отдельный социум, то ситуация радикально меняется как только мы переходим к изучению систем социальных организмов (а создание сколько-нибудь полноценной общей теории социокультурной эволюции без такого перехода кажется невозможным). Как только мы начинаем изучать эволюцию не одного лишь цивилизационного центра, а макросистемы, включающей не только этот центр, но и его варварскую периферию, объяснение изменений в цивилизационном центре усилением давления периферии уже не может нас удовлетворить. То, что выглядело как достаточно полноценное объяснение, оказывается лишь началом такого объяснения, ибо теперь

марксистская и дюркгеймианская традиции сходятся между собой достаточно близко (см., например: [Giddens, 1981; 1984] и т.д.).

[29] Это, впрочем, нередко приписывалось сторонникам социального эволюционизма его противниками [Goldenweiser, 1937. P. 517; Nisbet, 1969. P. 180 и т.д.], впрочем, судя по всему, без каких-либо серьезных оснований (см., например: [Sanderson, 1990. P. 41–45: 210–211]).

становится необходимым выяснить и причины усиления давления периферии, для чего нам уже будет нужно обратиться к каким-то более глубоким факторам. Например, к уже упомянутым выше – усиление давления периферии может, скажем, объясняться демографическим ростом в соответствующих районах, климатическими изменениями и т.п.[30]

* * *

К настоящему моменту мною были разобраны три фактора социокультурной эволюции, хорошо изученные, и признаваемые (хотя и с некоторыми оговорками) подавляющим большинством исследователей. Теперь же я собираюсь ступить на зыбкую почву заметно менее изученных факторов.

§ 4

Немутационное варьирование сочетания генов в генотипах особей популяции

Уже в результате действия этого фактора (даже при полном отсутствии мутаций и притока генного материала извне) конкретное сочетание генов в генотипах особей данного поколения популяции будет неминуемо заметно отличаться от подобного сочетания в предыдущем поколении. В результате этого, например, комбинация психофизиологических инвариант в последующем поколении будет практически неминуемо несколько отлична от предшествующего поколения. Между тем конкретная система отношений в данной группе, как правило, приспособлена именно к текущей конкретной комбинации. И, скажем, увеличение в текущем поколении локальной группы охотников-собирателей числа сангвиников с одного до пяти при соответствующем уменьшении числа флегматиков с шести до двух должно привести и к некоторому (пускай и довольно незначительному) изменению системы отношений в данной локальной

---

[30] Вся сказанное выше относится, естественно, и к такой часто постулируемой движущей силе социокультурной эволюции, тесно связанной с рассмотренным только что фактором (их может быть имело бы даже смысл рассматривать в качестве двух проявлений одной "движущей силы"), как диффузия (идей, социальных институтов, изобретений и т.п. – см., например: [Persell, 1990. P. 494; Sanderson, 1990. P. 41–45, 210–211; Hunt & Colander, 1993. P. 120–121]).

группе. К наиболее же очевидным изменениям в соответствующей локальной группе может привести появление особей с выдающейся поведенческой предрасположенностью к лидерству.

Так, уже для приматов отмечается, что "исследованные группы отличаются даже в пределах одного вида по степени выраженности внутригрупповой иерархии. Жесткость иерархической системы во многом зависит от индивидуальных качеств самца-лидера" [Бутовская, 1989. P. 82; см.также: Бутовская, Файнберг, 1993].

В особенно же явном виде действие этого фактора фиксируется, естественно, для человеческих сообществ. Несколько показательных примеров можно найти здесь, скажем, в данных по австралийским аборигенам.

> Вот, например, история главы "одной из общин племени маунг... Его имя было Мандьюрбур, а прозвище Воин. Он предводительствовал воинами своей общины во всех сражениях, и ни одно из них не было проиграно. При жизни Мандьюрбура люди его общины считались непобедимыми. На земле этой общины проводились главные религиозные обряды маунг и некоторых соседних племен. На этих обрядах по традиции должно было присутствовать очень много людей с побережья и близлежащих островов. Но Мандьюрбур не терпел, чтобы кто бы то ни было из посторонних вступал на территорию общины без его разрешения и требовал, чтобы каждый участник обрядов обращался к нему лично за таким разрешением. Всех, кто без его позволения случайно или сознательно пересек границы общины – будь то старик или женщина, мужчина-воин или мальчик, – он собственноручно убивал... Члены его собственной общины боялись Мандьюрбура и стремились не вызывать его недовольства. Властвовал Мандьюрбур очень долго и умер стариком. Его кости поместили в особую пещеру и хранили как драгоценную реликвию... ***ПОКА МАНДЬЮРБУР БЫЛ ЖИВ, ЕГО ОБЩИНА ПОСТОЯННО ВРАЖДОВАЛА И ВОЕВАЛА СО ВСЕМИ ОКРУЖАЮЩИМИ ОБЩИНАМИ: ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ ПРИ ПОСЛЕДУЮЩИХ ПРЕДВОДИТЕЛЯХ ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ НАЛАДИЛИСЬ И ПРИНЯЛИ МИРНЫЙ ХАРАКТЕР*** (Выделено мною – А.К.)" [Артемова, 1987. С. 119].

Еще более показательна другая "австралийская история", история главы диери пинару-пинару Ялины-пирамураны:

> "Своего выдающегося и знаменитого за пределами племени отца Ялина-пирамурана ... затмил еще в молодости. Его боялись и соплеменники и иноплеменники; однако никто из аборигенов не отзывался о нем дурно, все говорили о нем с почтением и восхищением. Сделавшись пинару-пинару, Ялина-пирамурана добился такого положения, при котором все его решения принимались без возражений. Ни родные братья, ни другие авторитетные мужчины, которые были старше его по возрасту, не отваживались противиться его воле. Он возглавлял советы глав общин диери, под его руководством строились отношения диери с соседними племенами. Влияние Ялины-пирамураны простиралось на сто миль от места расселения диери. Просьбы и предложения его посланников редко встречали отказы даже в столь удаленных группах аборигенов. Отовсюду ему посылали подарки... Он единолично выносил решения о наказании нарушителей религиозных предписаний и других правил поведения, занимался разрешением споров и конфликтов между соплеменниками. В отличие от многих других австралийских лидеров Ялина-пирамурана вмешивался в ссоры мужчин, вызванные соперничеством из-за женщин, при этом, действуя вразрез с традиционными нормами аборигенов, он разлучал мужей и жен или женихов и невест, не испытывавших привязанности друг к другу, и соединял любовников" [Артемова, 1987. С. 120–21].

После смерти выдающихся ранних политических лидеров, при их менее выдающихся, более слабохарактерных приемниках все, как правило, возвращалось на круги своя.

В подобных случаях, конечно, трудно избежать впечатления, что мы имеем дело лишь с одним из дополнительных источников некритических флуктуаций. По-видимому, действительно, одно лишь действие этого фактора ни к каким значимым стабильным эволюционным сдвигам привести не может. Однако столь же очевидно, что действие данного фактора может оказаться вполне значимым совместно с действием иных движущих сил социокультурной эволюции. Так уже, если появление некоего ялины-пирамураны прийдется на восходящую фазу "первобытного" эколого-демографического цикла, действие двух факторов может соединиться, дать резонанс и привести к более заметным результатам, чем это было бы при их изолированном действии. Особо же значимым действие этого фактора могло оказаться в условиях относительно стабильного роста населения, вызванного ощутимым повышением

производительности земли, при достижении плотностью населения в соответствующем ареале пороговых значений.

Итак, достаточно очевидно, что при изучении самых ранних стадий социокультурной эволюции было бы неправильно полностью абстрагироваться от действия этого фактора. Его действие (естественно, наряду с действием иных факторов, прежде всего эколого-демографических) выражалось в том, что первобытное общество не находилось в каждый данный заметный промежуток времени в состоянии полного, абсолютно устойчивого равновесия с полной неизменностью основных социальных характеристик. Его состояние было бы правильнее описать как состояние непрерывной флуктуации около некоего "нормального" состояния. Другими словами, наряду с действием иных вышеупомянутых факторов случайные колебания в раскладке психофизиологических инвариантов и т.п. (например, появление лиц с ярко выраженными задатками лидера в данном поколении и отсутствие подобных лиц в последующем поколении) приводят к заметным (хотя и не слишком сильным) флуктуациям некоторых существенных социокультурных характеристик (данная община становится то менее эгалитарной, то более; то более политически централизованной, то менее; то более воинственной, то менее и т.д.). Таким образом, процесс становления социальной стратификации, например, строго говоря, оказывается, по-видимому, невозможно описать просто как постепенный переход от более эгалитарного состояния ко все менее и менее эгалитарному. Скорее следует предполагать, что этот процесс выражается в том, что в багоприятных условиях маятник флуктуации задерживается около одного из полюсов, а затем не доходит полностью до обратного полюса. В конце концов, оказывается возможным смещение центра флуктуации, т.е. изменяется и сама норма. Кроме того флуктуация, происшедшая при близких к пороговым показателях, скажем, плотности населения может, по-видимому, запустить целую "цепную реакцию" значимого эволюционного сдвига (например, политогенеза).

Конечно же, может показаться, что данный фактор способен играть сколько-нибудь заметную роль исключительно в эволюции сверхмалых первобытных социумов. В сколько-нибудь крупных социальных организмах подобные флуктуации, казалось бы, должны практически полностью скрадываться самим числом включаемых ими особей. Речь, казалось бы, здесь будет всегда идти о крайне удельно незначительных флуктуациях (увеличении, скажем, доли меланхоликов в данном поколении на 0,001%); крупный многомиллионный социум всегда будет производить достаточное число особей с выдающимися поведенческими предиспозициями к лидерству, число которых будет лишь крайне незначительно

колебаться от поколения к поколению и т.п. Кажется, все-таки, что утверждение о том, что данный фактор не должен играть какой-либо заметной роли в эволюции подобных социумов, не является столь уж абсолютно правильным, как это может показаться на первый взгляд. Дело в том, что во многих крупных социумах существуют нередко достаточно малочисленные и замкнутые группы лиц, от изменений в системе отношений между которыми, может зависеть в заметной степени ход эволюции гигантских социальных организмов. Наиболее очевидным примером здесь являются правящие линиджи в некоторых монархических государствах,[31] но сказанное может иметь отношение и, например, к семействам собственников сверхкрупных фирм и т.п.

---

[31] Мне поэтому не кажется совершенно несерьезным, скажем, предположение некоторых египтологов, согласно которому заметную роль в трансформации Древнеегипетского социума в конце эпохи Нового Царства (при Рамессидах) сыграл приход нескольких поколений "слабых царей" на смену нескольким поколениям фараонов с резко выраженными лидерскими качествами [Hayes, 1959. P. 374; Kitchen, 1973. P. 243–244; Брэстед, 1915. С. 189; Прусаков, 1995].

§ 5

Собственно мутации

Если синтетическая теория биологической эволюции хоть сколько-то верна, становление вида *Homo Sapiens Sapiens* не могло произойти без определенных мутаций, в самом строгом смысле этого понятия. Вместе с тем достаточно очевидно, что связанное с этим существенное изменение человеческой биограммы не могло не оказать заметного воздействия и на трансформацию социальных структур носителей данной биограммы. В целом, не вызывает сомнения значимость этого фактора для биосоциокультурной эволюции наших предков на протяжении нескольких миллионов лет, предшествовавших появлению человека современного вида.

Имеются также определенные основания предполагать, что биологическая эволюция человека не остановилась полностью 40 тыс. лет назад (см., например: [Wilson, 1975; Lopreato, 1984]), а следовательно указанный выше фактор должен был играть какую-то роль в биосоциокультурной эволюции и *Homo Sapiens Sapiens*. Вместе с тем, определить эту роль хоть с какой-то точностью в настоящее время представляется практически невозможным. В то же время, строгости ради, эта движущая сила социокультурной эволюции должна быть учтена именно "особой строкой", ибо она заведомо не может быть полностью редуцирована к каким-либо более глубоким социальным факторам. Кроме того сознание существования некоторых факторов, действие которых невозможно, как правило, учесть, на мой взгляд, полезно и тем, что это лишний раз напоминает нам об определенных "границах познания" в этой области, о том, что здесь всегда будет оставаться и определенная зона непознанного, что мы вполне можем сталкиваться с такими социально-эволюционными сдвигами, в числе причин которых возможны и некоторые практически не поддающиеся в настоящее время учету факторы, а следовательно, в обозримом будущем мы их сколько-нибудь полно объяснить не сможем. Вместе с тем, какого-то прогресса в изучении действия этого фактора на процессы социокультурной эволюции *Homo Sapiens Sapiens*, на мой взгляд, добиться в принципе все-таки можно; любые конкретные исследования в данном направлении представляются мне крайне желательными.

§ 6

Квазибиологические социокультурные мутации

За последние двадцать лет целый ряд биологов попытался напрямую применить инструментарий синтетической теории биологической эволюции к изучению эволюции социальной (или, как они сами предпочитают ее обозначать, "культурной эволюции" – см. прежде всего: [Lumsden & Wilson, 1981; Cavalli-Sforza & Feldman, 1981; Boyd & Richerson, 1985; Dawkins, 1976; Докинз, 1993. С. 176–186]; см. также: [Durham, 1990. P. 187–210; 1992. P. 331–335 и т.д.].[32] Попытки эти встретили множество возражений (в значительной степени обоснованных) со стороны социологов и социальных антропологов (см., например: [Hallpike, 1986; Sanderson, 1990 и т.д.]).

Вместе с тем определенное рациональное зерно в этих попытках, на мой взгляд, есть, и внести какой-то полезный вклад в общую теорию социокультурной эволюции указанным выше исследователям, я считаю, удалось. Действительно, определенные (хотя и вполне ограниченные) аналогии между процессами социальной и биологической эволюции все-таки возможны. В социальном организме вполне возможно найти некий отдаленный аналог генотипу – определенный набор культурно значимых текстов (совсем не обязательно зафиксированных в письменной форме), в значительной степени в соответствии с которыми строится жизнь социума, воспроизводятся социальные практики и институты (социальный фенотип).[33]

Можно здесь найти какой-то аналог и биологическим мутациям. Действительно, передача сколько-нибудь значительного объема информации на протяжении значительных промежутков времени абсолютно без всяких искажений, как кажется, является в принципе невозможной. Определенные ошибки и искажения здесь являются практически неизбежными, что должно уже само по себе приводить и к каким-то (пускай самым незначительным) изменениям и в социальном "фенотипе". Например, ошибка, вкравшаяся при переписывании в богослужебную книгу, может привести к тому, что и

---

[32] В нашей науке сходные попытки были независимо от западных авторов достаточно успешно предприняты Б. М. Медниковым [1976; 1993. С. 7].

[33] В связи с этим такое широко распространенное среди наших культурологов выражение, как "цивилизационный генотип" не представляется мне абсолютно некорректным.

богослужение будет совершаться использующим ее священником чуть иным способом, чем это делалось изначально. Накопление же таких ошибок со временем может привести и к достаточно заметному изменению формы обряда.

Итак, здесь вырисовывается некий вполне автономный (хотя и достаточно слабый) источник социальных изменений, который снова кажется невозможным редуцировать полностью к каким-либо более глубоким социальным факторам. В то же время, мне сначала казалось, что перед нами в данном (как и в предыдущем) случае опять некий по-преимуществу "черный", "теневой" фактор, действие которого можно предполагать, но практически невозможно учесть, фактор, лишь вносящий дополнительную неопределенность, но учет которого практически неспособен помочь пониманию причин каких-либо эволюционных сдвигов.

Затем я, однако, подумал, что можно привести пример по крайне мере одного хорошо известного существенного социального сдвига, одной из причин которого, согласно наиболее распространенной версии было именно действие данного фактора. Речь идет о расколе XVII в. в русском православии.[34]

Действительно, согласно одной из распространенных версий это имело отношение к накоплению ошибок в богослужебных книгах и связанной с этим нарастающей дивергенцией между ритуальными формами Русской Православной и иными Православными Церквами [Ключевский, 1988 /1908/. С. 268–270]. Попытка же привести русскую православную традицию в соответствие с "южным" (согласно этой версии не деформированным искажениями) каноном, как известно, привела к достаточно значимым эволюционным сдвигам в российском обществе. Здесь даже не существенно, что вышеописанная версия не является общепринятой; что события могли развиваться и совсем

---

[34] Значительно проще, конечно, найти не столь впечатляющие примеры. Например, всем хорошо известно широко употребляющееся выражение "растекаться мыслию по древу", восходящее к *Слову о полку Игореве*. Достаточно известно и то, что выражение этого памятника "растекашеться мыслiю по древу", возможно, является во многом результатом ошибки переписчика, исказившей изначальное "растекашеться *мысiю* [т.е. белкой] по древу" (это было показано еще Карелкиным [1854. С. 9–10]; см.об этом, например: [Лихачев, 1983. С. 274]). Говорить о "квазибиологических культурных мутациях" как факторе социокультурной эволюции здесь, конечно, вряд ли можно, хотя и эта "мутация" какое-то воздействие на эволюцию российской культуры все-таки оказала.

иным образом (не существенно, скажем, "северный" ли канон подвергался бóльшим искажениям, или "южный"). Существенно, что перед нами один из возможных механизмов воздействия данного фактора на ход социокультурной эволюции, который может быть формально описан следующим образом: в случае распространения некоего комплекса культурных норм на значительной территории, среди нескольких сообществ, имеющих между собой достаточно низкий уровень контактов, уже одно действие рассматриваемого фактора должно приводить к появлению с течением времени значимых различий между изначально идентичными культурными комплексами. В дальнейшем, в случае интенсификации контактов факт подобных различий будет практически неминуемо обнаружен, а для культурно-нормативных комплексов определенного типа практически неминуемо встанет вопрос о том, какой из культурно-нормативных вариантов является значимым, а, следовательно, и вопрос о приведении некоторых из подобных комплексов в соответствие с другими, что и может явиться источником значимых эволюционных сдвигов.

Приведу (на этот раз без развернутых комментариев) еще один пример возможного действия "культурно-мутационных" механизмов:

Текст шестого аята пятой суры Корана (*al-Ma'idah* – "Трапеза") выглядит следующим образом: *ya ayyu-ha 'l-ladhina amanu idha qumtum ilà 'l-salati fa-'ghsilu wujuha-kum wa-aydiya-kum ilà 'l-marafiq wa-'msahu bi-ru'usi-kum wa-'arjul**I**/**A**-kum ilà 'l-ka`bayn*. В переводе Крачковского этот текст выглядит следующим образом: "О вы, которые уверовали! Когда встаете на молитву, то мойте ваши лица и руки до локтей, обтирайте голову и ноги до щиколоток" [Крачковский, 1991. С. 91].

Перевод этот представляется вполне правильным, но только если падежную ("*и`рабную*") огласовку в слове *arjul* "ноги" в данном айате читать (подобно, скажем, большинству шиитов) как *касру* (*-i*: соответственно – *arjuli-kum*). Однако, например, большинство суннитов читает здесь *фатху* (*-a*: соответственно – *arjula-kum*), в результате чего смысл айата существенно меняется – получается, что перед молитвой ноги до щиколоток нужно мыть, а не просто обтирать (что для традиционного религиозно-ориентированного общества может быть исключительно важным).[35] Ясно, что изначально в тексте

[35] Если, скажем, люди, уверенные в том, что ноги перед молитвой нужно мыть, вдруг видят, что некто этого не делает, данное обстоятельство дает им достаточные формальные основания посчитать его молитву недействительной. Если же он не делает

айата, произнесенном Мухаммадом, было сказано либо *arjul**A**-kum*, либо *arjul**I**-kum*. А в дальнейшем в одной из традиций произошло небольшое[36] (но, как мы видим, достаточно значимое) искажение.[37]

В заключение рассмотрения данного фактора считаю нелишним еще раз подчеркнуть, что роль данной движущей силы социокультурной эволюции представляется крайне ограниченной. Перед нами здесь, судя по всему, вполне автономный, но достаточно второстепенный социально-эволюционный фактор. Впрочем, его роль представляется достаточно значимой в процессе дивергенции человеческих культур (в особенности в языковой дивергенции (см., например: [Durham, 1990; 1992], процессе, который может в полной мере быть назван именно эволюционным).

этого систематически, могут возникнуть серьезные сомнения в его правоверности.

[36] В письменном виде все разночтение сводится к тому, что в одном варианте косая черта стоит ***ПОД*** буквой (*харфом*) *lam*, а в другом – ***НАД*** этим *харфом*.

[37] Конечно, можно сказать, что, например, смена *касры* на *фатху* (и, соответственно, "обтирания" на "мытье") произошла, скажем, в результате распространения Ислама среди населения с определенными представлениями о ритуальной чистоте, и священный текст оказался "подогнанным" под реальные ритуальные практики, а не наоборот. Тем не менее, я не могу себе представить правоверного мусульманина, осознанно меняющего что бы то ни было в священном тексте в силу того, что это не соответствует реальным практикам (и у меня нет никаких оснований подозревать, что интерпретаторы Корана – основоположники главных школ [*маз̱хабов*] Шари`ата не были правоверными мусульманами). Конечно, при выборе одного из двух существующих чтений ритуальные практики, реально существующие в среде, к которой экзегет принадлежит, могут оказать решающее воздействие на такой выбор. Но, чтобы такая проблема перед экзегетом возникла, разночтение все-таки уже должно появиться, и то, что в его появлении в нашем случае какую-то роль могла сыграть и "мутация" нормативного текста, на мой взгляд, все-таки можно предположить.

§ 7

Конфликт интересов

Уже в достаточно развитых сообществах животных интересы особей отнюдь не тождественны интересам сообщества, и не являются полностью совместимыми друг с другом. Полное удовлетворение потребностей одной особи исключает подобное удовлетворение потребностей другой. И речь здесь не идет об одних лишь "материальных" потребностях. Скажем, возрастание ранга одной особи означает, как правило, понижение ранга другой и достигается, как правило, через достаточно напряженную борьбу. В любом случае, во всяком сколько-нибудь высокоорганизованном (и даже не обязательно только человеческом сообществе) никогда не может быть такого, чтобы текущим положением вещей были довольны абсолютно все члены сообщества. Всегда в сообществе будет и определенное количество особей, стремящихся изменить существующее *status quo*.

Уже простой конфликт интересов двух особей отнюдь не иррелевантен проблемам социокультурной эволюции. Он может быть, скажем, одним из источников смены лидеров сообщества, а, как уже отмечалось выше, личные качества лидера могут влиять на определенные существенные структурные характеристики сообществ уже у приматов.

Таким образом, уже конфликт интересов "однородных индивидов" выступает в качестве значимого фактора социокультурной эволюции. Однако значимость эта заметно возрастает как только речь заходит об индивидах "неоднородных". Скажем, одно дело, когда у австралийцев конфликт интересов двух высокоранговых мужчин привел к изменению баланса сил в пользу одного из них. Но совсем другие следствия в таком обществе может иметь конфликт интересов мужчины и женщины. Традиционные нормы австралийских аборигенов закрепляют достаточно приниженное положение женщин, давая мужу ощутимо больше прав, чем жене. Однако отнюдь не все женщины с таким положением дел мирятся – описано достаточно много случаев, когда отдельные австралийские женщины пытались добиться изменения баланса в свою пользу; при этом не все из этих попыток были абсолютно неудачными.[38] Очевидно, что подобного рода деятельность может явиться фактором действительно значимого

[38] Сводку материалов по этому вопросу см. в: [Артемова, 1987. С. 52–83, 166–174]; см. также: [Чудинова, 1981; Толстов, 1931. С. 94–97] и т.д.

социально-эволюционного сдвига, прежде всего трансформации неэгалитарного первобытного общества в эгалитарное.[39]

Значимость рассматриваемого фактора еще более возрастает, как только от анализа конфликта индивидуальных интересов мы переходим к изучению групповых интересов. Подобные конфликты засвидетельствованы снова уже среди приматов (и я не сомневаюсь в том, что такие факты должны быть известны и для не столь высокоорганизованных животных), отмечена среди них уже и определенная координация действий особей, имеющих общие интересы, для их удовлетворения. Так хорошо описано объединение высокоранговых приматов для доминирования в своих сообществах (см., например: [Менинг, 1982. С. 307]). А Ф. де Ваал, скажем, описывает конфликт между молодыми самцами шимпанзе, стремящимися свергнуть власть старого самца, и самками сообщества, стремящихся сохранить его в качестве лидера локальной группы [de Waal, 1982].

Среди людей все тот же конфликт интересов мужчин и женщин может выливаться отнюдь не только в столкновения между отдельными индивидами, но и принимать форму достаточно организованных групповых конфликтов с заметной координацией действий среди лиц, имеющих общий интерес. Для тех же австралийцев хорошо описаны вполне организованные и скоординированные действия мужчин, направленные на поддержание своего господства над женщинами [Толстов, 1931. С. 94–97; Артемова, 1987].[40]

---

[39] То, что подобная возможность не является сугубо абстрактной, подтверждается тем, что достаточно эгалитарные локальные группы австралийцев все-таки засвидетельствованы, правда, в зоне с наиболее экстремальными для человеческой жизни условиями, в районе Песчаной Пустыни Гибсона [Porteus, 1931; Tindale, 1972; Артемова, 1987; Gould, 1969; 1977; 1981; 1991]. Конечно, очевидно, что их следует рассматривать прежде всего как результат адаптации к экстремальным экологическим условиям Песчаной Пустыни. Однако усилия австралийских женщин, направленные на выравнивание баланса прав, также, на мой взгляд, должны были сыграть в подобном процессе какую-то роль. Можно предположить, что изменение в результате миграции экологических условий существования ряда локальных групп должно было заметно облегчить таким женщинам в этих группах достижение подобных целей.

[40] Это показывает, кстати, что борьба отдельных австралийских женщин против своего неполноправия, если она даже и не

Уже для некоторых традиционных аграрных обществ описаны и аналогичные организованные скоординированные действия женщин, направленные на защиту своих собственных интересов, например:

> "Женщина в селении Марзаḳ (столице Феццана в Османский период) если с ней обходились таким образом, что она чувствовала, что задеты ее права или ее честь, обращалась за помощью к главе женщин селения, которую называли *шейх̱а*, и если шейха убеждалась, что женщина права... и ее действительно обидел какой-либо мужчина (даже если это ее муж), то она издавала продолжительный пронзительный крик с характерным тоном. Женщины всей деревни... собирались к дому шейхи, садились вокруг нее и начинали петь песни, специально сочиненные для того рода "забастовок" (подобные акции имеют местное название *ан-нау*), и продолжали отказываться работать и возвращаться в свои дома, а также есть и пить, пока не будут восстановлены права и достоинство обиженной женщины... Как правило, несколько авторитетных мужчин селения выступают в качестве посредников и стараются разрешить конфликт, при этом шейха знакомит их с сутью конфликта и участвует в выработке условий примирения. В переговорах участвует также и человек, выбранный мужчиной-обидчиком в качестве своего представителя... Обычно мужчину обязывают принести извинения и уплатить некоторую сумму денег, на которые шейха покупает духи, благовония, местную косметику и раздает это всем женщинам, участвовавшим в "бунте", после чего призывает их вернуться к обычной жизни" ([Jami, 1973. S. 124]; цит. по: [Ibn Musa, 1984. S. 94–95].

Особенно значимым данный фактор становится, конечно, в сложных постпервобытных обществах, где конфликт между интересами представителей разных социальных групп, слоев, сословий, классов и т.д. (через вызванные этим скоординированные попытки представителей соответствующих слоев изменить ситуацию в свою пользу) становится одной из важнейших сил социокультурной

приводила к искомым результатам (или результат этот ограничивался улучшением положения лишь отдельной женщины), не проходила все-таки, по-видимому, эволюционно бесследно. Эта борьба, очевидно, была одним из важнейших факторов развития у австралийцев целого ряда социальных институтов и практик, одной из важнейших задач которых было как раз поддержание мужского доминирования над женщинами (тайных мужских союзов и т.п.).

эволюции. Это, пожалуй, одно из "рациональных зерен" марксизма, но, конечно, не только марксизма[41] – значение конфликта (в том числе и конфликта классового, но, конечно, отнюдь не только его) как важнейшей движущей силы социокультурной эволюции подчеркивается и многими (хотя, конечно, и далеко не всеми) исследователями немарксистских ориентаций (см., например: [Coser, 1956; Mannheim, 1957. P. 139–146; Lenski, 1966; Dahrendorf, 1959; Collins, 1975; Kammeyer *et al.,* 1994. P. 632; Vago, 1999. P. 18–26; Claessen 2000. P. 101–112 и т.д.]; обзор основных немарксистских теорий конфликта см., например: [Collins, 1988. P. 117–148]). Высказывались, кстати, и совершенно разумные, на мой взгляд, сомнения – а правильно ли в качестве действительной движущей силы социокультурной эволюции рассматривать именно социальный конфликт, само реальное столкновение двух враждующих сил, одна из которых, скажем, пытается изменить статус-кво в свою пользу, а другая – этот статус-кво сохранить.[42] Действительно, если в подобной ситуации вторая сторона по тем или иным причинам не окажет сопротивления, и первая сторона изменит положение вещей в свою пользу без всякого реального социального конфликта, значимый эволюционный сдвиг произойдет только скорее. В случае же, если сопротивление будет оказано, и реальный социальный конфликт все-таки произойдет, вторая сторона вполне может выйти из него победителем и добиться сохранения статус-кво, и значимого социально-эволюционного сдвига в таком случае может и не произойти, либо такой сдвиг будет заметно менее значительным, чем если бы подобное сопротивление не было бы оказано (см., например: [Cohen, 1968. P. 183–186; Boudon, 1986]). Реальные социальные конфликты зачастую выступают как сила, скорее сдерживающая, чем движущая социокультурную эволюцию. И в качестве фундаментальной движущей силы корректнее, видимо, рассматривать именно конфликт интересов, а не продуцируемый им реальный

---

[41] Это, впрочем, как известно, справедливо подчеркивалось еще самим Марксом [Маркс, Энгельс. Т. 28. С. 424–427].

[42] Примечательно, что попытки вывести противоречия из числа "движущих сил" социокультурной эволюции предпринимались и в советском марксизме (см., например: [Рожин, 1966. С. 149–159; Казаков, 1978. С. 17–24]), но были встречены характерным окриком: при таком подходе "противоречие интерпретируется очень узко, только как препятствие, которое надо преодолевать, в то время как В. И. Ленин видел в противоречии источник самодвижения, саморазвития явления, т.е. двигатель прогресса" [*Материалистическая диалектика*, 1984. С. 184].

социальный конфликт. Последний же, если и может выступать в качестве движущей силы каких-то социальных сдвигов, должен, по-видимому, рассматриваться в качестве вторичного фактора, продуцируемого действием более фундаментальных эволюционных движущих сил.[43]

§ 8

"Механизм развертывания потребностей"

В марксистской социологии, как правило, обозначается как "закон возвышения потребностей". Ссылка при этом, как правило, делается (делалась?) на вполне правильное, на мой взгляд, в своей основе утверждение *Немецкой идеологии*: "...Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям..." [Маркс, Энгельс, т. 3. С. 27]. Данный "механизм" представляется вполне реальным, и его появление кажется вполне объяснимым. Похоже, его можно рассматривать как частное проявление некоего универсального свойства всего живого, обладающего, по-видимому, гигантским потенциалом, не реализуемым, как правило, в обычных условиях (см., например: [Медников, 1982. С. 78–81]).

Судя по всему, уже как минимум млекопитающие (даже не обязательно только приматы) обладают ощутимым потенциалом развертывания потребностей, что выглядит вполне полезным эволюционным приобретением. Оно может оказаться полезным, например, для адаптации к кардинально изменившимся внешним условиям, когда актуализация ранее "неактуальных" потребностей может оказаться имеющей решающее значение для выживания популяции. Или, скажем, особь, удовлетворившая элементарные пищевые потребности (прежде всего в углеводах и белках) и начинающая испытывать потребность в более "изощренной" пище, таким образом стимулируется, "толкается" по сути дела к поиску некоторых желательных для оптимальной жизнедеятельности

---

[43] Другое дело, что значительные социально-эволюционные сдвиги в сложных дифференцированных обществах практически неизбежно сопровождаются социальными конфликтами, что и создает практически неизбежно у социологов впечатление о том, что эти социальные конфликты и есть основная фундаментальная причина этих социальных сдвигов: "*It is the empirical association of conflict with change that often persuades sociologists that conflict is the major cause of change*" [Cohen, 1968. P. 185].

организма редких микроэлементов, витаминов и т.п., что, естественно, может быть фактором потенциально несколько увеличивающим шансы данной особи выжить и оставить жизнеспособное потомство. И т.д.[44]

Вместе с тем обозначение данного механизма как "закона ВОЗВЫШЕНИЯ потребностей" не может не вызвать определенных возражений. Прежде всего, слово "возвышение" (как и все однокоренные с ним слова – "высокий", "выше" и т.п.) неизбежно имеют некоторую "позитивную" оценочную окраску. "Высшее" практически неизбежно (вольно или невольно) воспринимается как нечто, лучшее, чем все "низшее". Процесс "возвышения" таким образом практически неизбежно осмысливается как процесс "улучшения"; в результате, "закон возвышения потребностей" начинает практически неизбежно восприниматься как источник не просто социокультурной эволюции, а именно как движущая сила прогресса. Между тем, механизм развертывания потребностей отнюдь не всегда действует в сторону их "возвышения" (какие бы ныне принятые критерии "высоты – низости" мы не использовали). Например, индивид с садистскими наклонностями, подвергнув оказавшуюся в его власти жертву простому бичеванию, начинает испытывать потребность применить и более изощренные пытки. Очевидно, что в этом случае мы будем иметь дело со все тем же механизмом развертывания потребностей, но вряд ли какой-нибудь исследователь (и не только исследователь) решится назвать потребность загнать иголки под ногти своего ближнего более высокой, чем желание просто его избить (прежде всего из-за указанных ранее сильных "позитивных" коннотаций слова "высокий"); вряд ли кто-либо (кроме разве что самых отъявленных "диалектиков") будет всерьез рассматривать подобное "возвышение потребностей" как фактор прогресса.

---

[44] В чем-то по сути своей сходные движущие силы социокультурной эволюции, как кажется, имеют в виду социологи, рассматривающие в качестве одного из фундаментальных факторов общественного развития *universal scarsity*, т.е. тот факт, что в любом обществе хотя бы какая-то часть его членов имеет хотя бы часть своих потребностей перманентно неудовлетворенной и стремится такое положение вещей разными способами изменить (см., например: [Moore, 1969. P. 735; Cohen, 1982; Lenski, Nolan, Lenski, 1995. P. 58–59]). Мне все-таки кажется более точным рассматривать данный фактор в качестве производного от более фундаментальных движущих сил – прежде всего, демографического фактора, механизма развертывания потребностей и конфликта интересов.

Я бы сказал, что в результате действия этого механизма "развертываются" одновременно и "добрые", и "злые" потребности (как впрочем и потребности этически нейтральные). В результате, данный "механизм" оказывается одновременно фактором как "прогресса", так и "антипрогресса". Во многом под действием этого фактора реальные процессы социального развития и оказываются единством прогрессивных, антипрогрессивных и одноуровневых составляющих, когда, как правило, становится одновременно и "лучше" (по одним показателям), и "хуже" (по другим показателям), синхронно растет и "количество добра", и "количество зла". Данный фактор может, видимо, рассматриваться как в заметной степени направленная движущая сила социального развития, но не прогресса.[45]

§ 9

Исследовательская активность

Уже на дочеловеческом уровне среди ряда высокоорганизованных животных отмечается существование обусловленной во многом генетически поведенческой предрасположенности к исследовательской активности, которую можно рассматривать в качестве вполне автономной и фундаментальной движущей силы социокультурной эволюции.

В достаточно явном и четком виде эта активность описана уже у крыс:

> "Колония крыс помещалась в камеру с многочисленными отсеками – “комнатами”, в которых имелись предметы для удовлетворения всех вообразимых “первичных” потребностей: еда, питье, половые партнеры и т.д. Предусмотрена даже комната для “развлечений” – с лесенками, манежами, беличьими колесами, педалями, вызывающими технические эффекты. В одной из стен камеры была дверь, ведущая в неисследованное пространство, и

[45] Ощутимое же долговременное преобладание "прогрессивных" сдвигов над "антипрогрессивными" оказывается возможным лишь как результат успешной целенаправленной деятельности людей по приведению "сущего" в соответствие с "должным" (систематический прогресс в этом случае будет наблюдаться, естественно, только в согласии с представлении о "лучшем" самих субъектов этой деятельности, и могут и не быть охарактеризованы как "прогресс" сторонними наблюдателями, имеющими другие представления о должном). Подробнее об этом см. III главу данной монографии.

> именно отношение крыс к этой двери более всего занимало ученых. Отдельные особи стали проявлять к ней нарастающее внимание вскоре после того, как комфортабельная камера была полностью освоена. Это не было похоже на досужее любопытство. Сердцебиение и электрическая активность мозга, усиленное мочеиспускание и дефекация, да и все внешнее поведение, бесспорно, свидетельствовали о сильном стрессе, испытываемом каждой из “заинтригованных” крыс при приближении к загадочному объекту, и особенно – при первых попытках проникнуть за дверь" [Назаретян, 1991. С. 85–86].

В еще более развитой и интенсивной форме эта активность описана у приматов, особенно высших, при этом у них эта активность отчетливо проявляет себя уже и в инструментальной деятельности. Исследовательская активность свойственна разным особям популяции в разной мере. Молодым особям они свойственна заметно больше, чем старым, низкоранговым – в большей степени, чем высокоранговым; доминантам и самым старым особям она почти не свойственна вообще [Бутовская, Файнберг, 1993].

На мой взгляд, совершенно очевидно, что здесь перед нами вполне автономная и досточно мощная движущая сила социокультурной эволюции, действовавшая на протяжении всей эпохи существования человечества, но оказывавшаяся зачастую в той или иной степени эффективно блокированной. Скажем, достаточно очевидна важнейшая роль этого фактора в создании такой важнейшей вторичной движущей силы социокультурной эволюции как технологический рост. Не менее существенна, впрочем, и его роль в появлении новых и трансформации старых социальных и политических институтов, в появлении новых и трансформации старых форм художественного творчества, игровой культуры и т.д. и т.п.

Существует, конечно, определенный соблазн редуцировать эту движущую силу социокультурной эволюции к действию "механизма развертывания потребностей", но, как кажется, достаточных оснований для этого все-таки нет, ибо речь здесь идет, судя по всему, именно об одной из действительно фундаментальных человеческих потребностей.

§ 10

Само функционирование социальных систем определенного типа

При анализе социокультурной эволюции конкретных обществ я несколько раз сталкивался с такими случаями, когда определенные эволюционные сдвиги оказывалось невозможным объяснить действием ни одного из описанных выше фундаментальных факторов, или какими-либо выводимыми из них вторичными факторами. В начале я был склонен обозначать эту движущую силу социокультурной эволюции как "структурные противоречия" внутри самой социальной системы. Однако вскоре у меня появились большие сомнения по поводу корректности подобного обозначения.

В качестве примера здесь может служить модель кризиса Османской Империи, предложенная известным американским исследователем Макниллом [McNeill, 1964].[46] Суть этой модели сводится к следующему. Необходимым условием нормального функционирования Османской Империи эпохи расцвета была ее внешняя экспансия. Эта экспансия обеспечивала Империи постоянный приток ресурсов с вновь завоевываемых территорий, позволяя наряду с прочим, скажем, поддерживать достаточно низкий уровень налогообложения в ее центре. Однако экспансия эта не могла продолжаться бесконечно. Как только расстояние между центром и действующими армиями начинала превышать некоторую пороговую величину, эффективность боевых действий резко падала и экспансия начинала захлебываться и должна была рано или поздно сойти на нет. Однако Империя просто не могла остаться прежней, прекратив экспансию. Уже одно сокращение притока ресурсов в центр заставляло правителей увеличивать налогообложение в центральных районах, что влекло за собой изменение налоговой системы, налогового аппарата и т.д., т.е. неизбежно вело к тому или иному эволюционному сдвигу. Даже если бы османам и удалось в таких условиях продолжить экспансию, без определенного эволюционного

---

[46] Подчеркну, что в данном контексте не имеет значения был ли действительный механизм кризиса Османской Империи тождественен описанному Макниллом. В любом случае модель Макнилла представляется вполне логичной, и в определенных условиях описанный им механизм "имперского кризиса" должен срабатывать. Наблюдались ли такие условия в конкретной человеческой истории (а если наблюдались, то где), представляет собой уже другой вопрос, не столь существенный в контексте данной работы.

сдвига (связанного с военными реформами, созданием сети вторичных центров на периферии Империи или кардинальным совершенствованием системы коммуникаций и т.д.) это все равно произойти не могло.[47] Даже если представить, что в подобной системе все вышеупомянутые движущие силы социокультурной эволюции оказались полностью блокированными, подобная система была обречена на то, чтобы рано или поздно испытать существенный эволюционный сдвиг, ибо само ее функционирование порождало силы, достаточные для подобного сдвига. По-видимому, в подобных случаях и имеет смысл говорить о функционировании системы как одном из источников движущих сил ее эволюции.[48]

Приведу еще один пример. Функционирование хозяйственной системы Месопотамии в том виде, как она сложилась к началу III тыс. до н.э., вело к крайне медленному, но постоянному засаливанию почв ареала, а, следовательно, к столь же медленному, но постоянному падению урожайности. Процесс этот был достаточно медленным, чтобы проходить незамеченным для каждого данного поколения, но достаточно постоянным для того, чтобы на протяжении нескольких веков (за которые урожайность снизилась в несколько раз) приводить к ощутимым социальным последствиям.[49] Это явилось, скажем, по-видимому, одной из причин необратимой дезинтеграции во II тыс.до н.э. крайне централизованных государственно-храмовых систем Двуречья, сложившихся там во второй половине III тыс.до н.э. – количество избыточного продукта, производимого ареалом, оказалось уже недостаточным для того, чтобы обеспечивать стабильное функционирование крайне громоздкого бюрократического аппарата III династии Ура. Происшедшая в результате этого ощутимая политическая и экономическая децентрализация имела при этом скорее положительные, чем отрицательные последствия. В Двуречье

---

[47] Сходные соображения см., например: [Kropp, 1994. P. 89]. В основе своей сходная модель предлагалась и, скажем, для объяснения причин начала упадка империи ацтеков накануне испанского завоевания [Conrad, Demarest, 1984].

[48] Сходные соображения см., например: [Розов, 1992. С. 50].

[49] [Дьяконов, 1983a. С. 330; 1983b. С 272]; сходные процессы были прослежены американскими археологами в вади ал-Джуба на Юге Аравии [Sauer *et al.*, 1988. P. 91–115]; в южноаравийском вади Азанат, центре сабейской цивилизации, сходные процессы были вызваны, по-видимому, не столько засаливанием почв, сколько крайне медленным, но постоянным заиливанием ирригационных систем, которое после тысячелетия их эксплуатации приобрело катастрофический характер [Korotayev, 1995].

появляются "вольные города" (Ниппур, Урук, Сиппар, Вавилон) с хорошо защищенными правами и достоинством их граждан [Оппенхейм, 1980. С. 121–122], ослабление государственного контроля над экономикой в сочетание с мощными стимулами непосредственно создаваемыми продолжавшей падать урожайностью и необходимостью этому как-то противодействовать было, по-видимому, одной из причин быстрого технического прогресса в Месопотамии II тыс. до н.э., когда она становится однозначным мировым технологическим лидером, когда там делается значительное число важных изобретений; более того, большинство важных технических изобретений делается в этом тысячелетии именно в Месопотамии [Чубаров, 1991].[50]

Как кажется, оба рассмотренных случая можно вполне подвести под одну модель. В обоих случаях само функционирование системы ведет к ее эволюции, ибо оно идет за счет потребления некоего невозобновляемого ресурса. Как только "запасы" этого ресурса истощаются ниже некоего порогового значения, эволюционный сдвиг (хотя бы и форме дегенерации) оказывается практически неизбежным. Либо находится способ возобновлять используемый ресурс, либо находится ему какая-то альтернатива, либо никакого удовлетворительного ответа не находится вообще, и система просто дегенерирует – эволюционный сдвиг в любом случае происходит.

Достаточно очевидно, что все, только что сказанное, имеет и самое прямое отношение к современной мировой системе. Точно так же, как было описано выше, само функционирование этой системы не может не порождать сил, которые должны ее рано или поздно изменить, даже если представить себе, что все описанные выше эволюционные факторы оказались полностью заблокированными. Это практически неизбежно уже потому, что функционирование мировой системы в ее современном виде не может осуществляться без интенсивного потребления невозобновимых ресурсов. Создаваемое же этим функционированием исчерпание таких ресурсов будет создавать все новые и новые силы, толкающие систему к ее изменению, даже если бы как-то удалось остановить демографический рост, рост потребностей и т.д. – это привело бы лишь к стабилизации темпов исчерпания невозобновляемых ресурсов, лишь отодвигающей срок

---

[50] Процессы засаливания почв, конечно, можно рассматривать и как изменение естественной среды, но подобное изменение уже нельзя рассматривать в качестве спонтанного, оно само является результатом действия социологически релевентных факторов и должно (в отличие от спонтанного изменения) рассматриваться в качестве вторичной движущей силы.

очередного значительного эволюционного сдвига (им, кстати, может быть и не ароморфоз, а дегенерация), но не устраняющей его. Подчеркну еще раз, что кардинальный эволюционный сдвиг в подобных случаях представляется практически неизбежным (хотя отнюдь не является неизбежным его какое-то определенное направление), ибо любой из возможных сценариев (нахождение замены невозобновимым ресурсам, переход к их возобновлению, отсутствие адекватного решения и т.д.) ведет к значимым (но не идентичным) социальным сдвигам.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ I

А

Необходимо обязательно иметь в виду, что для хорошо сбалансированного традиционного общества социокультурная эволюция – вещь вообще-то, как правило, скорее нежелательная, чем желательная. Социальные сдвиги чаще ведут к тому, что людям становится жить скорее хуже, чем лучше.[51] Конечно, действие выше указанных сил может привести и к "эволюционному прорыву", к "социальному ароморфозу", но чаще оно ведет к болезненной идиоадаптации, дегенерации или просто вымиранию социумов. Первобытное сообщество не выработавшее механизмов блокирования демографического роста, будет скорее всего обречено на периодические крайне болезненные кризисы, связанные с массовыми голодовками, вымиранием и т.п. К близким последствиям приведет и неблокированное действие механизма развертывания потребностей. Если же такое сообщество не способно противостоять приходу к власти в нем чрезмерно амбициозного индивида с выдающимися лидерскими качествами (а не поставить его "на место", или просто изгнать), это приведет скорее не к "восходящей политической эволюции", а к гибели данного сообщества в бесконечных конфликтах с соседями и т.п. Естественный социальный отбор в течение большей части существования человечества шел поэтому скорее на способность заблокировать движущие силы социокультурной эволюции, чем наоборот.[52] Сообщества, выработавшие механизмы

---

[51] Поэтому хорошо известное традиционное китайское пожелание – "*Да не доведется тебе жить во времена перемен!*" – кажется не проявлением патологического консерватизма, а продуктом самого отменного здравого смысла.

[52] Ср. по сути своей аналогичное развитие механизмов блокирования мутаций и защиты от них в процессе биологической эволюции. Дей-

блокирования этих движущих сил имели, судя по всему, несравненно лучшие шансы выжить, чем сообщества, таких механизмов не выработавшие. Поэтому типичным результатом социокультурной эволюции первобытных сообществ представляется ее почти полное прекращение, не выход социумов за пределы первобытности, а появление сообществ, подобных охотникам-собирателям хадза, столь превосходно описанным Дж. Вудберном [Woodburn, 1972; 1979; 1982; 1988 и т.д.], сообществ, выработавших эффективные механизмы блокирования всех основных движущих сил социокультурной эволюции, стабильных сообществ, находящихся в практически полном гармоничном равновесии с их естественной средой, и, судя по всему, способных устойчиво воспроизводить себя в течение сотен тысяч лет (конечно, при отсутствии радикальных изменений их естественной и внешней социальной среды).[53] Сообщества, вышедшие за порог первобытности предстают скорее как некая аномалия, как случаи, когда неспособность сообществ достичь равновесного состояния на первобытном эволюционном уровне привело не к их вымиранию, а к болезненному переходу на более "высокий" эволюционный (энергетический) уровень, и к попыткам (далеко не всегда успешным) достигнуть равновесия уже на этом уровне.

Еще раз напомню, что последнего типа процессы требовали от людей, в них вовлеченных, колоссальных жертв. В особенности это относится к тем обществам, которые, с нашей точки зрения, развивались наиболее успешно, к тем кто смог перейти к раннему, а затем и к позднему, интенсивному земледелию, создал города, государства, цивилизации. Напомню, что в результате нескольких тысяч лет эволюции от относительно благополучных охотников-собирателей верхнего палеолита к высоким цивилизациям первого тысячелетия до н.э. – первого тыс.н.э. люди стали много больше работать, значительно хуже питаться, больше болеть, почти в два раза раньше умирать и т.п. [Козинцев, 1982; Алексеев, 1989; Коротаев, 1991а; Федосова, 1994; Harris, 1978; Boserup, 1972 и т.д.].[54]

ствительно, биологические мутации, могут послужить источником эволюционных сдвигов, существенно повышающих приспособленность соответствующих особей. Но в отдельном случае вероятность такого исхода исчезающе мала, вероятность же неудачной мутации, обрекающей мутанта на быструю гибель на много порядков больше.

[53] Сходные соображения см., например: [Chirot, 1994. P 121–125].

[54] Вместе с тем, я, естественно, не стал бы характеризовать процессы становления высоких аграрных цивилизаций как целиком "антипрогрессивные", даже несмотря на наблюдавшееся в его ходе заметнейшее ухудшение положения дел по такому важному и

Ситуация стало несколько меняться к лучшему в нескольких цивилизационных зонах лишь в последние два тысячелетия, при том что кардинальные сдвиги к лучшему произошли по большинству из упомянутых выше показателей лишь за последние два века. При этом трудно ждать, что создатели наших цивилизаций полагали, что ухудшение их уровня жизни идет ради роста этого уровня у их крайне отдаленных потомков.

В

РАНЖИРОВАНИЕ

На мой взгляд, имеет смысл попытаться и как-то ранжировать описанные выше движущие силы социокультурной эволюции по их значимости.

Здесь, впрочем, нужно сразу же сделать существеннейшую оговорку. Сравнительная значимость различных факторов меняется во времени и пространстве, или, другими словами, в разных конкретных условиях различные движущие силы социокультурной эволюции будут иметь разную сравнительную значимость. Например, в период неолитической эволюции и непосредственно после нее едва ли не наиболее значимой движущей силой социокультурной эволюции неолитических и постнеолитических обществ был демографический рост. В это время это был к тому же и едва ли не основной фактор не просто социокультурной эволюции вообще, а во многом именно "восходящей" социокультурной эволюции, социального развития,

---

приемлемому для большинства показателю прогресса, как средняя продолжительность человеческой жизни (в придачу к ухудшению качества питания, увеличению продолжительности рабочего дня, росту монотонности труда большинства, социального угнетения и т.д.). Все дело здесь в том, что этот процесс, как и почти все наблюдавшиеся в реальной человеческой истории исторические процессы, не был ни просто "прогрессивным", ни "антипрогрессивным", но представлял собою единство "прогрессивных", "антипрогрессивных" и "одноуровневых" составляющих. И наличие в этом процессе ощутимейших "антипрогрессивных" составляющих, не должно, конечно, заслонять для нас и присутствие в нем заметнейших "прогрессивных". К ним я отнес бы, скажем, рост социо-культурного многообразия (а значит и расширение поля человеческой свободы), появление великих религиозно-этических учений буддизма, даосизма, конфуцианства, иудейских пророков, ислама, христианства и т.д.

фактором роста уровня организации социумов, их внутренней дифференциации и т.д. [Harris, 1978; Дюркгейм, 1900. С. 205–210 /= 1991. С. 239–241/; Спенсер 1866. С. 51; 1898. С. 290–292; Harner, 1970; Service, 1975. P. 42–43, 276–286; Хазанов, 1979. С. 141–144; Коротаев, 1989; 1991 и т.д.].[55] Конечно, в настоящее время этот фактор продолжает оставаться значимой движущей силой эволюции (правда, совсем не очевидно, что "восходящей") мирового сообщества, в целом, и Третьего Мира, в частности. Но, судя по всему, он играет достаточно второстепенную роль в эволюции наиболее развитых обществ, сильно уступая по своей значимости таким движущим силам, как "механизм развертывания потребностей" или "исследовательская активность".

Поэтому не кажется разумным пытаться предлагать некое жесткое ранжирование факторов социокультурной эволюции по их значимости (типа "демографический фактор всегда и везде значимее исследовательской активности" или наоборот), верное для "всех времен и народов".

Более целесообразным представляется более мягкое ранжирование групп факторов (внутри которых сравнительная значимость будет существенно варьировать во времени и пространстве).

ПЕРВАЯ группа (НАИБОЛЬШЕЙ) значимости:

– "демографический фактор" (переходит в группу меньшей значимости в современных развитых обществах);

– конфликт интересов (в сложных и сверхсложных социумах);

– "механизм развертывания потребностей";

– исследовательская активность;

---

[55] Употребляя в данном контексте категории "выше/ниже" и слова к ним восходящие, я лишь для облегчения понимания употребляю не совсем удачную терминологию, принятую в настоящее время. Конечно, словосочетания типа "восходящее развитие" имеют сильнейшие коннотации "движения от худшего к лучшему", между тем как в реальности те же процессы классообразования и политогенеза представляли собой, конечно же, единство прогрессивных, антипрогрессивных и одноуровневых составляющих. Здесь, конечно, был бы уместен, какой-то более нейтральный термин. Однако сколько-нибудь полноценная "нейтральная" замена сильно коннотационно "окрашенному" ряду "ВЫСОКИЙ уровень организации – ВОСХОДЯЩЕЕ развитие и т.п." в настоящее время, как кажется, отсутствует.

– спонтанное изменение естественной среды (в случае ее радикального изменения);
– для эпохи, предшествовавшей появлению вида *Homo Sapiens Sapiens*, в эту же группу имеет смысл отнести и биологические мутации (без которых трансформация сообществ наших дочеловеческих предков в собственно человеческое общество представляется в принципе не возможной);
– поскольку речь идет об анализе эволюции отдельных социумов сюда же имеет смысл относить и изменение внешней социальной среды, если речь, конечно не идет о крайне редких случаях изолированно существующих социумов (типа полярных экскимосов Гренландии в течение нескольких веков, предшествовавших первым контактам с европейцами [Файнберг, 1967];
– само функционирование социальных систем определенного типа может быть исключительно значимой движущей силой их эволюции, но как уже говорилось, сказанное не относится к достаточно большому числу социумов.

ВТОРАЯ группа (СРЕДНЕЙ) значимости:
В определенных условиях в эту группу попадает "демографический фактор", спонтанное изменение естественной среды, конфликт интересов (в простых недифференцированных социумах).

ТРЕТЬЯ группа (ОТНОСИТЕЛЬНО МАЛОЙ) значимости:
– немутационное варьирование сочетания генов в генотипах особей популяции;
– собственно мутации (после появления вида Homo Sapiens Sapiens);
– квазибиологические социальные мутации;

НАПРАВЛЕННЫЕ – НЕНАПРАВЛЕННЫЕ
"НАПРАВЛЕННЫЕ" (т.е. факторы социального развития, а не только социокультурной эволюции, но совсем не обязательно факторы социального прогресса):
– "демографический рост";
– "механизм развертывания потребностей";
– исследовательская активность;
"НЕНАПРАВЛЕННЫЕ":
– немутационное варьирование сочетания генов в генотипах особей популяции;
– собственно мутации (после появления вида Homo Sapiens Sapiens);
– квазибиологические социальные мутации;
– спонтанное изменение естественной среды;
с оговорками:

– конфликт интересов (в сложных и сверхсложных социумах);
– изменение внешней социальной среды;
– "само функционирование социальных систем, связанное с потреблением невозобновимых ресурсов".

C

Итак, я склонен утверждать, что социокультурная эволюция является результатом действия достаточно большого числа[56] в высокой степени автономных разнонаправленных фундаментальных факторов, сравнительная значимость которых существенно меняется во времени и пространстве, и к тому же порождающих множество значимых вторичных факторов – технологический рост, диффузия, антропогенное изменение естественной среды и т.п. Все это является одной из объективных причин тех колоссальных трудностей, с которыми сталкиваются социологи и социальные антропологи в их попытках создать общую теорию социокультурной эволюции, и частично объясняет крайнюю незначительность результатов, достигнутых до сих пор на этом пути.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что предложенный мной "список" фундаментальных факторов социокультурной эволюции является открытым. Я вполне допускаю, что при внимательном анализе реальных процессов социокультурной эволюции можно обнаружить и какие-то другие, не учтенные выше, фундаментальные (не редуцируемые на социологическом уровне анализа к каким-либо более глубоким) движущие силы. Так, скажем, возможно, имеет смысл для процесса социо-культурной эволюции выделить не только аналог "мутации" (шестой фактор в предложенном выше списке), но и аналог "немутационного варьирования генов, применительно к данному случаю, видимо, "культургенов" (*culturegens* [Lumsden, Wilson, 1981]) или "мемов" (*memes* [Dawkins, 1976]) в генотипах особей популяции".[57]

---

[56] Нужно к тому же иметь в виду и следующее. То, что выше простоты ради обозначено как один фактор, нередко представляет собой на самом деле группу достаточно автономных факторов. Это относится прежде всего к спонтанному изменению естественной среды, включающей в себя такие в высокой степени автономные факторы как, скажем, климатические изменения, изменение сейсмической активности и т.п.

[57] Об этом см., например: [Lopreato, 1984. P. 240]: "*What does sexual reproduction accomplish in an evolutionary sense? The answer is simply that it shuffles and reshuffles genes, typically by bringing together halves*

Неочевидно до конца также, что в качестве полностью редуцируемой к вышеназванным факторам можно рассматривать и такую популярную у многих исследователей движущую силу социокультурной эволюции как "структурные противоречия". Главное же, сооверщенно неочевидно, что к вышеназванным факторам может быть полностью редуцирована такая важнейшая сила социокультурной эволюции (и при этом, как уже отмечалось выше, видимо, единственный направленный фактор прогресса) как *стремление людей приводить сущее в соответствие с должным.*[58]

С другой стороны, я вполне допускаю и возможность того, что может быть показан вторичный, производный, нефундаментальный характер некоторых факторов, представляющихся на первый взгляд именно фундаментальными.

---

of two different genotypes. This process is known as recombination in biology. My contention (the corollary) is that this process is simulated by the mind. Indeed, one of the mind's fundamental activities is to combine or associate together two or more objects, ideas, symbols, and so forth. In the process, just as sexual reproduction produces new genotypes through meiotic combinations of preexisting genotypes, so does the mind produce, through combinations or associations, new ideas, abstractions, symbols, sociocultural formations, and so on. This, I hold, is the fundamental force of variation in the sociocultural system, and one of the irreducible mechanisms of biocultural evolution".

[58] Фактор этот стал особенно значимым, по-видимому, начиная с Осевого Времени, и адекватно объяснить многие важнейшие социально-эволюционные сдвиги последних трех тысяч лет, не принимая его в расчет, представляется совершенно невозможным (подробнее об этом см. IV главу данной монографии).

Глава II

ОТ ОДНОЛИНЕЙНЫХ МОДЕЛЕЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ К НЕЛИНЕЙНЫМ?[59]

Ниже я проанализирую несколько подходов к изучению социокультурной эволюции. Конечно же, каждый из этих подходов представлен многими теориями. Однако чтобы рассмотреть должным образом все эти теории нам потребовалась бы отдельная (и достаточно толстая) монография. Поэтому я ограничусь детальным рассмотрением лишь одной (самой влиятельной, на мой взгляд, по крайней мере в культурной антропологии) теории в рамках каждого из этих подходов.

§ 1

Однолинейный подход

Линия – одномерна. Поэтому, представляется вполне возможным говорить о линии/траектории эволюции (или линии развития) отдельного общества. Однако, если мы говорим о линии эволюции значительного числа обществ, это будет оправдано, только если соблюдается хотя бы одно из двух ниже названных условий.

1) О единой линии социокультурной эволюции можно говорить, если мы применяем один единственный критерий эволюции (которая в таком случае обычно отождествляется с развитием и/или прогрессом).
2) О единой линии социокультурной эволюции можно было бы вполне обоснованно говорить, если бы существовала полная, стопроцентная корреляция (или, другими словами, функциональная зависимость) между всеми основными одномерными показателями социокультурной эволюции.

Первый подход, очевидно, не выдерживает никакой серьезной критики, однако, тем не менее, иногда все-таки применяется. Например, наиболее распространенная в настоящее время однолинейная трех-

[59] II глава подготовлена мною на основе моей части статьи "Альтернативы социокультурной эволюции (вводные замечания)" (Коротаев, Крадин, Лынша, 2000).

членная схема, постулирующая существование универсальных стадий присваивающего, аграрного и индустриального хозяйства (к которым зачастую добавляется постиндустриальная стадия), кажется просто-напросто результатом последовательного применения одного-единственного технологического критерия. Другая однолинейная эволюционистская схема такого рода восходит к Гегелю и опирается на последовательное применение одного-единственного "критерия свободы" (при этом, едва ли не при "орвелловском" понимании самой "свободы") – в России подобные попытки предпринимались еще в 60-е годы [Поршнев, 1966. С. 190–201].

Спору нет, критерий этот чрезвычайно важен. Действительно, и на мой взгляд, общественная форма А, где люди заметно менее свободны, чем в обществе Б, не может считаться более прогрессивной, чем общественная форма Б, даже если она превосходит ее по всем остальным показателям. Вместе с тем, далеко не очевидно, что, даже исходя из этого показателя, можно построить хотя бы субъективно убедительную однолинейную модель социокультурной эволюции.

Действительно, очевидно, что афинский гражданин V–IV вв. до н.э. был заметно более свободен, чем любой из, скажем, подданных Ким Ир Сена/ Ким Чен Ира. Но можно ли на основании этого просто утверждать, что современная Северная Корея находится на ступени развития, более низкой, чем классические Афины? Что реальной перспективой прогрессивной эволюции данного общества является переход к античной модели социальных отношений? Сомневаюсь, что и сторонники вышеназванного подхода дадут утвердительные ответы на подобные вопросы. В общем-то, уже этот простой пример довольно отчетливо показывает, что одного-единственного показателя, даже такого важного, как человеческая свобода, недостаточно для того, чтобы дать полную оценку уровня развития того или иного общества. Для этого необходимо учитывать и какие-то иные показатели – культурные, политические, социально-экономические и даже технико-экономические (уровень развития материальных средств производства и коммуникаций и т.п.).

Или возьмем, например, Китай эпохи Цин Ши-Хуанди. Очевидно, что китайцы этой эпохи (особенно, если абстрагироваться от исконных обитателей царства Цин) были несвободны в большей степени, чем в любой из предшествующих периодов.

Но что тогда? Становление империи Цин было шагом назад? Но куда? Ведь доцинский Китай ***ТАКОЙ*** несвободы не знал. Может быть, к "первобытности"? Но и "первобытные" люди отнюдь не были несвободны до такой степени – достаточно познакомиться с несколькими полученными в результате полевых исследований описаниями реальной жизни эгалитарных охотников-собирателей, чтобы понять,

что рассуждения некоторых философов о "тотальном рабстве первобытных людей" никак нельзя признать обоснованными. Эгалитарные охотники-собиратели были заметно свободнее подданных несравненно более культурно сложных деспотических систем, в том числе свободнее и от традиции.[60] Да и в любом случае, рабство у традиции и рабство у деспота отнюдь не одно и то же. Можно быть рабом традиции, будучи вполне свободным от любой деспотической политической власти (и наоборот). Данное обстоятельство заставляет вспомнить и о вполне реальной нетождественности внешней и внутренней свободы. Отнюдь не тождественны и, например, свобода политическая и свобода экономическая. И т.п. Итак, уже на данном уровне анализа становится очевидной многомерность "критерия свободы".

Есть и еще одно существенное здесь для нас обстоятельство. Увеличение свободы одной категории людей может сопровождаться заметным уменьшением свободы другой категории. Так, российские дворяне при Екатерине II были вне всякого сомнения существенно свободнее, чем в начале XVIII в. И это было очевидным прогрессом. Но помещичьи крестьяне к концу того же периода оказались ощутимо менее свободными, чем в его начале. И подобное развитие событиий трудно обозначить иначе, чем "антипрогресс". Ведь это же не регресс, не шаг назад к чему-то тому, что уже было. Ведь помещичьи крестьяне никогда до того не были так несвободны, как в правление Екатерины II (см., например: [Ключевский, 1989. С. 118–145]). Но и прогрессом назвать это движение вряд ли кто-то решится (с чем-то подобным мы уже сталкивались выше на примере становления империи Цинь Шихуанди), тем более что речь идет о прогрессе по "критерию свободы".

В результате описать движение только России в XVIII в. даже по одному показателю в виде восходящего (или нисходящего) развития по некой линии оказывается просто невозможным уже по одному рассмотренному выше обстоятельству. Существенно и то, что "критерий свободы" оказывается на поверку крайне многомерным. Это даже не критерий, а система критериев, группа показателей, между которыми хотя и наблюдается заметная корреляция, но она не столь уж жесткая, и в любом случае она достаточно далека от функциональной зависимости. Таким образом, работая даже с одним "критерием свободы", невозможно построить обоснованную однолинейную модель социокультурной эволюции. Но, как было

---

[60] Это становится особенно очевидным при сопоставлении деспотических государств с обществами эгалитарных охотников-собирателей, степень реальной свободы которых многими явно недооценивается (см. ниже, III главу).

показано выше, и одной лишь этой группой критериев ограничиваться исторической антропологии и социологии никак нельзя.

Однако это отнюдь не единственная и не основная форма однолинейного эволюционизма, ибо в настоящее время практически никто не настаивает всерьез на возможности применения одного-единственного эволюционного критерия. Поэтому ниже я сосредоточусь на втором условии, которое могло бы оправдать однолинейный эволюционизм – полной, стопроцентной корреляции (или, другими словами, функциональной зависимости) между ВСЕМИ основными одномерными показателями социокультурной эволюции

Здесь отмечу сразу же, что даже если бы функциональная зависимость существовала между всеми показателями социокультурной эволюции за одним-единственным исключением, уже в этом случае, строго говоря, однолинейная схема искажала бы реальность, уже в этом случае нужно было бы говорить не о линии, а о плоскости эволюции. В реальности же, ситуация обстоит несравненно более драматическим образом – нет ни одной пары значимых эволюционных показателей, между которыми бы наблюдалась стопроцентная корреляция, функциональная зависимость. По крайней мере за более, чем 100 лет поисков подобных корреляций ни одной реальной функциональной зависимости между какими-либо социоэволюционными показателями обнаружено не было (обзор результатов подобных поисков см., например, в: [Levinson & Malone, 1981; Ember & Levinson, 1991]). Уже из этого очевиден тот факт, что в реальности речь может идти не о линии, не даже о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве-поле социокультурной эволюции.

Остановимся, все-таки, несколько подробнее на той версии однолинейного эволюционизма, которая сохраняет свое определенное влияние вплоть до настоящего времени. Речь идет о марксистском однолинейном эволюционизме. Действительно, мысль о наличии стопроцентной корреляции (функциональной зависимости) между всеми основными эволюционными параметрами была сформулирована Марксом предельно четко:

> "Возьмите определенную ступень развития производственных сил людей, и вы получите определенную форму обмена и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, – словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй" [Маркс, 1846. С. 530].

В действительности, ни одному из значений любого из вышеназванных параметров не соответствует однозначно значение никакого другого параметра. Можно взять определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и получить самые разные типы общественного строя, организации семьи, сословий или классов. Например, африканские охотники-собиратели хадза (или сан/бушмены Калахари), с одной стороны, и охотники-собиратели Центральной Австралии находятся на одной и той же "ступени развития производства, обмена и потребления", однако с точки зрения "организации семьи" они находятся едва ли ни на противоположных полюсах эволюционного спектра. Если семья хадза или бушменов характеризуется равноправным положением в ней женщины, то среди австралийских аборигенов положение женщин является исключительно неравноправным, при этом уровень этого неравноправия по многим параметрам превосходит таковой у подавляющего большинства всех известных науки обществ (включая, сюда и сложные стратифицированные общества) – ср., скажем: [Woodburn, 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова, 1987; 1989; 1991; 1993; Artemova, 2000a; 2000b; Чудинова, 1981; Whyte, 1978. P. 49–94; Казанков, 2000; Kazankov, 2000].

Или, скажем, средневековые общества "Большой Ойкумены" (пояса развитых цивилизаций Евразии и Северной Африки) находились на принципиально одной ступени развития материальных производительных сил (как это было убедительно показано, например, Илюшечкиным [1986а. С. 66–75; 1986б. С. 58–71; 1990; 1997. Гл. 4 и др.]. Но в этих обществах мы находим, скажем, достаточно разные формы связи специализированного ремесла с земледелием, от почти полного господства товарно-рыночных форм в некоторых западноевропейских обществах (Северная Италия, Южная Германия, Нидерланды и др.) до преобладания государственно-дистрибутивных форм (например, в городском ремесле фатимидского Египта) или общинно-реципрокных (в "сельском секторе" Северной Индии) – см., например: [Семенова, 1974. С. 71–81; Алаев, 1981. С. 67–71]. Это не значит, что развитие по двум данным параметрам никак между собой не связано. Определенная закономерность здесь безусловно присутствует, но проявляет она себя в виде именно не очень жесткой корреляции. Нетрудно показать, что то же самое относится и ко всем остальным постулированным Марксом функциональным зависимостям – нетрудно показать, что во всех случаях речь может идти лишь о не очень жестких корреляциях. Соответственно любые однолинейные модели в таких случаях оказываются здесь в конечном счете абсолютно неприемлимыми.

Теперь рассмотрим одну из наиболее влиятельных на Западе однолинейных эволюционных схем – схему эволюции форм политической организации, разработанную Э. Сервисом [Service, 1962/1971; набро-

сок этой схемы был, впрочем, впервые сделан М. Салинзом [Sahlins, 1960. P. 37]): *band – tribe – chiefdom – state.* На первый взгляд, может показаться, что одномерность этой схемы оправданна, ибо она рассматривает лишь одно эволюционное измерение. Однако на самом деле все оказывается значительно сложнее.

Начнем с того, что уже предлагалось заменить в этой схеме "племя" *суверенной деревенской общиной* [Townsend, 1985. P. 146; Carneiro, 1987. P. 760]. *Племя,* таким образом, оказалось на гране того, чтобы быть выброшенным из вышеназванной эволюционной схемы. Однако вряд ли можно с таким предложением полностью согласиться. Действительно, социально-политические формы, полностью идентичные описанным Сервисом, существовали на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века и Новое время (и существуют сейчас): эти племенные системы охватывают обычно более одной общины и имеют тип политического лидерства, полностью идентичный тому, что описан Сервисом как типический для *племени.*

Действительно, сравним:

> "Лидерство в племенном обществе является личным... и осуществляется только для достижения конкретных целей; отсутствуют какие-либо политические должности, характеризующиеся реальной властью, а 'вождь' здесь просто влиятельный человек, что-то вроде советчика. Внутриплеменная консолидация для совершения коллективного действия, таким образом, не совершается через аппарат управления... Племя... состоит из экономически самодостаточных резидентных групп, которые из-за отсутствия высшей власти берут на себя право себя защищать. Проступки против индивидов наказываются самой же корпоративной группой... Разногласия в племенном обществе имеют тенденцию генерировать между группами конфликты с применением насилия"[61] [Service, 1971 [1962]. P. 103];

---

[61] "*Leadership is personal... and for special purposes only in tribal society; there are no political offices containing real power, and a 'chief' is merely a man of influence, a sort of adviser. The means of tribal consolidation for collective action are therefore not governmental... Tribe... is composed of economically self-sufficient residential groups which because of the absence of higher authority take unto themselves the private right to protect themselves. Wrongs to individuals are punished by the corporate group, the 'legal person'. Disputes in tribal society tend to generate feuds between groups*". Необходимо подчеркнуть, что характеристикой племенной ОРГАНИЗАЦИИ логичнее все-таки было бы считать не столько сами конфликты между составляющими племя "резидентными группами", которые характеризуют и первобытные сообщества, не имеющие племенной организации (Сервис относит

и, например:

> "Шейх не может предпринимать чего-либо от лица своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть конкретно с ними согласована" [Dresch, 1984a. P. 39]. "Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается ему его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах, и участвовать успешно" [для того, чтобы свою власть сохранить][62] [*Ibid*. P. 41]; см. также: Chelhod, 1970; 1979; 1985. P. 39–54; Dostal, 1974; 1985; 1990. S. 47–58, 175–223; Obermeyer, 1982; Dresch, 1984b; 1989; Abu Ghanim, 1985; 1990. S. 229–251 и т.д.].

Мы имеем здесь дело с определенным типом политии, который не может быть идентифицирован ни с *бэндом,* ни с деревенской общиной (потому что подобные племена обычно охватывают более одной общины), ни с вождествами (потому что они имеют совершенно иной тип политического лидерства), ни, естественно, с государствами. Этот тип политии также совсем не просто вставить в рассматриваемую схе-

---

последние к "*the band level of sociocultural integration*" [Service, 1971 /1962/. P. 46–98]), а то, что племенная организация ставит эти конфликты в определенные рамки, заставляет стороны конфликтовать по определенным правилам, предоставляет в распоряжение сторон зачастую крайне развитые механизмы посредничества и т.п., нередко вполне эффективно блокируя потенциально крайне дезинтегрирующие следствия подобных конфликтов, но не отчуждая вместе с тем "суверенитета" резидентных групп (Сервис в общем-то говорит об этом на последующих страницах, но, на мой взгляд, недостаточно четко). Необходимо также отметить, что описанная Сервисом ситуация может быть связана не обязательно лишь с полным отсутствием каких-либо надплеменных политических структур ("*higher authority*"), а с их слабостью (как это наблюдается для большинства племен Ближнего и Среднего Востока); слабость же подобных структур в "племенных районах" может быть в свою очередь нередко связана именно с эффективностью племенной организации, позволяющей достаточно высокоразвитому населению обходиться без организации государственной.

[62] "*A* shaykh *cannot ... make undertakings on his men's behalf simply on the basis of his formal position; each undertaking which affects them must be specifically agreed to...*" [Dresch, 1984a. P. 39]. "*The power which a shaykh may have over groups of tribesmen is not conferred on him by his position. He must constantly intervene in their affairs, and intervene successfully" [in order to preserve his power]* [*Ibid*. P. 41].

му где-то между деревенской общиной и вождеством. Действительно, как было убедительно показано Карнейро (например: [Carneiro, 1970; 1981; 1987; 1991; Карнейро, 2000 и т.д.]), вождества обычно возникают в результате политической централизации нескольких общин, без предшествующей этому стадии "племени". С другой стороны, на Ближнем и Среднем Востоке[63] многие племена появились в результате политической децентрализации вождеств, которые предшествовали племенам во времени. Важно подчеркнуть, что во многих случаях подобного рода трансформацию никак нельзя отождествлять с "регрессом", "упадком" или "дегенерацией", так как в таких случаях мы наблюдаем, что политическая децентрализация сопровождается ростом, а не упадком общей культурной сложности (см.: [Коротаев, 1995в; 1996а; 1996б; 1997; 1998; 2000; Korotayev, 1995; 1996; 2000a; 2000b]). Таким образом, во многих отношениях племенные системы ближневосточного типа оказываются скорее эволюционными альтернативами вождествам (а не их предшественниками).

Выше мы рассмотрели лишь один конкретный аспект проблемы. В более же общем виде можно констатировать следующее. Хотя схема Салинза/Сервиса обычно рассматривается в качестве модели только лишь политической эволюции, а, следовательно, обоснованно однолинейной (ибо она в таком случае учитывает лишь одно эволюционное измерение), на самом деле она построена на применении нескольких эволюционных критериев – уровня сложности, типа лидерства, уровня

---

[63] В настоящее время я склонен предполагать, что Ближний и Средний Восток был одним из очень немногих регионов, где племя как ***ОСОБАЯ*** форма политической организации получило широкое распространение. По-видимому, племена также фиксируются как определенная фаза в циклических процессах "вождество – племя – вождество" среди кочевников Центральной Азии и Дальнего Востока [Kradin, 1993; 1994]. Некоторые политические системы североамериканских индейцев (см., например: [Hoebel, 1977]) также, видимо, могут обоснованно рассматриваться как племена. Однако в подобных случаях не видно никаких оснований рассматривать племя как эволюционного предшественника вождества, а не наоборот. В большинстве же других регионов то, что обозначается как "племена", представляет собою этнические (а не политические) образования, общины или вождества (множество подобно рода примеров приводится Фридом [Fried, 1967b; 1975]); поэтому в подобных случаях нет никакой особой необходимости говорить о племени как особой форме политической организации – именно поэтому исследователи, специализирующиеся на изучении таких регионов, и полагают зачастую, что племя есть категория излишняя.

стратифицированности и т.д., и предполагает именно стопроцентную корреляцию (т.е. функциональную зависимость) между ними. Схема эта предполагает, что рост политической сложности (как минимум, вплоть до стадии аграрного государства) неминуемо сопровождается ростом неравенства, стратифицированности, социальной дистанции между правителями и управляемыми, авторитаризма и иерархичности политической системы, уменьшением уровня политического участия основной массы населения и т.п. Конечно же, оба данных набора параметров кажутся связанными между собой достаточно тесно. Достаточно очевидно, что здесь наблюдается корреляция, и достаточно жесткая. Но точно также очевидно, что это именно корреляция, но никак не функциональная зависимость. Конечно же, данной корреляции соответствует совершенно возможная линия социально-политической эволюции – от эгалитарного акефального *бэнда* через возглавляемую бигменом деревенскую общину с заметно более выраженным социально-экономическим неравенством и политической иерархичностью к "авторитарной" общине с сильной властью ее вождя (находимой, например, среди индейцев Северо-Западного Побережья; см., например: [Карнейро, 2000; Carneiro, 2000]), а затем через действительные вождества с еще более выраженными стратификацией и концентрацией политической власти в руках вождя к сложным вождествам, где политическое неравенство достигает качественно более высокого уровня, и наконец, к аграрному государству, где все вышеназванные показатели достигают своей кульминации (хотя можно, конечно, двигаться и дальше, до уровня "империи"; см., например: [Adams, 1975]). Вместе с тем исключительно важно подчеркнуть, что на каждом уровне растущей политической сложности данной линии можно найти очевидные эволюционные альтернативы.

Начнем с самого простого уровня. Действительно, акефальные эгалитарные бэнды встречаются среди большинства неспециализированных охотников-собирателей. Однако, как было показано Вудберном и Артемовой [Woodburn, 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова, 1987; 1989; 1991; 1993; 2000a; 2000b; Чудинова, 1981], некоторые из подобных охотников-собирателей (а именно неэгалитарные, к которым относятся прежде всего австралийские аборигены) демонстрируют сущностно отличный тип социально-политической организации со значительно более структурированным политическим лидерством, сконцентрированным в руках относительно иерархически организованных старших мужчин, с явно выраженным неравенством как между мужчинами и женщинами, так и среди самих мужчин. Это различие представляется мне столь глубоким, что я бы предложил обозначать

эти два типа политий двумя разными терминами,[64] – сохранив термин *бэнд* для обозначения эгалитарных политий, и обозначая неэгалитарные – как *локальные группы*; действительно, локальность неэгалитарных групп охотников-собирателей, концентрирующихся и структурирующихся вокруг тотемических центров, несравненно более выражена, чем среди постоянно делящихся и сливающихся эгалитарных групп.

На следующем уровне политической сложности мы снова находим общины как с иерархической, так и неиерархической политической организацией. Можно вспомнить, например, хорошо известный контраст между индейцами калифорнийского Северо-Запада и Юго-Востока:

> "Калифорнийские вожди находились как бы в центре экономической жизни общества, они осуществляли контроль над производством, распределением и обменом общественного продукта... Власть вождей и старейшин постепенно приобретала наследственный характер, что со временем стало типичным явлением для Калифорнии... Только у племен, населявших северо-запад Калифорнии, несмотря на сравнительно развитую и сложную материальную культуру, отсутствовали характерные для остальной Калифорнии четко выраженные социальные роли вождей. Вместе с тем только здесь было известно рабство... Население этого региона имело представление о личном богатстве... Социальный статус человека прямо зависел от количества находившихся в его распоряжении... материальных ценностей..." и т.д. [Кабо, 1986. С. 180].

Здесь можно вспомнить и общины ифугао Филиппин (см., например: [Barton, 1919, 1922, 1938; Мешков, 1982]) с характерным для них отсутствием авторитарного политического лидерства (особенно очевидным в сравнении, скажем, с общинами Северо-Западного Побережья), но с сопоставимым общим уровнем социокультурной сложности.

Таким образом, уже на уровне общин элементарной и средней сложности мы наблюдаем несколько типов альтернативных политических форм, каждая из которых должна бы обозначаться особым термином.

Возможные альтернативы вождествам в неолитической Юго-Западной Азии, неиерархические системы сложных акефальных об-

---

[64] Несомненно, более внимательное изучение неспециализированных охотников-собирателей (базирующееся на антропологической интерпретации археологических материалов) выявит в будущем и другие типы их социополитической организации.

щин с выраженной автономией малосемейных домохозяйств, недавно были проанализированы Березкиным, который обоснованно предлагает им апа-тани в качестве этнографической параллели [Березкин, 1995а; 1995б; 1997; 2000; Berezkin, 1995; 2000 и др.]. Французов находит еще более развитый пример подобного рода политий на юге Аравии в вади Хадрамаут I тыс. до н.э. [Французов, 2000; Frantsouzoff, 1995, 1997, 2000].

В качестве другой очевидной альтернативы вождеству, как было показано выше, выступает племя.

Мне уже приходилось ранее [Коротаев, 1995а; Korotayev, 1995b] приводить аргументацию в пользу того, что, существует очевидная альтернатива развитию жестких надобщинных политических структур (вождество – сложное вождество – государство) в виде развития структур внутриобщинных вместе с эволюцией мягких межобщинных систем, не отчуждающих общинного суверенитета (разнообразные конфедерации, амфиктионии и т.д.). Один из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении это греческие полисы [Берент 2000; Berent, 1994, 1996, 2000], некоторые из которых достигли общего уровня культурной сложности, сопоставимого не только с вождествами, но и с государствами.

Племенной и полисный эволюционные ряды образуют, по-видимому, разные эволюционные направления, характеризующиеся своими отличительными чертами: полисные формы предполагают власть “магистратов”, выбираемых тем или иным путем на фиксированные промежутки времени и контролируемых народом (*демосом*) в условиях отсутствия регулярной бюрократии. В рамках племенных систем наблюдается вообще полное отсутствие каких-либо формальных должностей, носителям которых члены племени бы подчинялось только потому, что они являются носителями должностей определенного типа (а не в силу обладания ими определенными личными качествами), а поддержание порядка достигается через изощренную систему посредничества и поиска консенсуса.

Существует также значительное число и иных сложных безгосударственных политий, например, таковые у казаков Украины и Южной России (вплоть до конца XVII в. [Чиркин, 1955; 1957; Рознер, 1970; Никитин, 1987 и др.]), или исландская полития "эпохи народоправства" (вплоть до середины XIII в. [Ольгейрссон, 1957; Гуревич, 1972; Стеблин-Каменский, 1984]), которые не имеют еще для своего обозначения каких-либо общих терминов.

Еще одна очевидная альтернатива государству, по-видимому, представлена сверхсложными (суперсложными) вождествами, созданными кочевниками Евразии – количество структурных уровней в подобных вождествах равно или превышает количество таковых для

среднего государства, но они имеют качественно отличный от государства тип политической организации и политического лидерства; политические образования такого рода, по-видимому, никогда не создавались земледельцами [Крадин, 1992; 1994; 1995; 1996; 2000; Трепавлов, 1995; 2000; Скрынникова, 1997; 2000; Марей, 2000; Kradin, 2000a; 2000b; Marey, 2000; Skrynnikova, 2000; Trepavlov, 2000].

Но и это не все. Существует и еще одна проблема со схемой Сервиса/Салинза. Она со всей очевидностью принадлежит к "до-мир-системной" эпохе, уверенно опираясь на представление о том, что одну отдельную политию можно вполне рассматривать как достаточную единицу социокультурной эволюции. Возможно, это было бы не так уж и важно, если бы Салинз и Сервис говорили о типологии политии; однако они-то говорят именно об "уровнях культурной интеграции"; и в подобном контексте мир-системное измерение оказывается абсолютно релевантным.

Суть проблемы здесь заключается в том, что тот же самый общий уровень культурной сложности может достигаться как через нарастающее усложнение одной политии (поглощающей соседние политии), так и через развитие политически не централизованной межполитийной сети. Эта альтернатива была замечена еще Валлерстайном, что нашло отражение в предложенной им дихотомии *мир-экономика – мир-империя* (см., например: [Wallerstein, 1974; 1979; 1987]). Примечательно, что и сам Валлерстайн рассматривает два члена этой дихотомии именно как альтернативы, а не как стадии социокультурной эволюции. Как нетрудно догадаться, здесь я в основе своей с Валлерстайном согласен. Тем не менее, мне тут видится и некоторое неоправданное упрощение. В целом, я хотел бы подчеркнуть, что здесь мы имеем дело с частным случаем значительно более широкого набора эволюционных альтернатив.

Развитие политически децентрализованной межполитийной сети стало эффективной альтернативой развитию монополитии еще до возникновения первых империй – скажем, здесь можно вспомнить межполитийную коммуникативную сеть гражданско-храмовых общин Месопотамии первой половины III тыс. до н.э., которая поддерживала уровень технологического развития, существенно более высокий, чем у синхронного ей политически централизованного Египетского государства. Примечательно и то, что межобщинные коммуникативные сети могли представлять эффективную альтернативу уже вождеству – например, социально-политическая система предгималайских апатани лучше всего может быть описана, видимо, именно как межобщинная коммуникативная сеть (между прочим, в свою очередь выступавшая как ядро в рамках более широкой коммуникативной сети,

включавшей в себя соседние менее развитые политии (вождества и суверенные общины) – см., например: [Führer-Haimendorf, 1962].

Мне также представляется непродуктивным обозначать альтернативу *мир-империи* как *мир-экономику.* Такое обозначение, как кажется, недоучитывает политических, культурных и информационных измерений подобных систем.

Возьмем, например, классическую греческую межполисную систему. Уровень сложности многих греческих полисов был достаточно низким даже в сопоставлении со сложным вождеством. Однако они были частями значительно более обширной и несравненно более сложной общности, образованной многочисленными экономическими, политическими и культурными связями и общими политико-культурными нормами. Экономические связи, конечно же, играли какую-то роль в рамках данной системы. Но прочие связи были отнюдь не менее важны. Возьмем в качестве примера норму, согласно которой межполисные войны приостанавливались во время Олимпийских игр, что делало возможным безопасное движение людей, а значит и гигантских количеств энергии, вещества и информации в пределах территории, на порядки превосходящую территорию среднего сложного вождества. Существование межполисной коммуникативной сети делало возможным, например, для индивида, родившегося в одном полисе, получить образование в другом полисе, а основать свою школу в третьем. Существование подобной системы долгое время резко уменьшало деструктивность межполисных войн. Она была той основой, на базе которой оказывалось возможным предпринимать значимые межполисные коллективные действия (что оказалось жизненно важным, скажем, в эпоху Греко-Персидских войн). И т.д. В результате, полис с уровнем сложности, недотягивавшим до такового у сложного вождества, выступал в качестве части системы, чья сложность оказывалась вполне сопоставимой с государством (и не только ранним).

То же самое в основе своей, как кажется, может быть сказано и применительно к межсоциумной коммуникативной сети средневековой Европы (чья суммарная сложность оказывалась сопоставимой с таковой у средней мир-империи). Примечательно, что в обоих случаях некоторые элементы соответствующих систем могут рассматриваться как составные части мир-экономик, более обширных, чем эти системы. С другой стороны, не все составные части коммуникативных сетей были вполне интегрированы экономически. Это показывает, что "мир-экономики" были не единственно возможным типом политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей. На самом деле, в обоих случаях мы имеем дело с политически децентрализованными цивилизациями, которые на протяжении большей части

человеческой истории последних тысячелетий и составляли наиболее эффективную альтернативу мир-империям.

Необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что межсоциумные коммуникативные сети могли появляться и среди несравненно менее сложных обществ (Валлерстайн обозначил их как "минисистемы", однако так никогда и не занимался их изучением, что, впрочем, сделали другие сторонники мир-системного подхода; см., например: [Chase-Dunn, Hall, 1987 и др.]). Кажется возможным говорить уже, скажем, о коммуникативной сети, покрывавшей собою бóльшую часть аборигенной Австралии. И снова мы здесь сталкиваемся со сходным феноменом – значительная степень культурной сложности (изощренные формы ритуалов, мифологии, искусств, танца и т.д., нередко превосходящие по своей сложности таковые у ранних земледельцев) может быть объяснена тем фактом, что относительно простые локальные группы австралийцев были частями значительно более сложного целого, гигантской коммуникативной сети, охватывавшей, по-видимому, бóльшую часть Австралийского континента (см., например: [Бахта, Сенюта, 1972; Артемова, 1987]).

Формирование сложной межсоциумной коммуникативной сети на промежуточном уровне наблюдалось, например, в предисламской Западной Аравии, где она развилась в значительной степени как эффективная альтернатива политическим системам аравийских царств и вождеств, разрушенных в ходе адаптации арабов к социально-экологическому кризису VI века, вызванного, по-видимому, пиком тектонической и вулканической активности, приведшему через достаточно сложную цепь причинно-следственных связей к серии "голодных лет", недородов (см. приложения 2–6 к данной монографии, а также: [Korotayev, Klimenko, Proussakov, 1999]).

Эта довольно эффективная адаптация в основе своей заключалась в том, что большинство социально-политических систем Северной и Центральной Аравии вполне адекватно отреагировало на этот кризис отторжением надплеменных политических структур (т. е. большинства аравийских "царей" [*muluk*], политических лидеров вождеств и агентов их власти), которые начали представлять реальную угрозу для элементарного выживания рядовых членов аравийских племен. Действительно, трудно представить, что-то более угрожающее и неприятное, чем появление в "голодный год" сборщиков податей, требующих уплаты "царских" налогов, когда имеющихся в вашем распоряжении продуктов питания откровенно недостаточно даже для того, чтобы прокормиться самим и накормить своих детей.

Однако арабы не просто разрушили большинство из этих жестких надобщинных политических структур, отчуждавших племенной суверенитет; они также выработали альтернативные "мягкие" структуры

надплеменной культурно-политической интеграции, не представлявшие угрозы племенному суверенитету. Наиболее примечательным здесь представляется развитие системы священных анклавов и регулярных паломничеств к ним, сопровождавшихся ярмарками (*mawasim*).

В результате мы можем наблюдать здесь развитие в высшей степени эффективных межсоциумных коммуникативных сетей, из которых лучше всего известна коммуникативная сеть, тождественная западноаравийскому религиозно-политическому ареалу. По-видимому, она образовалась в результате расширения зон влияния соответствующих святилищ, и их интеграции в единый религиозно-политический ареал.

Это, конечно, был прежде всего религиозный ареал, однако он имел и очевидные политические измерения. Именно во время паломничеств-ярмарок (*mawasim*) к упомянутым выше святилищам "традиционное племенное общество развивало разнообразные межплеменные связи, производило обмен религиозными и культурными идеями, как впрочем, и обычными товарами. Кроме того здесь решались и разнообразные юридические проблемы (заключение перемирий, выплаты долгов, компенсаций за убийство, выкуп пленных, подыскивание клиентов, розыск пропавших без вести, решение вопросов наследования и т. д.). Этот обмен идеями и товарами, распространение общих юридических обычаев и религиозных культов среди заметного количества племен играли немаловажную роль в преодолении партикуляризма племенного сознания"[65] ([Simon, 1989. P. 90]; см. в особенности: [Wellhausen, 1897/1961. P. 88–91]).

В результате мы можем наблюдать возникновение определенного политического ареала, более или менее коррелирующего с религиозным, ареала, где были общими не только религиозные, но и многое политико-культурные нормы, где люди последовательно избегали нападать на путешествующих в четыре "священных месяца" (*ashhur hurum*) и рассматривали одни и те же части года в качестве "священных месяцев", где представители разных племен направлялись в одни

[65] *It was in the pilgrimage-fairs at the above mentioned sanctuaries "that traditional tribal society established its manifold contacts, the exchange of the religious and cultural ideas, as well as the barter of products with only use-value. Furthermore, the various legal problems (armistice, debts, benefits, payment of blood-money, bailing out of prisoners, finding of clients, looking for disappeared persons, questions of heritage, etc.) of the participants were also settled there. This exchange of ideas and goods, as well as the spreading of legal customs and cults common to several tribes, that is, regular social contact in general, played no negligible role in the extension of particular tribal consciousness".*

и те же места для урегулирования межплеменных конфликтов, соблюдая при этом одни и те же правила посредничества, и т. д. Здесь достаточно примечателен факт полного отсутствия серьезных межплеменных столкновений в "ареале четырех святилищ" (Маджанны, зу-'л-Маджаза, Указа и Мекки [к этому списку можно, конечно, отдельно от Мекки добавить Арафу и Мина; но они могут рассматриваться и как часть мекканского *харам*а]) между завершением его формирования (т.е. войной *Harb al-Fijar* в конце VI в. н. э.) и началом столкновений с мусульманами. Фактически в этот период мы можем наблюдать в "ареале четырех святилищ" (а в начале VII в. н.э. ареал этот, по-видимому, охватывал не только Западную Аравию, но и заметную часть других аравийских регионов) культурно-политическую систему, которая в условиях отсутствия сколько-нибудь значимой политической централизации обеспечивала воспроизводство гигантской коммуникативной сети, в рамках которой осуществлялся очень интенсивный (и крайне продуктивный) обмен информацией, веществом и энергией.

Этот тип культурно-политической интеграции, похоже, также игнорируется (без каких-либо разумных оснований) практически всеми теориями социокультурной эволюции и, конечно же, абсолютно не укладывается в схему *band – tribe – chiefdom – state* (со всеми ее модификациями). Действительно, все западноаравийские политии начала VII в. н.э., по-видимому, имели довольно-таки "примитивную" социально-политическую структуру (что относится даже к мекканской общине, см., например: [Dostal, 1991]) и, согласно подобно схемам, могут быть классифицированы как "автономные общины", "племена" или в крайнем случае "вождества" (хотя большинство аравийских вождеств, по-видимому, распалось во второй половине VI в. н.э.). Тем не менее, эти политии были частями значительно более широкой культурно-политической системы, общий уровень социальной сложности которой мог бы быть сопоставлен с таковым у среднего "раннего государства"; вместе с тем, из-за того, что рассматриваемая система не была политически централизована, она не имеет шансов найти себе место в вышеупомянутых схемах (как кажется, это относится и в целом к любым процессам социокультурного роста, не сопровождающимся ростом политической централизации или, в особенности, идущим вместе с политической децентрализацией).

Но и это еще не все. Здесь необходимо отметить то обстоятельство, что многие политические образования, традиционно обозначаемы как "государства" и "империи" при более внимательном рассмотрении оказываются заметно более сложными системами, чем это предполагают подобные обозначения. Мне уже приходилось подробно рассматривать тот факт, что, например, так называемое Среднесабейское

царство (Северо-Восточный Йемен, II–III вв. н.э.) в действительности представляло собой не просто государство, а скорее достаточно сложную социально-политическую систему, состоявшую из слабого государства в центре и сильных вождеств на периферии (а также, по-видимому, нескольких политически автономных гражданско-храмовых обществ в центре и нескольких собственно племен на дальней системной периферии). В раннеисламский период эта общность, по-видимому, трансформировалась в систему, состоявшую из несколько более сильного государства в центре и собственно племен (а не вождеств) на периферии [Коротаев, 1995в; 1996а; 1996б; 1997; 1998; 2000; Korotayev, 1995в; 1996а; 1996б; 1997; 1998; 2000a; 2000b]. Я предлагаю использовать в таких случаях термин *мультиполития*, которую я бы определил как высокоинтегрированную систему, состоящую из политически субординированных разнородных политий (например, государства и вождеств, или государства и племен). Подобные политические системы необходимо отличать от политически децентрализованных межсоциумных коммуникативных сетей, состоящих из независимых, суверенных политий. Конечно же, нет никаких оснований рассматривать *мультиполитию* как локальный южноаравийский феномен. Внеюжноравийские примеры мультиполитий северойеменского "зейдитского" типа ("государство + племена") можно легко найти на Ближнем и Среднем Востоке последних двух веков (см., например: [Evans-Pritchard, 1949; Eickelman, 1981. P. 85–104; Tapper, 1983; Al-Rasheed, 1994 и т.д.]); внейеменские примеры мультиполитий среднесабейского типа ("государство + вождества [+ политически автономные общины]") можно без труда найти на том же Ближнем и Среднем Востоке (где заметное число так называемых племен представляло [и отчасти до сих пор представляет] собой скорее вождества в терминологии Сервиса [Service, 1971 /1962/. P. 144; Johnson, Earle, 1987. P. 238–43 и т.д.]). За пределами Ближнего и Среднего Востока этот тип мультиполитии может быть найден, скажем, в Западной Африке (например, Бенин в некоторые периоды его истории [Бондаренко, 1995а; 1995б; 1995в; 1996; 1997; 1998; Bondarenko, 1994; 1997; 1998; Bondarenko & Roese, 1998] и, возможно, некоторые другие западно-африканские "королевства" [Service, 1971/1962. P. 144]). Конечно, два вышеупомянутых типа мультиполитий не исчерпывают всего их многообразия. Например, применительно к более низким уровням сложности можно упомянуть, скажем, т.н. "Государство святых" (*the "State of the Saints"*) Центрального Атласа, периферия которого состояла из племен, однако центр его не может быть охарактеризован ни как государство, ни как вождество, ни как племя [Gellner, 1969].

Однако мультиполитии легко могут быть найдены и на более высоких уровнях сложности – собственно говоря, большинство доиндустриальных империй при более внимательном анализе их реальной внутренней структуры оказываются именно мультиполитиями.

Например, империи древней Индии оказывается предпочтительнее охарактеризовывать не через понятие "государство" а при помощи санскритского термина *mandala*, который оказывается практически полным синонимом понятия *мультиполития* (см., например: [Вигасин, Лелюхин, 1987; 2000]).[66] Ахеменидская империя также оказывается больше похожей на мультиполитию, состоявшую из государства в центре и разного рода политий на периферии (греческих полисов Малой Азии, гражданско-храмовых общин Месопотамии и Палестины и т.д.); в качестве мультиполитий вполне могут быть охарактеризованы и Египетская империя Нового царства (состоявшая из достаточно зрелого государства в долине Нила и множества разнородных политий – ранних государств, вождеств, племен, политически автономных общин – в азиатской части империи и на африканской периферии), Ассирийская империя, Римская империя эпохи Принципата, средневековая Римская империя Германской нации, Халифаты Омейййадов и, в особенности, Аббасидов, Восточночжоуский Китай, практически все империи, созданные кочевниками, и в целом, как уже говорилось подавляющее большинство доиндустриальных империй. Впрочем, кажется возможным найти и примеры аграрных монополитийных империй – например, недолговечную империю Цинь в Китае, или Римскую империю эпохи Домината (но не Принципата!). Однако выглядят они скорее исключениями из общего правила. В этом смысле в обычных терминах именно мультиполития оказывается соответствующей "магистральной" линии эволюции крупных политических образований доиндустриальной эпохи, монополитийные же империи-государства

[66] Термин *mandala* уже начал применяться к социально-политическим системам вне собственно Индии, кстати, по отношению именно к тем системам, которые мы называем "мультиполитиями" (*multipolities* – см., напр.: [Christie, 1995]). Кристи, похоже, рассматривает такие социополитические системы в качестве необычных случаев (напр.: [Christie, 1995. P. 269]), в то время как Классен [Claessen, 1996], соглашаясь с ней в данном вопросе, рассматривает центры таких систем как вполне типичные ранние государства. Я со своей стороны полагаю, что такие системы не являлись необычными для большинства (но не всех) досовременных крупных политических объединений ("империй"). При более внимательном изучении они оказываются *мульти*политиями (≈ *mandala*), а не *моно*политиями (государствами).

выглядят здесь скорее как достаточно редкая эволюционная альтернатива. Монополитийные империи-государства начинают преобладать среди крупных политических образований только в Новое время, и в непосредственной связи с процессами модернизации.

В целом, в центре подобных мультиполитий обычно оказываются государства. Но, похоже, это наблюдается далеко не всегда. Например, Скрынникова предполагает, что даже в центре Монгольской империи функционировало не государство, а суперсложное вождество, в то время как государственные структуры здесь концентрировались скорее на периферии мультиполитии [Скрынникова, 2000]. И это, по-видимому, не исключение; скорее это даже типично для большинства империй, созданных кочевниками [Крадин, 2000]. Однако, государство не всегда обнаруживается и в центре других "империй". Раннеисламская полития, конечно же, не может рассматриваться в качестве империи, созданной кочевниками (лидеры ее основателей происходили из оседлого населения Мекки и Йасриба, а йеменские земледельцы составляли не менее важную часть исламских армий, чем бедуины Центральной Аравии – см., например: [al-Madaj, 1988]); тем не менее, хотя аравийцы и унаследовали некоторые государственные структуры на периферии своей мультиполитии, центр этой "империи" вплоть до 60-х гг. VII в. можно было лишь с большой натяжкой охарактеризовать как действительное государство – полития эта скорее сочетала черты теократического вождества и гражданской общины, и, видимо, должна бы иметь свое собственное обозначение (например, арабское *умма*?). А для того, чтобы трансформировать центр этой Раннеисламской "империи" в действительное государство, потребовались колоссальные усилия со стороны Омеййадов и их сторонников. Усилия эти к тому же встретили яростное сопротивление со стороны значительной части *уммы*, так что для достижения этой трансформации помимо всего прочего потребовались две кровавые гражданские войны (т. е., по сути дела, настоящая политическая революция). Наконец, нельзя здесь не вспомнить и позднюю Римскую республику, которая также, по-видимому представляла собой мультиполитию, где государственные структуры развивались скорее на периферии системы, в то время как центр ее представлял собой по-прежнему *civitas* (т.е. безгосударственную политическую форму полисного типа – см., например: [Штаерман, 1989]).

В любом случае, достаточно очевидно, что разные уровни политической централизации могут соответствовать одному и тому же уровню общей социокультурной сложности, в то время как несколько разных типов политий могут соответствовать одному и тому же уровню политической сложности. Таким образом оказывается невозможным выстроить в одну линию даже одни лишь формы политической орга-

низации. Очевидно, что если мы примем в расчет и другие параметры социокультурной эволюции, мы получим еще менее линейную картину. Например, С. Ковалевски [Ковалевски, 2000; Kowalewski, 2000] обращает внимание на существование в доколумбовой Мезоамерике двух качественно разных типов социально-политических систем, один из которых характеризовался "сетевой", а другой – "корпоративной" стратегиями. При этом общества как одного, так и другого типа могли характеризоваться самыми разными уровнями культурной сложности, так что оказывается принципиально невозможным рассматривать эти типы обществ в качестве эволюционных стадий. Ковалевски таким образом добавляет еще одно измерение альтернативности, которое, безусловно, должно учитываться в дальнейшем при разработке адекватных социоэволюционных моделей.

§ 2

Многолинейные подходы

На самом деле, в последние годы оказывается все более и более трудным отыскать таких исследователей социокультурной эволюции, которые открыто называли бы себя "однолинейными эволюционистами". Большинство скорее отождествляет себя с разного рода многолинейными моделями. Однако то, что преподносится как "многолинейный подход", на поверку зачастую оказывается однолинейной по сути своей схемой. Наиболее влиятельной версией подобного "псевдомноголинейного" подхода нужно признать таковую в формулировке раннего Салинза [Sahlins, 1960].

Как хорошо известно, он предложил рассматривать многолинейную эволюцию как результат взаимодействия ее "общей" и "специфической" компонент. При этом "специфическая эволюция" определяется как "историческое развитие конкретных культурных форм..., филогенетическая трансформация через посредство адаптации"[67]; в то же самое время "общая" эволюция понимается как "прогрессия *классов* форм, или, другими словами, как движение культуры по стадиям универсального прогресса"[68] [Sahlins, 1960. P. 43]. "В целом, общая культурная эволюция, представляет собой движение от меньшей к большей трансформации энергии, от более низких к более высоким уров-

---

[67] "*the historic development of particular cultural forms..., phylogenetic transformation through adaptation*".

[68] "*the progression of classes of forms, or in other words, the succession of culture through stages of overall progress*".

ням интеграции, и от меньшей к большей общей адаптированности”[69] [Sahlins, 1960. P. 38].

Действительно, на первый взгляд, этот подход выглядит истинно многолинейным – он реально предполагает существование неограниченного числа потенциальных эволюционных траекторий (а следовательно, в некотором смысле, эволюционных альтернатив) в результате взаимодействия между этими двумя компонентами. Вместе с тем, я полагаю, что подобный подход не дает действительно адекватной основы для изучения альтернатив социокультурной эволюции.

Подход Салинза уже подвергался разносторонней критике (см., например: [Harris, 1968; Ingold, 1986. P. 18–21; Sanderson, 1990. P. 132–133 и т.д.]). Однако я полагаю, что моя критика этого подхода является заметно более полной; вместе с тем, она включает в себя и некоторые из критических замечаний вышеназванных авторов.

Начнем с не самого важного из этих критических замечаний. Уже сами по себе понятия “общей” и “специфической” эволюции безусловно вводят в заблуждение, в особенности если учесть тот факт, что Салинз применяет их к эволюции вообще, не только к социальной, но и к биологической. В самом деле, “диверсификация происходит на всех уровнях практически всегда, в то время как движение 'вверх' наблюдается крайне редко” ([Ingold, 1986. P. 19] со ссылкой на: [Stebbins, 1969. P. 120]). Таким образом, то, что Салинз называет “специфической эволюцией”, является на самом деле как раз “общей” (= *general*) в общепринятом смысле этого прилагательного, в то время как т.н. “общая” эволюция является в высшей степени специфическим видом эволюционного движения.

Однако по-настоящему важно другое обстоятельство. Салинз совершает обе основных ошибки однолинейных эволюционистов: (1) он рассматривает в качестве единой переменной несколько слабо коррелирующих между собой параметров и (2) он настаивает на существовании полной корреляции (т.е. функциональной зависимости) между всеми основными интересующими его группами параметров.

Начнем с “движения от более низких к более высоким уровням интеграции”. Посмотрим, как Салинз описывает эти уровни применительно к социокультурной эволюции:

> “На первобытном уровне мы наблюдаем наименее продвинутую форму, несегментированные (ни на что кроме семей) акефальные – и, как правило, доземледельческие – *бэнд*ы. На более высоком

[69] *"General cultural evolution, to summarize, is passage from less to greater energy transformation, lower to higher levels of integration, and less to greater all-round adaptability".*

уровне развития находятся земледельческие и скотоводческие племена, сегментированные на кланы, линиджи и т.п., но не имеющее явно выраженных вождей. На уровне, более высоком, чем эгалитарные *племена,* находятся *вождества* со свойственными им более высокой продуктивностью, внутренней дифференциацией статусов и развитым институтом вождя...” и т.д. вплоть до *государства*[70] [Sahlins, 1960. P. 37].

Таким образом, здесь мы находим вместо описания различных уровней интеграции хорошо известную схему политической эволюции Сервиса [Service, 1971/1962]. Конечно же, я не хочу сказать, что Салинз позаимствовал эту схему у Сервиса. Скорее Сервис взял вышепроцитированный набросок Салинза и разработал на его основе свою схему, сохранив вместе с тем все ошибки, встроенные в изначальный набросок. Главная же ошибка заключается здесь в том, что уровни культурной интеграции отождествляются с конкретными социополитическими формами. Этим, по сути дела, подразумевается, что только одна социополитическая форма может соответствовать каждому данному уровню интеграции. В результате Салинз упускает из поля своего зрения наиболее интересные эволюционные альтернативы. При этом данному обстоятельству трудно найти обоснование даже в рамках подхода Салинза. В рамках любой логики, скажем, трудно понять, почему качественно новые формы могут появляться только в ходе процессов “общей” эволюции. Не понятно, почему новые формы не могут появляться и в ходе процессов “специфической” эволюции, т.е. “филогенетических трансформаций через адаптацию”. В любом случае очевидно, что все критические замечания, сделанные выше в адрес Сервиса, применимы и к Салинзу: нет никаких оснований говорить о единой линии движения от "низших" к "высшим" формам интеграции. В процессе этого перехода наблюдается большое количество значимых эволюционных альтернатив (см. § 1 данной главы).

Рассмотрим теперь "энергетический" параметр общей эволюции по Салинзу. Салинз утверждает:

---

[70] "*On the primitive level, the unsegmented (except for families) and chiefless* bands *are least advanced – and characteristically preagricultural. More highly developed are agricultural and pastoral tribes segmented into clans, lineages, and the like, although lacking strong chiefs. Higher than such egalitarian* tribes*, and based on greater productivity, are* chiefdoms *with internal status differentiation and developed chieftainship..." etc. up to the* state.

"...Прогресс – это рост общего количества трансформируемой энергии, используемой для создания и поддержания культурной организации. Культура ставит энергию под контроль и направляет ее в нужном направлении; она извлекает энергию из природы и трансформирует ее в людей, материальные блага и работу, в политические системы и идеи, в социальные обычаи и в следование им. Общее количество энергии, трансформированной из свободного в культурное состояние, с учетом, возможно, той степени, насколько много ее теряется при этой трансформации (энтропийные потери), может рассматриваться как критерий общего уровня развития культуры, мера ее достижений"[71] [Sahlins, 1960. P. 35].

Сразу же отметим оговорку – "с учетом, возможно, той степени, насколько много ее теряется при этой трансформации (энтропийные потери)". Оговорка эта заставляет предполагать, что и сам Салинз предполагает, что речь у него реально идет о двух переменных, а не об одной. Действительно, достаточно очевидно, что в подобном контексте имеет значение не только общее количество энергии, "используемой для создания и поддержания культурной организации", но то, насколько эффективно эта энергия используется. По всей видимости, Салинз решил, что эти две переменные могут рассматриваться в качестве одной, просто потому что, он повторил ошибку своего учителя, Лесли Уайта, верившего, что рост по обоим этим параметрам идет одновременно (см., например: [White, 1949. Ch. XIII]). Однако конкретные данные показывают, что корреляция между этими двумя переменными значительно более сложна, при том что бо́льшую часть человеческой истории она была просто отрицательной: собиратель, расходуя 1 джоуль энергии, получил несколько сот джоулей в собранных им продуктах питания; в экстенсивном земледелии этот показатель падает ниже 100, а затем опускается до 10 в интенсивном доиндустриальном земледелии. В интенсивном индустриальном земледелии цифра эта уже стремится к 1 джоулю (на джоуль энергозатрат), а в наибо-

---

[71] *"...Progress is the total transformation of energy involved in the creation and perpetuation of a cultural organization. A culture harnesses and delivers energy; it extracts energy from nature and transforms it into people, material goods, and work, into political systems and the generation of ideas, into social customs and into adherence to them. The total energy so transformed from the free to the cultural state, in combination perhaps with the degree to which it is raised in the transformation (the loss in entropy), may represent a culture's general standing, a measure of its achievement".*

лее интенсивном (парниковом) индустриальном земледелии она иногда падает до 0,001 [Люри, 1994. С. 14–30].

Однако просто констатировать факт сильной негативной корреляции между этими двумя параметрами тоже было бы чрезмерным упрощением. Да, в главной отрасли доиндустриальной аграрной экономики наблюдалась именно такая корреляция; однако уже в доиндустриальном несельскохозяйственном производстве мы зачастую наблюдаем важные случаи роста эффективности использования энергии (связанные, например, с усовершенствованием печей, мельниц, трансмиссий и т.д. – см., например: [White, 1962]). Таким образом, то, что представляется Салинзом в качестве единого параметра, на самом деле является множеством слабо скоррелированных между собой переменных. В любом случае, уже в рамках первого Салинзова параметра "общей" эволюции мы можем наблюдать вполне реальную и важную (в особенности для современной мир-системы) "общеэволюционную" альтернативу: будет ли рост социокультурной сложности идти за счет роста общего потребления энергии, или за счет роста эффективности ее использования. В целом же достаточно понятно, что уже с этими двумя переменными мы имеем по сути дела неограниченное количество "общеэволюционных" альтернатив (быстрый рост по обоим параметрам; рост эффективности использования энергии, более быстрый, чем скорость снижения ее потребления, противоположное сочетание и т.д.), а следовательно, и неограниченное количество "общеэволюционных" альтернатив.

Наконец, рассмотрим последний параметр "общей эволюции" по Салинзу, "движение от меньшей к большей общей адаптированности". Салинз утверждает:

> "Общий прогресс может также рассматриваться как рост 'общей адаптивности'. Существует тенденция к доминированию более высоких культурных форм над более низкими, к вытеснению первыми вторых; степень же доминирования пропорциональна уровню прогресса. Таким образом, культура современных наций имеет тенденцию распространяться по всему Земному шару, на наших собственных глазах вытесняя, трансформируя и ликвидируя культуры, представляющие эволюционные стадии многотысячелетней древности; в то время как архаическая цивилизация, теперь также отступающая под натиском современной культуры, даже во времена своего расцвета смогла распространиться лишь на отдельные регионы отдельных континентов. Эта способность более высоких культурных форм доминировать над более низкими объясняется способностью первых использовать более эффективно более широкий спектр энергетических ресурсов. Высшие формы относительно более "свободны

от контроля окружающей среды", т.е. они способны адаптироваться к большему числу типов окружающей среды, чем более низкие формы"[72] [Sahlins, 1960. P. 37].

И вновь не трудно заметить, что Салинз делает здесь свою типичную ошибку, рассматривая в качестве одной переменной группу слабо (и иногда негативно) связанных параметров. Эта группа включает в первую очередь подгруппу параметров адаптации к природным условиям и подгруппу адаптации к внешним социальным условиям. Салинз, видимо, полагает, что формы культуры лучше приспособленные к условиям природной среды ("более эффективно использующие бóльший набор энергетических ресурсов"), являются также лучше адаптированными и к внешним социальным условиям (они "доминируют над низшими формами и вытесняют их"). Но это не так. Нередко именно те формы культуры, которые хуже приспособлены к природной среде, доминируют над формами, лучше приспособленными (к природной среде), и вытесняют их. Классический пример в этом отношении представляет история взаимоотношений динка и нуэров (нилотских народов южного Судана).

Как было показано Келли [Kelly, 1985], изначально довольно маленькая группа "протонуэров" выделилась из культурно близких "протодинка" около 300–400 лет назад. Важнейшей чертой этой дифференциации было, видимо, то обстоятельство, что нуэры перестали забивать на мясо своих бычков. В результате, культура нуэров оказалась значительно хуже адаптированной к природной среде, чем культура динка. Нуэры стали расходовать свои энергетические ресурсы значительно менее эффективно, чем динка, чьи стада состояли прежде всего из коров, в то время как нуэры расходовали гигантские (для этих условий) объемы энергии (содержащейся прежде всего в кормах) на поддержание своих огромных бычьих стад, не получая взамен адекватно-

[72] "*General progress can also be viewed as improvement in 'all-round adaptability'. Higher cultural forms tend to dominate and replace lower, and the range of dominance is proportionate to the degree of progress. So modern national culture tend to spread around the globe, before our eyes replacing, transforming, and extinguishing representatives of millennia-old stages of evolution, while archaic civilization, now also falling before this advance, even in its day was confined to certain sectors of certain of the continents. The dominance power of higher cultural forms is a consequence of their ability to exploit greater ranges of energy resources more effectively than lower forms. Higher forms are again relatively 'free from environmental control', i.e., they adapt to greater environmental variety than lower forms*".

го количества хозяйственно полезной энергии. В результате, хотя нуэры и занимали, в целом, экологически заметно более благоприятные территории, чем динка, их экономика обеспечивала существование на этих территориях заметно менее плотного (по сравнению с динка) населения. Однако та самая инновация, которая заметно снизила адаптированность нуэров к их природной среде, значимо повысила их приспособленность к внешней социальной среде. Хотя бычьи стада нуэров и были бессмысленны с хозяйственно-экологической точки зрения, огромное число этих быков дало в руки нуэров довольно эффективное "средство социального обращения", позволявшее через институциализированную систему ритуальных дарений, обменов и выплат поддерживать широкую сеть альянсов. Эта сеть в свою очередь позволяла нуэрам эффективно мобилизовать значительный военный потенциал, направлявшейся, как правило, именно против экологически более адаптированных динка, не обладавших сопоставимо эффективной системой мобилизации военного потенциала. В результате, именно экологически хуже адаптированные культурные формы нуэров стали доминировать над экологически более адаптированными культурными формами динка и вытеснять их. Более того, нуэры увеличили свою адаптированность к внешней социальной среде именно благодаря снижению адаптированности к среде естественной.

Конечно же, нетрудно показать, что в свою очередь "естественная" и "социальная" адаптивность – это не одномерные переменные, а скорее группа слабо скоррелированных параметров. Но общая картина и так к настоящему времени должна быть вполне ясна. Нет никаких оснований говорить о некоей единой линии "общей эволюции". Если мы даже останавливаемся только на анализе того, что Салинз представляет как одномерные параметры "общей эволюции", то при более внимательном рассмотрении мы обнаруживаем, что каждый из этих псевдоодномерных параметров оказывается, на самом деле, группой слабо скоррелированных переменных; т.е. уже на этом уровне анализа мы лишаемся каких-либо оснований для того, чтобы соглашаться с представлением о единой "линии общей эволюции", уже на этом уровне анализа возникает необходимость перехода от исследования линии "общей эволюции" к исследованию "общеэволюционного поля", подразумевающего существование *неограниченного* числа эволюционных альтернатив.

Кроме того, конечно же, все Салинзовы параметры "общей эволюции" к тому же еще и слабо коррелируют между собой, что увеличивает нелинейность "общей эволюции" в еще большей степени.

Рассмотрим второй и третий параметры "общей эволюции": "переход от ... более низких к более высоким формам интеграции [2]", и "от меньшей к большей общей адаптивности [3]". Салинз полагает, что

более высокие (т.е. в контексте рассматриваемой работы более политически централизованные) "культурные формы" всегда "доминируют над низшими формами и вытесняют их". То, что в истории не всегда происходит именно так, было замечено и объяснено уже за три с лишним столетия до выхода в свет работы Салинза эфиопским монахом Бахрейем (1593 [1976]).[73]

Бахрей попытался объяснить, почему высоко политически централизованное эфиопское государство постоянно терпело военные поражения от менее цивилизованных и менее политически централизованных племен галла (*"Каким образом нас побеждают галла, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?"* Бахрей, 1976 [1593]. С. 140). Ответ, предлагаемый Бахрейем, весьма интересен и убедителен: именно потому, что эфиопское общество более развито и дифференцированно, оно и терпит постоянные поражения в борьбе с менее развитыми галла. Сам фактор большей внутренней социальной и культурной дифференциации оказывается в данном случае источником военной слабости.

> "Каким образом нас побеждают галла, хотя мы многочисленны и у нас много оружия?... Это из-за разделения нашего народа на десять разрядов, из них девять не принимают участия в войне и не стыдятся своего страха. А воюет (только) десятый разряд и сражается так, как возможно. И если нас много, то мало тех, которые способны воевать, а много тех, которые не участвуют в войне. Один разряд из них – это монахи, которым нет числа. Есть монахи с детства, которых склонили на свою сторону монахи во время учения, подобно автору этой истории и ему подобным. А есть монахи от страха перед войной.
>
> Другой разряд называют *дабтара*.[74] Они изучают книги и все дела священников. Они хлопают руками и двигают ногами (во время богослужения) и не стыдятся своего страха. Они берут за образец левитов и священников, детей Аарона. Третий разряд называется *жан хацана*[75] и *жан маасаре*[76]. Они охраняют право и (этим) оберегаются от участия в войне. Четвертый разряд *дагафоч* – сопроводители знатных женщин и *вазаро*. (Это) сильные мужи и крепкие молодые люди. Они не участвуют в войне и говорят: 'Мы

---

[73] Двумя столетиями ранее этот факт был отмечен и объяснен Ибн Х̱алдуном [Ibn Khaldun, 1995], врочем, на мой взгляд, менее убедительно, чем это было сделано Бахрейем.

[74] *Dabtara* (А. К.).

[75] *Jan Hasana* (А. К.).

[76] *Jan Maasare* (А. К.).

охрана женщин'. Пятый разряд называется *шемагле*[77], господа и землевладельцы. Они делят свои земли между тружениками и командуют ими, а сами не стыдятся своего страха. Шестой разряд – землепашцы. Они проводят время на полях и не думают воевать. Седьмой разряд – это те, которые получают выгоду от торговли и извлекают пользу для самих себя. Восьмой разряд – это ремесленники, такие, как кузнецы, писцы, портные и плотники и им подобные. Они не умеют воевать. Девятый разряд – это певцы, барабанщики (играющие на маленьких барабанах[78]), барабанщики и арфисты, для которых работа – попрошайничество.[79] Они благословляют того, кто им подает, воздают пустую славу и бесполезные восхваления. И когда они проклинают тех, кто не платит, их не считают виноватыми, ибо они говорят: 'Это наш обычай'. Десятый разряд – это те, кто берет копье и щит и может воевать. Они следуют за негусом поспешно, чтобы напасть (на врага). Из-за их малочисленности наша страна опустошается.

У галла нет этих девяти разрядов, которые мы упоминали. Все они способны воевать, от мала до велика. И поэтому они уничтожают и убивают нас" (Бахрей, 1976 [1593]. С. 140–141).

Есть все основания полагать, что случаи, когда менее развитые общества оказываются в военном отношении сильнее более развитых, не представляют собой "ошибок истории". Одна из общих объяснительных моделей для подобного варианта исторического развития сводится к следующему. Политически централизованные системы часто достигают военного превосходства путем развития специализированных военных подсистем – относительно малых, но хорошо обученных и вооруженных профессиональных армий. Однако, необходимым условием для сохранения такого превосходства обычно является наличие монополии на какие-либо эффективные виды вооружения (боевые колесницы, оружие из бронзы и т.п.). Если же происходит революция в производстве средств насилия, в результате которой монополия на них не может более эффективно поддерживаться (например, в случае появления железного оружия), менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения получают значительное преимущество и могут стать сильнее в военном

---

77 *③emagelle* (А. К.).

78 *Qanda kabaro* (А. К.).

79 Перевод Бекингхэма – Хантингфорда: "*The ninth group is that of the wandering singers, those who play the* qanda kabaro *[a small drum] and the* bagana*, whose profession is to beg, to collect money*" [Bahrey, 1954/1593. P. 126] (А. К.).

отношении политически централизованных обществ. Таким, вероятно, был ход исторического развития во многих частях Ойкумены Старого Света в раннем железном веке или поздней античности. В дополнение к этому, менее политически централизованные общества с большей долей военно-активного населения могли значительно увеличивать свою военную эффективность без заметного увеличения своей политической централизации или внутренней дифференциации, например, путем номадизации, роста специализации на скотоводстве, поскольку сам каждодневный труд скотовода и характер его социализации производят высоко боеспособного воина. Кочевое скотоводство с широким использованием пастухов-всадников могло значительно увеличивать военный потенциал таких обществ и без дополнительной политической централизации и функциональной дифференциации.

Теперь рассмотрим корреляцию между первым и вторым параметрами "общей эволюции" Салинза, – переход от меньшего к большему уровню трансформации энергии [1], от более низкого к более высокому уровню интеграции [2]. Выше я отмечал, что Салинз отождествляет "переход от...низших уровней интеграции к высшим" с движением по линии *band – tribe – chiefdom – state*, т.е. с политической централизацией. На первый взгляд корреляция здесь выглядит довольно сильной: более политически централизованные общества имеют тенденцию контролировать бóльшие потоки энергии, чем менее централизованные, т.е. государства контролируют больше энергии, чем вождества и т.д. Однако все здесь не так просто, как кажется на первый взгляд. Да, политическая централизация обычно ведет к увеличению объемов энергии, "трансформируемых" соответствующими общественными системами. Но эти объемы энергии могли расти и без увеличения политической интеграции, а политически нецентрализованные общества могли контролировать объемы энергии, сравнимые с объемами, контролируемыми политически централизованными системами.

Примерами могут служить средневековская швейцарская конфедерация гражданских общин, или дагестанские "вольные общества" начала Нового времени, которые контролировали объемы энергии, сравнимые с объемами, "трансформировавшимися" ранними государствами средней величины; объемы же энергии, контролировавшиеся совокупностью культурно-экономически интегрированных греческих безгосударственных полисов или римского догосударственного *civitas*, превышали таковые у обычных ранних государств. В дополнение к этому, совокупность параметров "трансформации энергии" состоит, как мы помним, из двух подгрупп, поскольку параметры эффективности трансформации энергии оказываются отличными от группы параметров, характеризующих объемы трансформируемой энергии. Как мы помним, эффективность трансформации энергии коррелирует не-

гативно (и сильно) с интенсификацией земледелия. С другой стороны, хорошо известно, что интенсификация земледелия имеет сильную положительную корреляцию с политической централизацией (см., например: [Коротаев, 1989; 1991]). Этого достаточно, чтобы предположить сильную негативную корреляцию между политической централизацией и эффективностью трансформации энергии[80]. Однако интенсивность земледелия позитивно коррелирует и с общей социокультурной сложностью [Ember, 1963; Textor, 1967, Computer Printout: 91/53, 55; 92/54, 56; 93/54; Ember & Levinson, 1991; и т.д.]. Тем не менее, имеются некоторые основания полагать, что в более политически централизованных сложных доиндустриальных обществах эффективность трансформации энергии была еще ниже, чем в политически менее централизованных обществах со сравнимым уровнем сложности. В самом деле, в доиндустриальных обществах политическая централизация почти всегда сопровождается уменьшением контролируемости центральной администрации (в ранних государствах контролируемость всегда ниже, чем в вождествах, а в империях – еще ниже, чем в ранних государствах; см., например: [Коротаев, Блюмхен, 1991]). Таким образом, при росте политической централизации объемы энергии, аккумулируемой административным центром, обычно значительно увеличиваются, но вместе с тем не менее значительно падает и степень контролируемости этого центра. В результате использование аккумулированных ресурсов становится особенно неэффективным: центр получает гигантские ресурсы вроде бы безвозмездно, а надежные средства для контроля над эффективностью их использования отсутствуют. [81]

Сложные безгосударственные системы обычно контролируют значительно меньшие объемы энергии по сравнению с доиндустриальными империями. Вместе с тем, эффективность использования этих (обычно скромных по объему) ресурсов, аккумулируемых политическими центрами таких объединений (а они обычно характеризуются высокой долей политического участия их населения), бывает, как правило, заметно более высокой по сравнению с гигантскими доиндустриальными империями. Происходит это за счет более жесткого кон-

[80] По крайней мере для периода до 1970-х гг.

[81] В качестве живого свидетельства непосредственного очевидца расточительного использования аккумулированных ресурсов в самом центре доиндустриальной империи см. воспоминания последнего китайского императора [Пу И, 1968].

троля за эффективностью использования аккумулированных ресурсов.[82]

Таким образом, на уровне взаимодействия между первым и вторым параметрами "общей эволюции" Салинза мы опять находим целый ряд важных альтернатив социокультурного развития.[83]

И наконец, рассмотрим корреляцию между Салинзовыми первым и третьим параметрами "общей эволюции" – "переход от менее высоких к более высоким уровням трансформации энергии[1]", и "от меньшей к большей общей адаптивности[3]". На первый взгляд сильная корреляция между объемом энергии, трансформируемым данной культурной системой и ее более высокой общей адаптивностью кажется самоочевидной. Но опять же, только на первый взгляд. При более внимательном рассмотрении исследователь будет вынужден задать себе, скажем, такой вопрос: "Является ли стабильность адаптации важной внутренней характеристикой показателя общей адаптивности?" Конечно, да. Но если мы примем во внимание это обстоятельство, то сразу же поймем, что решающее значение имеет не просто объем энергии, который данная культурная система извлекает из природного

[82] Хороший пример в этом отношении дает история греко-персидских войн, в которых греческие полисы смогли использовать свои скромные ресурсы значительно более эффективно, чем Персидская империя.

[83] Необходимо, тем не менее, отметить возможность выявления сильной корреляции между некоторыми измерениями этих двух групп параметров. Для того, чтобы сделать это, мы должны отобрать наиболее интегративные индикаторы. В пределах первой группы параметров вместо раздельного анализа объемов энергии, трансформируемой культурными системами, и мер эффективности этой трансформации представляется необходимым рассматривать интегративную переменную – объем эффективно трансформированной энергии. В пределах второй группы параметров представляется необходимым рассматривать показатели совокупной социокультурной сложности вместо только лишь одного из них – уровня социальной интеграции. В данном случае корреляция между этими показателями вполне может оказаться равной 1,0. Однако возникает вопрос, не столкнемся ли мы в данном случае в первую очередь с автокорреляцией. В самом деле, объем энергии, трансформируемой данным социумом (в первую очередь для поддержания и развития соответствующего уровня сложности) может вполне рассматриваться как термодинамическая мера данного уровня сложности. Таким образом, в этом случае мы стали бы измерять корреляцию между двумя выражениями по сути одной и той же переменной.

окружения, но то, какой вид ресурсов используется, – восстановимый или ограниченный невозобновляемый. Общая адаптивность системы безусловно возрастает только тогда, когда эта система получает увеличивающийся объем энергии за счет восстановимых ресурсов. [84] В противном случае (то есть если система использует ограниченные невозобновляемые ресурсы) ее адаптация может рассматриваться лишь как временно стабильная. Мы можем утверждать, что данная культурная система действительно адаптирована к своему природному окружению, лишь в том случае, когда бóльшая часть используемой ею энергии поступает не из ограниченных невозобновляемых ресурсов, и когда скорость потребления энергии не превышает значительно скорость возобновления энергетических ресурсов.

В этом отношении далеко не ясно, являются ли современные сложные индустриальные системы лучше приспособленными к природному окружению, чем системы простых охотников-собирателей (или даже среднесложные системы доиндустриальных интенсивных земледельцев), поскольку первые осуществляют свое воспроизводство прежде всего именно за счет ограниченных невозобновляемых энергетических ресурсов. По-видимому, слишком рано утверждать, что современная мир-система лучше адаптирована к природной среде нашей планеты по сравнению с предшествовавшими ей историческими системами. Мы сможем с уверенностью утверждать это лишь тогда, когда наша система докажет свою способность перейти к модели устойчивого развития ("*sustainable development*"), не превращаясь в качественно новую систему (ведь в этом случае высокую адаптивность докажет именно эта новая, а не современная, мир-система), да к тому же сможет совершить этот переход некатастрофическим путем (что до сих пор отнюдь не самоочевидно – см., например: [Васильев, 2000]).

В целом, существует негативная корреляция между объемом энергии, который данная культурная система извлекает из природной среды, и стабильностью адаптации этой системы. Чем больший объем энергии потребляет данная социокультурная система, тем более трудным для нее является обеспечение полного восстановления своей энергетической базы.

Кстати, возникает вопрос, существует ли в принципе "общая адаптивность", и насколько полезным является это теоретическое понятие?

---

[84] Само собой разумеется, что здесь необходимы два дополнительных условия: (1) темпы падения эффективности использования энергии не должны превышать темпов роста объема трансформируемой энергии; (2) объем энергии, потребляемый за данный промежуток времени, не должен превышать объем энергии, возобновляемой за тот же промежуток времени.

Похоже, что адаптивность является не одномерной переменной, но опять же – группой слабо (а иногда негативно) скоррелированых многомерных параметров. Общество А может быть более адаптивно, чем общество Б в одном отношении, и менее адаптивно – в другом.

Весь этот комплекс проблем дополнительно осложняется следующим обстоятельством. Уже Салинзу пришлось по сути дела разбить его параметр "общей адаптивности" на два – адаптивность к природной среде, с одной стороны, и к внешней социокультурной – с другой; а ведь отношение между трансформацией энергии и адаптивностью второго рода исключительно сложно. Какие "культурные формы имели тенденцию доминировать и вытеснять" другие формы на протяжении большей части человеческой истории? Ответ здесь довольно прост и непривлекателен – те из них, что были сильнее в военном отношении.[85] Таким образом, для адаптивности второго типа имеет значение не общее количество энергии, трансформируемой данной культурной системой, а скорее только то количество энергии, которую эта система аккумулирует и направляет на военные цели (как впрочем и то, насколько эффективно она это делает). В результате, культурные формы, трансформирующие меньшие количества энергии, но более эффективно использующие ту часть энергии, которая обеспечивает военные нужды, на протяжении большей части человеческой истории обычно теснили те культуры, которые контролировали бо́льшие объемы энергии, но направляли на достижение военных целей меньшую ее часть и использовали ее менее эффективно. Вышеприведенные примеры взаимоотношений нуэров и динка или галла и эфиопского государства XVI в. служат хорошими иллюстрациями этой закономерности. Они, конечно, могут быть легко дополнены большим количеством аналогичных примеров из истории отношений между кочевниками и земледельцами Евразии и Северной Африки.

Таким образом, на уровне взаимодействия Салинзовых первого и третьего параметров "общей эволюции" мы также находим значимые альтернативы социокультурного развития.

Несмотря на то, что Салинз пытался представить свой подход в качестве истинно многолинейного, на деле эта была попытка спасти именно однолинейный подход, самое его ядро. Признав монголинейность эволюции в целом, он фактически попытался доказать однолинейность социокультурного развития. Единственно реальной альтернативой в рамках псевдомноголинейной модели Салинза оказывается лишь движение вверх или вниз вдоль единой линии "общей эволюции". Салинз таким образом признает неоднолинейность социокультурной эволюции, но настаивает на однолинейности социокультурного

[85] По крайней мере до наступления эпохи термоядерного оружия.

развития (в том виде как оно определено во Введении к данной монографии), упуская из вида самые интересные эволюционные альтернативы, альтернативы социокультурного развития. Действительно, самые важные эволюционные альтернативы вовсе не сводятся к тому, развивается данная социальная система, или нет. Значительно более важно, в каком именно направлении идет это развитие.

§ 3

Нелинейные подходы

Итак многолинейный подход Салинза оказывается на поверку по сути своей вполне однолинейным. Однако и действительно многолинейный подход нам также не представляется адекватным. Действительно, если однолинейный подход предполагает существование одной функциональной зависимости, то подход многолинейный оказывается лишь его псевдоальтернативой, ибо вместо одной функциональной зависимости он постулирует по сути дела существование нескольких подобного рода зависимостей, действующих для разного типа обществ. Вместе с тем, все дело как раз в том и заключается, что реальное существование подобного рода зависимостей для социокультурной эволюции так пока никому доказать не удалось.

Чем точнее мы сможем измерить те или иные социологические показатели, тем больше возможных вариантов эволюции мы сможем рассчитать. В пределе мы получим некое многомерное пространство-поле (измерениями которого служат показатели социокультурной эволюции), каждой точке которого (в реальности, конечно, зоне, а не точке) будет соответствовать определенное значение вероятности подобного варианта. Итак, я полагаю, что имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. При этом в рамках этого поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, что движение в любом направлении оказывается в равной степени возможным. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении оказывается менее вероятным, чем в другом.

Конечно же, человеческим существам (в особенности не имеющим профессионального математического образования) трудно иметь дело на практике с многомерными пространствами. Поэтому я предлагаю начать работу с двухмерных сечений соответствующих эволюционных полей. К тому же невозможно непосредственно измерить вероятность социальных процессов. Однако и здесь выход достаточно известен. Вероятность определенных состояний обычно оценивается по величинам соответствующих частотностей.

Практическое заключение из этих соображений заключается в том, что мы можем рассматривать обычные кросс-табуляции социоэволюционных переменных как приближенные модели структуры двумерных сечений многомерного эволюционного поля вероятности.

Нужно отметить, что, обычная методика формальных кросскультурных исследований, сводящаяся по сути дела к "охоте за корреляциями" (см., скажем: [Levinson & Malone, 1981; Ember & Levinson, 1991; Peregrine & Gray, 1993; Ember & Ember, 1998]), приводит к тому, что мимо внимания исследователей проходят многие важнейшие информационные ресурсы, потенциально содержащиеся в кросскультурных базах данных. Количественно выразить силу связи двух отображенных в таблице параметров зачастую значит извлечь из нее лишь небольшую часть содержащейся в ней информации. Я полагаю, что картина распределения, выражаемая через таблицу, нередко представляет интерес сама по себе, давая возможность оценить структуру эволюционного поля вероятности.

Проиллюстрировать упрощенную двухмерную нелинейную модель социокультурной эволюции можно на следующем несложном примере. Рассмотрим соотношение между уровнем сложности общины и числом уровней надобщинной политической интеграции (Отмечу, что количественное кросс-культурное исследование процессов социокультурной эволюции производится в данной монографии на основании "синхронных" [а не диахронных] баз данных, правомерность чего зачастую ставится под сомнение; обоснование правомерности применяемого метода дается в Приложении 1 к данной монографии).

К настоящему времени единственная попытка количественного кросс-культурного исследования зависимости между двумя данными переменными принадлежит Х. Бефу [Befu, 1966]. Гипотеза его заключалась в том, что при росте сложности надобщинных структур сложность общины также будет увеличиваться. Однако Бефу нашел лишь довольно слабое статистическое подтверждение своей гипотезы: хотя направление корреляции между числом надобщинных уровней политической интеграции и числом общинных должностей оказалось в предсказанном направлении, сама корреляция оказалась статистически незначимой ($0,20 < \alpha < 0,30$); тем не менее, Бефу удалось найти статистически значимую корреляцию между числом уровней интеграции внутри общины и числом надобщинных уровней политической интеграции ($\varphi = 0,24$; $\chi^2 = 21,08$; $\alpha < 0,001$).

Как мы увидим ниже, корреляция эта действительно существует. Однако реальная картина зависимости между двумя данными величинами оказалась значительно более сложной и интересной.

Для своего второго статистического теста Бефу использовал опубликованную к тому времени часть базы данных Дж. П. Мердока. Нач-

нем с того, что эта база данных не является вполне репрезентативной. Я попробовал повторить статистические тесты Бефу, используя самые большие из доступных в настоящее время репрезентативных баз данных, базу данных для *Standard Cross-Cultural Sample* Дж. П. Мердока и Д. Уайта [Murdock & White, 1969; Murdock & Wilson, 1972; Barry & Schlegel, 1980; Murdock & Wilson, 1985; MAPTAB, 1997], а также базу данных для выборки *Atlas of World Cultures* Дж. П. Мердока [Murdock, 1967; 1981; Murdock *et al.*, 1986; 1990]. С формальной точки зрения, результаты Бефу оказались воспроизведенными – корреляция между числом уровней надобщинной политической интеграции и числом уровней структурной иерархии внутри общины оказалась как для *Standard Cross-Cultural Sample*, так и для *Atlas of World Cultures* в предсказанном направлении; для *Standard Cross-Cultural Sample* она статистически незначима ($\rho = 0{,}12$, $\alpha = 0{,}1$; $r = 0{,}09$, $\alpha = 0{,}25$); однако для значительно большей по размеру выборки базы данных *Atlas of World Cultures* значимость оказалась выше всякого сомнения ($\rho = 0{,}17$, $\alpha < 0{,}001$; $r = 0{,}12$, $\alpha = 0{,}004$). Тем не менее более внимательный анализ данных показывает, что действительное отношение между двумя данными переменными значительно более сложное (и значительно более интересное), чем это предполагалось Бефу.

Начнем с того, что Бефу дихотомизировал обе переменные, будучи уверен в линейном отношении между ними. Однако отношение это на самом деле оказалось не столь простым.

Кросс-табуляция для базы данных *Standard Cross-Cultural Sample* выглядит следующим образом (см. табл. 1):

ТАБЛИЦА 1

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кросс-табуляция данных БД Standard Cross-Cultural Sample

A

Число уровней внутриобщинной интеграции (*Y*)	0	1	2	3	4	
2	5 *6,0%*	10 *21,7%*	4 *14,8%*	3 *16,7%*	2 *16,7%*	
C 1	54 *65,1%*	28 *60,9%*	18 *66,7%*	11 *61,1%*	6 *50,0%*	*D*
0	24 *38,7%*	8 *18,1%*	5 *14,5%*	4 *31,3%*	4 *36,4%*	
	0	1	2	3	4	*X*

B

Число уровней надобщинной политической интеграции

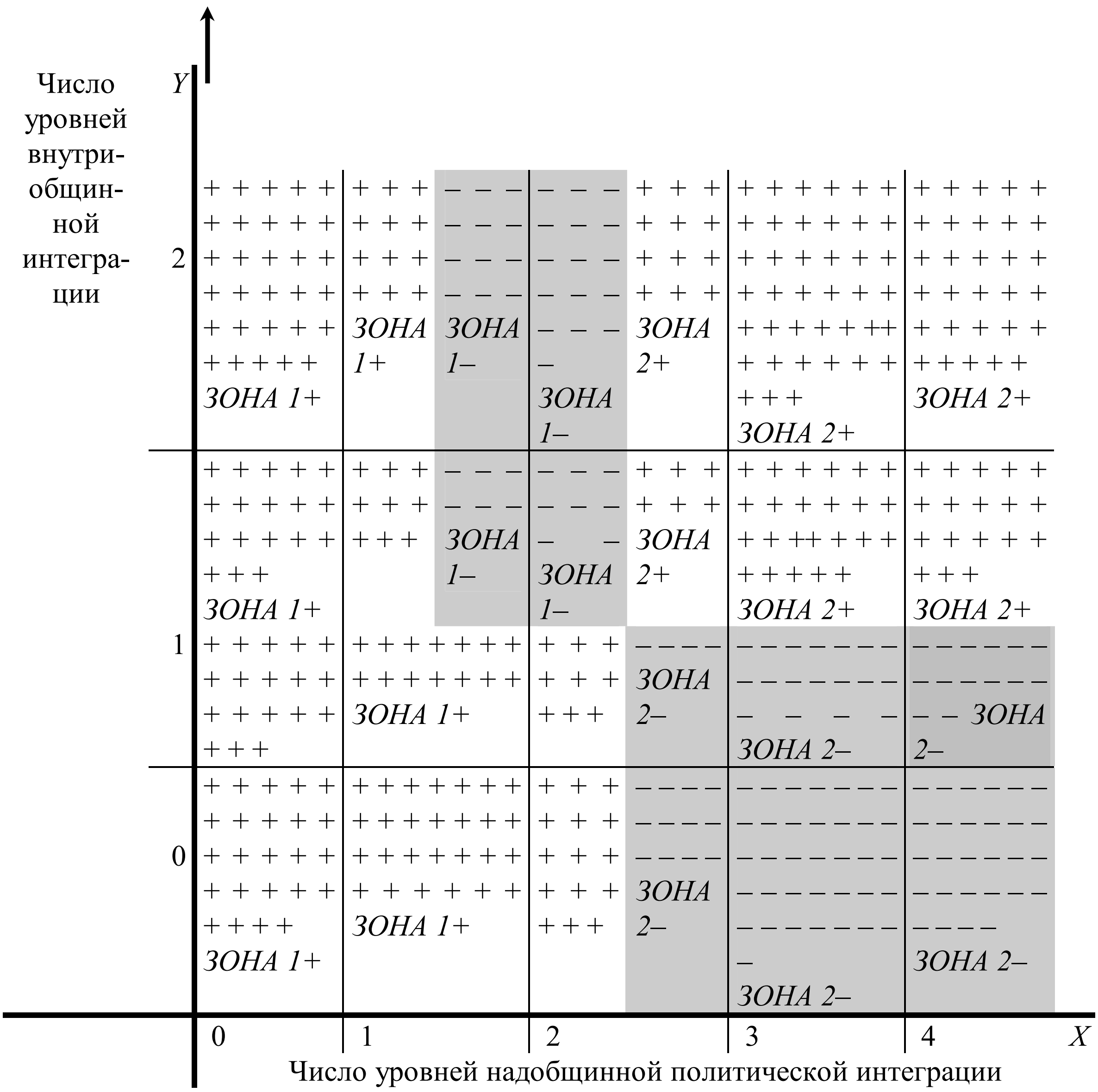
Нетрудно видеть, что на самом деле положительная корреляция между двумя рассматриваемыми переменными наблюдается лишь в двух зонах кросс-табуляции, в то время как в двух других зонах корреляция эта отрицательна (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кросс-табуляция данных БД Standard Cross-Cultural Sample

Корреляционные зоны



+ + + + + – зоны положительной корреляции

– – – – – – зоны отрицательной корреляции

Эту картину совсем не сложно проинтерпретировать качественно. Первая зона положительной корреляции (*ЗОНА 1+*) может быть легко проинтерпретирована в рамках политогенетической модели Карнейро [Carneiro, 1970; 1981; 1987; 2000. P. 182–186 и т.д.]. В самом деле, в рамках этой модели предполагается, что самые ранние суверенные надобщинные уровни политической интеграции обычно формируются в результате подчинения одной общиной нескольких других; и нужно ожидать, что для того, чтобы устойчиво подчинить себе другую общину община-завоеватель должна иметь достаточно сложную структуру. Поэтому то наблюдение, что на ранних стадиях политической эволюции рост надобщинных структур идет рука об руку с ростом сложности внутриобщинных структур, не вызывает никакого удивления. С другой стороны, после достижения надобщинными структурами определенного уровня сложности они зачастую начинают отбирать у внутриобщинных структур многие важные функции. Например, развитое государство обычно монополизирует такие функции, как военные или внешнеполитические (дипломатические); в результате, соответствующие субсистемы в общинной структуре атрофируются и исчезают. Как следствие этих процессов сложность общин начинает уменьшаться (*ЗОНА 2–*).[86]

ЗОНА 2+ положительной корреляции также не выглядит случайной. По всей видимости она соответствует определенным альтернативам эволюции сложных обществ, когда общины оказываются достаточно сильны для того, чтобы противостоять давлению развитого государства и сохранить бóльшую часть своих функций (как это произошло, например, в средневековой Северной Индии [например: Алаев, 1981]), или когда государство делегирует некоторые свои функции общинам – тогда рост сложности внутри- и надобщинных структур

[86] Нетрудно объяснить, кстати, почему начальный анализ этих данных обнаружил существенную положительную корреляцию. Причина в том, что в базах данных Мердока, как это хорошо известно, сложные общества сильно недопредставлены. В результате, поскольку в выборках Мердока число простых обществ многократно превосходит число сложных обществ, позитивная корреляция, характерная для простых обществ, оттесняет на задний план негативную корреляцию, типичную для более сложных обществ. Только в наиболее репрезентативной по стоей структуре *Стандартной кросс-культурной выборке* влияние негативной корреляции оказалось достаточно сильным для того, чтобы хотя бы частично нейтрализовать влияние значимой позитивной корреляции, в результате чего на выходе получилась статистически незначимая слабая положительная корреляция.

снова идет рука об руку (как это наблюдалось, например в России XV–XVIII вв.). Собственно говоря, Бефу и имел в виду по сути дела именно подобную эволюционную альтернативу, когда выдвигал свою гипотезу. Таким образом, Бефу имел некоторые основания для своей гипотезы, однако то, что он представил в качестве главной эволюционной закономерности, применительно к сложным обществам оказывается скорее довольно-таки редкой эволюционной альтернативой. Итак, там, где Бефу ожидал найти простую линейную закономерность, мы на самом деле находим значительно более сложный нелинейный процесс с несколькими эволюционными альтернативами.

Но и это еще не все. Имеет смысл еще рассмотреть самостоятельно верхнюю часть пограничной зоны между левой и правой половинами таблицы, где обнаруживается еще одна зона отрицательной корреляции (*ЗОНА 1–*). Эта зона (совместно с *ЗОНОЙ 1+*), по-видимому, соответствует эволюционной альтернативе развитию жестких надобщинных политических структур (*chifdom – complex chiefdom – state*) через развитие внутриобщинных структур совместно с развитием мягких надобщинных систем, не отчуждающих суверенитета (разнообразные конфедерации, амфиктионии и т.д.). Одним из наиболее впечатляющих результатов развития в этом эволюционном направлении является греческий полис – некоторые полисы достигали уровня сложности, сопоставимого не только с вождеством, но и с государством, и оказали огромное воздействие на весь ход мировой истории [Berent, 1994; 1998; Коротаев, 1995a; Берент, 2000].

Собственно говоря, в таблице 1 статистически значима корреляция только в *ЗОНЕ 1+*. Однако при попытки повторить статистические тесты с использованием заметно большей по размеру БД *Atlas of World Cultures* Дж. П. Мердока (555 обществ – самая большая релевантная репрезентативная БД), мы получаем удивительно сходное корреляционное распределение (см. табл. 3):

ТАБЛИЦА 3

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кросс-табуляция данных БД Atlas of World Cultures

Число уровней внутриобщинной интеграции (Y)	0	1	2 (A)	3	4
2	22 / *8,4%*	27 / *18,1%*	10 / *14,5%*	7 / *14,6%*	5 / *22,7%*
C 1	138 / *52,9%*	95 / *63,8%*	49 / *71,0%*	26 / *54,2%*	9 / *40,9%* *D*
0	101 / *38,7%*	27 / *18,1%*	10 / *14,5%*	15 / *31,3%*	8 / *36,4%*
X	0	1	2 (*B*)	3	4

Число уровней надобщинной политической интеграции

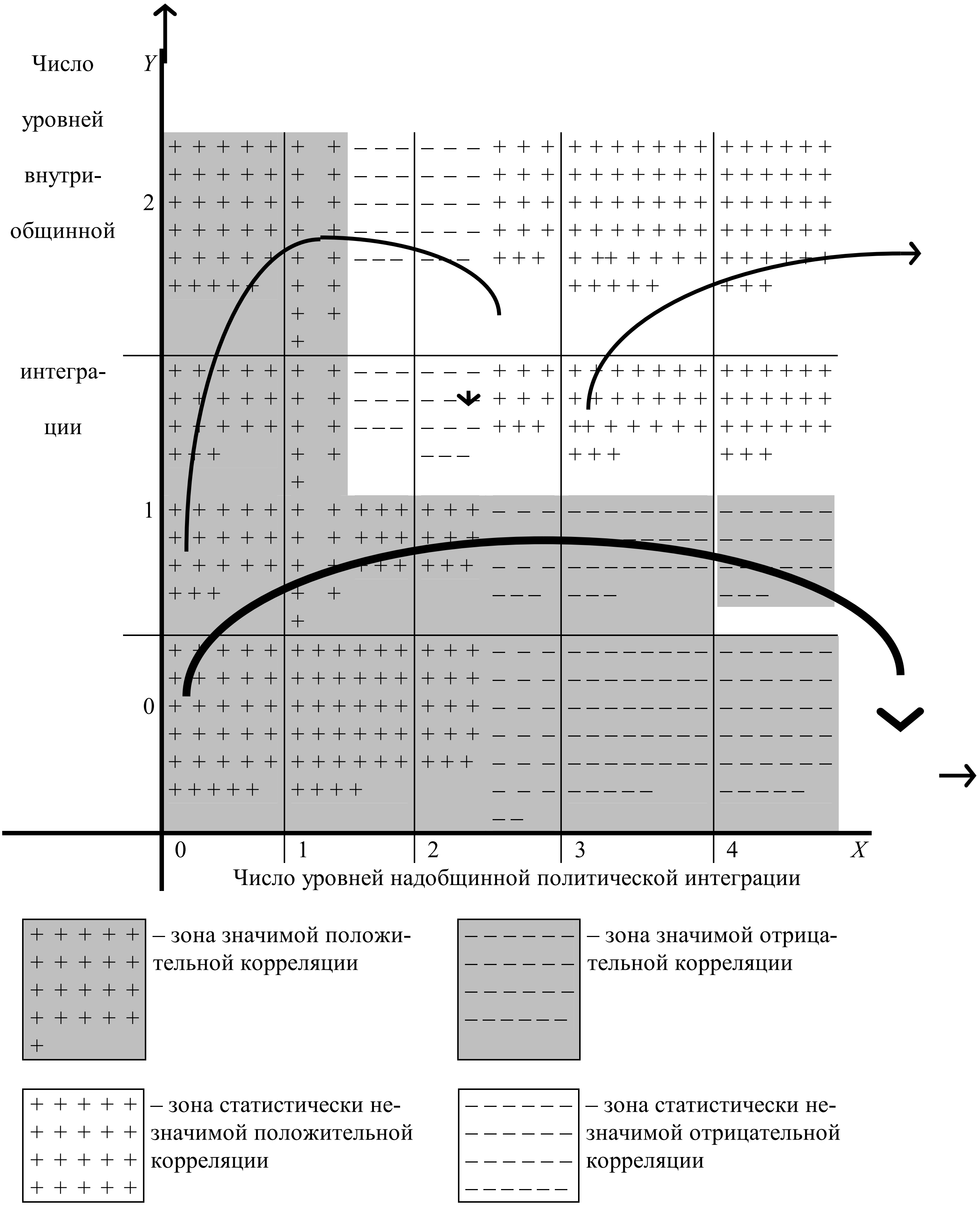
Нетрудно видеть, что корреляционное распределение в этом случае просто идентично с предыдущим. Структура распределения скорее даже стала более четкой. Статистически значимая корреляция наблюдается теперь не только в *ЗОНЕ 1+*, но и в *ЗОНЕ 2–*. Корреляция в *ЗОНЕ 2+* теперь уже близка к порогу статистической значимости. Корреляция в *ЗОНЕ 1–* все еще далека от этого порога, что, на мой взгляд, объясняется просто тем обстоятельством, что сверхсложные суверенные гражданские общины (например, греческие полисы, римская *civitas,* сверхсложные суверенные гражданские общины раннесредневековой Далмации, средневековой Швейцарии или Дагестана XVIII в.) практически не представлены в антропологических базах данных. Удивляет поэтому скорее то обстоятельство, что обе кросс-табуляции все-таки фиксируют данную эволюционную альтернативу.

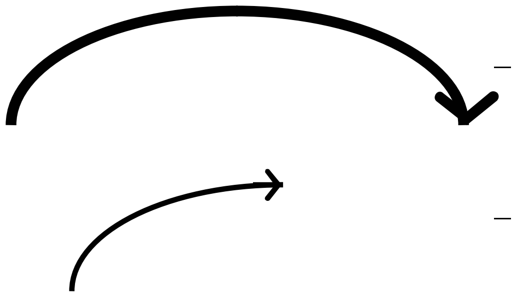
Результаты проведенного анализа могут быть представлены в следующем виде (см. диаграмму 1):

ДИАГРАММА 1

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Некоторые эволюционные альтернативы





– наиболее вероятная эволюционная траектория

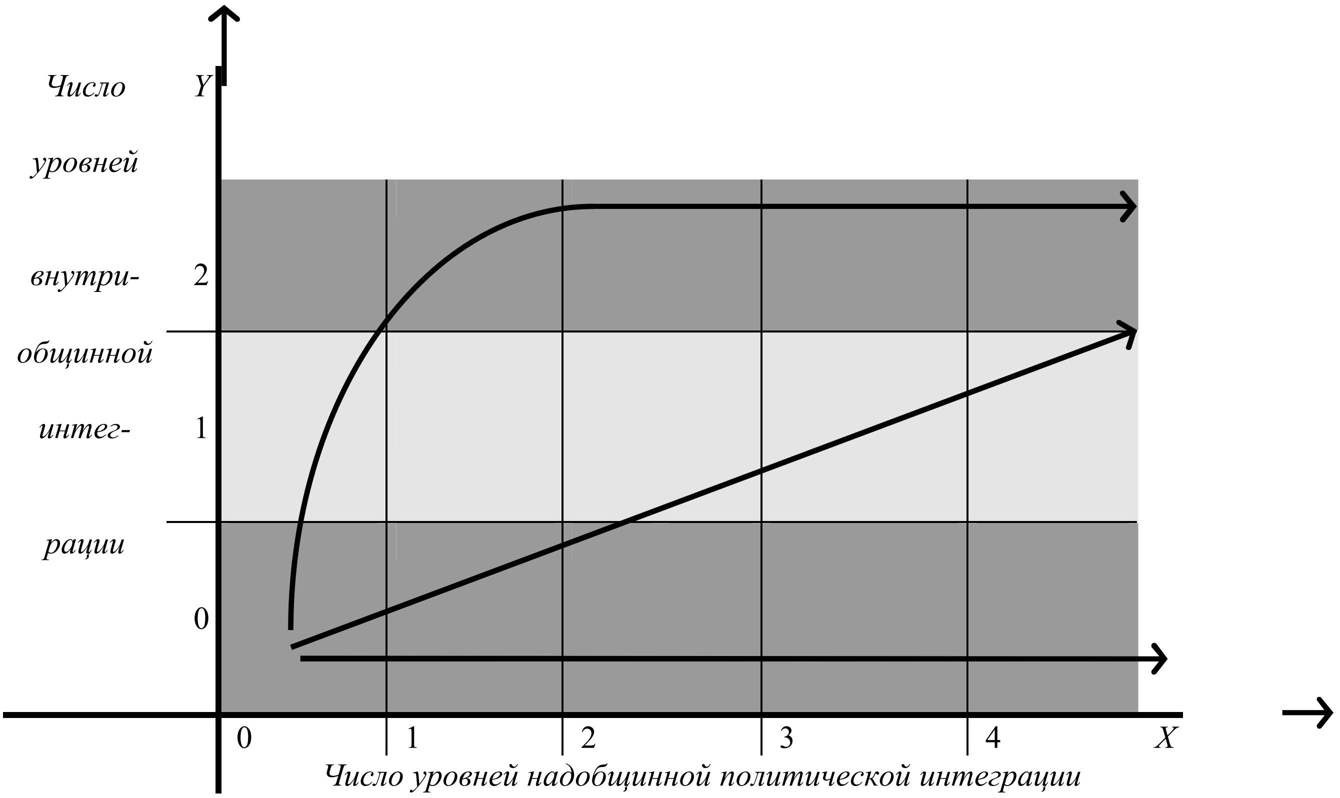
– менее вероятная (но вполне возможная) эволюционная траектория

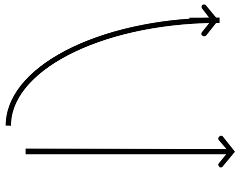
Однако и эта диаграмма рисует лишь упрощенную картину. Модель по-прежнему остается многолинейной, а не нелинейной. Действительно, проанализированные данные не исключают возможности и значительного числа иных эволюционных траекторий, например, представленных на диаграмме 2.

ДИАГРАММА 2

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Некоторые иные возможные эволюционные траектории





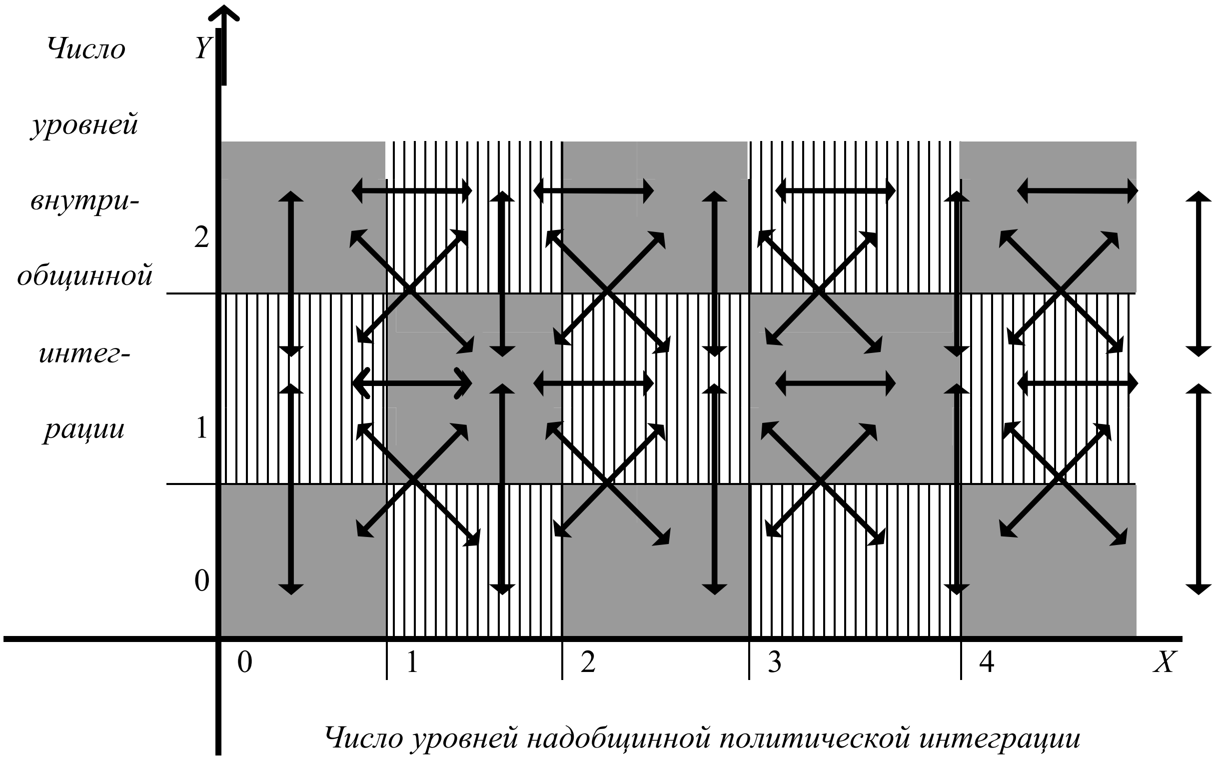
– Некоторые иные возможные эволюционные траектории

По сути дела, проанализированные данные не исключают возможности эволюционного движения из любой точки рассматриваемого поля в любую. Таким образом, изображение всех возможных здесь эволюционных траекторий будет выглядеть следующим образом (см. диаграмму 3).

ДИАГРАММА 3

ЧИСЛО ВНУТРИОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ИНТЕГРАЦИИ * ЧИСЛО НАДОБЩИННЫХ УРОВНЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Все возможные эволюционные траектории



Вполне ясно, что подобное изображение трудно признать сколько-нибудь полезным. Для того, чтобы одновременно учесть и все возможные эволюционные траектории, и их неравноценность, для того, чтобы оценить возможную структуру эволюционного поля вероятности кажется возможным воспользоваться все той же кросс-табуляцией, интерпретируя ее именно как приближенную оценку структуры данного поля. Более частотные сочетания характеристик в пределах данного класса случаев при таком подходе рассматриваются как более вероятные.

Возьмем проанализированную выше кросс-табуляцию и представим ее в следующем виде (диаграммы 4/1–4/3).

Диаграмма 4/1. **Эволюционное поле вероятности (1-й вариант ["вид сверху"])**

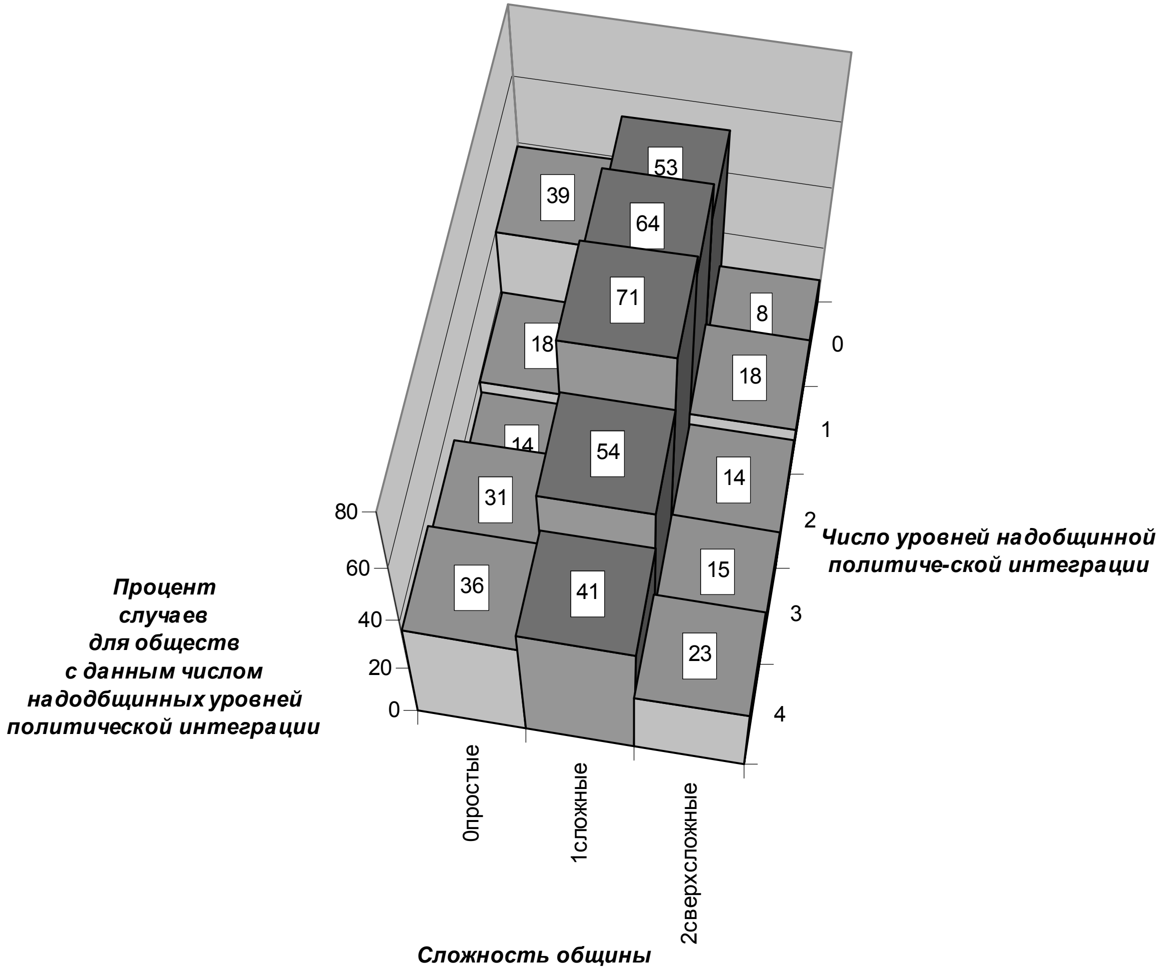


Диаграмма 4/2. **Эволюционное поле вероятности (2-й вариант ["вид слева"])**

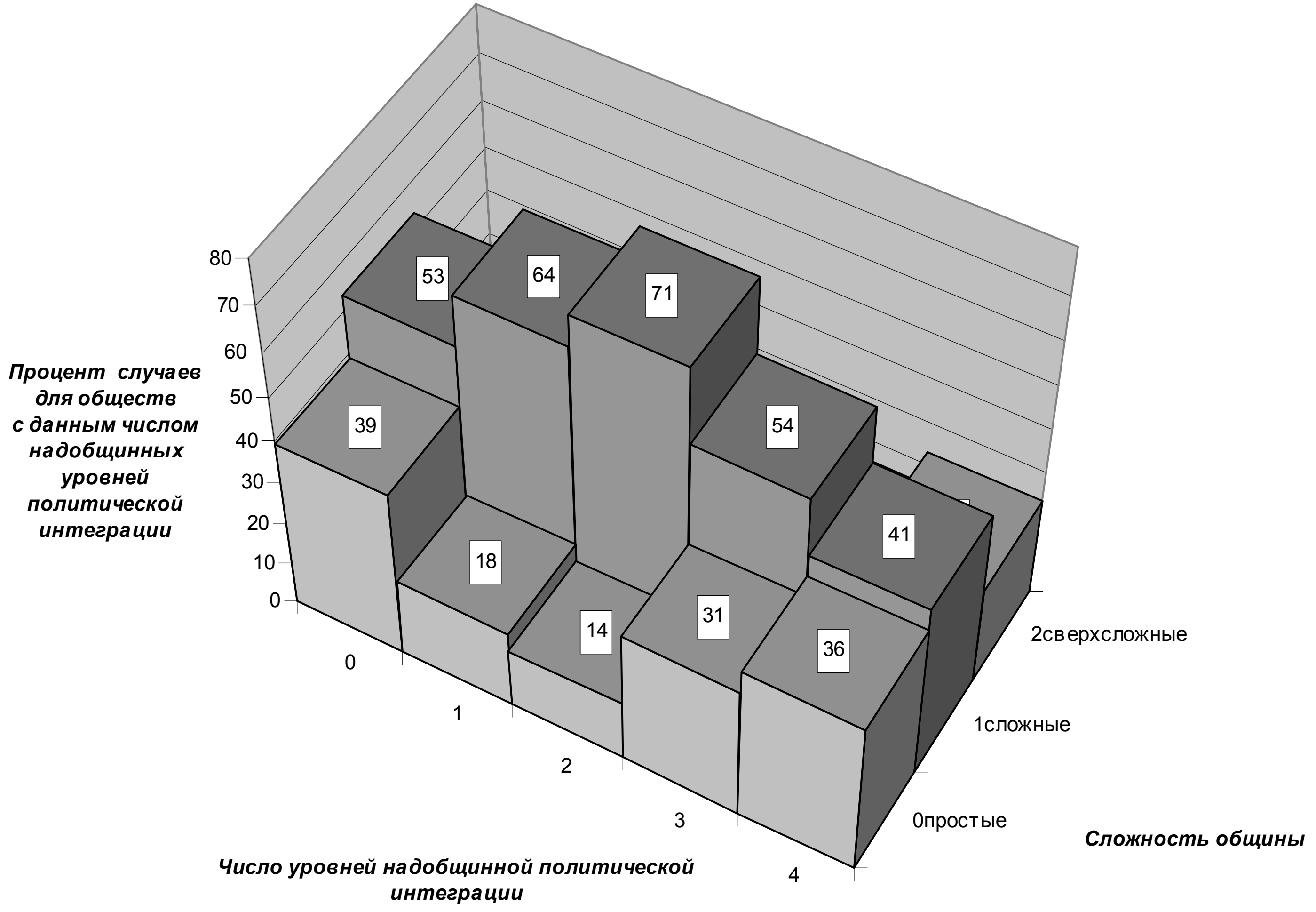
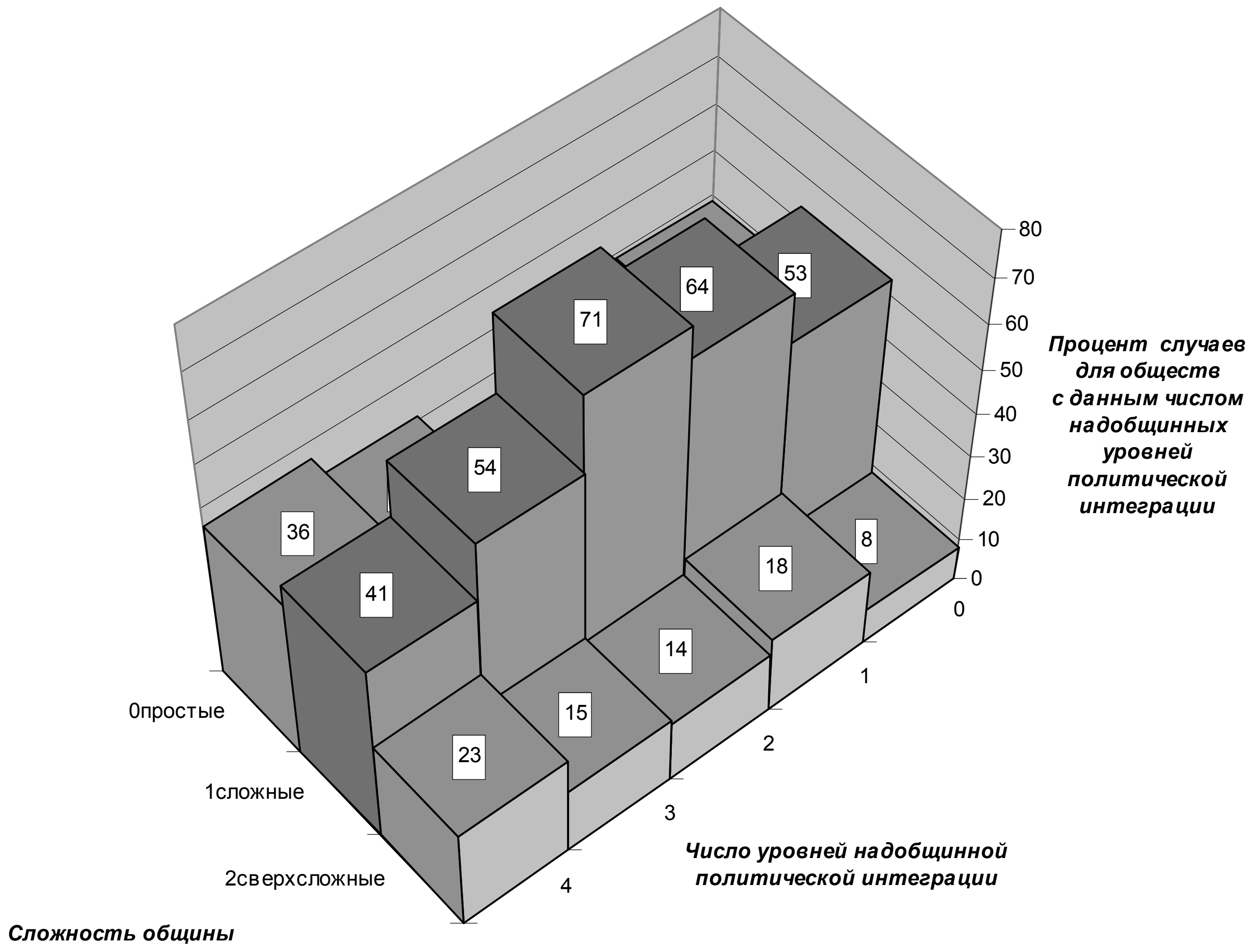


Диаграмма 4/3. **Эволюционное поле вероятности (3-й вариант ["вид справа"])**



Цифры на диаграммах представляют собой процент обществ с данным уровнем сложности общины среди обществ с данным числом уровней надобщинной интеграции. Например, число *54* в верхней части центрального столбца ряда *3* означает, что 54% всех обществ с тремя уровнями надобщинной политической интеграции имеют сложные общины, а число 41 по соседству заставляет предполагать, что с переходом от трех- к четырехуровневым надобщинным политическим системам сохранение сложных общинных структур становится менее вероятным, в то время как вырастает вероятность появления как суперсложных, так и упрощенных общин (о чем напоминает сравнительная высота соответствующих столбцов). В целом, чем больше относительная высота соответствующего столбца в соответствующем ряду, тем выше вероятность развития соответствующего типа общинной организации среди обществ с соответствующим числом надобщинных уровней политической интеграции. Сравнительная высота столбцов в двух смежных рядах позволяет также оценить вероятность разных направлений трансформации общинных структур при надстраивании соответствующего уровня надобщинной иерархии. Диаграмма вполне определенно описывает обсуждавшиеся выше эволюционные альтернативы: развитие общинных структур до определенного уровня должно с высокой вероятностью предшествовать появлению надобщинных интеграционных уровней; вплоть до появления второго надобщинного уровня развитие внутриобщинных и надобщинных структур идет рука об руку; однако после появления второго надобщинного уровня появляется тенденция к росту процента как наиболее простых, так и наиболее сложных общин, при том что вероятность сохранения сложной (в противоположность как простой, так и суперсложной) общины начинает все более и более уменьшаться). И т. д.

Таким образом, я полагаю, что диаграмма 4 может вполне использоваться для приблизительной оценки возможной структуры соответствующего среза эволюционного поля вероятности, в качестве простой нелинейной эволюционной модели.

Вместе с тем, однако, очевидно, что для получения более точных оценок структуры эволюционного поля вероятности необходимо добавление в существующие антропологические БД социоантропогических данных исторических источников.

Заключение к Главе II

В первых двух разделах этой главы я рассмотрел различные теории эволюции. В результате я пришел к заключению, что с точки зрения современного развития культурной антропологии теория однолиней-

ной эволюция могла бы быть оправданной, если бы существовала стопроцентная зависимость между всеми основными одномерными показателями социокультурной эволюции. Однако в реальности более чем за сто лет поисков не удалось зафикстировать столь жестких корреляций ни для одной пары значимых эволюционных показателей. В то же время и многолинейный подход в своей основе является лишь "псевдоальтернативой" однолинейных теорий, поскольку вместо одной функциональной зависимости он постулирует по сути дела существование нескольких подобного рода зависимостей, действующих для разного типа обществ.

С этой точки зрения оправданным представляется говорить не о линии, не о плоскости или даже трехмерном пространстве, но только о многомерном пространстве-поле социокультурной эволюции. Чем точнее мы сможем измерить те или иные социологические показатели, тем больше возможных вариантов эволюции мы сможем рассчитать. В пределе мы получим некое многомерное пространство-поле (измерениями которого служат показатели социокультурной эволюции), каждой точке которого (в реальности, конечно, зоне, а не точке) будет соответствовать определенное значение вероятности подобного варианта.

Итак, я полагаю, что имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. При этом в рамках этого поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, что движение в любом направлении оказывается в равной степени возможным. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении оказывается менее вероятным, чем в другом. Достигнут этот переход к более адекватному пониманию социоэволюционных процессов может быть, на мой взгляд, через отказ, как от однолинейных, так и многолинейных схем социокультурной эволюции и через разработку ее нелинейных моделей.

Глава III

ТЕНДЕНЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ[87]

Нелинейность процессов социокультурной эволюции не отменяет наличия в них определенных сквозных тенденций. Самая последняя известная мне попытка систематически рассмотреть такие тенденции была предпринята А. П. Назаретяном [1999а; 1999б], работа которого и была мною здесь использована в качестве отправной точки.

Назаретян выделяет пять таких сквозных тенденций (“векторов”): (1) рост технологической мощи; (2) демографический рост; (3) интеллектуальный рост; (4) рост организационной сложности; (5) “увеличивающуюся терпимость, способность к взаимопониманию и компромиссам”.

В целом я, с некоторыми оговорками, мог бы согласиться, что большинство из выделенных тенденций реально существует (и существовало), но при этом выскажу ряд принципиальных критических комментариев.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРВЫЙ. Начну с того, что предлагаемый А. П. Назаретяном список “сквозных векторов” далеко не полон. Явно можно выделить значительное число и иных сквозных тенденций, не сводимых к перечисляемым А. П. Назаретяном.

Например:

(6) рост уровня развития коммуникации (эта тенденция коррелирует с “ростом технологической мощи”, но целиком к ней не сводима);

(7) рост размеров социальных систем (исчисляемый количеством людей, которых эти системы в той или иной степени организуют). Эта тенденция является во многом производной от тенденции к демографическому росту и росту организационной сложности, но снова к ним не сводима. Рост населения совсем не обязательно ведет к увеличению размеров социальных организмов, которые могут просто сегментироваться, а при таком развитии событий будет расти число социальных организмов, но не их размер. Организационная сложность может нарастать и в рамках достаточно стабильного по своим размерам социума (как это показывают некоторые развитые современные страны). Кроме того, рост размеров социума зачастую выступает в

[87] III глава подготовлена мною на основе моей статьи "Тенденции социокультурной эволюции" [Коротаев, 1999б]; см. также: [Коротаев, 1999в].

большей степени фактором, чем результатом роста организационной сложности (как это нередко наблюдалось в результате завоеваний, когда завоеватели оказывались вынужденными резко усложнить структуру своей политии для того, чтобы контролировать завоеванное население, инкорпорированное в резко увеличившуюся в своих размерах совокупную социальную систему "завовоеватели – завоеванные"). Наконец, в общем контексте рассуждений А. П. Назаретяна совсем уж странным представляется то, что он не выделяет такую вполне реальную сквозную тенденцию социокультурной эволюции как

(9) рост военной мощи. Ведь и эта тенденция целиком к иным "сквозным векторам" тоже сведена быть не может. Ну, скажем, совершенствование орудий насилия можно рассматривать как производное от роста технологической мощи, хоть и с некоторой натяжкой (от того, что вырастает количество энергии, контролируемой социумом, совсем не обязательно автоматически вытекает, что она должна быть направлена на совершенствование орудий насилия; но в том-то и дело, что в человеческой истории существует реальная тенденция именно так и поступать, а уж эта тенденция явно к одним лишь технологическим факторам не сводима). А совершенствование тактики боя – можно ли ее свести к одному лишь росту организационной сложности (ведь более совершенная тактика боя, может вырабатываться организационно менее сложными структурами, как это неоднократно показывали кочевники Евразии в своих столкновениях со сверхсложными земледельческими государствами)? А рост индивидуального боевого мастерства воинов?

В любом случае, достаточно очевидно, что список сквозных тенденций социокультурной эволюции можно продолжать и дальше. Достаточно очевидно и то, что эти тенденции могут быть иерархизированны по принципу первичности/вторичности; при этом вторичные тенденции не могут быть целиком сведены к более фундаментальным и представляют самостоятельный интерес. Предлагаемая же А. П. Назаретяном схема пяти "сквозных векторов" выглядит непозволительным упрощением.

КОММЕНТАРИЙ ВТОРОЙ. Некоторые сквозные тенденции сформулированы А. П. Назаретяном слишком нечетко, расплывчато, обще, неконкретно; они слабо операционализируемы, с ними почти невозможно работать. По-видимому, это и не тенденции, а группы сквозных тенденций, реальность существования которых в разной степени достоверна. Относится это замечание конкретно к тенденциям ("векторам") 3, 1 и 4. Начну с тенденции 3, обозначенной А. П. Назаретяном как *интеллектуальный рост.*

Вряд ли можно согласиться с тезисом о том, что охотник-собиратель обладал менее развитым интеллектом, чем земледелец. А. П. Назаретян явно интеллект первого недооценивает. На самом деле, есть некоторые основания предполагать, что по некоторым показателям своего интеллекта охотники-собиратели даже несколько превосходили земледельцев, оказываясь ближе к человеку современных наиболее развитых обществ, чем последние. Действительно, например, показано, что тип социализации среди охотников-собирателей зачастую ближе к распространенному в наиболее развитых современных обществах, чем среди традиционных земледельцев. Действительно, если у земледельцев в процессе социализации воспитываются прежде всего такие качества, как готовность подчиняться, послушание, следование рутине, то и среди охотников-собирателей, и в наиболее развитых современных обществах социализация направлена на воспитание независимости, способности самостоятельно принимать решения. И ничего особо странного в этом нет, ибо наиболее развитые современные общества объединяет с неспециализированными охотниками-собирателями общность некоторых фундаментальных условий существования людей: и для тех, и для других, в отличие от земледельцев, как правило, живущих по достаточно уверенно прослеживаемым циклам, характерна слабая предсказуемость постоянно меняющихся (и не контролируемых конкретными людьми) условий существования, делающие слепое следование рутине и авторитету контрпродуктивными, подталкивающие к постоянному принятию самостоятельных решений [Barry, Child, & Bacon, 1959; Dawson, 1967; Berry, 1971; 1976 и т.д.].

В любом случае, тезис о существовании сквозного вектора "интеллектуального роста" оказывается достаточно проблематичным. Тем не менее, на мой взгляд, это не значит, что никаких "сквозных эволюционных тенденций" в этой области обнаружить вообще нельзя. Нужно лишь более четко определить рассматриваемые параметры, от анализа расплывчатого "интеллектуального роста" перейти к рассмотрению чего-то более операционализируемого, наблюдаемого.

Например, как кажется, вполне можно говорить о существовании сквозной тенденции к росту количества информации, находящегося в распоряжении человеческих социумов. Можно, видимо, говорить и о тенденциях к развитию некоторых интеллектуальных навыков, например, навыков абстрактного мышления (применительно к последней тенденции есть, впрочем, некоторые сомнения по поводу реальности ее непрерывного существования до Осевого времени).

Существуют некоторые сомнения и по поводу возможности рассматривать в качестве единой тенденции *рост технологической мощи.* Ведь и здесь речь идет не об одном параметре, а о группе пара-

метров, связь между которыми не просто далека от стопроцентной корреляции, но и нередко просто отрицательна.

Возьмем, например, такой исключительно значимый параметр "роста технологической мощи" как "производительность труда". И сразу же мы сталкиваемся с заметными проблемами. Ведь как показала еще Э. Босеруп, в традиционном земледелии наблюдается как раз долгосрочная тенденция к ПАДЕНИЮ производительности труда, а не к ее росту. При этом данная тенденция – вполне закономерна: при наиболее экстенсивном подсечном земледелии производительность труда стремиться к своему максимуму – ведь земледелец имеет возможность использовать наиболее плодородные участки земли, а после их истощения оставлять их под перелог на такие (30–50 и даже более лет) промежутки времени, которые достаточны для полного восстановления их первоначального плодородия. В дальнейшем, однако, с ростом плотности населения земледелец вынужден все больше и больше сокращать срок перелога. В результате плодородие почвы перестает полностью восстанавливаться, а значит, для получения прежнего урожая с данного участка земли оказывается необходимым затрачивать дополнительный труд (вносить удобрения, делать более основательную прополку, более тщательно обрабатывать почву и т. д.). В результате, для получения равного количества продукта оказывается необходимым затрачивать заметно большее количество труда, т. е. производительность труда значимо падает. Конечно, и в доиндустриальных обществах время от времени появляются инновации, противодействующие данной тенденции: переход к плужному земледелию, металлическим (а в конечном счете, и железным) орудиям труда, рост (через искусственный [хотя, как правило, и неосознанный] отбор) производительности домашних растений и животных и т.д. Все это приводило время от времени к росту производительности труда уже и в доиндустриальном земледелии. Тем не менее, дополнительные ресурсы получаемые таким путем, как правило, инвестировались в демографический рост, что обостряло проблему выхода продукции с единицы обрабатываемой площади, что в свою очередь приводило (через описанные выше механизмы) к тому, что полученная прибавка в производительности труда быстро "съедалась". В результате, для большей части постпалеолитической истории человечества для основного в большинстве исторических обществ сектора экономики, сектора, в котором, как правило, было (а в большинстве стран мира остается) занятым подавляющее большинство населения – в сельском хозяйстве – НЕ НАБЛЮДАЕТСЯ явно выраженной тенденции к росту по такому важнейшему показателю "возрастания технологической мощи", как производительность труда. Более того, у наиболее развитых доиндустриальных интенсивных земледельцев производительность труда ока-

зывается просто ниже, чем у ранних экстенсивных земледельцев. Например, производительность труда в наиболее интенсивном земледелии центральных районов Китая в 20–30е гг. этого века была заметно более низкой, чем у большинства ранних экстенсивных земледельцев Тропической Африки (см., например: [Clark & Haswell, 1966. P. 81, table XIX; p. 83, graph II; Boserup, 1972; Коротаев, 1991]).

Вместе с тем, существенно и то обстоятельство, что интенсивные земледельцы, имеющие даже несколько более низкую производительность труда, чем земледельцы ранние, экстенсивные, все-таки производят, как правило, несколько большее количество продукта. Чем же это объясняется? Объяснение здесь очень простое – интенсивные земледельцы, как правило, имеют продолжительность рабочего дня, в 2–3 раза превышающую таковую у ранних земледельцев [Minge-Klevana, 1980; Sanderson, 1999].

Здесь мы, кстати, сталкиваемся с одной вполне реальной тенденцией социокультурной эволюции, не замеченной А. П. Назаретяном – тенденцией к росту продолжительности рабочего дня, который увеличивается при переходе от присваивающего хозяйства к производящему, от экстенсивного земледелия к интенсивному и при дальнейшей интенсификации доиндустриального сельского хозяйства (обильный этнографический материал, подтверждающий существование этой тенденции, содержится в серии *Cross-Cultural Studies in Time Allocation*: [Bailey & Peacock, 1989; Baksh, 1990; Behrens, 1989; Hames, 1993; Johnson & Johnson, 1987; Mulder, Kerr & Moore, 1997; Munroe & Munroe, 1990a; Munroe & Munroe, 1990b; Munroe & Munroe, 1990c; Munroe & Munroe, 1995; Paolisso & Sacket, 1988; Smith, 1995; Weil, 1993; Werner, 1991]; сводки исторических данных см. в: [Мельянцев, 1996]). Тенденция эта, кстати, относится именно к классу интересующих А. П. Назаретяна. Это именно одно из проявлений к движению “от естества”, “к росту устойчивого неравновесия”. Вместе с тем здесь характерно и одно заметное отличие от большинства тенденций, рассматривавшихся ранее. “Вектор” этот не совсем “сквозной”. В наиболее развитых обществах тенденция к росту продолжительности рабочего дня была во второй половине прошлого – начале этого века переломлена, сменившись обратной тенденцией, к сокращению рабочего дня (в дальнейшем же эта тенденция охватила бóльшую часть Земного шара).

Вместе с тем, этим-то данная тенденция и особенно интересна. Она явно показывает, что из того факта, что одна из тенденций “движения от естества” имела место с глубокой древности и вплоть до настоящего времени, вовсе не следует, что необходимо добиваться того, чтобы тенденция эта продолжалась и в дальнейшем. Иногда имеет смысл постараться эту тенденцию сломать, остановить “сквозную тен-

денцию", превратить "сквозной вектор" в "несквозной". Более того, попытки эти вовсе не обречены на поражение, и могут быть вполне успешными и имеющими самые благоприятные последствия для людей. С другой стороны, отнюдь не всякое "движение от естества" оказывается тождественным прогрессу, к прогрессивным же сдвигам могут вполне приводить и попытки некоторые разновидности такого движения заблокировать.

Как мы увидим ниже, это отнюдь не единственная из такого рода тенденций.

И еще одно наблюдение. Можно, по-видимому, констатировать существование важной сквозной тенденции к абсолютному росту производства валового внутреннего продукта (ВВП). Особенно она очевидна если счет вести на производство ВВП на один социум. Впрочем, эта тенденция явно производна прежде всего от тенденции к росту размеров социумов. Менее очевидна (но все-таки прослеживается, хотя и не так уверенно) сквозная тенденция к росту ВВП на душу населения. Однако и она на протяжение исторического периода связана не столько с "ростом технологической мощи", сколько с ростом продолжительности рабочего дня.

Вместе с тем, достаточно очевидно существование совершенно реальных сквозных тенденций к росту по целому ряду других важнейших технологических параметров.

Так уже из сказанного выше очевидно существование совершенно реальной и устойчивой сквозной тенденции к росту производительности земли. Действительно, если для таких важнейших технологических сдвигов, как переход от присваивающего хозяйства к производящему, от раннего земледелия к интенсивному, дальнейшая интенсификация земледелия заметной тенденции к росту производительности труда не наблюдается (более часто отмечается как раз тенденция противоположная), то, что при этом безусловно и в высшей степени ощутимо растет, так это именно производительность земли. И если производительность труда у интенсивных доиндустриальных земледельцев не сильно превышало таковую у низших охотников-собирателей, и заметно уступала производительности труда высших охотников, собирателей и рыболовов, то по показателю "производительность земли" они превосходили вторых в десятки и сотни раз, а вторых – в сотни, тысячи (а иногда и десятки тысяч) (см., например: [Коротаев, 1991]). Важность же роста по этому показателю трудно переоценить – ведь рост производительности земли служил хозяйственной основой для поддержания практически всех других сквозных тенденций (прежде всего демографического роста, а через него и роста размеров социумов, роста количества информации, находящегося в распоряжении отдельных социумов, и т.д.).

Существенно и то, что долгосрочная тенденция к снижению производительности труда наблюдается только в доиндустриальном сельском хозяйстве. К ремеслу/обрабатывающей (но не добывающей!) промышленности это уже не относится, здесь уже можно говорить о вполне реальной сквозной тенденции именно к росту производительности труда (например: [Boserup, 1972; 1981]). Значимость этой сквозной тенденции, конечно же, трудно переоценить.

Точно также, видимо, вполне можно говорить и о совершенно реальном существовании сквозной тенденции к росту количества энергии, производимой и потребляемой социумом (что, впрочем, не столь несомненно применительно к росту производству энергии на душу населению). Применительно же к эффективности использования энергии, по-видимому, нужно скорее говорить об отчетливой сквозной тенденции к ее падению (тенденция эта, начала меняться на противоположную лишь в 60–70е гг. этого века, и лишь в наиболее развитых странах мира; при этом смена этих тенденций не представляется совершенно неизбежной) [Люри, 1994].

Наконец, в контексте проблематики данной монографии можно особо выделить и такую совершенно реальную тенденцию технологического роста, как совершенствование материальных средств насилия. Вполне очевидно, что можно выделить и иные автономные сквозные тенденции роста по "технологическим" параметрам.

Аналогичным образом нельзя не упоминуь и о заметных сомнениях по поводу возможности рассматривать в качестве единой тенденции *рост организационной сложности.* Ведь и здесь речь идет не об одном параметре, а о группе параметров, связь между которыми не просто далека от стопроцентной корреляции, но и нередко просто отрицательна.

А. П. Назаретян описывает этот "сквозной вектор" следующим образом:

> "*Рост организационной сложности.* Стадо ранних гоминид, племя верхнего палеолита, племенной союз неолита, город-государство древности и так далее до зачатков мирового сообщества - вехи на том пути, который Ф.Хайек назвал расширяющимся порядком человеческого сотрудничества. С усложнением социальных структур (которое, как и интеллектуальный рост, сопровождалось феноменами "вторичного упрощения") увеличивались масштаб групповой идентификации, количество формальных и неформальных связей, богатство ролевого репертуара, разнообразие деятельностей, образов мира и прочих индивидуальных особенностей" [Назаретян, 1999а. С. 118].

Совершенно очевидно, что и здесь речь идет о нескольких достаточно автономных тенденциях социокультурной эволюции. “Племя – союз племен – город-государство и т.д.” – это прежде всего тенденция к политической централизации. “Увеличение разнообразия деятельностей”, по-видимому, включает в себя и вполне реальную сквозную тенденцию к росту разделения труда. Между тем, тенденции эти достаточно автономны: рост разделения труда может и не сопровождаться политической централизацией. Конечно, политическую централизацию можно рассматривать как частный случай процесса разделения труда, как развитие разделения труда между управляющими и управляемыми. Но тогда встает вопрос о значимой автономии процессов разделения труда в разных сферах человеческой деятельности. Скажем, в классической Древней Греции уровень разделения труда между управляющими и управляемыми был на порядок ниже такого в государствах Древнего Ближнего Востока (слой профессиональных администраторов-бюрократов лишь начинал складываться в Греции в эпоху ранней тирании, однако, затем тенденция эта была целенаправленно сломлена) ([Берент, 2000; Berent, 1994; 1996; 2000a; 2000b]), однако уровень разделения труда в других сферах человеческой деятельности (ремесле, образовании, искусстве, науке) был сопоставимым, или даже заметно более высоким. Кроме того, как думается, тенденция к политической централизации не сводима лишь к выделению слоя профессиональных администраторов; она подразумевает и, скажем, тенденцию к монополизации легитимного применения насилия (которую, кстати, имеет смысл рассматривать и самостоятельно).

Отмечу, кстати, что из описания А. П. Назаретяном процессов роста организационной сложности выпала собственно проблематика ОРГАНИЗАЦИОННОЙ сложности, функциональной дифференциации.

Достаточно автономной представляется и вполне реальная тенденция к росту “масштабов групповой идентификации”.

Уместным представляется рассмотреть здесь и еще одну реальную группу тенденций социокультурной эволюции – тенденции к росту социального и экономического неравенства. Процессы роста разделения труда, функциональной дифференциации (и вообще бóльшая часть из описанных выше сквозных тенденций социокультурной эволюции) на протяжении большей части истории человечества как правило (но все-таки не всегда) сопровождались процессами роста социального и экономического неравенства. Из-за этого у нас даже появилась устойчивая практика оценивать общий уровень развития обществ (в особенности архаических) по уровню развития в них социального и экономического неравенства – архаические общества с более выра-

женным социальным и экономическим неравенством нередко автоматически рассматриваются как более развитые по сравнению с более эгалитарными архаическими обществами. Нужно подчеркнуть, что тенденции к росту устойчивых форм социального и экономического неравенства совершенно несомненно относятся к классу "векторов", интересующих А. П. Назаретяна, это вне всякого сомнения именно тенденции движения "от естества", к росту "устойчивого неравновновесия".

Вместе с тем здесь мы вновь сталкиваемся с негэнтропийными тенденциями, действие которых людям (к счастью) удалось во многих обществах (или даже в большинстве обществ) относительно недавно остановить.

Наиболее очевидно это применительно к тенденции роста юридического неравноправия. Тенденция эта была сквозной для большей части человеческой истории. Впрочем, определенные тенденции в противоположном направлении стали намечаться еще в Древности, когда, скажем, рядовым членам большинства греческих полисов удалось добиться равенства всех граждан (хотя и не всех обитателей полисов) перед законом. Эта контртенденция прослеживается и в Риме, где она находит свое отражение в Римском Праве, оказывающее в дальнейшем значимое влияние на правовое развитие средневековой Европы. В Средние века здесь впрочем несколько вперед вырывается Исламская цивилизация, где в рамках ортодоксального шариата формируется норма о равенстве перед Законом всех свободных мусульман (таким образом заметное число исламских обществ с мусульманским большинством и не слишком большим числом рабов оказывается по уровню развития юридического равноправия впереди Европы). Однако решающий перелом здесь все-таки просходит в Новое время в Западной Европе. Примечательно, что если вектор развития юридического неравноправия является действительно общим для всех цивилизаций мира, то о контртенденции этого сказать никак нельзя (для средневековой индийской цивилизации он, скажем, абсолютно нехарактерен). Установление же полного равенства всех обитателей крупных территориальных политий перед законом спонтанно формируется только в Западной Европе, хотя в дальнейшем эта норма получает распространение по всему миру, но уже под непосредственным западным влиянием – при этом, наиболее выраженную форму юридического неравноправия, рабство, западные державы (включая, между прочим, и Россию [Derlugian, 1997]) ликвидируют на заметной части Земного шара буквально силой.

То же самое можно сказать и о тенденции к росту политического неполноправия. Действительно, на протяжении большей части человеческой истории фиксируется общий вектор в сторону отстранения

все большей и большей части населения от влияния на принятие политических решений, на выбор политического руководства и т.п., что, вроде бы вполне логично коррелирует с тенденциями к политической централизации, монополизации насилия, профессионализацией управления и т.д. И снова, хотя контртенденция наблюдается (спорадически и не повсеместно) и ранее, верх она берет лишь в Новое время в Западной Европе и лишь затем распространяется (а не формируется спонтанно) по всему миру.

Примечательно, что в Западной Европе рост юридического равноправия населения в течение долгого времени сопровождался ростом экономического неравенства, увелечением разрыва в уровне доходов самых богатых и самых бедных (это кстати показывает, что рост/уменьшение неравенство – не один вектор, а группа тенденций, корреляция между которыми может быть даже отрицательной). Эту тенденцию на Западе удалось переломить только в конце прошлого – первой половине этого века (см., например: [Sanderson, 1995; 1999]).

Примечательно, что такого рост юридического и экономического равенства следует рассматривать как рост устойчивого РАВНОВЕСИЯ; в результате такого рода процессов социальные системы безусловно становятся в нормальном случае более устойчивыми – но именно за счет роста их РАВНОВЕСНОСТИ.

Но можно ли такого рода процессы рассматривать как "возвращение к естеству"? Думается, нет. Скорее речь здесь должна идти об "искусственной имитации естества".

Здесь имеет смысл остановится еще на одной тенденции движения от естества, которую человечеству удалось относительно недавно переломить. Действительно, начиная с неолитической революции и вплоть до эпохи завершения становления высоких цивилизаций интенсивных земледельцев наблюдается устойчивая тенденция к падению средней продолжительности человеческой жизни. И ничего особо удивительного в этом нет. Конечно, когда антроплоги обнаружили, что бушмены Калахари имели структуру питания (количество килокалорий, соотношения и абсолютные количества белков, жиров, углеводов, витаминов, микроэлементов), полностью соответствующую рекомендациям ВОЗ, они были удивлены. Хотя чего тут удивляться. Действительно, человеческая биограмма формировалась в условиях охотничье-собирательского образа жизни, и именно к этим условиям она и приспособлена [Массон, 1975. С. 29; Файнберг, 1974. С. 76–77; 1986. С. 144, 191–192; Хазанов, 1979. С. 128; Lee & DeVore, 1968. P. 5; Sahlins, 1972; Cohen, 1977. P. 39; 1987; 1989; 1995; 1998; Cohen & Armelagos, 1984; Ember & Ember, 1999. P. 152–153 и т.д.].

Переход к производящему хозяйству практически неизбежно вел к ухудшению условий человеческого существования (поэтому-то

при отсутствии кризиса охотники-собиратели к производящему хозяйству и не переходят). Ведь что такое производящее хозяйство – это искусственное увеличение биомассы крайне ограниченного числа видов “домашних” животных и растений в ущерб биомассе всех остальных съедобных растений и животных. При этом дальнейшая интенсификация сельского хозяйсва ведет, как правило, лишь к дальнейшему увеличению в диете людей крайне оганиченного числа культур (наиболее продуктивных, и калорийных, а значит содержащих из питательных веществ мало чего кроме углеводов) в ущерб всему остальному. Диета становится все менее разнообразной, углеводной, содержащей все меньше белков и витаминов. Оседлость приводит к ухудшению санитарной обстановкой, усугубляющейся все большей скученностью населения. Растет число паразитов, патогенов, что дополнительно усугубляется развитием коммуникации, влекущей за собой распространение в поясе высоких цивилизаций все новых и новых заболеваний. В результате, на выходе мы имеем такие цифры средней продолжительности жизни (с учетом высочайшей детской смертности) как 18-19 лет для Теотихуакана или 15-16 лет для императорского Рима эпохи принципата [Козинцев, 1980; Алексеев, 1989; Коротаев, 1991; Федосова, 1994; Harris, 1977; Boserup, 1972; Storey, 1985 и т.д.].

В некоторых областях Евразии тенденция эта стала переламываться уже более тысячи лет назад (и не только в Европе – рекордсменом цивилизованного мира по средней продолжительности жизни и в XVIII в. была Япония [Мельянцев, 1996]), однако радикальный перелом этой тенденции был достигнут лишь в XIX–XX веках. Важно подчеркнуть, что достигнут-то он был как раз во многом в результате искусственной имитации многих фундаментальных условий и характеристик жизни населения верхнего палеолита. Диета жителей наиболее развитых стран мира (характеризующихся как раз наибольшими показателями средней продолжительности жизни) во многом искуственно имитирует диету верхнепалеолитического охотника-собирателя[88] – для нее характерно повышенное количество белков, витаминов, сниженное количество углеводов. Искусственно имитируются и иные условия жизни охотника-собирателя, скажем, улучшенная (сравнительно с земледельцами) гигиеническая обстановка; даже физическая нагрузка охотника-собирателя неосознанно имитируется при помощи занятий физической культурой.

В итоге, складывается впечатление, что постановка вопроса "удаляться ли от естества или приближаться к нему?" не представля-

---

[88] Другими словами, их структура питания ближе именно к структуре питания охотников-собирателей, а не интенсивных доиндустриальных земледельцев.

ется удачной. В очень многих исключительно значимых случаях не нужно делать ни того, ни другого. Нужно не "удаляться от естества", не "возвращаться к нему"; оптимальной стратегией оказывается "искусственное имитирование естества".

Я не вижу никаких оснований рассматривать все это в качестве аномалии. Аномалией это было бы, если бы все богатство связей в мире людей сводилось лишь к прямолинейным зависимостям (типа: рост параметра А ведет к росту параметра В, или рост параметра А ведет к падению по характеристике В). В реальности же наряду с такими связями наблюдаются и криволинейные (*curvilinear*) зависимости (типа: рост параметра А ведет к росту параметра В до достижения А значения a_x, после чего рост параметра А ведет к уменьшению показателя В; или рост параметра А ведет к падению по характеристике В до достижения А значения a_x, после чего рост параметра А ведет к увеличению показателя В). Таких связей в социальном мире очень много. Довольно много такого рода зависимостей известно и для показателя *культурная сложность*. И что же в результате? А в результате, многие простые общества охотников-собирателей оказываются по значительному числу своих фундаментальных характеристик ближе к максимально сложным современным индустриальным обществам, чем к обществам среднего уровня сложности.

К таким характеристикам, находящимся в криволинейной зависимости от показателей культурной сложности, также относятся, например, размер семьи [Nimkoff & Middleton, 1960; Osmond, 1969; Blumberg & Winch, 1972; McNett, 1973; Levinson & Malone, 1980. P. 86–87; Ember & Levinson, 1991. P. 83], полигиния [White & Burton, 1988; White, 1988], мужские церемонии инициации [Precourt, 1975; Schlegel & Barry, 1980], почтительное отношение к старым [Lee & Kezis, 1979; Balkwell & Balswick, 1981; Lee, 1984; Ishii-Kuntz & Lee, 1987], родовая организация (а также корпоративные десцентные родственные структуры в целом – родовые и амбилинейные: [Murdock & Provost, 1973]) и т.д. В недавнем нашем исследовании мы (совместно с Д. М. Бондаренко) провели дополнительную количественную кросс-культурную верификацию гипотезы о криволинейной связи между показателями культурной сложности и размерами семьи, а также полигинией. Проведенные нами математико-статистические тесты подтвердили обе эти гипотезы. Статистически значимой оказалась и криволинейная связь между культурной сложностью и демократичностью общины [Bondarenko & Korotayev, 2000]).

КОММЕНТАРИЙ ТРЕТИЙ. Особые сомнения у меня вызывают постулированный А. П. Назаретяном пятый "сквозной вектор" социокультурной эволюции, "увеличивающаяся терпимость, способность к

взаимопониманию и компромиссам" и формулируемый им в связи с рассмотрением "пятого вектора" *закон техно-гуманитарного баланса.*

Начну с того, что А. П. Назаретян рассматривает рост в данном направлении как средство предотвращения "взаимного истребления людей и разрушения природной среды", то есть он рассматривает развитие средств сдерживания агрессии и средств предотвращения разрушения природной среды как одну переменную. Между тем, это две разные переменные, и при этом такие, между которыми зачастую не только не наблюдается жесткой положительной корреляции, но часто фиксируется корреляция отрицательная (и при этом иногда исключительно жесткая).

Другими словами, А. П. Назаретян склонен полагать, что механизмы социальных и экологических кризисов идентичны, и что следовательно, выход из них достигается одним и тем же путем, через восстановление т.н. "техногуманитарного баланса". Между тем, есть все основания полагать, что механизмы этих кризисов могут быть в высшей степени разными, выход из них зачастую достигается разными (а нередко противоположными путями), и выход из социального кризиса нередко оказывается решающим фактором начала кризиса экологического, и наоборот.

Рассмотрим, например, типические модели развития экологических и социальных кризисов в раннеземледельческих обществах [Boserup, 1972; Шнирельман, 1986; Коротаев, 1991 и т.д.].

В некоем ареале происходит переход от присваивающего хозяйства к подсечному земледелию. Уже раннее земледелие, как правило, позволяет прокормить на той же территории многократно, более, чем на порядок, большее население, чем это возможно при присваивающем хозяйстве.

В принципе, любая форма земледелия невозможна без того или иного разрушения природной среды. Но разрушение это может быть минимальным и не иметь для людей никаких заметных отрицательных последствий. Как мы уже упоминали, в условиях высокой обеспеченности земельными ресурсами, характерной для самого раннего земледелия, имеется возможность после истощения почвы на обрабатываемом участке земли оставлять его под залеж на очень продолжительные промежутки времени (30–50 и более лет), что позволяет полностью восстановить его плодородие. Однако с ростом плотности населения свободных земель становится все меньше и меньше, и срок залежи приходится все более и более сокращать. Однако сокращение срока залежи приводит к тому, что плодородие обрабатываемой земли перестает полностью восстанавливаться, а значит, уже идет вполне серьезное разрушение природной среды, чреватое самыми драматиче-

скими последствиями. Социобиогеоценоз входит в полосу самого реального антропогенного экономического кризиса.

Какими путями людям удается из такого рода кризисов выходить? Мне что-то неизвестно случаев, когда выход из таких агроэкологических кризисов достигается через "увеличение терпимости" и рост "способности к взаимопониманию и компромиссам". Реальность значительно прозаичнее. В действительности выход, который люди находят из такого рода кризисов отнюдь не так высокопарен, как это предполагает А. П. Назаретян. Наиболее реальный выход из описанного выше агроэкологического кризиса достигается через искусственное восстановление плодородия почвы (внесение удобрений, применение севооборотов и т.п.), т.е. через развитие земледельческой технологии. Итак, выход из вызванного "ростом технологической мощи" экологических кризисов зачастую может наиболее эффективно достигаться через дальнейший "рост технологической мощи", но в определенном направлении.[89]

Описанная выше модель развития (и разрешения) агроэкологического кризиса у ранних земледельцев крайне упрощенна. Дело в том, что для того, чтобы сообщество экстенсивных земледельцев могло трансформироваться в сообщество земледельцев интенсивных ему необходимо преодолеть не только агроэкологический, но и достаточно

---

[89] Это, кстати, еще раз показывает, что "технологическая мощь" – это не единая переменная, а группа из значительного числа вполне самостоятельных параметров. И при этом "рост технологической мощи" будет иметь совершенно разные (часто просто противоположные) последствия в зависимости от того, какой именно параметр "технологической мощи" растет. Как кажется, гуманитарии со столь характерным для них технологическим нигилизмом и технофобией склонны недооценивать важность и эффективность технологического решения вызванных развитием технологии экологических кризисов, значимость не только "техно-гуманитарного", но и "внутритехнологического" баланса. Кроме того, мне хотелось бы подчеркнуть, что я не склонен отрицать важности развития средств сдерживания агрессия человека против природы, как одного из способов решения экологических кризисов (хотя, в разрешении экологического кризиса в раннем земледелии средство это, насколько мне известно, сыграло минимальную роль; впрочем, в решении современного экологического кризиса его роль, конечно, несравненно более важна). Но ниже я попробую подробнее рассмотреть вопрос, сводимо ли развитие средств сдерживания агрессии как против природы, так и против себе подобных только лишь к "увеличению терпимости" и росту "способности к взаимопониманию и компромиссам".

автономный от него собственно социальный кризис. Ведь такой переход предполагает многократный рост плотности населения. А общность, характеризуемая на порядок более высокой плотностью населения, для того, чтобы устойчиво воспроизводить себя, должна обладать заметно более совершенными механизмами сдерживания агрессии. Таким образом, развитие средств сдерживания агрессии оказывается необходимым условием многократного роста плотности населения. Что же произойдет, если рост плотности населения будет происходить при отсутствии развития средств сдерживания агрессии? Очевидно, вырастет частота агрессивных столкновений, и возрастет смертность. Общество войдет в полосу собственно социального кризиса.[90] И что существенно, "магистральный" путь выхода из этого кризиса (через совершенствование механизмов сдерживания агрессии внутри сообщества) совершенно отличен от "магистрального" пути решения другого из сопутствующих рассматриваемому переходу кризиса, агроэкологического (через совершенствование сельскохозяйственной технологии). Более того, решение одного из этих кризисов вовсе не приводит к реальному решению другого, а ***НЕ***разрешение одного приводит к снятию другого.

Допустим, сообщество нашло выход из агроэкологического кризиса; но социальный кризис от этого только обострится, ибо это приведет к еще большему росту плотности населения. При катастрофическом же завершении агроэкологического кризиса массовая депопуляция приведет к резкому уменьшению плотности населения, частоты агрессивных столкновений, а следовательно, к снятию социального кризиса. С другой стороны, катастрофическое завершение социального кризиса приведет к снятию агроэкологического кризиса, и наоборот. Между прочим, данные обстоятельства отчасти объясняют, почему переход от экстенсивного земледелия к интенсивному оказывается столь затяжным и затруднительным, почему столь многие народы не могут его в течение тысяч лет совершить.

Необходимо также иметь в виду, что при переходе от присваивающего хозяйства к переложному экстенсивному земледелию (при отсутствии значимого сопутствующего развития средств сдерживания агрессии), как правило, растет не только плотность населения, количество агрессивных столкновений и смертность от подобных столкнове-

---

[90] Из сказанного понятно, что это может произойти и без сопутствующего развития средств насилия (а последнее может иметь место и как раз как результат роста агрессивных столкновений). Конечно очевидно, что если подобный кризис будет развиваться на фоне значимого развития средств насилия, острота его, как правило, будет только усугубляться.

ний, но и рождаемость. Росту рождаемости способствует, скажем, оседлость, степень которой, как правило, значимо вырастает при переходе к земледелию; но есть и много других факторов роста рождаемости, например, рост содержания углеводов в диете [Козинцев, 1980], появление более или менее эффективных заменителей женского молока[91] (см., например: [Godelier, 1975] и т. п. В результате, рост смертности от агрессивных столкновений может компенсироваться ростом рождаемости. Таким образом, вырисовывается и еще одна модель выхода из “раннеземледельческого” социального кризиса – когда не происходит ни развития средств сдерживания агрессии, ни массовой депопуляции. Сообщество стабилизируется на уровне плотности населения и социокультурной сложности, значимо более высоком, чем у бродячих охотников-собирателей без заметного совершенствования средств сдерживания агрессии. Возросшая смертность в результате агрессивных столкновений будет компенсироваться возросшей рождаемостью.

Следовательно, утверждение А. П. Назаретяна о том, что в результате кризиса люди должны, либо подняться на более высокую ступеньку “прогресса”, выработав более совершенные средства сдерживания агрессии, либо самоистребиться, дегенерировать, опуститься на более низкую “ступеньку”, оказывается неточным. Помимо ароморфного (с повышением уровня организации) и дегенерационного (с ее понижением) выхода из кризиса вполне возможно и его идиоадаптивное разрешение, когда не происходит ни значимого повышения, ни значимого понижения уровня самоорганизации, социокультурной сложности, при качественном изменении структуры социокультурной системы.

---

[91] Одним из факторов относительно низкой рождаемости среди бродячих охотников-собирателей является исключительно продолжительный срок кормления детей грудью. Лактация, как известно, в высокой степени блокирует овуляцию; в результате, рождение одного ребенка от другого у женщины среди охотников-собирателей отделяют достаточно длительные промежутки времени, а общая рождаемость оказывается довольно низкой. Существенно, что у охотников-собирателей и нет никакой реальной альтернативы женскому молоку. У земледельцев такая альтернатива зачастую появляется прежде всего в виде разного рода каш, что оказывается существенным фактором сокращения срока лактации, уменьшения разрыва между рождениями, а в конечном счете, роста рождаемости (в данном контексте, существенно и некоторое уменьшение в результате развития хотя бы самых примитивных разновидностей “детского питания” детской смертности).

И все-таки главные сомнения в описании А. П. Назаретяном “пятого сквозного вектора социокультурной эволюции” у меня вызывает другое. Да, я согласен с существованием вполне реальной “сквозной тенденции” к совершенствованию средств сдерживания агрессии. И совсем уж никаких сомнений не вызывает тот факт, что социокультурные системы, характеризуемые на несколько порядков более плотным населением и более разрушительными орудиями агрессии, характеризуются и заметно более развитыми средствами сдерживания агрессии. Но А. П. Назаретян ведь сводит развитие средств сдерживания агрессии к “увеличению терпимости, способности к взаимопониманию и компромиссам”, рассматривая “пятый вектор” в контексте “закона техно-гуманитарного баланса”, утверждая, что совершенствование средств насилия и агрессии неизбежно ведет к моральному совершенствованию.[92] Мне бы очень хотелось бы, чтобы А. П. Назаретян был прав. Но, к сожалению, действительность заметно более прозаична.

Концепция А. П. Назаретяна, как кажется, еще раз напоминает о всей опасности использования в науке неточных, “фигуральных” выражений. С одной стороны, вроде бы никаких сомнений не вызывает утверждение А. П. Назаретяна о том, что “в распоряжении [современных] людей [находится] неизмеримо более разрушительное оружие”, а следовательно, тот факт, что современные люди не истребили друг друга (и даже имеют показатели насильственной смертности более низкие, чем у народов с несравненно менее развитыми средствами уничтожения себе подобных), объясняется именно ростом “способности к взаимопониманию и компромиссам” и “увеличением терпимости”. Но хочется задать А. П. Назаретяну вопрос: “Какое именно разрушительное оружие находится в его распоряжении? А в моем? А в распоряжении наших родственников и знакомых?" Тут-то и выясняется, что в реальном распоряжении не современных людей вообще, а подавляющего большинства реальных конкретных современных людей нет не то что оружия, на многие порядки более мощного, чем первобытные лук и стрелы – у нас реально и луков-то со стрелами нет.[93]

---

[92] Единственной альтернативой этому, по А. П. Назаретяну, является саморазрушение социокультурной системы.

[93] Конечно, часть наших соотечественников реально владеет оружием (по большей части нелегально), но на шкале 12-13 порядков, отделяющих каменный топор от ядерной боеголовки, оружие это окажется много ближе к каменному топору, чем к ядерной боеголовке. Кроме того среди (да и вокруг) той части наших соотечественников, что обладает оружием, и насильственная смертность выше.

Например, сопоставим современную Россию с обществом, изучением которого я занимаюсь много лет, с Северо-Восточным Йеменом. Уровень насильственной смертности в России, как известно, достаточно высок, но в Северо-Восточном Йемене он, как можно судить по косвенным данным, даже несколько выше.[94] Вроде бы это не противоречит концепции А. П. Назаретяна. Уровень развития средств насилия в России много выше, чем в Йемене, но следовательно, много сильнее и моральные ограничители, вот и результат. Но так ли это на самом деле? А на самом деле более высокий уровень насильственной смертности на Северо-Востоке Йемена объясняется вовсе не слабостью моральных ограничителей на применение насилия (они-то там как раз исключительно сильны), а элементарным фактом наличия боевого огнестрельного оружия у подавляющего большинства взрослых мужчин региона в сочетании с исключительной слабостью государственных (а в том числе и полицейских) структур. А более низкий уровень насильственной смертности в России объясняется вовсе не характерной для нас силой моральных ограничителей, а элементарным запретом на обладание любым боевым оружием, худо-бедно поддерживаемый всей мощью отечественного полицейского аппарата. И вряд ли у кого-то есть особые сомнения, что если бы полицейские ограничения были полностью сняты, и все бы мы стали обладателями огнестрельного оружия, то мы многократно обогнали бы Северо-Восточный Йемен по показателю насильственной смертности.[95] На

[94] Точных статистических данных по этой части Йемена мне не известно, так что сказанное выше представляет собой именно достаточно грубую оценку по косвенным данным (см., например: [Dresch, 1989]).

[95] А уж если бы все мы получили возможность иметь ядерные боеголовки, то вряд ли вскоре после этого от нас много что осталось. Можно, конечно, вспомнить и крупную современную страну, где заметная часть взрослого населения является легальными обладателями огнестрельного оружия, и где уровень насильственной смертности все-таки несколько меньше, чем в России. Но (1) производство, продажа и использование огнестрельного оружия здесь жестко контролируется государством – в отличие от горных поселений Северо-Восточного Йемена по улицам здесь с огнестрельным оружием никто не ходит; (2) оружие, которым обладают конкретные американцы, представляет собой детские игрушки в сравнении с действительно разрушительными видами современного оружия [и если бы рядовые американские граждане стали бы обладателями ядерных боеголовок, то и США перестали бы очень скоро существовать]; (3)

самом деле, это не совсем уж голая спекуляция. В истории нашей страны был период, когда в ходе гражданской войны обладателями огнестрельного ружия стала бóльшая часть мужского населения страны. Сопутствовавший этому уровень насильственной смертности и общего озверения хорошо известен. В истории Йемена в этом веке тоже была гражданская война, затянувшаяся при этом более, чем на десять лет. В сопоставлении с нашей гражданской войной йеменская прошла исключительно "корректно", без каких-либо зверств, когда от войны сознательно страдали лишь вооруженные мужчины на поле боя, а над невооруженным же населением никакого насилия сознательно не чинилось (см., например: [Dresch, 1989]). В целом "корректно" прошла и последняя непродолжительная гражданская война между Севером и Югом (1994 г.), когда снова вооруженные мужчины намеренно убивали только вооруженных мужчин. Особенно контрастно эта война выглядела в сравнении с шедшей одновременно гражданской войной в Руанде, где бóльшая часть населения (*хуту*) была традиционно разоружена, где отмечались исключительные зверства (в том числе, и по отношению к мирному населению) и где особыми зверствами отличались именно *хуту,* а не традиционно обладавшие оружием *тутси.*

В целом, не может не вызвать удивления то, что А. П. Назаретян свел весь арсенал, выработанных людьми средств сдерживания агрессии только лишь к "способности к взаимопониманию и компромиссам" и "увеличению терпимости", совершенно проигнорировав "полицейские" средства сдерживания агрессии, сыгравшие в предотвращении разрушении человечеством самого себя (как ни прискорбно это сознавать) отнюдь не меньшую роль. А ведь с учетом этого изящный "техно-гуманитарный" баланс приходится переформулировать в баланс "техно-гуманитарно-полицейский".

Да, сквозная тенденция к развитию средств сдерживания агрессии представляется совершенно реальной. Но с учетом ее "полицейской" составляющей, тенденция к усилению моральных ограничителей агрессии перестает выглядеть действительно сквозной. Скажем, в наиболее сложных обществах все-таки в качестве наиболее эффективного ограничителя агрессии проявила себе монополизация государством легитимного применения насилия, по сути дела насильственное разоружение населения и введение жесткой системы наказаний за агрессивное поведение. Тенденция к развитию средств сдерживания агрессии является действительно сквозной – она прослеживается во все

уровень насильственной смертности в США все равно более, чем на порядок превышает таковой в "разоруженной" Англии.

эпохи существования человечества, во всех цивилизациях. Этого, к сожалению, нельзя сказать об усилении моральных ограничителей.

Подчеркну, что я совершенно не склонен отрицать само́й исключительной важности роста моральных ограничителей. Я не склонен отрицать и реального усиления этих ограничителей как в большинстве государств мира, так и в межгосударственных отношениях в последние десятилетия. Но тенденцию эту, на мой взгляд, неправильно ретроспективно бесконечно экстраполировать в прошлое. Да, в отдельные эпохи, в отдельных цивилизациях моральные ограничители агрессии могли усиливаться (это наблюдалось, например, в развитии большинства сложных безгосударственных обществ – демократических греческих полисах, племенах Северо-Восточного Йемена, “вольных обществах” Дагестана, суверенных кантонах средневековой Швейцарской конфедерации и т. п.). Однако отнюдь не являются исключениями и случаи развития средств сдерживания преимущественно за счет “полицейской компоненты”, как это наблюдается в процессе становления большинства государств. Вообще на протяжении большей части существования человечества наблюдалась отрицательная корреляция между развитием “моральных” и “полицейских” ограничителей агрессии. Своего максимального развития моральные ограничители, по-видимому, достигли в сложных безгосударственных обществах (характеризующихся наряду с прочим вооружением всех граждан и отсутствием полицейского аппарата, имеющего право легитимно применять по отношению к гражданам насилие). Развитие же государственных структур, как правило, сопровождалось усилением "полицейских" ограничителей агрессии в ущерб моральным. Итак, агрессия может сдерживаться как моральными, так и "полицейскими" ограничителями, при этом развитие "полицейских" ограничителей нередко ослабляет силу ограничителей моральных.[96]

Как известно, многообразие социокультурных фактов столь велико, что не трудно найти примеры для иллюстрации практически любой постулированной закономерности (даже если в реальности ее и не существует). Поэтому, если "правильно наметить точки" в безбрежном море исторического материала, можно проиллюстрировать и существование "сквозной тенденции" к росту силы моральных ограничителей агрессии, к росту “способности к взаимопониманию и ком-

[96] По-видимому, парадигматически эта проблема была сформулирована еще в древнем Китае, прежде всего в полемике между конфуцианцами и легистами (полемике, сопровождавшейся, кстати, широким применением насилия [со стороны легистов, добившихся в конце III в. до н.э. почти полного физического уничтожения своих оппонентов, и при этом не только конфуцианцев]).

промиссам”, к “увеличению терпимости”. Да, можно взять жестокую "Доосевую" эпоху, отметить смягчение нравов в Осевое время, прибавить к этому, что с Осевого времени "способность к взаимопониманию и компромиссам" выросла еще больше. Ну чем не "сквозной вектор"? Но не все так просто.

Рассмотрим, например, процесс "увеличения терпимости", взяв за точку отсчета эгалитарных охотников-собирателей. Как у них с этим обстоят дела?

Как кажется, уровень терпимости, характерный для эгалитарных охотников-собирателей многими недооценивается. Между тем, как отмечают некоторые исследователи первобытных эгалитарных обществ, скажем, степень терпимости здесь к "инакомыслию" исключительно высока, что связано с целым рядом характеристик этих сообществ (см., например: [Brunton, 1989]). Так здесь, как правило, отсутствует какое-либо единство в том, что считать, а что не считать должным. Среди хилл пандерам, например, даже по вопросу инцестуозных связей некоторые явно выражают свое неодобрение, некоторые имеют к ним неопределенное отношение, а некоторые не видят в них ничего плохого (хотя и не выражают открыто своего одобрения). Как правило, не существует четких представлений о моральном порядке, о природе сверхъестественных существ и т. д. (Исследователь пигмеев мбути К. М. Тернбалл пишет, например, о "предельном разнообразии мнений по вопросам религии даже среди членов одной локальной группы или семьи" [Turnbull, 1966. P. 246]). Отсутствуют четко оформленные, сколько-нибудь жесткие традиции, правила поведения и т.п. Как правило, нет традиционно зафиксированных и оберегаемых песен и ритуалов, которые вообще достаточно изменчивы. Сравнительно высока роль персонального опыта (в сравнении с коллективными представлениями и их передачей по традиции [Brunton, 1989]).

Конечно, ни в одном развитом доиндустриальном традиционном государстве такого уровня терпимости найти нельзя. В целом, в процессе политической централизации, становлении вождеств, а в дальнейшем и государств растет скорее именно нетерпимость. И я не решился бы утверждать, что однозначный "рост терпимости" наблюдался даже в Осевое время. Да, в эту эпоху несомненно увеличение силы моральных регуляторов. Но наблюдалось ли при этом "увеличение терпимости"? Нет, во многих отношениях в эту эпоху заметно выросла именно нетерпимость. Например, невозможно, отрицать исключительную значимость начавшегося в Осевое время процесса перехода от партикуляристских языческих культов к универсалистким мировым религиям. Привел ли этот процесс к усилению моральных ограничителей агрессии? Безусловно да. Скажем, уже сам универсализм этих религий вел к резкому расширению круга "своих", по отношению к ко-

торым моральные ограничители агрессии, как правило, в основном и действуют. Привел ли этот процесс к повсеместному однозначному "увеличению терпимости"? Нет, нет и нет. Уже в самом универсализме осевых религий оказались заложены зерна нетерпимости, давшие вскоре богатые всходы. Сам партикуляризм языческих религий был фактором достаточно высокого уровня терпимости. Право других общин поклоняться своим богам, как правило, нисколько не оспаривается. Да, изображения чужих богов (т. е. по представлениям многих древних народов сами боги [Оппенхейм, 1980]) могут захватываться и увозиться к себе в столицу. Но даже в этом сквозит определенное уважение к религии других – чужие боги это реальная сила, с которой нужно считаться (и которую желательно при помощи своих богов подчинить). К тому же чужие боги зачастую отождествляются со своими. И нет никакого разговора о том, что религия других является греховным подлежащим искоренению заблуждению. Универсалистские, агрессивные, претендующие на мировое господство и полное уничтожение своих духовных конкурентов ортодоксии формируются именно в Осевое время. Истинна одна и только одна (наша) религия – все остальное это именно греховное заблуждение, которое рано или поздно будет ею вытеснено и уничтожено. Подобная нетерпимость, впрочем, по-настоящему характерна только для мировых авраамических религий. Такие же осевые идеологии как буддизм и конфуцианство отличаются, конечно, несравненно более высоким уровнем терпимости. И, естественно, скажем, конечную победу конфуцианства (инкорпорировавшего, впрочем, в себя многие элементы своего противника) над легизмом в Китае можно вполне рассматривать как в высшей степени значимый сдвиг в сторону именно "увеличения терпимости" (что в дальнейшем было, скажем, очень четко продемонстрировано в высокой степени терпимым отношением конфуцианства к такой в крайней степени чуждой ему идеологической системе, как буддизм). Но, с другой стороны, того уровня терпимости, что наблюдался в некоторых царствах Китая эпохи Чжань Го, позволявшего одновременно сосуществовать (и при этом исключительно плодотворно) друг с другом большому числу крайне разнообразных философско-идеологических систем, в Китае уже больше никогда (включая и XX в. [если абстрагироваться от Тайваня и Гонконга]) не наблюдалось. "Сквозного вектора" здесь все-таки никак не получается. Да, в отдельные эпохи в отдельных странах наблюдается некоторое "увеличение терпимости"; но, в целом, структура тенденций здесь скорее напоминает ту, что мы уже наблюдали применительно к таким параметрам, как производительность труда, продолжительность жизни и социальное равноправие – на протяжении почти всей человеческой истории мы наблюдаем общую долгосрочную тенденцию к падению (с неред-

ками, и исключительно значимыми для последующей эволюции "попятными движениями") с достаточно поздним переломом тенденции (и при этом в рамках западноевропейской цивилизации) с последующим распространением контртенденции на бóльшую часть мира.

Примечательно, что рост нетерпимости, сопровождавший формирование и распространение мировых авраамических религий, сопровождался тем не менее и определенным усилением некоторых моральных ограничителей агрессии (впрочем, только против людей, но не природы).

Это, между прочим, показывает, что и здесь А. П. Назаретян совершает свою типичную ошибку – рассматривает в качестве единого одномерного показателя то, что представляет собою группу показателей, имеющих между собою либо не слишком жесткую положительную корреляцию, либо даже корреляцию отрицательную. В большинстве случаев наблюдается рост по одним показателям этой группы при падении по другим. Поэтому и появляется возможность конструирования "сквозного вектора" морального прогресса, выискивая в каждую данную эпоху растущий параметр и игнорируя падающие показатели (а с таким же успехом можно было бы проследить и "сквозной вектор морального регресса"). Но сконструированные таким образом сквозные псевдовекторы могут, конечно, лишь вводить в заблуждение.

Но вернемся к "нетерпимости" авраамических мировых религий. Я не могу сказать, что отношусь к "нетерпимости" христиан или мусульман только лишь отрицательно. Ведь именно нетерпимое отношение истовых христиан или мусульман к языческим практикам, не соответсвующих духу и букве их религии и позволяло им эти практики искоренять. А ведь в их числе оказалось и много таких, искоренение которых у большинства современных людей (даже нехристиан и немусульман), по крайней мере на уровне "сверх-Я", никаких возражений не вызывает. И здесь нетерпимость и бескомпромисность мировых авраамических религий зачастую смотрится откровенно выигышно рядом с терпимостью античных интеллектуалов, их готовностью идти на компромисс:

> "...Книжник, приверженец Библии, как правило, не знал простейших сведений эллинистической науки об устройстве мироздания; зато он знал с такой безусловностью, какой недоставало философствующим моралистам, что кровавые 'игры' гладиаторов совершенно недопустимы – не мрачны и грубы, как для философа Демонакта, не вульгарны и скучны, как для императора Марка Аврелия, даже не только теоретически предосудительны, как для приближенного Нерона – Сенеки, а именно ***Н Е Д О П У С Т И М Ы*** – они 'мерзость пе-

> ред господом'. Понятие о добре и зле, ставшее для греков и римлян с падением полисных устоев чем-то очень зыбким и расплывчатым, темой для необязательного теоретизирования и безответственных дискуссий, в библейском мировоззрении соотносилось с абсолютным авторитетом единого бога и при всей ограниченности сохраняло определенность, непреложность, неуступчивость. Быт ессеев и других подобных 'сотовариществ', а затем и раннехристианских общин оставался более здоровым и чистым, чем в обступившем эти общины языческом мире: только здесь, например, находилось под действенным запретом выбрасывание 'лишних' новорожденных, вполне обычное для быта греческого"[97] [Аверинцев и др., 1983. С. 251].

Итак, как мы видим, именно "авраамическая нетерпимость" вносила свой заметный вклад в развитие моральных ограничителей агрессии.[98]

АГРЕССИЯ ПРОТИВ ПРИРОДЫ Сказанное выше в полной (а точнее говоря, даже в большей мере) относится и к средствам сдерживания агрессии человека против природы. Люди, скажем, располагают сейчас достаточными техническими средствами для того, чтобы в считанные месяцы вырубить все леса вокруг Москвы. Более того есть заметное число фирм, которые с радостью это сделали бы. Так почему же этого не происходит? Неужели А. П. Назаретян всерьез думает объяснять это высоким моральным обликом руководителей и хозяев лесозаготовительных организаций? Объяснение же здесь исключительно банально – достаточно строгий запрет на вырубку лесов в Подмосковье. И хозяин лесозаготовительной организации, ничего не имеющий против того, чтобы вырубить Лосиноостровский лесопарк, прекрасно понимает, что если он рискнет это сделать, то столкнется с самым реальным силовым “полицейским” противодействием. И снимите вы полностью запрет на рубку леса здесь – думаете через пару месяцев от этого лесопарка что-то останется? А вот взращивать терпимость к подобным лесозаготовителям, развивать способность идти с ними на компромиссы вряд ли здесь продуктивно.

---

[97] Не менее нетерпимо отношение к подобной практике и в Исламе.

[98] Ограничусь лишь еще одним примером: "Мусульман... поражало... то, что рабыни в христианских и иудейских домах не были в распоряжении хозяина дома так же, как и наложницы. Происходило это по той причине, что законы христианства... рассматривали связь мужчины со своей рабыней как разврат, который он должен был искупить церковным покаянием" [Мец, 1996. С. 159].

И еще один заключительный комментарий. Каков смысл в обозначении названных выше “сквозных” тенденций социокультурной эволюции именно как сквозных? Конечно же, это не нужно понимать так, что в любом данном обществе реально присутствует любая из названных выше “сквозных” тенденций. С одной стороны, в большинстве современных нам обществ бóльшая часть из данных тенденций присутствует, и присутствует, как правило, уже несколько десятилетий, а иногда и веков. Но не нужно думать, что так было всегда. Более того, современное состояние достаточно быстрого развития большинства обществ в направлениях, “задаваемых” сквозными векторами, можно считать аномалией, которая не может продлиться долго. На протяжении же большей части истории человечества тенденции эти наблюдались лишь в меньшинстве обществ. Однако ввиду очень большого числа эволюционировавших единиц, даже присутствие одной из данных тенденций среди одного процента социумов, означала ее присутствие в десятках и сотнях социумов, разбросанных по разным концам Земного шара. Качественные сдвиги по отмеченным выше параметрам вообще были исключительно редки. Однако они имели, как правило, выраженный кумулятивный характер и в долгосрочной перспективе приводили к исключительно значимым социокультурным трансформациям.[99]

[99] К тому же появлявшиеся в результате новые формы и структуры имели, как правило, повышенную адаптационную способность (в особенности в конкуренции с другими формами и структурами) и поэтому начинали в большинстве случаев расширенно воспроизводиться через какое-то время после своего появления. Еще раз подчеркну, что рост адаптивной способности подобных структур нельзя отождествлять с прогрессом в отмеченном в начале данной монографии смысле. На протяжении большей части истории человечества подобные сдвиги имели едва ли не в большинстве случаев мощные антипрогрессивные составляющие. Большинство людей в результате начинало больше (и монотоннее) работать, хуже питаться, чаще голодать, сокращалась средняя продолжительность жизни и т.п. Устойчивая корреляция между сквозными тенденциями социокультурной эволюции и прогрессом явление относительно недавнего прошлого и никаких автоматических гарантий ее сохранения нет. Сохраниться она может только в результате целенаправленных и эффективных действий самих людей.

Глава IV

ОБЪЕКТИВНЫЕ ЗАКОНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ И СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР[100]

Теперь рассмотрим, как будет выглядеть в рамках предлагаемого подхода к изучению процессов социокультурной эволюции роль субьективного фактора. Или, другими словами, как выглядят процессы социокультурной эволюции с точки зрения социального субъекта?

§ 1

Суть концепции, занимавшей у нас здесь господствующее положение до начала 90-х гг., может быть изложена, на мой взгляд, следующим образом:

Функционирование и развитие социальных организмов определяются объективными социологическими законами. Раз эти законы объективны – значит, существуют они независимо от нашего сознания, наших желаний, устремлений и т. д. Если уж объективные социологические законы толкают общество в определенном направлении (например, обусловливают закономерную смену формацией В формации А), то именно в этом направлении общество и пойдет – даже если мы этого совершенно не хотим и делаем все возможное, чтобы предотвратить подобную социальную трансформацию.

Концепция эта, на мой взгляд, по сути своей фаталистична, хотя фатализм ее, конечно, далеко не абсолютен. Так, допускается, что, преследуя свои сознательно поставленные цели, различные социологические субъекты (отдельные индивиды, группы, партии, правительства и т.д.) могут оказать заметное влияние на ход закономерного процесса социального развития – они могут его замедлить, ускорить, повернуть на какое-то время вспять, даже прекратить его (уничтожив человечество, вероятность чего в рамках данной концепции, как правило, не отрицается). Социологические субъекты, наконец, могут драматическим образом видоизменить форму протекания данного процесса, сколь угодно сильно повлиять на

[100] IV глава подготовлена мною на основе моей статьи "Объективные социологические законы и субъективный фактор" [Коротаев, 1992]; см. также: [Коротаев, 1999г].

внешний его характер. Но существо процесса социального развития остается прежним в любом случае: человечество может двигаться, по сути дела, лишь в одном направлении (хотя и с некоторыми частными вариантами): от первобытнообщинной формации через рабовладение, феодализм и капитализм – к коммунизму. Некоторые сторонники рассматриваемой концепции могли, впрочем, вносить в данную схему и определенные (но несущественные в этом контексте) модификации: добавлять новые стадии (азиатский способ производства), исключать другие (рабовладельческую формацию, коммунизм[101]), устраняя какие-то, наиболее бьющие в глаза, недостатки схемы; эти модификации существа концепции, естественно, не меняют. При благоприятных условиях некоторые общества могут "перепрыгнуть" через некоторые ступени лестницы социального развития (и определенные сознательные действия определенных социологических субъектов могут им в этом заметно помочь). Но существо закономерного процесса общественного развития при этом никто изменить не может.

Как было показано в предыдущих главах, противоречие данной концепции фактам реальной человеческой истории вполне очевидно; но этого никак нельзя сказать об объективных социологических законах, существование которых этими фактами в целом подтверждается. Однако действительно ли признание существования объективных социологических законов предполагает и признание по существу фаталистической концепции общественного развития? Действительно ли у этой концепции нет иной альтернативы кроме волюнтаристических подходов? Действительно ли объективный, от нашей воли не зависящий характер социологических законов означает, что общество может развиваться лишь в направлении, этими законами определяемом, независимо от всех наших желаний и стремлений?

---

[101] Или переименовывать их, как это было сделано, например, И. М. Дьяконовым, у которого первобытнообщинная формация трансформировалась в "первую и вторую фазы" ("первобытную" и первобытнообщинную"), рабовладельческая формация в "третью и четвертую фазы" ("ранняя древность" и "имперская древность"), феодальная – в фазы 5 и 6 ("средневековье" и "стабильно-абсолютистское постсредневековье"), капитализм – в капиталистическую (седьмую) фазу, а коммунизм (приобретя скорее социал-демократические, чем большевистские очертания) – в посткапиталистическую (восьмую) фазу [Дьяконов, 1994].

§ 2

Обобщенная формулировка любого объективного причинно-следственного закона может быть изложена приблизительно следующим образом: при определенных условиях (С) определенная причина (А) приводит к определенному следствию (В). Сами эти законы в силу их объективности от нашей воли не зависят: хотим мы этого или не хотим, но если данный закон верен, то вполне независимо от всех наших желаний и действий, предпринимаемых для их осуществления, причина А при условии С приведет именно к следствию В, но никак не Д или Е. Однако из этого, конечно же, неправильно делать вывод о том, что если А налицо, а условия С должны скоро сложиться, то нам не остается ничего другого как ждать В, а еще лучше подгонять его появление. Да, при условиях С причина А приведет к следствию совершенно независимо от нашей воли, но вот эти самые условия от нее, как правило, хоть в какой-то степени да зависят; и, изменив условия, мы можем добиться того, что та же причина А приведет не к В, а как раз к Д или Е. От этого, отмечу, рассматривавшийся объективный закон не станет менее объективным.

Возьмем для примера какой-нибудь объективный физический закон, например, закон Бойля – Мариотта. Закон этот вполне объективен – т. е., хотим мы этого или не хотим, но сокращение объема идеального газа, например в 2 раза, приведет к возрастанию его давления в те же 2 раза (при соблюдении, естественно, определенных условий – например, при неизменном молекулярном количестве газа, сохранении на неизменном уровне температуры и т. д.), и ничего мы здесь поделать не можем.

Но вот вполне реальная ситуация: объем газа, по своим характеристикам близкого к идеальному, резко сокращается (например, в результате того, что поршень в некоем герметичном цилиндре неудержимо идет вниз). Вот он сократился в 5, в 8 раз, скоро эта цифра достигнет 10; давление газа соответственно вырастет приблизительно в те же 10 раз (приблизительно, ибо газ в цилиндре у нас все-таки, естественно, не идеальный, да и полное соблюдение других условий действия закона нереально). Допустим, цилиндр на такое давление не рассчитан и вот-вот должен взорваться. По логике некоторых наших обществоведов, технику, обслуживающему данный цилиндр, не остается ничего другого, как развести руками и сказать: "Ну куда ж нам, простым смертным, против объективного закона природы? Если уж по закону выходит, что цилиндр взорвется – значит, точно взорвется. Ведь закон-то объективный, и от меня он никак зависеть не может". После таких слов нашему технику, по-видимому, не остается ничего другого,

как готовиться тем или иным образом к взрыву. Вполне очевидно, что ни один нормальный техник (даже если он и не знает, что такое закон Бойля – Мариотта и "объективность" [хотя, может быть, в какой-то степени и благодаря этому?]) так не поступит.

Скорее всего, он все-таки приоткроет клапан и выпустит из цилиндра часть газа (по-видимому, даже не отдавая себе отчет в том, что этим он нарушает одно из основных условий действия закона Бойля – Мариотта, постоянство молекулярного количества газа в ходе изменения его объема) или, если это невозможно, постарается, например, его тем или иным образом быстро охладить (что, впрочем, труднее осуществимо технически), опять-таки, по-видимому, не представляя, что этим он как бы противопоставляет одному объективному закону – другой (закон Шарля – закону Бойля – Мариотта), гласящий, что давление газа тем меньше, чем меньше его температура.

§ 3

Нетрудно заметить, что нечто похожее мы наблюдаем и в сфере действия социологических законов. Возьмем, например, такой вполне объективный социологический закон, как закон стоимости. В соответствии с этим законом, если стоимость товара X ниже его цены, то цена его при определенных условиях (равенство спроса и предложения и т. д.) должна упасть и прийти в соответствие с его стоимостью. Значит ли это, что, если цена X заметно превышает его стоимость, социологическому субъекту не остается ничего иного, как ждать падения данной цены? Очевидно, что это не так. Зачастую в подобных случаях сохранить цену по-прежнему высокой при по-прежнему низкой стоимости (или даже несколько ее увеличить) оказывается вполне в силах того или иного социологического субъекта (правительства, корпорации и т.д.). Для этого достаточно определенным образом воздействовать на условия протекания процессов, регулируемых законом стоимости, например, искусственно воспрепятствовать возрастанию предложения данного товара на данном обособленном рынке или, еще лучше, сократить это предложение.

И история знает немало примеров того, как различным правительствам, корпорациям и т. д. удавалось в течение долгих промежутков времени поддерживать вполне ощутимые разрывы между ценой и стоимостью тех или иных товаров. Но означает ли это, что, например, средневековому правительству, в течение долгого времени успешно поддерживавшему гигантский разрыв между ценой и стоимостью соли, удалось отменить закон стоимости? Конечно, нет. И данное средневековое правительство (не подозревая о существовании данного за-

кона, но вполне успешно ему "противодействуя") ощущает его воздействие буквально на каждом шагу. Стоит ему еще повысить цену на соль, и вот уже нужно принимать дополнительные меры для уничтожения подпольного производства соли, для воспрепятствования ее контрабандному ввозу и т. д. А вот если необходимость в поддержании столь высокой цены отпадет, то снизить ее данному правительству будет проще простого. Закон стоимости как бы задает некое поле (выше мы назвали его "полем вероятности"), в пределах которого в одном направлении социологическому субъекту двигаться трудно (повышение цены при сохранении прежней стоимости товара), в другом – еще труднее (повышение цены при падении стоимости) и при этом чем дальше, тем все труднее и труднее; в третьем – легче (повышение цены при повышении стоимости), в четвертом – еще легче и т.д.

История "взаимоотношений" закона стоимости и государства, между прочим, показывает, что для того, чтобы удачно "противодействовать" объективному социологическому закону, даже не обязательно его знать. Науку социологию в определенной степени и в определенных пределах может вполне успешно заменять социологическое искусство.

§ 4

Нечто подобное можно сказать и о действии объективных законов общественного развития в целом. Их фаталистическая интерпретация имеет некоторый смысл лишь в рамках однолинейных моделей социологического развития. Но, как было показано в предыдущей главе, как раз оправданность подобных моделей и вызывает наибольшие сомнения.

Все дело в том, что объективные социологические законы соответствия несомненно существуют, но проявляют они себя в виде мягких корреляций, а не жестких функциональных зависимостей. Разные социологические показатели, конечно же, не могут произвольно сочетаться друг с другом, но также невозможно выстроить и некую линию (лестницу) единственно возможных сочетаний. В действительности одной ступени развития, например, материальных производительных сил, как правило, соответствуют несколько возможных вариантов производственных отношений (но с разной вероятностью).

Итак, при рассмотрении воздействия объективных социологических законов на общий ход социологического развития складывается такое впечатление, что действие это, по сути дела, ограничивается как бы заданием некого "поля вероятности" таким образом, что движение общества при данных условиях в одних направлениях (из зон "разреженной" вероятности в сторону зон с вероятностью более "плотной")

оказывается более вероятным, в других – менее и т. д. На субъективном уровне это проявляется в том, что добиться движения общества в одном направлении окажется проще, в другом – сложнее и т. д.; при этом по мере того, как мы добиваемся перемещения общества в сторону зон со все менее плотной вероятностью, дальнейшее наше продвижение, хотим мы этого или не хотим, будет все более затрудненным (в этом и проявляется действие объективных социологических законов), но положение наше никогда не станет абсолютно безнадежным.

Конечно, можно вычислить и зоны принципиально невозможных событий, но от зон возможных событий их отделяют не непроходимые грани, а опять-таки протяженные пограничные зоны, на пространстве которых плотность вероятности лишь постепенно снижается до нуля, так что при продвижении в сторону зон принципиально невозможных событий никогда нельзя сказать, что дальнейшее продвижение вперед принципиально невозможно: просто каждый новый шаг в подобном направлении будет даваться со все бóльшим трудом, становясь все менее и менее вероятным.

§ 5

Избежать многих ошибок при изучении объективных социологических законов развития, на мой взгляд, может помочь учет многозначности такого широко используемого в этой области термина, как "соответствие". Если разобраться, слово это употребляется в двух достаточно разных значениях, которые могут быть приблизительно переданы понятиями "наилучшим образом подходить" и "сопутствовать". Между тем, многозначность этого понятия у нас зачастую игнорируется и считается само собой разумеющимся, что если какой-то тип производственных отношений чаще всего сопутствует такому-то типу материальных производительных сил (соответствие II), то именно такой тип производственных отношений при данных обстоятельствах обеспечивает наилучшие условия для общественного развития (соответствие I). Но, по-видимому, одно из другого никак не вытекает; более того, поскольку общественное развитие представляет собой естественноисторический процесс, постольку наиболее распространенный при данном уровне и характере развития производительных сил тип производственных отношений, как правило, не обеспечивает максимально благоприятных (как, впрочем, и максимально неблагоприятных) условий для общественного развития, или, другими словами, вероятность совпадения первого и второго соответствий стремится к нулю.

Нельзя здесь не учитывать и того, что "уровень общественного раз-

вития" – величина крайне многомерная, охватывающая ряд важных показателей, не находящихся в функциональной зависимости друг от друга. С этим моментом тесно связано и то, что "соответствие I" само оказывается многомерным: ведь при данном типе производительных сил один тип производственных отношений может обеспечивать наиболее быстрое развитие орудий труда, второй – умений и навыков самого работника и т. д., третий – гармоничное, всестороннее развитие человеческой индивидуальности, четвертый – совершенствование военной организации, пятый – наиболее вероятное выживание социального организма в случае обострения экологической ситуации и т. д. (Кстати, четвертая группа показателей – "военная" – здесь может показаться несопоставимой по важности с первыми двумя. Однако в реальности эту группу показателей необходимо обязательно учитывать как в силу ее определенной автономности, так и в силу того, что на значительных отрезках человеческой истории большее распространение при данном уровне развития производительных сил имел шансы получить как раз тот общественный строй, который обеспечивал более быстрое наращивание и эффективное использование именно военного потенциала. Рост по иным показателям зачастую имел место в этом плане лишь постольку, поскольку он обеспечивал развитие именно по "военной" группе показателей.

Способ производства, обеспечивающий при данных условиях, например, наиболее быстрое экономическое развитие, как правило (а точнее – практически никогда), не тождествен типу производственных отношений, обеспечивающему наиболее гармоничное развитие человеческой индивидуальности (то же самое, по-видимому, относится и к развитию по другим социологическим параметрам – политологическим, культурологическим и т. д.). Ни тот, ни другой не имеют реальных шансов получить наибольшее распространение. Подобными шансами, как правило, обладает общественный строй с *оптимальным,* с такой точки зрения, набором характеристик, значения которых по ведущим показателям будут, естественно, отличаться от *максимальных.* Так, античный способ производства обеспечивал уникально большие возможности для развития индивидуальности, по крайней мере, гражданина полиса – человека, труд которого составлял основу производства (как духовного, так и материального) при данной общественной форме (хотя, на мой взгляд, нет никаких оснований для того, чтобы утверждать, что этот способ производства обеспечивал здесь *максимальные* возможности). Вместе с тем он характеризовался значительно более медленными темпами развития материальных производительных сил, чем рабовладельческий способ производства[102] (тот скачок,

---

[102] Пользуясь терминологией К. Маркса. За многие десятилетия гос-

который совершило римское рабовладельческое сельское хозяйство во II в. до н.э. – I в. н.э., был, по-видимому, уникальным в доиндустриальной истории человечества (ср., например: [Кузищин, 1966; 1970; Авдеева, 1986]); однако, на мои взгляд, нет достаточных оснований считать, что рабовладельческий способ производства обеспечивал *максимально* возможные при данном уровне темпы экономического

подства марксизма в нашей науке отечественные марксисты, как кажется, умудрились не заметить, что К. Маркс рассматривал античный способ производства в качестве нетождественного рабовладельческому. Примечательно то, что во всем разделе "Античная форма собственности" *Форм, предшествующих капиталистическому производству* он ни разу не воспользовался понятиями "рабство", "раб" и т. д. [Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 465–467]. Античный способ производства при этом К. Маркс характеризует следующим образом: "Общинный строй покоится здесь в такой же мере на том, что его членами являются работающие земельные собственники, парцеллярные крестьяне, как и на том, что самостоятельность последних обеспечивается их взаимным отношением друг к другу как членов общины" [Там же. С. 466] "Предпосылкой дальнейшего существования такой общины является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами, а также собственный труд как условие дальнейшего существования их собственности" [Там же. С. 467]. Сходным образом характеризует К. Маркс античный способ производства и в "Капитале": "Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, в качестве преобладающей, нормальной формы... образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности" [Т. 25. Ч. 2. С. 371]. К. Маркс, наконец, не только не приписывал античному способу производства какие-либо рабовладельческие черты, но и вполне определенно отделял его от собственно рабовладельческого способа производства: "Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство... представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общинная собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени" [Т. 23. С. 346]. Первым в нашей науке, как кажется, на этот факт обратил внимание (уже после конца марксистской монополии) А. Я. Гуревич [Гуревич, 1990. С. 33].

роста). И оба данных способа производства, обеспечивавшие наивысшие, по крайней мере *из известных,* показатели на данной ступени развития материальных производительных сил, получили крайне ограниченное распространение (даже несмотря на широкую территориальную экспансию носителей этих способов производства).

§ 6

Необходимо, по-видимому, также отказаться и от представлений о "моральной", так сказать, окрашенности объективных социологических законов. Ведь ситуация у нас в этом плане получалась в буквальном смысле чудесная: мало того, что законы общественного развития всесильны (в такой степени, что общество независимо от нашей воли идет как раз в том направлении, в каком они его толкают), но ведь к тому же получается, что эти *объективные,* совершенно безразличные к нашим желаниям законы толкают нас именно туда, куда нам, если разобраться, как раз и надо. Объективно, независимо от нашей воли естественноисторический процесс общественного развития чудесным образом складывается именно так, как нам, если разобраться, и требуется. И хотим мы этого или не хотим, но попадем мы именно туда, куда нам и надо (хотя, может быть, мы не отдаем себе в том отчета).[103]

На самом же деле объективные социологические законы, естественно, совершенно безразличны к нашим желаниям, им, конечно же, нет дела до наших представлений о добре, зле и т. п. Законы общественного развития проявляют себя как вполне слепая сила, которая тащит общество не в хорошую и не в плохую сторону, а именно туда,

---

[103] Маркс "не признавал каких-либо этических или гуманистических мотивов для предпочтения социализма и перехода на сторону пролетариата. Он утверждал не то, что эта сторона этически лучше, но что эту сторону избрала диалектика в своем всецело детерминистском движении. О Марксе можно сказать, что он не защищал социализм, а только предсказывал его. Это, однако, не совсем так. Он, без сомнения, верил, что любое диалектическое движение, в некотором беспристрастном смысле, есть прогресс, и убежденно утверждал, что установленный однажды социализм будет способствовать человеческому счастью больше, чем феодализм или капитализм" [Рассел, 1990. С. 267]. "Именно из убеждения в неизбежности прогресса Маркс считал возможным обходиться без этического подхода, Наступивший социализм должен быть улучшением... Маркс провозглашал себя атеистом, но сохранил космический оптимизм, который может быть обоснован только теизмом" [Там же. С. 268].

куда она его тащит. Вероятность полного совпадения обуславливаемого действием объективных социологических законов направления наиболее вероятного (при нейтрализации действия субъективного фактора) движения общества и идеального вектора его наиболее благоприятного движения, строго говоря, стремится к нулю (вне зависимости от того, что мы рассматриваем в качестве критериев общественного прогресса). В реальности возможно (хотя, впрочем, маловероятно) сколь угодно близкое сближение двух данных направлений, но нет особого смысла на это рассчитывать именно в силу малой вероятности подобного варианта развития событий. Необходимо отметить и то, что, по-видимому, столь же вероятен и прямо противоположный вариант – близкое сближение вектора наиболее вероятного движения с направлением *наименее* благоприятного развития (впрочем, подобный вариант так же маловероятен, как и первый). В любом случае из того факта, что объективные социологические законы толкают общество в определенном направлении, неправильно делать вывод о том, что именно в этом направлении нам и нужно идти. Вполне возможна и такая ситуация, что социологическому субъекту следует добиваться движения общества в прямо противоположном направлении. Задача эта, естественно, крайне трудная, но не бессмысленная, не абсолютно безнадежная. Другими словами, иногда имеет смысл идти, так сказать, "наперекор" социологическим законам, против течения. Ждать, что объективные законы общественного развития сами вытащат общество туда, куда нам нужно, вряд ли имеет смысл (хотя, конечно, определенная вероятность такого развития событий всегда имеется, но уж очень она мала). В реальности то направление, куда тянут общество объективные социологические законы, *никогда* не может нас полностью устроить, и в наших силах добиться того, чтобы общество пошло в направлении, более близком к желательному для нас.

§ 7

Отмечу, что вообще утверждение о том, что социологические или социоантропологические законы нас куда-то "толкают" в высокой степени метафорично. Это относится, кстати в полной степени и к естественноисторическим законам. Когда мы, например, говорим, что камень падает на землю под действием "закона всемирного тяготения" это, конечно, не совсем правильно, ибо, строго говоря, камень, конечно же, падает на землю не под действием этого закона, а под действием гравитационного поля Земли. При росте напряжения в цепи в 2 раза сила тока в цепи (при соблюдении соответствующих условий) возрастает под действием именно роста напряжения, но не под

действием закона Ома (хотя и в соответствии с ним).

Как это выглядит на социоантропологическом уровне? Возьмем следующую хорошо установленную закономерность: в сложных обществах с бифуркативно-коллатеральной системой терминов родства распад родовой организации ведет к переходу от бифуркативно-коллатеральной к линейной номенклатуре родства (дополнительное обоснование этой закономерности см. в Приложении 1 к данной монографии). Для того, чтобы как-то ее обозначить назовем ее "законом Лавровского" по имени исследователя, впервые обратившего на нее внимание (но описавшего ее, впрочем, в несколько иных терминах [Лавровский, 1867]). Так как употребленная выше при описании "закона Лавровского" терминология практически неизвестна за пределами крайне узкого круга специалистов, изучающих номенклатуры родства, поясню прежде всего, о чем идет речь. Как и линейная, бифуркативно-коллатеральная система терминов родства характеризуется различением прямых и коллатеральных родственников (т.е. отец обозначается термином, отличным от используемого для брата отца, сын – от племянника и т.д.).[104] Однако в отличие от линейной (к которой относится и русская) номенклатуры родства бифуркативно-коллатеральная система терминов родства различает также родственников со стороны отца и родственников со стороны матери. Так если в линейной русской системе терминов родства и брат отца, и брат матери называются одним и тем же термином, *дядя*, то в бифуркативно-коллатеральной арабской номенклатуре родства они будут обозначаться разными терминами – соответственно *`amm* и *khaॐl*. Каков механизм действия "закона Лавровского"?

При наличии патрилинейной родовой организации (а в обществах с бифуркативно-коллатеральными номенклатурами родства она в абсолютном большинстве случаев именно патрилинейная), в эгоцентрической перспективе, например, брат твоего отца будет твоим сородичем (и обычно вторым по значимости [после твоего отца]), в то время как брат твоей матери, как правило, вообще не будет твоим сородичем.[105] Полный объем твоих прав и обязанностей по отношению к

---

[104] Такое различение не проводится в бифуркативно-сливающих и генерационных номенклатурах родства.

[105] Конечно, если в данной патрилинейной культуре преобладает патрилатеральный ортокузенный брак (что наблюдается в заметном числе патрилинейных культур с бифуркативно-коллатеральными системами терминов родства, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке), брат твоей матери вполне может быть твоим сородичем. Но и в этом случае брат твоего отца будет представлять для тебя собою родственника, кардинально отличного от брата твоей матери.

брату твоего отца будет существеннейшим образом отличаться от такого по отношению к брату твоей матери. При наличии обычаев кровной мести ты должен будешь отомстить за убийство своего близкого сородича – брата твоего отца, но не за члена другого рода – брата твоей матери. Если же убийцам удастся откупиться то причитающуюся тебе часть "вергельда" ты получишь за первого, но не за второго. А с другой стороны, ты знаешь, что и за убийство тебя по обычаю обязан будет мстить первый, а не второй. И т.д. В подобном контексте брат отца и брат матери (или сестра отца и сестра матери, или сын брата отца и сын брата матери и т.д.) будут столь разными родственниками, что обозначать их надо будет, конечно же разными терминами.

При исчезновении родовой организации, в билатеральном семейно-родственном контексте, брат твоего отца будет для тебя родственником, крайне сходным по своим правам и обязанностям (по отношению к тебе) с братом твоей матери (точнее говоря, права и обязанности дяди эго не будут систематически определяться тем, к какой из линий, материнской или отцовской, он принадлежит). Пэттерны твоих отношений с сестрой отца и сестрой матери (твоими тетями), с сыном брата отца и сыном брата матери (твоими двоюродными братьями) и т.п. не будут иметь никаких значимых отличий. В подобном контексте существование особых терминов для обозначения родственников со стороны отца в отличие от родственников со стороны матери станет откровенно излишним и номенклатура родства практически неминуемо рано или поздно начнет упрощаться, приходя в соответствие с изменившимся типом семейно-родственных отношений.

Понятно, что в этом случае переход от бифуркативно-коллатеральной к линейной системе терминов родства происходит, строго говоря, не под действием "закона Лавровского", а под действием изменения семейно-родственных отношений, закономерно ведущего к изменению системы терминов родства. Однако суть дела от этого не меняется. Я специально выбрал максимально "этически нейтральную" закономерность. Казалось бы, изменение номенклатуры родства ничьих интересов не затрагивает, да и вообще обычно происходит так медленно, что проходит мимо сознания людей. В целом, это так. И во многом именно поэтому данная закономерность так уверенно прокладывает себе дорогу (или точнее говоря, во многом именно поэтому исчезновение родовой организации в обществе с бифуркативно-

---

Наиболее очевидное различие заключается в том, что дочь брата твоего отца является твоей предпочтительной невестой, а дочь брата твоей матери – нет.

коллатеральной номенклатурой родства столь систематически[106] ведет к переходу к линейной системе терминов родства). Это, впрочем, не совсем так. Можно все-таки представить себе людей, которые могут интерпретировать подобное изменение как "антипрогрессивное", и даже пытаться ему как-то противодействовать. Речь идет о филологах-пуристах, которые могут усмотреть здесь обеднение словарного запаса языка. И действительно, как было показано М. В. Крюковым, скажем, переход от бифуркативно-коллатеральной к линейной номенклатуре родства в латинском языке сопровождался-таки жалобами филологов на этот процесс [Крюков, 1968. С. 379; 1972. С. 55–58; 1995. С. 117]. Другое дело, что противодействие это было крайне слабым и неэффективным и ни к каким реальным последствиям не привело.

Возьмем, однако, другую социоантропологическую закономерность. Еще в прошлом веке Г. Спенсером была высказана гипотеза о закономерной связи между высоким уровнем военной активности общества и полигинией [Spencer, 1876; Carneiro, 1967. P. XLIII]. Почти век спустя существование этой закономерности было вполне строго доказано эмпирически М. Эмбером [Ember, 1974]. Обозначим эту закономерность как "закон Спенсера – Эмбера". Механизм действия этой закономерности достаточно прост. При стабильно высоком уровне военной активности смертность среди мужчин будет заметно выше смертности среди женщин. В результате, окажется смещен баланс полов – на 100 мужчин брачного возраста будет приходиться, скажем, 150 женщин. В подобной ситуации в моногамном обществе появится сильное давление в сторону перехода к полигинии – в этом окажутся заинтересованы не только мужчины, получившие реальные шансы повысить свой репродуктивный успех; переход к полигинии в подобном контексте будет повышать и суммарный репродуктивный успех женщин, ибо даже в полигинной семье женщина имеет больше шансов вырастить до репродуктивного возраста больше своих детей, чем мать-одиночка. Подобный переход будет повышать и в целом эффективность функционирования социума, стабилизируя его демографическое воспроизводство, что особенно важно в условиях повышенной военной активности – общества, не перешедшие к полигинии, в таком контексте будут иметь тенденцию вытесняться полигинными социумами, способными выставить в каждом поколении большее количество боеспособных воинов и быстрее восстанавливать общие потери населения.

Вспомним теперь историю Европы. Со времен ее христианизации она на протяжении многих веков представляла собой зону сплошной моногамии. Были ли в ее истории периоды повышенной военной

---

[106] См. Приложение 1.

активности? Конечно были. Действовал ли в этих условиях "закон Спенсера – Эмбера"? На мой взгляд, действовал. Но на его действие, накладывал свой мощнейший отпечаток, такой сильнейший социальный субъект средневековой Европы как Христианская церковь, достаточно успешно действие этого закона нейтрализовывавшая. Возьмем, например, Францию начала II тыс. В это время здесь шли почти непрерывные феодальные войны (не забудем, и такие проявления военной активности как, скажем, Крестовые походы). Военная деятельность эта была достаточно специфическая, ибо по настоящему активное участие в ней принимало не все взрослое мужское население, а лишь одна его группа – рыцарство. Именно в ее рамках и следовало бы ждать проявления действия "закона Спенсера – Эмбера". Действительно, среди рыцарства наблюдалась повышенная мужская смертность и на 100 мужских представителей этого сословия приходилось много больше 100 его представительниц (при этом в контексте нежелательности заключения ими браков с представителями более низких сословий с менее нарушенным балансов полов). Ясно, что такая ситуация должна была подталкивать рыцарей к полигинии. И подобные закономерные попытки, действительно, рыцарством предпринимались [Бессмертный, 1989]. Однако эта ЗАКОНОМЕРНАЯ тенденция встречала жесточайшее сопротивление со стороны Христианской церкви, в высшей степени успешно этой закономерной тенденции противостоявшей. В этом смысле (как уже было сказано, в значительной степени метафорически) можно утверждать, что Христианская церковь пошла наперекор действию объективного социологического закона Спенсера – Эмбера и вполне добилась при этом успеха (что, кстати, как будет показано в следующей главе, имело, по-видимому, в высшей степени значимые социальные последствия).

§ 8

Из сказанного, между прочим, вытекает и то, что общественный строй, обеспечивающий максимальные возможности для всестороннего развития человеческой индивидуальности, полную ликвидацию социального угнетения и т.д., не может явиться результатом *естественноисторического* процесса, результатом действия *объективных* законов общественного развития (хотя, конечно, корректнее было бы сказать, что вероятность этого столь мала, что вряд ли даже есть смысл принимать ее всерьез). Кстати, возможность становления подобного общества в не столь отдаленном будущем появилась еще и потому, что общественное развитие в настоящее время все больше утрачивает черты естественноисторического процесса.

Впрочем, история XX века дает и убедительные примеры того, к

каким трагическим результатам могут привести попытки превратить социокультурную эволюцию в искусственный процесс.[107] Поэтому оптимальным следовало бы назвать такой вариант, когда общественное развитие осуществляется в качестве сознательно контролируемого и направляемого естественного процесса.

§ 9

Реальный процесс социокультурной эволюции представляет собой единство прогрессивных, одноуровневых и антипрогрессивных составляющих. Одновременно становится и "хуже", и "лучше". При этом, поскольку социальное развитие представляет собой естественноисторический процесс, постольку имеется отчетливая тенденция к уравновешиванию прогрессивных составляющих антипрогрессивными. (Прибегая к иной терминологии, можно было бы сказать, что в первобытном человеке были заложены гигантские потенции, при этом как "добрые", так и "злые"; и весь дальнейший процесс исторического развития представлял собой процесс реализации этих потенций – и "добрых", и "злых" одновременно. В результате, в мире росло "количество" и "добра", и "зла" одновременно.) По-своему правыми оказываются и "прогрессисты", и "консерваторы". Ибо утверждение о том, что "раньше было лучше", как правило, так же правильно (или, что почти то же самое, так же неправильно), как и утверждение о том, что "раньше было хуже".

Всякое заметное преобладание прогрессивных составляющих над антипрогрессивными ("положительная девиация") или наоборот ("отрицательная девиация") заставляет предполагать в таких случаях определенную утрату процессом социокультурной эволюции своих естественноисторических черт (появление заметной положительной или отрицательной девиации в ходе естественноисторического процесса возможно, но не слишком вероятно). Главное не в том, двигаться ли обществу вперед, назад или стоять на месте. Главный вопрос – в каком направлении идти. Не всякое движение вперед, от старого к новому, "прогрессивно". И не всякий возврат к старому плох, "реакционен" (классический пример – возврат Германии к демократическим формам правления после 1945 г.). Главное не в том, чтобы перейти от старых форм к новым, а в том, к *каким* новым формам мы будем переходить. Все это, конечно, достаточно очевидные вещи, но в том-то и дело, что вещи эти никак не найдут отражения в нашей историко-

---

[107] Причины этого достаточно очевидны и неплохо изучены. Вполне убедительный анализ этих причин дает, например, Ф. Хайек [Hayek, 1945; Хайек, 1990].

социологической науке.

Совершенно непонятно, почему единственно правильной следует считать эволюционную модель, представляющую общества карабкающимися по некой одной для всех лестнице социокультурной эволюции, так что все дело в том, чтобы как можно скорее двигаться вперед (вверх). Заметно более перспективным представляется развиваемый ниже подход, мыслящий общества двигающимися в неком многомерном поле вероятности, и при этом главное заключается в том, чтобы выбрать правильное направление подобного движения. Общества здесь мыслятся не карабкающимися по одной на всех лестнице, а находящимися на распутье.

§ 10

Из сказанного выше, вытекает, на мой взгляд, и возможность вполне определенного подхода к проблеме становления и эволюции социального субъекта, в данном случае субъекта социокультурной эволюции, "субъекта истории".

На мой взгляд, имеются определенные основания предполагать, что социокультурная эволюция на протяжении большей части существования человечества может рассматриваться как вполне естественноисторический процесс, где роль субъективного фактора была сравнительно невелика. Действительно, эволюция первобытных обществ, становление ранжированных и ранних стратифицированных обществ, эволюция ранних политических систем (становление простых, а затем и сложных вождеств, ранних государств), генезис и эволюция ранних цивилизаций могут быть вполне адекватно поняты как процессы, идущие под воздействием почти одних лишь объективных законов и факторов.

§ 11

Конечно, социальный субъект в интересующем нас здесь плане (в виде отдельных индивидов и групп индивидов, сознающих наличие у них собственных интересов, нередко отличных от общих, и прилагающих сознательные усилия для их достижения) появляется, по-видимому, вместе со становлснием человека современного биологического вида.[108] Но на ранних стадиях социокультурной эволюции дей-

[108] По крайней мере, имеющийся в настоящее премя фактический материал по первобытным обществам показывает, что первобытный человек, несомненно, обладал "индивидуальностью – неповторимым сочетанием психических свойств, духовных характеристик, присущим ему одному типом внутреннего мира, самобытность которого

ствие субъективного фактора заметного отпечатка на нее видимо, не накладывало.

С одной стороны, казалось бы, уже в первобытном обществе деятельность того или иного индивида, проявление его субъективных качеств могли на какой то период привести к некоторому изменению соответствующего социального организма.

Достаточно показательны здесь приведенная в первой главе история лидера одной из общин австралийского племени маунг Мандыорбура. Нужно отметить, что в целом "австралийские нормы предоставляют главам общин... довольно ограниченные полномочия" [Артемова, 1987. С. 114], власть их, как правило, довольно слаба. Тем более интересна здесь другая приведенная в первой главе "австралийская история" – история главы диери пинару-пинару Ялины-пирамураны.

Действительно, реальное положение австралийского лидера во многом зависело от его личных качеств. Сама по себе "должность" или сами по себе полномочия главы группы отводили человеку весьма скромную роль. И после смерти выдающихся ранних политических лидеров, при их менее выдающихся и более слабохарактерных преемниках все, как правило, возвращалось на круги своя. Так что есть все основания утверждать, что возникавшие время от времени в непосредственной связи с действием субъективного фактора тенденции к появлению более политически централизованных и социально стратифицированных систем так и не получили в Австралии сколько-нибудь устойчивой реализации.[109]

Вероятно, уже здесь оказывается в некоторой степени применимой

он стремится проявить в деятельности и отстоять во взаимоотношениях с окружающими" ([Артемова, 1987. С. 180]; см. также: [Тугаринов, 1965. С. 98; Анисимов, 1966. С. 182–198; Демин, 1977. С. 52; и др.]).

[109] Примечательно, впрочем, что наиболее социально стратифицированные и политически централизованные сообщества (хотя речь здесь в любом случае будет идти лишь о зачаточных политической централизации и социальной стратификации) существовали, по-видимому, в ряде районов австралийского Юго-Востока, где для этого были ***ОБЪЕКТИВНЫЕ*** предпосылки в виде богатых природных ресурсов, обеспечивавших переход к высшим типам присваивающего хозяйства, увеличению плотности населения и т. д. Наиболее эгалитарные социальные системы в Австралии также отмечены в зоне с самыми "благоприятными" для этого объективными природными условиями – в песчаной пустыне Гибсона (см., например: [Артемова, 1991. С. 58], а также: [Porteus, 1931; Tindale, 1972; Артемова, 1987; Gould, 1969; 1977; 1981; 1991])

предложенная выше модель. Можно сказать, что и в австралийских условиях объективная ситуация лишь задает некое поле вероятности, в пределах которого данному субъекту добиться одних целей проще, других – сложнее, а третьих – почти невозможно. Другими словами, для того, чтобы стать временным политическим лидером рыхлого объединения нескольких общин, в большинстве районов Австралии нужны несравненно более выдающиеся задатки, чем в большинстве сообществ Новой Гвинеи (и поэтому подобных образований в первой было заметно меньше, чем во второй). Иными словами, человек с задатками, необходимыми для создания подобного образования в Австралии, мог бы вполне рассчитывать стать создателем устойчивого вождества на некоторых островах предколониальной Полинезии или даже основателем раннего государства, скажем, в поясе Южных Саванн в Африке XIX в. (и наоборот). При этом есть некоторые основания предполагать, что в неэгалитарных первобытных обществах (большинство австралийских сообществ относилось именно к их числу) подобного рода действие субъективного фактора эволюции было более заметным, чем в первобытных эгалитарных сообществах [Woodburn, 1972; 1979; 1980; 1982; 1988a; 1988b; Артемова, 1987; 1989; 1991; 1993; Artemova, 2000a; Artemova, 2000b; Чудинова, 1981; Whyte, 1978: 49–94; Казанков, 2000; Kazankov, 2000]. Существенное значение при этом имеет то обстоятельство, что нет достаточных, на мой взгляд, причин утверждать, что первобытные эгалитарные общества обязательно более архаичны по сравнению с первобытными неэгалитарными социальными организмами. Наиболее впечатляющей характеристикой ряда первобытных эгалитарных обществ (например, хадза в Восточной Африке) является то, что они выглядят даже более эгалитарными, чем большинство сообществ приматов (см., например: [Butovskaya, Korotayev, Kazankov, 2000]). Уже это заставляет предполагать, что, например, достаточно развитые и крайне эффективные социальные механизмы блокирования любого заметного (и в этом числе естественного) неравенства, замеченные, например, у хадза, не были непосредственно унаследованы ими у самых древних человеческих сообществ, а явились результатом длительной социокультурной эволюции. Не лишено поэтому некоторого правдоподобия и предположение о том, что некоторым первобытным эгалитарным обществам могли предшествовать, как минимум, несколько менее эгалитарные сообщества.

Вместе с тем уже эти данные заставляют предполагать, что и при изучении самых ранних стадий социокультурной эволюции было бы неправильно полностью абстрагироваться от действия субъективного фактора. Его действие, на мой взгляд, выражалось в том, что первобытное общество не находилось в каждый данный момент в состоя-

нии полного, абсолютно устойчивого равновесия с практически неизменными основными социальными характеристиками. Его состояние было бы правильнее описать как состояние непрерывной флуктуации около некоего "нормального" состояния. При этом к колебаниям, обусловленным действием объективных экологических факторов, циклических природных процессов (переход первобытной общины от концентрированного состояния в один сезон к дисперсному – в другой, с последующей реконцентрацией и т. п.[110]), а также к флуктуациям, вызванным сменой благоприятных в хозяйственном отношении лет неблагоприятными и т. п., следует добавить и колебания, вызванные действием именно субъективного фактора (обусловленные, видимо, в конечном счете случайными флуктуациями раскладки в данной общине различных психофизиологических инвариантов и т.п.). Другими словами, случайные колебания с учетом этого (например, появление лиц с ярко выраженными задатками лидера в данном поколении и отсутствие подобных лиц в последующем поколении) приводят к заметным (хотя и не слишком сильным) флуктуациям некоторых существенных социологических характеристик (община становится то менее эгалитарной, то более; то более политически централизованной, то менее; то более воинственной, то менее и т.д.). Таким образом, процесс становления социальной стратификации, строго говоря, невозможно описать просто как постепенный переход от более эгалитарного состояния ко все менее и менее эгалитарному. Скорее следует предполагать, что этот процесс выражается в том, что в благоприятных условиях маятник флуктуации задерживается около одного из полюсов, а затем не доходит полностью до обратного полюса. В конце концов, оказывается возможным смещение центра флуктуации, т. е. изменяется и сама "норма".

§ 12

Итак, имеются некоторые основания предполагать, что уже на самых ранних стадиях социокультурной эволюции действие субъективного фактора было достаточно существенным, хотя и кардинально менее сильным, чем на более поздних стадиях. Основные направления социокультурной эволюции задавались здесь не им, а объективными социологическими законами и факторами. Именно стихийное появление благоприятных объективных условий и создавало возможность реализации определенных субъективных устремлений определенных социальных субъектов, и процесс социокультурной эволюции разви-

---

[110] Достаточно тщательно и на большом материале эти циклические процессы изучены В. Р. Кабо [Кабо, 1986].

вался на этих стадиях вполне стихийно, "естественноисторически". Действие субъективного фактора играло здесь все-таки откровенно второстепенную роль. Основные социальные сдвиги на этих этапах были обусловлены действием совершенно объективных, естественных факторов, и происходили они практически независимо от желаний и настроений людей. Вызванная, по-видимому, глобальными климатическими сдвигами "зоологическая катастрофа" конца плейстоцена (12–10 тыс. лет до н. э.) создает необходимость поиска источников средств к существованию, альтернативных охоте на крупных млекопитающих. В результате адаптации к изменившимся объективным условиям в мезолите развиваются охота на мелких млекопитающих (в том числе при помощи изобретенных тогда же лука и стрел), рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство, в том числе специализированное. Развитие специализированного, а затем и "усложненного" собирательства, вероятно, создает в ряде мест предпосылки перехода к земледелию (см. гл. I). Переход к производящему хозяйству и высшим типам присваивающей экономики ("неолитическая революция") приводят к радикальному повышению производительности земли/территории[111], результатом чего оказывается "первая демографическая революция". Связанное с нею радикальное увлечение в ряде мест плотности населения, размеров общины приводит к возрастанию плотности социальных связей, усложнению общественных отношений и постепенно создает все бóльшую необходимость появления все более сложных социальных институтов для их регулирования. Сокращаются расстояния между общинами, усложняются межобщинные отношения. Учащаются столкновения между ними, меняется характер подобных столкновений.[112] Это и

[111] Под "производительностью земли" данного социального организма или региона я понимаю то количество продукта, которое при данном уровне и характере развития производительных сил может быть произведено ("потенциальная производительность земли") и производится ("актуальная производительность земли") с единицы площади данного социального организма или региона за единицу времени. Под "территорией" понимается вся территория, включая неиспользуемые и малоиспользуемые земли, а не только площадь возделываемых земель. Подробнее см.: [Коротаев, 1989; 1991а].

[112] Как показал Р. Л. Карнейро, и характер, и результаты вооруженных столкновений между общинами в зонах с плотным земледельческим населением заметно отличаются от характера и результатов подобных столкновений в регионах с редким земледельческим населением: в первых они способствуют становлению надобщинных полити-

многое другое, вместе взятое, создавало все более благоприятные условия для развития и обособления социальных функций, регулировавших эту усложнявшуюся систему все более плотных социальных связей как внутри общины, так и на межобщинном уровне и т.д. (см., например: [Коротаев, 1989; 1991а]). Процессы эти, на мой взгляд, можно рассматривать как вполне стихийные, и роль субъективного фактора была здесь откровенно второстепенной. Бытие здесь в конечном счете определяет сознание, и ортодоксальная марксистская схема соотношения объективных законов социокультурной эволюции и субъективного фактора оказывается вполне к этому периоду применимой (хотя и со многими оговорками, учитывающими, например, неоднолинейность социокультурной эволюции и т. п.).

§ 13

Как представляется, важнейшими предпосылками "нейтрализации" действия субъективного фактора на макроуровне служили следующие обстоятельства.

Темпы социокультурной эволюции в архаических обществах были довольно низкими. Крупные макросоциологические сдвиги (переход от присваивающего хозяйства к производящему, появление развитой социальной стратификации, централизованных политических систем: вождеств, а затем ранних государств и т. п.) занимали столько времени, что практически не фиксировались сознанием людей. К тому времени, когда общество достигало качественно нового состояния, практически стиралась всякая память о предыдущем качественно ином состоянии. Начинало казаться, что всегда так оно и было, как оно есть сейчас, а главное по-другому "Мы", "люди" (т. с. наш этнос) и жить не могут. Практически безраздельно господствовали "концепции" циклического времени (см., например: [Eliade, 1959]) и представление о совпадении "должного" и "сущего". Проблема выбора пути развития, как правило, просто не стояла "на повестке дня", ибо сам факт развития был далеко не очевиден. Социокультурная эволюция и представляла здесь собой естественноисторический процесс во многом потому, что она как правило, просто не замечалась людьми, не фиксировалась их сознанием и не становилась предметом их забот и интересов. Выбор путей развития совершался практически без участия людей[113], что и позволяет считать социокультурную эволюцию

ческих структур, а во вторых – нет [Carneiro, 1970. P. 733–738; 2000. P. 182–186].

[113] Во многом просто потому, что люди, как правило, и не пытались на этот "выбор" повлиять. Да и можно ли в этом случае говорить о вы-

на этих стадиях вполне стихийной.

§ 14

Ситуация заметно меняется лишь в эпоху цивилизации.[114] Предпосылками подобной перемены, видимо, можно назвать:

1) общее ускорение темпов социокультурной эволюции, в результате чего она начинает фиксироваться сознанием людей; они начинают замечать, что сегодня общество уже не то, что было во времена их дедов;

2) совершенствование техники[115] производства, переработки, передачи и хранения информации, что также помогает заметить изменение общества с течением времени;

3) естественную неравномерность и многовариантность развития социальных организмов в условиях интенсификации обмена информацией между ними.[116]

Несмотря на то, что сами представления о реальных направлениях реальной социокультурной эволюции, как правило, далеки от адек-

---

боре? Правильнее было бы, конечно, сказать, что направление социокультурной эволюции определялось объективными факторами, и роль субъективного фактора была, видимо, ничтожной.

[114] Конечно, субъективный фактор спорадически мог играть существенную роль и до этого. Например, в эпоху позднего "варварства" (в фергюссоновском понимании) его роль могла оказаться существенной в случае насильственного подчинения одной общностью другой. В случае завоевания "должное" могло продолжать совпадать с "сущим" для завоевателей (если только моделью "должного" для них не служило господство над еще бóльшим числом общностей); но для завоеванных "должное" и "сущее" сплошь и рядом, по-видимому, переставали совпадать. В этом случае субъективный фактор (например, наличие у завоеванных одаренных лидеров "освободительной борьбы") мог наложить заметный отпечаток на эволюцию системы общностей данного региона (ибо эволюция системы независимых общин явно будет отличаться от развития общин, объединенных единой властью). Однако после освобождения (или примирения завоеванных со своей участью) значение субъективного фактора могло снова заметно упасть.

[115] В широком смысле этого слова, включая сюда, скажем, "технику" создания и передачи устного предания и т.д.

[116] В роли модели "должного" может начать выступать и модель (как правило, заметно идеализированная) социального устройства одного (или нескольких) из "иных" обществ.

ватных, уже и представление о движении мира от золотого века к железному способно было заметно активизировать субъективный фактор.

С данными обстоятельствами, по-видимому, тесно связано и появление представлений о несовпадении "должного" и "сущего". Начинают предприниматься попытки преодолеть этот разрыв, со временем они становятся все более и более организованными. Происходит в некотором роде "институциализация" субъективного фактора. Субъективный фактор, как уже говорилось выше, оказывал, на мой взгляд, определенное воздействие и на эволюцию первобытных и архаических обществ. Но воздействие это было не слишком сильным и прочным и потому, что субъективные действия лиц в одном поколении гасились субъективными действиями (или субъективным бездействием) других лиц в последующем поколении. В итоге результатом действия субъективного фактора в первобытных и архаических обществах и была в основном лишь флуктуация их некоторых существенных (и несущественных) социологических характеристик (что было весьма немаловажно), но к заметной девиации в эволюции данного общества, как правило, это не приводило. Процесс социокультурной эволюции ***НА МАКРОУРОВНЕ*** происходил под действием практически одних лишь объективных законов и факторов, практически вне зависимости от желаний и настроений людей.

В результате описанных выше процессов (достигших, по-видимому, порогового уровня как раз в Осевое время) субъективные "отклоняющие" действия отдельных лиц в разных поколениях начинают упорядочиваться. Определенным образом упорядочиваются и действия различных субъектов в каждом поколении. В результате слабеет взаимогасящий эффект действий различных субъектов, все чаще наблюдается эффект резонанса.

Роль субъективного фактора, таким образом, становится все более важной. Она оказывается особенно существенной по мере становления и оформления разнообразных социальных идеалов,[117] т.е., по су-

[117] Пусть даже в роли такого идеала выступает (как это было, например, у Конфуция и конфуцианцев) идеализированное прошлое. И в этом случае субъективный фактор оставался именно фактором социокультурной эволюции, а не социального регресса хотя бы потому, что "идеализированное прошлое" всегда существенно отличается от действительного прошлого и даже полное осуществление подобного идеала означало бы создание новой реальности, а не простое движение вспять. Я не говорю уже о принципиальной невозможности полного осуществления любых социальных идеалов, в результате чего любая попытка действительного движения "вспять", если и

ти, идеальных моделей социального устройства, на осуществление которых начинают направляться действия все большего и большего числа людей. Постепенно развиваются и определенные организационные формы, в рамках которых протекает все более и более целенаправленная деятельность по преодолению "разрыва между должным и сущим" (пусть даже этот разрыв после того как он "появился", никому и никогда полностью ликвидировать не удалось). В любом случае можно говорить о превращении субъективного фактора в действительно значимый фактор социокультурной эволюции. Это и можно назвать "институциализацией субъективного фактора".

§ 15

Со спорадическим действием описанных выше процессов мы начинаем сталкиваться уже в позднеархаических обществах и ранних цивилизациях. Достаточно эффектным примером заметного действия субъективного фактора в доосевых обществах может служить, например, деятельность Эхнатона в Египте. Еще более яркий, на мой взгляд, пример можно найти в Первой книге Царств. К состарившемуся Самуилу приходят "все старейшины Израиля" [1 кн. Царств 8:4] и просят его: "Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов" [8:5]. На что Самуил отвечает им:

> "(11) Вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; (12) И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его. (13) И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. (14) И поля ваши, и виноградные, и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. (15) Йот посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть и отдаст евнухам своим и слугам своим. (16) И рабов ваших, и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет и употребит на свои дела. (17) От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете ему рабами (18). И восстенаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда.

может привести к чему-то, то лишь к некоему варианту движения вперед (выше уже писалось о нетождественности "движения вперед" "прогрессу").

И. Ш. Шифман дает следующий комментарий этому тексту:

> "В исследовательской литературе данный текст рассматривается как сочинение позднего времени, *vaticinium ex eventu*. В то же время сопоставление с угаритским документальным материалом показало близость интересующего нас отрывка тому, что наблюдалось в Угарите, т. е. положению, существовавшему во второй половине II тыс. до н. э. С нашей точки зрения, включение данного текста в книгу, подвергшуюся весьма поздней жреческой обработке, показывает, что он, по мнению составителя, соответствовал не только ситуации в Иудейском и Израильском царствах в первой половине 1 тыс. до н.э., но также и тому, что израильтяне могли наблюдать в период Судей, и выражал настроения кругов, враждебных царской власти, и в период се становления, и позже, когда она уже давно осуществляла верховное управление" [Шифман, 1989. С. 64–65].

Таким образом, данный текст вполне может восходить к периоду Судей. Для нас здесь интересны уже действия старейшин Израиля, вполне сознательно стремящихся направить развитие их сообщества в достаточно определенном направлении. Вполне определенно угадывается за действиями "старейшин" и осознание ими разрыва между "должным" и "сущим", а действия эти и представляют собой достаточно организованную и скоординированную попытку этот разрыв преодолеть, изменить их общность в соответствии с некоей определенно угадываемой здесь социально-политической моделью. Не менее интересны и слова Самуила, который, по сути дела опираясь на тот же опыт соседних государственно организованных народов, идеально моделирует эволюцию своей общности в этом направлении, куда его толкают "старейшины", демонстрирует ее результаты и тем самым пытается противодействовать движению в этом направлении. Самуил еще не может предложить конкретную альтернативу, ему (в отличие от его оппонентов) здесь почти не на что опереться в опыте соседних народов – достаточно определенно и в массовом масштабе возможность вхождения в цивилизацию без царской власти эллины продемонстрируют лишь несколько веков спустя. Но попытка Самуила не пропадает втуне благодаря тому, что слова Самуила попадают в священный текст, они потом в течение веков и тысячелетий служат солидной подмогой противникам деспотической царской власти, сторонникам нередко вполне плодотворных альтернатив социокультурной эволюции.

То, что здесь мы имеем дело с достаточно (хотя и не слишком) архаичным обществом, не противоречит, на мой взгляд, сказанному выше. Ведь общество это окружено несравненно более развитыми соседями, многие из которых имеют многовековой опыт государственности, к которому прямо апеллируют обе стороны в данном споре. Да и общество перед нами позднеархаическое, находящееся к тому же в кризисе, в неравновесном состоянии, стоящее на пороге своей трансформации. Качественный сдвиг происходит, на мой взгляд, в Осевое время (VIII–III вв. до н.э.), которое и по группе интересующих нас показателей может рассматриваться в качестве переломной вехи человеческой истории. Действительно, именно в эту эпоху мы видим бурное и интенсивное развитие всех описанных выше процессов (появление и широкое распространение представлений о том, что общество со временем изменяется, что "должное" не совпадает с "сущим", что возможно более справедливое социальное устройство и что его можно достичь, приложив для этого определенные сознательные усилия; оформляются многообразные социальные идеалы; появляются, распространяются и развиваются организационные формы, в рамках которых ведется деятельность по претворению этих идеалов в жизнь) сразу как минимум во всех "центрах" осевого времени (Греции, Риме, Палестине, заратуштровском Среднем Востоке, Индии, Китае); см., например: [Jaspers, 1953; Eisenstadt, 1982; 1986; Gellner, 1988 и т.д.].

Именно с этой эпохи социокультурную эволюцию человечества (по крайней мере той его части, которая тем или иным образом, прямо или косвенно прошла через осевое время) никак нельзя уже рассматривать как полностью (или почти полностью) естественноисторический процесс, обусловленный (даже в конечном счете) только или почти только одними объективными материальными факторами. Сознание все в большей и большей степени начинает определять бытие.

§ 16

Достаточно эффектной иллюстрацией того, что процесс социокультурной эволюции в послеосевую эпоху в значительной степени утратил черты полностью естественноисторического процесса, что сознание здесь имеет тенденцию начать определять бытие в большей степени, чем оно само бытием определяется, что субъективный фактор начал играть роль, сопоставимую по важности с объективными, может послужить история с глобальным "освобождением рабов", т. е. ликвидацией в мировом масштабе[118] почти всех юридически оформленных

[118] За исключением относительно небольшого числа в большинстве своем "сверхпериферийных" зон и ниш мировой системы.

видов жесткой личной зависимости (включая сюда, естественно, не только рабство в узком смысле этого слова, но и, конечно, крепостничество) в XIX в. Действительно, на протяжении считанных десятилетий (т. е. практически мгновенно по историческим меркам) юридически оформленные рабство и крепостничество, существовавшие до того на большей части Ойкумены, практически исчезают в большинстве зон своего былого распространения. Число рабов и крепостных в мире сокращается в десятки (если не сотни) раз. И дать последовательное "материалистическое" объяснение всему этому процессу[119], на мой взгляд, просто невозможно.

Первое достаточно эффектное напрашивающееся здесь "материалистическое" объяснение требует связать данный процесс с бурно развивавшейся, охватывавшей все новые и новые страны в XIX в. индустриальной революцией. В ходе этой революции наблюдается вполне реальный переход от господства живого труда над овеществленным к господству овеществленного труда над живым; в результате контроль над личностью непосредственного производителя перестает быть необходимым условием эксплуатации и господства – вполне достаточным оказывается контролировать овеществленный труд. Но, как нетрудно видеть, перед нами даже не необходимое (и тем более, не достаточное), а только "стимулирующее" (хотя и достаточно эффективно стимулирующее) условие Освобождения.

Существенно и то, что тот же самый процесс оказывает действие и в прямо противоположном направлении, приводя к потере значительной массой непосредственных производителей хозяйственной самостоятельности, подавлению их индивидуальности (как минимум, в производственном процессе), подчинению их воли, не зависящей от них "производственной необходимости" и т. п. В ходе этих (и последующих) процессов "человеческий элемент" оказывается

> "наиболее ненадежным звеном. Или он должен быть изъят и заменен материальными сооружениями – вычислительной техникой, саморегулирующимися машинами и тому подобным, или же его необходимо сделать надежным, насколько это возможно, т.е. машиноподобным, конформистским, управляемым и стандартизированным. Говоря более резко, человек в Большой системе должен быть – и в значительной степени уже стал – умственно недоразвитым нажимателем кнопок или обученным идиотом, т. е. высококвалифицированным в своей специальности, но во всех других отношениях представляющим со-

---

[119] Хотя его можно нередко предложить для отдельных локальных проявлений.

> бой лишь часть машины. В соответствии с хорошо известным системным принципом – принципом прогрессирующей механизации – индивид во все большей степени становится колесом некоторой сложной конструкции" [Берталанфи, 1969. С. 34.].

В результате для противодействия этим объективным факторам, для поддержания реальной личной свободы непосредственных производителей оказывается необходимым создание (во многом сознательное) целой системы социальных и политических институтов (профсоюзы, разнообразные ассоциации и т. д.). Важно отметить при этом, что в отраслях, где была занята основная масса "рабов" (а это преимущественно сельское хозяйство), вообще до "господства овеществленного труда над живым" на момент освобождения было еще очень и очень далеко.

Имеются все основания предполагать, что Освобождение было вызвано (по крайней мере, во многих случаях) отнюдь не "экономической необходимостью". Так контрфактическое моделирование, проведенное еще в 1960-е гг. американскими представителями школы "новой экономической истории", показало, что американская экономика (в особенности экономика Юга) развивалась бы вполне успешно еще достаточно продолжительное время, и если бы рабы здесь не были освобождены. Рабовладельческая экономическая система Юга на момент ее искусственной ликвидации была вполне жизнеспособна, а освобождение рабов привело здесь к ощутимому экономическому кризису [Conrad, Meyer, 1964; Jasuba, 1961; Engerman, 1967; Fogel, Engerman, 1971; 1974].[120]

Объективными материальными причинами еще можно как-то (как правило, не до конца убедительно) объяснить "освобождение рабов" в

---

[120] Можно вспомнить и об экономическом кризисе, вызванном освобождением англичанами рабов на Ямайке и в других аналогичных колониях полушария. Характерно, что советский комментатор данных исследований увидел здесь прежде всего апологию рабства [Промахина, 1975. С. 318–319]. Между тем, апологию рабства здесь можно найти лишь с вульгарно-материалистической точки зрения, видящей в рабстве зло прежде всего потому, что оно экономически неэффективно. В то же время для последовательного "либерала" здесь нет ни малейшей апологии рабства, ибо рабство для него является злом по фундаментальным гуманитарным причинам, вне всякой зависимости от его экономической эффективности, которая здесь просто нерелевантна. Будь рабство даже предельно эффективно экономически, для последовательного "либерала" оно не станет от этого хоть сколько-нибудь меньшим злом.

определенных отраслях, но для других отраслей даже подобное объяснение кажется в принципе невозможным. Например, если такое объяснение еще можно придумать для случая освобождения российских крепостных крестьян, то для освобождения дворовых крепостных не видно даже отдаленно правдоподобного "материалистического" объяснения. Действительно, "работы по дому" представляют собой такую отрасль производства услуг, где несвободный труд особенно экономически эффективен. Именно потому, что работа прислуги устойчиво ассоциируется в массовом сознании с унижением человеческого достоинства[121], найти свободного человека для выполнения подобной работы за умеренную плату оказывается практически невозможным. Плата за подобные услуги в таком случае включает в себя практически неминуемо и крайне высокую "компенсацию за унижение", в результате чего подобного рода услуги оказываются через достаточно короткое время после "ликвидации рабства" практически недоступными даже для высших слоев "среднего класса". Вследствие этого наблюдается явное недопроизводство подобных объективно необходимых услуг. Другими словами, есть все основания утверждать, что несвободный труд в этой сфере был бы потенциально достаточно эффективен[122] с узкоэкономической точки зрения, и отмирание (точнее, искусственную ликвидацию) его здесь объяснить действием объективных материальных факторов, на мой взгляд, невозможно.

В целом, если бы[123] освобождение рабов в XIX в. явилось результатом прежде всего действия естественного, объективного закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития материальных производительных сил, следовало бы ждать того, что этот процесс протекал бы совсем в ином виде: рабство отмирало бы в одних отраслях, сохранялось бы в других (с высоким удельным весом тяжелого, малоквалифицированного, унизительного и т. п. труда), и, возможно, даже захватывало бы некоторые вновь возникавшие сферы (типа конвейерного производства).

Освобождение рабов в том виде, как оно произошло в XIX в., может быть понято, на мой взгляд, как, прежде всего, результат действия определяющего бытие сознания, как результат гуманизации европейского общественного сознания, воздействия либеральной идеологии,

---

[121] И в данном контексте абсолютно неважно, есть ли для этого "объективные" основания или нет.

[122] Тех, кто и здесь усмотрит "апологию рабства", отсылаю к примеч. 120.

[123] История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но историческая социология (в особенности социология эволюции) без него обойтись не может.

развившейся в рамках европейской цивилизации, и ее носителей – "аболиционистов", "либералов" и т. п.[124], своими "субъективными" (идущими наперекор многим объективным тенденциям) действиями добивавшихся отмены рабства, прежде всего потому, что в их глазах это было несомненное зло, несмотря ни на какие соображения о его экономической эффективности и полезности.[125]

Трудно назвать совершенно естественной и социокультурную эволюцию, например, современных развитых демократических обществ (хотя подобный "комплимент" им зачастую и делается). Правильнее было бы сказать, что здесь мы имеем дело с сознательно направляемым в значительной мере и субъективно контролируемым естественным процессом – развитая демократия в сочетании со сколько-нибудь развитой социальной наукой (и даже социологическим искусством) позволяет достаточно близко подойти именно к такой, довольно близкой к оптимальной модели социокультурной эволюции. Действительно, развитая демократия представляет собой во многом именно не слишком оперативную, но вполне эффективную систему обратной связи, периодически корректирующую направление развития общества в соответствии с желаниями большинства его членов. Субъективные ощущения большинства становятся значимым фактором социокультурной эволюции данного общества (большинству кажется, что стало лучше, чем было, например, четыре года назад, и данная партия остается у власти – и наоборот). Заметную положительную девиацию, наметившуюся за последние, десятилетия в социокультурной эволюции наиболее развитых сообществ мира, следует связать, на мой взгляд, во многом именно с явной утратой процессом социокультурной эволюции черт абсолютно естественного (стихийного) процесса.

---

[124] Миф об абсолютной экономической неэффективности рабства сыграл, впрочем, определенную позитивную роль в этом процессе.

[125] Хотя важное значение здесь, несомненно, имели и достаточно благоприятные для данного процесса объективные условия, сложившиеся к XIX и в самом XIX в.

Глава V

СОЗНАНИЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ БЫТИЕ?
(Несколько частных случаев)

В предыдущей главе мы пришли к выводу, что, начиная с Осевого времени социокультурную эволюцию человечества (по крайней мере, той его части, которая тем или иным образом, прямо или косвенно прошла через Осевое время) никак нельзя уже рассматривать как полностью (или почти полностью) естественноисторический процесс, обусловленный (даже, в конечном счете) только или почти только одними объективными материальными факторами. Сознание все в большей и большей степени начинает определять бытие.

В связи с этим примечательным представляется следующее обстоятельство. С. Сандерсон [Sanderson, 1990. P. 103–168] обратил внимание на то, что среди неоэволюционистов-антропологов преобладают вполне материалистические концепции социокультурной эволюции, рассматривающие ее как естественноисторический процесс, развивающийся под действием почти одних лишь объективных факторов (демографических, экологических и т.п.), по объективным социологическим законам.[126] Вместе с тем среди социологов-неоэволюционистов преобладают скорее идеалистические концепции социокультурной эволюции [Парсонс, 1997a; Parsons, 1966; 1971; Eisenstadt, 1964; 1970; 1978; 1982; 1986; 1993; Habermas, 1979; 1984; Luhmann, 1982; Alexander, 1983. Vol. 4]). И данный факт трудно не связать с тем обстоятельством, что первые строят свои эволюционные модели в основном на данных архаических обществ, а вторые – на материалах "осевых культур".

Традиция идеализма в социологическом неоэволюционизме восходит несомненно к его основоположнику, Т. Парсонсу. Подчеркну, что эволюционные модели Т. Парсонса имеют именно явно выраженный

---

[126] К этому направлению можно отнести почти всех западных антропологов-неоэволюционистов [Adams, 1975; Carneiro, 1970; .1981; 1987; 1988; 1991; 2000a; 2000b; Cohen, 1977; Fried, 1967a; Harris, 1978; Johnson, Earle, 1987; Service, 1975; Claessen, Skalnik, 1978; 1981; Claessen, van de Velde, 1987a; Hallpike, 1986; Earle, 1997; Muller, 1997; Carneiro, 2000; Claessen, 2000a; 2000b; Саутхолл, 2000; Southall, 2000; Спенсер, 2000; Spencer, 2000; и т.д.]; С. Сандерсон не без оснований причисляет к этому направлению социолога Г. Ленски, работающего, впрочем, больше на социоантропологическом материале, см., например: [Lenski, Nolan, & Lenski, 1995].

идеалистический характер.

Как замечает С. К. Сандерсон, хотя Парсонс, в целом, выступал за многофакторный подход, он утверждал, "что многофакторный подход не исключает того, что факторы могут выстраиваться в определенную иерархию в зависимости от их относительной важности. Все факторы важны, но одни важнее других. А как Парсонс осуществляет это ранжирование? Собственно говоря, его ранжирование придает высшую значимость человеческим идеям, ценностям и связанным с ними моральным правилам. Как говорит он сам, 'Я культурный, а не социальный детерминист. Соответственно, я полагаю, что в рамках социальной системы нормативные элементы более важны для социальных изменений, чем <<материальные интересы>>...' [Parsons, 1966. P. 113]. Тем не менее, Парсонс придает идеальным факторам даже бóльшее значение, чем он это открыто декларирует. Они не просто находятся на вершине иерархии факторов. В самом деле, простым фактом является то, что любимые объяснения Парсонса в его паре книг о социокультурной эволюции почти всегда уделяют главное место символическим кодам, правовым нормам, религиозным или философским системам, или некоторым иным феноменам преимущественно ментального или идеального плана... Великая эволюционная значимость исторических империй включает их философские прорывы. В двух случаях (Индия и Ислам) эти прорывы наблюдаются прежде всего в области религиозно-философских систем, в то время как в другом (Рим) великий прорыв, по мнению Парсонса, произошел в области системы правовых норм... Величайший эволюционный вклад Израиля это его универсалистская религия, а Греции – более секуляризованная философская система... Развитие Иудаизма привело к появлению Христианства, обладающего для Парсонса гигантской эволюционной значимостью из-за его универсализирующих и индивидуализирующих качеств. Собственно говоря, именно христианство предотвратило полный регресс, намечавшийся в Европе в [раннее] средневековье. Переходя к Новому времени, мы обнаруживаем, что здесь очень велико влияние протестантизма и особенно демократической революции. А что является сущностью демократической революции? Парсонс говорит нам, что это прежде всего переворот в ценностях... Таким образом, нетрудно показать, что причинно-следственные объяснения, предлагаемые Парсонсом, являются, прежде всего, идеалистическими. Ясно, что Парсонс считает, что наиболее важные достижения в долгосрочной социокультурной эволюции относятся к области символических кодов, ценностей и норм, и что эти достижения, после того, как они появляются, вносят решающий вклад в дальнейшие эволюционные сдвиги"[127]

[127] *"Parsons ... [says] that to favor a causal pluralism does not prevent one from establishing a hierarchical ordering of the relative importance of various causal factors. All are important, but some may be more important than others. And what kind of rank ordering does Parsons create? In fact he produces one that elevates human ideas and values and their associated moral rules to supreme importance. As he puts it, I am a cultural determinist, rather than a social determinist. Similarly, I believe that, within the social system, the normative elements are more important for social change than the <<material interests>> ...' [Parsons, 1966. P. 113). It would definitely appear, however, that Parsons gives considerably more weight to ideational factors than he would have us believe. They are much more than simply at the top of*

[Sanderson, 1990. P. 113–114].

Вместе с тем, очевидно, что идеализм Т. Парсонса в значительной степени восходит к М. Веберу, оказавшему на Т. Парсонса колоссальное влияние (см., например: [Парсонс, 1997б]. Особо сильное воздействие в этом отношении, по прямому признанию Т. Парсонса [1997б. С. 208], на него оказала *Протестантская этика* [Вебер, 1990]). Отмечу, что в этой своей работе М. Вебер вовсе не утверждает, что становление протестантской этики было главным фактором становления капитализма (см. в особенности: [Вебер, 1990. С. 105–107, 207–208]). Вместе с тем, М. Веберу удалось на одном конкретном примере достаточно строго доказать, что изменение религиозного сознания, не являющееся результатом каких-либо социально-экономических процессов, а выводимое целиком из логики развития самого религиозного сознания, может оказывать значимое факторное воздействие на социально-экономическое бытие, или, говоря языком математической статистики, что показатели религиозного сознания могут быть не только результирующими, зависимыми переменными (как это предполагает материалистическое понимание социокультурной эволюции), но и факторными, независимыми (даже в конечном счете).

В трех разделах этой главы я постараюсь со столь же высокой строгостью задокументировать еще три группы случаев факторного водействия динамики религизного сознания на ход социокультурной эволюции "осевых" обществ.

* * *

---

a causal hierarchy. Indeed, the simple fact of the matter is that Parson's preferred explanations in his pair of books on social evolution almost always give pride of place to symbolic codes, legal norms, religious or philosophical systems, or some other phenomenon that is primarily mental or ideational... The great evolutionary significance of the historic empires involves their philosophical breakthroughs. In two cases (India and Islam) these breakthroughs center on religio-philosophical systems, whereas in another (Rome) the great breakthrough is said to involve a system of legal norms... Israel's greatest evolutionary contribution is its universalistic religion, while Greece's involves a more secularized philosophical system... Judaism led into Christianity, which is of enormous evolutionary significance for Parsons because of its universalizing and individualizing qualities. In fact, it is Christianity that prevented medieval society from regressing even further than it did. When we get to medernity, we find that the influence of Protestantism is very great, as is especially the democratic revolution. And what is the substance of the democratic revolution? Parsons tells us that it is essentially an upheaval in values... Thus it is not difficult to make a case for Parson's ordinary causal explanations being primarily idealist ones. It is clear that Parsons regards the most important achievments in long-term sociocultural evolution as being in the area of symbolic codes, values, and norms, and that these achievments, once they arise, contribute crucially to yet further achievements".

Христианская доктрина включает в себя довольно разработанную модель должного. Эта модель включает в себя и достаточно детальную картину семейно-брачных отношений, которые должны существовать в правильном христианском обществе. Одной из неотъемлимых характеристик этой модели была норма предельно строгой моногамии. Христианская церковь в течение многих веков вела систематическую борьбу за строжайшее соблюдение этой нормы, и добилась на этом фронте вполне реального привидения сущего в соответствие с должным на контролируемых ею гигантских территориях. Рассмотрение детерминирования бытия сознанием в постосевых обществах мы начнем с анализа некоторых последствий вышеупомянутой деятельности христианской церкви по приведению сущего в соответствие с должным.

§ 1

Полигиния и демократия: кросс-культурное исследование[128]

В одной из наших предыдущих работ [Bondarenko & Korotayev, 2000] мы исследовали связь между размерами семьи и демократичностью общинной организации. Связь эта, как мы и предполагали, оказалась отрицательной и статистически значимой. Однако оставалось несколько моментов, нуждавшихся в дальнейшем исследовании.

Когда мы противопоставляли малые семьи (как моногамные, так и с единичной полигинией) максимально расширенным (опуская промежуточные значения величины "Размер семьи") отрицательная корреляция между размерами семьи и общинной демократией выглядела вне всякого сомнения статистически значимой ($\alpha = 0{,}0004$), хотя и совсем не сильной ($\varphi = \rho \approx -0{,}2$). Однако когда мы включали промежуточные значения, корреляция, хотя и оставалась статистически значимой ($\alpha = 0{,}001$), падала до пренебрижимо малого уровня ($\rho \approx -0{,}1$; см. табл. 4):

[128] Этот параграф III главы подготовлен на основе статьи [Korotayev & Bondarenko, 2000], написанной мною совместно с Д. М. Бондаренко.

ТАБЛИЦА 4

Семейная организация (*Domestic Organization*) * Общинная организация (дихотомизированные предельные значения)

Семейная организация	*Политическое лидерство на уровне общины* 0 (наследственное/ назначение сверху)	1 (выборное)	*Итого*
1 = независимые моногамные нуклеарные семьи	26 *(46%)*	30 *(54%)*	56 *(100%)*
2 = независимые нуклеарные семьи, единичная полигиния	102 *(72%)*	39 *(28%)*	141 *(100%)*
3 = независимые полиандрические семьи	2 *(40%)*	3 *(60%)*	5 *(100%)*
4 = полигиния с необычными пэттернами проживания жен	27 *(84%)*	5 *(16%)*	32 *(100%)*
5 = полигиния с обычными пэттернами проживания жен	123 *(87%)*	39 *(13%)*	142 *(100%)*
6 = минимально расширенные семьи	12 *(44%)*	15 *(56%)*	27 *(100%)*
7 = расширенные семьи	142 *(74%)*	49 *(26%)*	191 *(100%)*
8 = максимально расширенные семьи	108 *(82%)*	23 *(18%)*	131 *(100%)*
ИТОГО	542 *(75%)*	183 *(25%)*	725 *(100%)*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}118$; $\alpha = 0{,}001$.

С другой стороны, когда мы противопоставляли прямо противоположные значения величины "Семейная организация" (т.е. 1 = *Независимые моногамные нуклеарные семьи* [опуская, таким образом, значение 2 = *Независимые нуклеарные семьи, единичная полигиния*] и 8 = *Максимально расширенные семьи*) сила корреляции немед-

ленно подскакивала до – 0,37. Конечно, этот феномен требовал объяснения.

Для проверки нашей изначальной гипотезы мы выбрали самую большую существующую ныне кросс-культурную базу данных, т.н. *Этнографический атлас* [Murdock, 1967; 1981; Murdock *et al.*, 1986; 1990; 1999–2000]. Переменную, которую мы использовали в качестве индикатора размера семьи, это параметр № 8 БД Мердока, "Семейная организация" (*Domestic Organization*). По крайней мере в электронных версиях *Этнографического атласа* [Murdock *et al.* 1986; 1990; 1999–2000] семьи были ранжированны прежде всего по их размеру (см. выше табл. 4). Однако при более внимательном рассмотрении данная переменная оказалась значительно более сложной. Стало понятным, что влияние параметра "Семейная организация" является результатом комбинированного действия двух более элементарных переменных – собственно размера семьи и полигинии. Первое же впечатление заключалось в том, что полигиния подобно размерам семьи отрицательно коррелирует с демократией.

Конечно же, решение редакторов электронной версии *Этнографического атласа* дать малым полигинным семьям ранг между нуклеарными моногамными и расширенными семьями выглядит вполне логичным, так как, согласно их размерам они занимают именно промежуточную позицию. Однако в результате этого решения заметное число обществ с общей полигинией получили по шкале "Семейной организации" ранги 4–5, т.е. более низкие, чем заметное число обществ с моногамными (или преимущественно моногамными) расширенными семьями (ранги 6–8) – в выборке *Этнографического атласа* только 25% обществ с минимально расширенными семьями (ранг 6) и 50% обществ с расширенными семьями (ранг 7) имеют общую полигинию. В результате, в табл. 4 фактор полигинии действовал в значительной степени в направлении, противоположном фактору "Размер семьи"; а это и привело к столь низкому значению силы корреляции. В то же самое время, когда мы противопоставляли ранги 1 и 8 переменной "Семейная организация", оба фактора действовали в одном и том же направлении, что приводило к тому, что сила корреляции оказывалась самой высокой во всей серии вышеупомянутых тестов.

Осталось проверить, действительно ли полигиния отрицательно коррелирует с демократичностью общинной организации. К счастью, электронная версия *Этнографического атласа* содержит отдельную колонку с информацией о полигамии/моногамии вне зависимости от размеров семьи (переменная 9 – "Семейная организация: моногамия и полигамия" [*MARITAL COMPOSITION: Monogamy and Polygamy*]). В общем, моногамные общества характеризуются тенденцией иметь де-

мократически организованные общины существенно чаще, чем полигинные (табл. 5):

ТАБЛИЦА 5

Моногамия *vs.* полигиния * Политическое лидерство на уровне общины

Моногамия vs. *полигиния*	*Политическое лидерство на уровне общины (дихотомизированные предельные значения)*		*Итого*
	0 (наследственное/ назначение сверху)	1 (выборное)	
1 = Моногамия	54 *(49%)*	55 *(51%)*	109 *(100%)*
2 = Единичная полигиния	193 *(73%)*	71 *(27%)*	264 *(100%)*
3 = Общая полигиния	292 *(85%)*	53 *(60%)*	5 *(100%)*
Итого	542 *(75%)*	183 *(25%)*	725 *(100%)*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}26$; $\alpha < 0{,}001$

Подобно размерам семьи [Bondarenko & Korotayev, 2000] полигиния также значимо коррелирует с такими показателями культурной сложности, как количество административных уровней над общиной и размерами общины/поселения (см. табл. 6 и 7).

ТАБЛИЦА 6

Моногамия vs. полигиния * Число административных уровней над общиной

Число административных уровней над общиной	*Моногамия vs. полигиния*			*Итого*
	1 = Моногамия	2 = Единичная полигиния	3 = Общая полигиния	
0	75 *(15%)*	236 *(47%)*	193 *(38%)*	504 *(100%)*
1 уровень	27 *(8%)*	108 *(32%)*	203 *(60%)*	338 *(100%)*
2 уровня	20 *(13%)*	41 *(26%)*	96 *(61%)*	157 *(100%)*
3 уровня	22 *(28%)*	23 *(29%)*	34 *(43%)*	79 *(100%)*
4 и более	12 *(48%)*	10 *(40%)*	3 *(12%)*	25 *(100%)*
Итого	156 *(14%)*	418 *(38%)*	529 *(48%)*	1103 *(100%)*

ТАБЛИЦА 7

Моногамия *vs.* полигиния * Размер общины/поселения

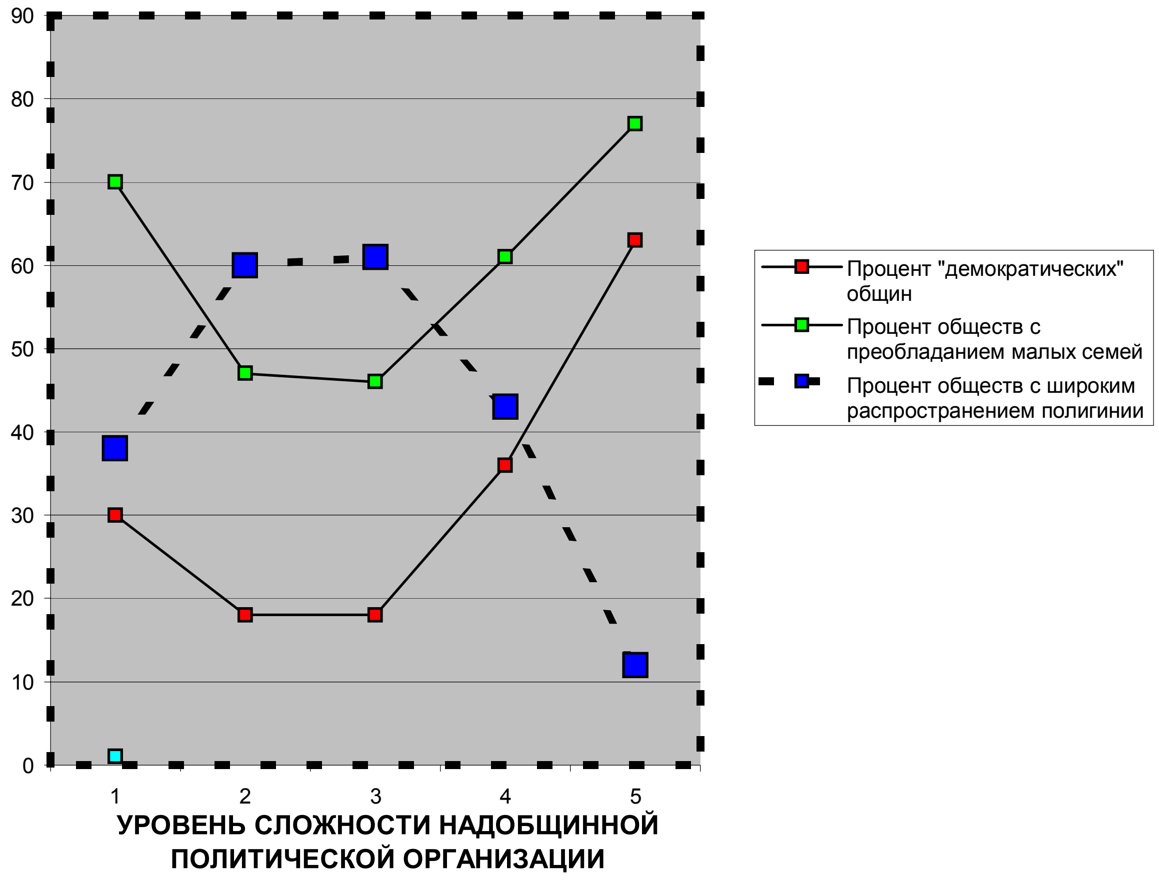
Размер общины/ поселения	*Моногамия* vs. *полигиния*			*Итого*
	1 = Моногамия	2 = Единичная полигиния	3 = Общая полигиния	
1 (<50)	15 *(13%)*	71 *(60%)*	32 *(27%)*	118 *(100%)*
2 (50–99)	9 *(9%)*	53 *(52%)*	39 *(39%)*	100 *(100%)*
3 (100–199)	16 *(16%)*	36 *(36%)*	48 *(48%)*	100 *(100%)*
4 (200–399)	10 *(13%)*	23 *(29%)*	45 *(58%)*	78 *(100%)*
5 (400–1000)	18 *(32%)*	13 *(23%)*	26 *(46%)*	57 *(100%)*
6 (1000 без городов с населением > 5000)	8 *(57%)*	3 *(21%)*	3 *(21%)*	14 *(100%)*
7 (с городами с населением 5000–50000)	8 *(26%)*	6 *(19%)*	17 *(55%)*	31 *(100%)*
8 (города с населением > 50000)	33 *(52%)*	22 *(35%)*	8 *(13%)*	63 *(100%)*
Итого	117 *(21%)*	227 *(40%)*	218 *(39%)*	562 *(100%)*

Нетрудно видеть, что как и в случае с размерами семьи [Bondarenko & Korotayev 2000] мы наблюдаем здесь криволинейную зависимость от показателей культурной сложности. Более того, форма этой зависимости для размеров семьи и полигинии почти идентична (см. диаграммы 5 и 6). Однако, как и в случае с размерами семьи имеются основания утверждать, что полигиния отрицательно коррелирует с общинной демократией вполне независимо от культурной сложности. Действительно, значимая отрицательная корреляция наблюдается и для обществ с в целом схожими показателями культурной сложности – для независимых общин (ρ = - 0,22; α < 0,001), для обществ с одним административным уровнем над общиной

(ρ = – 0,17; α = 0,01), для обществ с 3 и более надобщинными уровнями (ρ = – 0,57; α < 0,001) и т.д.

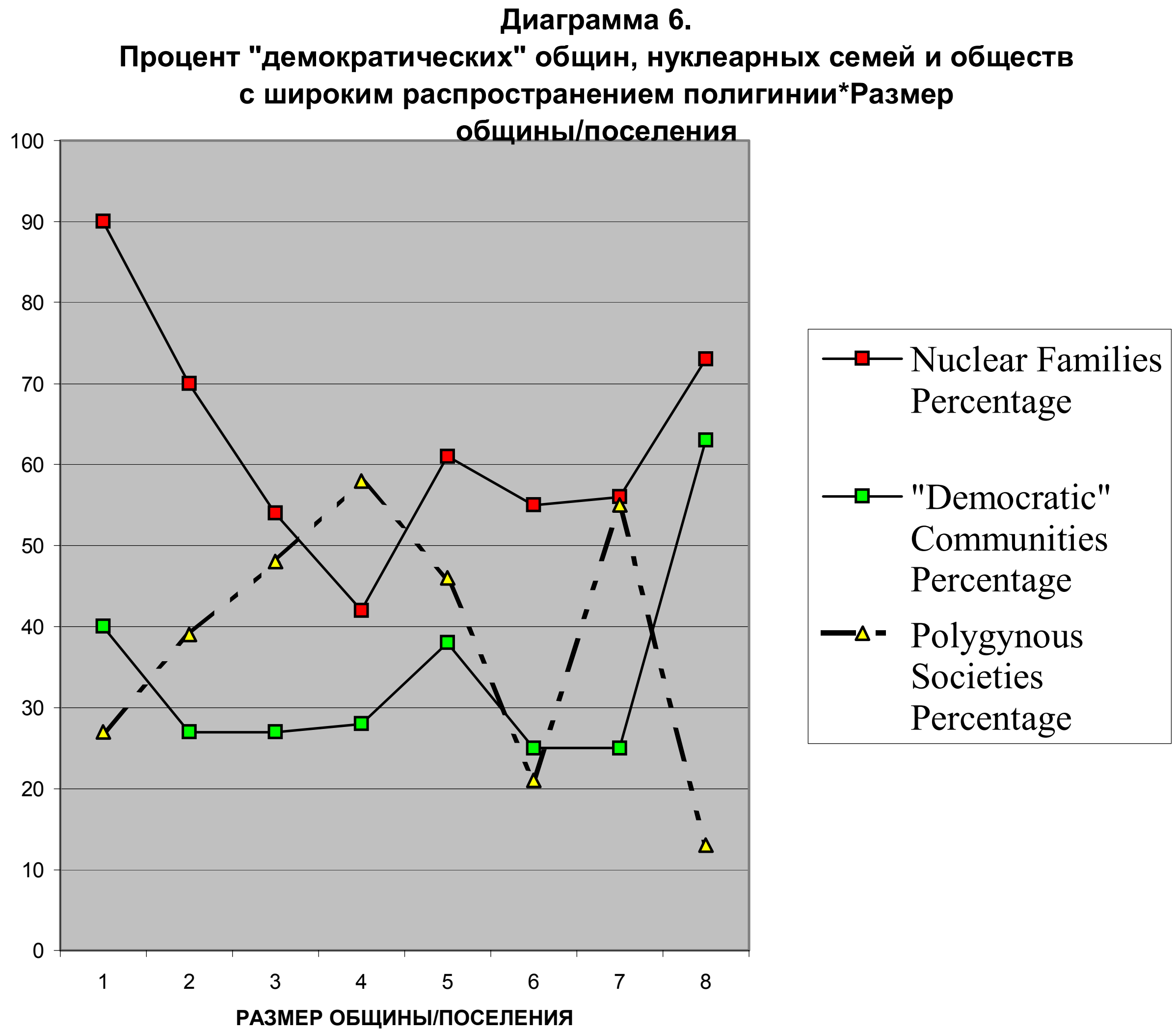
Довольно примечательным представляется то обстоятельство, что проценты обществ с демократическими общинами, с малыми семьями и с полигинией тесно коррелирует внутри культур с данным числом надообщинных уровней и данными размерами общины (см. диаграммы 1 и 2):

Диаграмма 5.
Процент "демократических" общин, нуклеарных семей и обществ с широким распространением полигинии*Число надобщинных уровней



(1 – 0 уровней надобщинной политической интеграции, 2 – 1 уровень, 3 – 2 и т.д.)

Диаграмма 6



1–8 – СРЕДНИЙ РАЗМЕР ОБЩИН/ПОСЕЛЕНИЙ: *1 = менее 50 чел.; 2 = 50–99; 3 = 100–199; 4 = 200–399; 5 = 400–1000; 6 = 1.000 без городов с населением более 5000 чел.; 7 = города с населением 5.000–50.000 (не менее одного); 8 = города с населением более 50.000 (не менее одного)*

Строго говоря, количество “случаев” отображенных на данных диаграммах исключительно мало (5 для диаграммы 5; и 8 для диаграммы 6), так как здесь мы имеем дело с группами обществ, а не с отдельными обществами. Тем не менее, корреляции между всеми тремя рассматриваемыми переменными оказались столь сильны[129], что

---

[129] $r = -\,0{,}956$ для корреляции между процентом полигинных обществ и демократических общин среди социумов с данным числом надобщинных уровней, $\alpha = 0{,}006$; $r = +\,0{,}874$ для корреляции между процентом обществ, состоящих из нуклеарных семей и демократическими общинами среди социумов с данным числом надобщинных

они оказываются статистически значимыми даже при столь ничтожном числе случаев.

Чем может объясняться статистически значимая отрицательная корреляция между полигинией и общинной демократией? Первое приходящее на ум объяснение заключается, конечно, в том, чтобы рассматривать общинную демократию как независимую переменную, а полигинию – как зависимую величину. Действительно, кажется вполне естественным, что в недемократических общинах представители элиты будут использовать свою монополию на властные ресурсы для максимизации числа своих жен, и полигиния, таким образом, будет выглядеть как всего лишь одно дополнительное измерение недемократичности соответствующих общин.

Однако некоторые данные заставляют сомневаться в такой интерпретации. Эти данные происходят прежде всего из "Околосредиземноморского" мегарегиона (*Circum-Mediterranean region*) в том виде, как его определял Дж. П. Мердок, включавший в него всю Европу, Ближний и Средний Восток, а также исламские общества к Югу от Сахары и Эфиопию. Этот мегарегион может быть легко подразделен на два цивилизационных макрорегиона – христианский и исламский. Дело в том, что общинные элиты христианского макрорегиона не имели абсолютно никакой возможности иметь более одной законной жены в силу элементарного факта – строжайшего запрета, налагаемого на практику полигинии Христианской церковью[130]. Тем не менее,

---

уровней, $\alpha = 0{,}026$; $r = -0{,}638$ для корреляции между процентом полигинных обществ и демократических общин среди социумов с данными средними размерами общин, $\alpha = 0{,}044$.

[130] Обратим внимание на то, что даже в Исламском мире Христианская церковь насаждала моногамию в христианских общинах самым строгим образом: "Мусульман... поражало... то, что рабыни в христианских и иудейских домах не были в распоряжении хозяина дома... Происходило это по той причине, что законы христианства на Востоке рассматривали связь мужчины со своей рабыней как разврат, который он должен был искупить церковным покаянием... Халиф ал-Мансур однажды послал врачу Георгиусу трех прекрасных греческих рабынь и 3 тыс. золотых. Врач принял деньги, а девушек вернул обратно, сказав повелителю: 'Я не могу жить с ними в одном доме, ибо нам, христианам, разрешено иметь только одну жену, а у меня есть жена'..." [Мец, 1996/1922. Р. 159]. Однако в Исламском мире христиане представляли собой лишь конфессиональное меньшинство, поэтому моногамия восточных христиан не отразилась на мердоковской кодировке исламских этнических групп. Конечно, в христианских государствах Церковь имела несравненно больше воз-

для всего Околосредиземноморского региона в целом отрицательная корреляция между полигинией и общинной демократией проявляет себя не менее четко, чем для всего мира (см. табл. 8):

ТАБЛИЦА 8

Моногамия vs. полигиния * Политическое лидерство на уровне общины
(для “Околосредиземноморского” региона)

Моногамия vs. полигиния	*Политическое лидерство на уровне общины* 0 (наследственное/ назначение сверху)	1 (выборное)	*Итого*
1 = Моногамия	15 *(48%)*	16 *(52%)*	31 *(100%)*
2 = Единичная полигиния	10 *(63%)*	71 *(37%)*	16 *(100%)*
3 = Общая полигиния	24 *(83%)*	5 *(17%)*	29 *(100%)*
Итого	49 *(64%)*	27 *(36%)*	76 *(100%)*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0,32$; $\alpha = 0,005$

Таким образом, можно предположить, что моногамия представляет собой один из возможных факторов развития общинной демократии, а не только ее результат.

Чем может объясняться “демократизирующее” воздействие моногамии? Кажется разумным связать его с различием в социализационных практиках в полигинных и моногамных семьях. "Антидемократическое" влияние полигинии может быть связано, наряду с прочим, с

можностей обеспечить строжайшую моногамию среди всего населения, включая и высшие эшелоны элиты. Естественно, здесь трудно не вспомнить на первый взгляд противоречащий этому случай полигинии среди мормонов. Отметим, тем не менее, что "Мормонская церковь официально отказалась от полигамии... [в 1890 г.] после того, как она была запрещена законом штата Юта согласно требованию Конгресса, выставившего это в качестве необходимого условия того, что территория Юта могла стать штатом. Мормоны, практикующие полигамию, в настоящее время отлучаются от церкви " [Johnson, 1992. P. 129].

хорошо известным фактором “отсутствия отца” [Burton & Whiting, 1961; Bacon, Child, & Barry, 1963; B. Whiting, 1965; Munroe, Munroe, & Whiting, 1981; Кон, 1987. С. 32–33 и т.д.]. Вышеупоминаемые авторы показали, что мальчики, растущие в окруженииии, состоящем преимущественно из женщин, имеют тенденцию к развитию во взрослую личность, склонную к агрессивному доминантному поведению. Другой важный вклад здесь принадлежит Р. П. Ронеру [Rohner, 1975], который показал, что развитие вышеупомянутого типа личности сильно коррелирует с недостатком родительского тепла. А ведь подобный недостаток типичен именно для полигинных семей (особенно с несороральной полигинией), характеризующихся, как правило, низкой степенью кооперации между женами – в результате, жены слишком часто остаются один-на-один со своими детьми без всякой надежды на внешнюю поддержку. Хорошо известно, что подобная ситуация провоцирует недостаток адекватного родительского тепла, сниженное проявление чувств любви, повышенно строгое наказание детей [J. W. M. Whiting, 1960; Minturn & Lambert, 1964; Rohner, 1975; Levinson, 1979], что в тенденции и ведет к становлению вышеупоминавшегося типа взрослой личности, ориентированной на агрессию и доминирование. С другой стороны, можно предполагать, что присутствие соответствующего модального типа личности, может вносить свой вклад в преобладание в соответствующем социуме недемократических властных структур.[131]

В этой главе я ограничусь всего лишь одной иллюстрацией того, как присутствие полигинии может оказать влияние на властные структуры общества через определенные социализационные практики. Из того, что упоминалось выше, можно предположить, что в полигинные общества (в сравнении с моногамными) будут характеризоваться меньшим проявлением матерями чувств материнского тепла по отношению к своим детям. Наше статистическое тестирование этой гипотезы дало следующие результаты (табл. 9):

[131] Отметим, что положительная корреляция между полигинией и иерархическими властными структурами, по-видимому, наблюдается даже у приматов [Шнирельман, 1994. Р. 63–64].

ТАБЛИЦА 9

Полигиния * Проявление теплоты и любви матерью по отношению к сыну (*Warmth and Affection of Mother: Boy*)

Моногамия vs. полигиния	*Проявление теплоты и любви матерью по отношению к сыну* Иногда	Часто	Очень часто	Почти всегда	*Итого*
1 = моногамия	0	0	0	2 *(100%)*	2 *(100%)*
2 = единичная полигиния	0	0	1 *(20%)*	4 *(80%)*	5 *(100%)*
3 = общая полигиния	1 *(20%)*	2 *(40%)*	0	2 *(40%)*	5 *(100%)*
ИТОГО	1	2	1	8	12

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}55$; $\alpha = 0{,}06$. Так как *Этнографический атлас* не содержит данных по социализации, мы использовали вместо него базу данных по "Стандартной кросс-культурной выборке" (*Standard Cross-Cultural Sample* [SCCS, 1999]). В качестве источника кросс-культурных данных по проявлениям родительского тепла использовались [Rohner & Rohner, 1982; 1985; SCCS, 1999. File STDS20.SAV]. Данные по полигинии взяты из [Murdock & Wilson, 1972; 1985; SCCS, 1999. File STDS03.SAV].

Как можно видеть, отрицательная корреляция между полигинией и проявлением чувств материнской теплоты по отношению к мальчикам оказывается столь сильной, что она (хотя и маргинально) статистически значима, даже несмотря на крайне небольшие размеры выборки Ронеров.

Из того, о чем упоминалось выше, можно предположить, что общества, характеризующиеся бóльшим проявлением материнской теплоты по отношению к сыновьям, будут и более демократичными. Статистическая проверка этой гипотезы дала следующие результаты (табл. 10):

ТАБЛИЦА 10

Проявление теплоты и любви матерью по отношению к сыну (*Warmth and Affection of Mother: Boy*) * Демократия

Демократия	*Проявление теплоты и любви матерью по отношению к сыну*				*Итого*
	Иногда	Часто	Очень часто	Почти всегда	
0 = отсутствует	1	1	1	2	5
1 = присутствует	0	0	0	5	5
ИТОГО	1	1	1	7	10

ПРИМЕЧАНИЕ: ρ = + 0,64; α = 0,045. В качестве источника данных по демократичности политической организации использовались [Tuden & Marshall, 1972; 1985; SCCS, 1999, file STDS04.SAV]. Мы использовали переменную *SELECTION OF EXECUTIVE,* которая имеет следующие значения: *1 = Absent; 2 = Patrilineal, Fa to So; 3 = Patrilineal, Fa to FaBr, then to So; 4 = Matrilineal, MoBr to SiSo; 5 = Matrilineal, MoBr to MoBr; 6 = Ruling family; 7 = Decision by limited power group; 8 = Elected by council; 9 = Informal recognition; 10 = Formal elections; 11 = Appointee of alien society; 12 = Divination*. Из рассмотрения были исключены общества со значением 1; значения 8–9 были перекодированы как 1 (*Демократия присутствует)*; все остальные значения были перекодированы как 0 (*Демократия отсутствует*).

И в этом случае корреляция оказалась в предсказанном направлении и столь сильной, что хотя и так уже исключительно малый размер выборки в этом случае даже стал еще меньше, корреляция оказалась статистически значимой вне всяких сомнений.

В целом, наша объяснительная модель выглядит следующим образом. Мы предполагаем, что структура семьи (обусловленная в свою очередь определенным набором факторов, как материальных [например, экономических], так и идеальных [например, религиозных]) может оказывать значимое влияние на общую политическую эволюцию соответствующих обществ. Мы полагаем, что структура семьи оказывает прежде всего воздействие на политическую организацию общины (и как кажется, мы привели достаточное количество данных в поддержку этого утверждения как выше, так и в [Bondarenko & Korotayev, 2000]). Однако мы также полагаем, что политическая структура общины может оказывать значимое влияние на политическую организацию надобщиных властных структур. Осталось теперь проверить и эту гипотезу.

Результаты соответствующего статистического теста приводятся ниже (табл. 11):

ТАБЛИЦА 11

Демократичность общинной организации * Демократичность надобщинной политической организации

Демократия на уровне общины	*Демократия на надобщинном уровне* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	*Итого*
0 = отсутствует	52	6	58
	90 %	*10 %*	*100 %*
1 = присутствует	7	13	20
	35 %	*65 %*	*100 %*
ИТОГО	59	19	78

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,000005 (согласно точному тесту Фишера) φ = + 0,56; источник данных по демократичности надобщинной организации тот же, что и для предыдущей таблицы. В качестве источника данных по общинной демократии для *Standard Cross-Cultural Sample* использовались [Murdock & Wilson, 1972; 1985; SCCS, 1999. File STDS03.SAV]. Перекодировка производилась так же, как и в предыдущем случае. В данной таблице, естественно, не учитывались общества, не обладающие надобщинной политической организацией.

Как можно видеть, корреляция между демократичностью общинной организации и демократичностью надобщинных политических структур оказывается действительно сильной и значимой.

Итак, мы предполагаем, что структура семьи может влиять на общинную политическую организацию через ассоциированные с данной семейной формой социализационные практики. В свою очередь политическая организация общины по всей видимости оказывает воздействие на политическую структуру надобщинной власти. Таким образом, можно ждать значимой отрицательной корреляции не только между полигинией и размерами семьи, с одной стороны, и общинной демократией, с другой, но и с демократичностью высшего уровня политической структуры. Соответствующая статистическая кросс-культурная проверка дала следующие результаты (табл. 12 и 13):

ТАБЛИЦА 12

Размер семьи * Демократия на верхнем уровне политической организации

Размер семьи	*Демократия на верхнем уровне политической организации* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	*Итого*
1 = малая (нуклеарная или минимально расширенная)	25 *66 %*	13 *34 %*	38 *100 %*
2 = расширенная	23 *79 %*	6 *21 %*	29 *100 %*
3 = максимально расширенная	13 *93 %*	1 *7 %*	14 *100 %*
ИТОГО	61	20	81

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}23$; $\alpha = 0{,}04$

ТАБЛИЦА 13

Полигиния * Демократия на верхнем уровне политической организации

Полигиния	*Демократия на верхнем уровне политической организации* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	*Итого*
1 = отсутствует	6 *43 %*	8 *57 %*	14 *100 %*
2 = единичная полигиния	26 *72 %*	10 *28 %*	36 *100 %*
3 = общая полигиния	28 *93 %*	2 *7 %*	30 *100 %*
ИТОГО	60	20	80

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}40$; $\alpha = 0{,}00025$

Не трудно видеть, что вышеприведенные корреляции сильнее таковых между полигинией и размерами семьи, с одной стороны, и общинной демократией, с другой. Это, вполне возможно, отнюдь не является случайностью, хотя вроде бы и противоречит сказанному выше. Действительно, мы предположили, что структура семьи влияет на политическую организацию общества прежде всего через свое влияние

на общинную политическую организацию. Однако в сложных многообщинных обществах структура семьи может влиять на макрополитическую организацию и непосредственно – так как представители элит, находящиеся зачастую вне нормальной общинной организации тем не менее социализируются в семьях, чья структура не может не оказывать воздействия на модальный тип личности в соответствующих элитарных группах. Следовательно, в подобных обществах структура семьи будет влиять на макрополитическую организацию по двум каналам – и через свое влияние на политическую организацию общины, и непосредственно. Таким образом, более сильные корреляции в этом случае оказываются легко объяснимыми.

Закончу этот раздел рассмотрением одного момента, который, на первый взгляд, кажется совершенно маргинальным, но который может существенно прояснить наше понимание некоторых важных макроэволюционных процессов. Начну это рассмотрение с того, что обращу внимание читателя на то обстоятельство, что отрицательная корреляция между единичной полигинией (противопоставленной строгой моногамии) и общинной демократией также оказывается статистически значимой (табл. 14):

ТАБЛИЦА 14

Моногамия vs. единичная полигиния * Политическое лидерство на уровне общины

Моногамия vs. полигиния	*Политическое лидерство на уровне общины (дихотомизированные предельные значения)* 0 (наследственное/ назначение сверху)	1 (выборное)	*Итого*
1 = Моногамия	54 *(49%)*	55 *(51%)*	109 *(100%)*
2 = Единичная полигиния	193 *(73%)*	71 *(27%)*	264 *(100%)*
Итого	247	126	373

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,00001 (согласно точному тесту Фишера)

Конечно же, это обстоятельство нуждается в комментариях. С одной стороны, не так легко понять, почему социализация довольно небольшого числа членов общества в крайне немногочисленных полигинных семьях может оказать значимое влияние на политическую структуру соответствующих обществ. С другой стороны, необходимо принять во внимание то простое обстоятельство, что в сложных стратифицированных обществах с единичной полигинией полигинию практикуют именно представители элиты. Здесь надо учесть и тот факт, что в такого рода обществах подобные семьи обычно образуют достаточно замкнутый круг со своими собственными социализационными практиками, заметно отличающимися от социализационных практик, распространенных в семьях рядовых общинников (см., например: [Бутинов, 1985]). Однако в рамках такого рода обществ именно данный круг семей и будет обеспечивать социализацию лиц, которые занимают все наиболее важные должности в рамках соответствующей политической системы. Таким образом, полигинная организация соответствующего ограниченного круга семей может оказывать существеннейшее влияние на политическую организацию соответствующих обществ в целом.

Здесь мы подходим к самой сложной проблеме любого кросскультурного исследования, к проблеме направления каузации. Действительно ли строжайший запрет полигинии Христианской церковью можно рассматривать как одну из причин развития современной демократии в Европе? С одной стороны, переход от общей к единичной полигинии среди интенсивных плужных земледельцев, похоже, объясняется прежде всего экономическими факторами, которые привели к тому, что полигиния стала невозможной для интенсивных плужных земледельцев [Burton & Reitz, 1981; White, 1988; White & Burton, 1988].[132] Однако факторы эти, похоже, не могут объяснить тотальный

---

[132] Общая логика объяснения здесь удивительно простая. Если в мотыжном земледелии главным земледельцем является женщина, то в плужном земледелии землю пашет всегда мужчина, именно он является главным добытчиком хлеба для семьи. Поэтому если мотыжный земледелец, приобретая пятерых жен, получает прежде всего десять рук, которые вполне могут прокормить его самого (и именно среди мотыжных земледельцев и встречается чаще всего общая полигиния), то плужный земледелец в таком случае приобретет пять (а потенциально и значительно больше) ртов, которые кормить придется ему самому, и не факт, что он это сможет реально сделать. Поэтому никакой реальный плужный земледлец такую возможность и никогда не будет рассматривать всерьез даже при отсутствии религиозных запретов.

запрет полигинии для всех, включая и представителей верхнего эшелона элит (которые всегда сохраняли превосходные экономические возможности содержать много больше одной жены). Таким образом, тотальное отсутствие полигинии в христианской части Околосредиземноморского мегарегиона (но не в его исламской части[133]) вряд ли может объясняться чем-то другим кроме как строжайшим запретом полигинии Христианской церковью, который ей удалось эффективно утвердить в результате многих веков целенаправленных усилий. Отметим, что хотя некоторые акты, устанавливавшие моногамию в качестве строжайшей брачной нормы, были приняты Церковью еще в римское время, еще в XII в., когда брак был провозглашен таинством, церкви приходилось бороться с рудиментами полигинии как среди простолюдинов, так и среди представителей элиты, например, во Франции. А борьба за соблюдение христианских брачных норм рыцарством продолжалась и в XIII в. [Бессмертный, 1989].

Конечно, трудно считать случайным то обстоятельство, что в рамках двух религий Околосредиземноморского региона, строго запрещающих полигинию, (иудаизме и христианстве) соответствующие нормы возникли в I тыс. до н.э. среди интенсивных плужных земледельцев Палестины и утвердились прежде всего через деятельность независимых (нехрамовых) пророков (происходивших, как правило, из-за пределов высших эшелонов элиты), которым, судя по всему, удалось добиться распространения моногамных брачных норм, уже утвердившихся среди простолюдинов, на элиту (см., например: [Дьяконов, Неронова, Свенцицкая, 1983]).[134]

Конечно, когда в IV в. Христианская церковь принимала акты, сделавшие моногамную нуклеарную семью преобладающей формой семьи в Европе (т.е. акты, запретившие близкородственные браки, усыновление, удочерение, полигинию, сожительство, разводы и повторные браки), она не в коей мере не пыталась внести свой вклад в развитие (через более, чем тысячу лет) современной демократии в За-

---

[133] Примечательно, что мы сталкиваемся с полным отсутствием полигинии в христианских обществах, непосредственно примыкающих к исламским социумам, имеющим полностью сходные с ними экономические и экологические характеристики, но практикующим (хотя бы единичную) полигинию (ср., например, черногорцев [Jelavic, 1983. P. 81–97; Fine, 1987. P. 529–536] и горных албанцев [Pisko 1896; Durham, 1909;, 1928; Coon, 1950; Hasluck, 1954; Jelavic, 1983. P. 78–86; Fine, 1987. P. 49–54, 599–604, etc.]).

[134] Возможно, не является случайностью и то обстоятельство, что Пророк Ислама (чей социальный статус в течение его жизни повысился со среднего до высшего) сохранил легитимность полигинии.

падной Европе. Согласно вполне правдоподобному предположению Дж. Гуди [Goody, 1983. P. 44–46], Церковь таким образом пыталась добиться получения собственности, остававшейся после супружеских пар, не смогших обзавестись законными наследниками мужского пола. Непредвиденными последствиями этих действий, однако, оказалось формирование относительно гомогенного макрорегиона, население которого состояло преимущественно из малых (и всегда) моногамных семей.[135] В свете этого нам трудно считать случайностью то, через несколько веков мы видим этот регион состоящим преимущественно из демократических обществ [Удальцова, 1985–1987]. Так же трудно нам признать случайностью и то, что именно в этом регионе в дальнейшем развилась и современная надобщинная демократия.[136]

§ 2

Родовая организация и глубокая христианизация: кросс-культурное исследование

Факторы становления и разложения родовой организации[137] были предметом многочисленных исследований (См., например: Морган, 1934 [Morgan, 1877]; Энгельс, 1961 [Engels, 1884]; Lowie, 1920/1970; Murdock, 1949; Fortes, 1953; Kirchhoff, 1955/1968; Aberle, 1961; Service, 1962; Bohannan, 1963; Coult & Habenstein, 1965; Cohen, 1969; Sahlins, 1972; Murdock & Wilson, 1972; Murdock & Provost, 1973; Divale, 1974; Pasternak, 1976; Levinson & Malone, 1980; C. Ember, M. Ember & Pasternak, 1983; Korotayev & Obolonkov, 1989; 1990;

---

[135] Конечно, греки и римляне были моногамны еще до христианизации. Вместе с тем, дохристианские германцы, кельты, славяне, венгры имели полигинию, в особенности среди элиты (см., например: [Херлихи, 1993. С. 41]). Таким образом, формирование зоны непрерывной полигинии на большей части европейской территории может быть связано только с христианизацией.

[136] Это обстоятельство может прояснить направление причинно-следственной связи между общинной и надобщинной демократией. В этом отношении крайне примечательным представляется тот факт, что становление общинной демократии в Европе предшествовало развитию демократии на надобщинном уровне.

[137] Под родом я понимаю любую (необязательно экзогамную) группу лиц, ведущих свое происхождение от одного предка по одной линии. Обоснование такого понимания см. в: [Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Коротаев, 1997. С. 23–63].

C. Ember & Levinson, 1991; Pasternak, M. Ember, & C. Ember, 1997 и т.д.]).[138]

Очевидный фактор становления родовой организации, разумеется, это переход к унилокальному брачному поселению, что заставляет предполагать в виде одной из основных непосредственных причин разложения родовой организации переход от унилокального к амбилокальному или неолокальному брачному поселению [Lowie, 1920/1970. P. 157–162; Murdock, 1949. P. 59–60, 184–259; Service, 1962. P. 122]. Однако, сам же Дж. П. Мердок отмечал:

> “В то время как неолокальное и амбилокальное брачное поселение неизменно ведет к разложению родовой организации и является важнейшей причиной ее разложения, развитие унилокального поселения в билатеральном обществе, несмотря на то, что оно способствует развитию соответствующего унилинейного счета родства, никоим образом не создает этого с неизбежной необходимостью. Как показывают табуляции наших данных…, и патрилокальное и матрилокальное поселение обычно при каждом из двух важных типов билатеральной организации… Унилокальное поселение не всегда приводит к развитию родовой организации…" [Murdock, 1949. P. 209].

Эта точка зрения была в дальнейшем критически проанализирована В. Т. Дивэйлом [Divale, 1974], а также К. Эмбер, М. Эмбером и Б. Пастернаком [C. Ember, M. Ember, & Pasternak, 1983]. Однако первая часть гипотезы Дж. П. Мердока, как кажется, выдержала испытание временем. В самом деле, исчезновение унилокального брачного поселения может быть главной ближайшей причиной разложения родовой организации. Но каковы его конечные причины?

К. Эмбер, М. Эмбер и Б. Пастернак [C. Ember, M. Ember & Pasternak, 1983] приводят данные, подтверждающие, что родовая организация появляется в догосударственных обществах с высоким уровнем насилия, вызванного как внутренними конфликтами, так и внешними факторами (см. также: [Pasternak, M. Ember, & C. Ember, 1997. P. 260]). Спад уровня насилия – важная возможная причина распада родовой организации. Однако эти результаты не могут быть прямо применены в данной работе, предметом исследования которой являются причины разложения родовой организации в сложных обществах, т.к. именно эти общества были исключены К. Эмбером,

---

[138] Библиографический обзор русскоязычных работ по этой тематике см., например, в: [Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Коротаев, 1997. С. 23–63].

М. Эмбером и Б. Пастернаком из использованной ими выборки [C. Ember, M. Ember, & Pasternak, 1983. P. 395].

Многие авторы замечали, что родовая организация чаще встречается в обществах среднего уровня культурной сложности, реже – в простых, а разлагается в сложных обществах [Aberle, 1961; Service, 1962; Coult & Habenstein, 1965; Murdock & Wilson, 1972; Murdock & Provost, 1973; Pasternak, 1976; Levinson & Malone, 1980; C. Ember & Levinson, 1991; Pasternak, M. Ember, & C. Ember, 1997 и т.д.].

Основными факторами разложения родовой организации в сложных обществах, предложенными в данный момент, являются развитие товарно-денежных отношений, и в особенности, классовой стратификации и государственной организации [Морган, 1934 /Morgan, 1877/; Энгельс, 1961 /Engels, 1884/; Fortes, 1953; Kirchhoff, 1955/1968; Bohannan, 1963. P. 136; Cohen, 1969; Sahlins, 1972. P. 225; C. Ember, M. Ember & Pasternak, 1983. P. 395; Sanderson, 1988. P. 337; Pasternak, M. Ember, & C. Ember, 1997. P. 262–264; Scupin & DeCorse, 1998. P. 390 и т.д.].[139]

Однако мне все эти объяснения не представляются вполне удовлетворительными. Наше предварительное кросс-культурное (хотя не обязательно количественное) исследование родовой организации в сложных обществах Евразии и Северной Африки [Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Коротаев, 1997. С. 23–39] убедило нас в том, что область распространения родовой организации в сложных обществах этого мегарегиона имеет довольно специфический вид. Было трудно не заметить, что в западной части исследуемого мегарегиона (той части, которая фактически совпадает с "Околосредиземноморским" [*Circummediterranean*] регионом Дж. П. Мердока) граница между ареалами, в которых традиционно отсутствует родовая организация, и ареалами, в которых она присутствует, проходит почти в точности вдоль границы между христианским и нехристианским мирами.[140] И

[139] Эта идея впервые была развита Морганом [Морган, 1934 /Morgan, 1877/], позднее данную точку зрения поддержал Энгельс [Энгельс, 1961 /Engels, 1884/). Не удивительно, что она стала доминирующей в советской антропологии, особенно в середине 1930х – 1950е гг., когда ее преобладание над другими подходами превратилось в абсолютное (см. об этом, напр.: [Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Коротаев, 1997. С. 23–39]).

[140] В восточной части Евразии единственный ареал сложных культур, в которых систематически отсутствует родовая организация, это ареал государств, в которых в качестве государственной религии выступает буддизм хинаяны. Сразу же отмечу, что я не считаю простым совпадением, что и в этом случае мы имеем дело с такой ситуацией,

это наблюдается не только в Европе. Например, на Африканском Роге среди почти ста этнографически описанных культур родовая организация отсутствует всего в трех. И две из них – это как раз обе глубоко христианизированные этнические группы данного ареала – амхара и тиграи. Третья же принадлежит как раз к тому виду исключений, который только подтверждает правило, – это исповедующие иудаизм фалаша. Все исламские и "языческие" культуры этого ареала имеют родовую организацию.

Может ли данное обстоятельство быть совпадением? Мне это не представлялось вполне правдоподобным. Христианская доктрина весьма последовательна в своем отрицании родовой организации.[141] С

когда в роли государственной религии выступает ярко выраженная религия ненасилия. Это обстоятельство будет предметом изучения в § 3 данной главы.

[141] Напр.:

“Оттуда идя далее, увидел Он других двух братьев, Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, в лодке с Зеведеем, отцем их, починивающих сети свои, и призвал их. И они тотчас, оставивши лодку и отца своего, последовали за Ним” (от Матфея 4:21–22).

“Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: иди за Мною и предоставь мертвым погребать своих мертвецов ” (Матф. 8:21–22).

“Ибо Я пришел разделить человека с отцем его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку – домашние его ” (Матф. 10:35–36).

“И некто сказал Ему: вот, Матерь Твоя и Братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто матерь Моя, и кто братья Мои? И указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: 'Вот матерь Моя и братья Мои. Ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и матерь' ” (Матф. 12:47–50).

“А вы не называетесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос, все же вы братья. И отцем себе не называйте никого на земле. ибо один у вас Отец, Который на небесах” (Матф. 23:8–9)

(Перевод на русский язык дается по изданию: *Новый Завет*. [М.]: Международный центр православной литературы, 1994). Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность Т. К. Церетели за приведенную подборку цитат из *Нового завета*, а также за ее содействие в переводе текста этого параграфа (первоначально написанного на английском языке) на русский язык. Первоначальный вариант этого текста был представлен в феврале 2000 г. на Конференции Общества кросс-культурных исследований в Новом Орлеане (США).

другой стороны, как было показано Дж. Гуди [Goody, 1983. P. 44–46], в IV в. н.э. христианская церковь приняла серию нормативных актов, которые превратили моногамную нуклеарную семью в господствующую форму семейно-родственной организации (речь идет об актах, строго запрещающих близкородственные браки, усыновление, полигинию, внебрачные связи, разводы и повторные браки). Как предположил Дж. Гуди [Goody, 1983. P. 44–46], церковь стремилась при этом заполучить имущество, принадлежащее семьям, оставшимся без легитимных наследников, но результатом этого было превращение нуклеарной моногамной семьи в основную форму семейно-родственной организации и исчезновение практически всех форм надсемейных корпоративных родственных объединений в центральных областях христианского мира.

Некоторые другие нормы и практики христианской церкви в этом отношении кажутся здесь также вполне релевантными – например, норма безбрачия среди духовенства. В этом отношении христианство отличается от религии, которая во многих отношениях подобна ему – ислама, где брак для *rijaॐl al-d❺n* ("Людей Веры") не только разрешен, или рекомендован, но даже предписан (также как и всем остальным мусульманам, способным к браку [Боголюбов, 1991. С. 71]).

В отличие от исламских *rijaॐl al-d❺n*, христианскому чиноначалию запрещалось иметь легитимных наследников; таким образом, его представитель не мог быть полноправным членом родовой группы, а также не имел возможности основать собственную родовую группу (которая бы носила его имя в качестве имени эпонимного предка, что было и остается обычным в исламском мире). Принимая во внимание огромное влияние, оказанное христианским чиноначалием на все традиционные христианские государства (где оно могло значимо воздействовать на государственное законодательство, и особенно как раз в области семейно-родственных отношений), можно предположить, что этот фактор также способствовал разрушению и исчезновению родовой организации в христианских обществах.

Итак, у нас есть основания ожидать достаточно сильную и значимую отрицательную корреляцию между "глубокой христианизацией" и наличием родовой организации.

Почему мы рассматриваем именно "глубокую христианизацию"? Известно, что в традиционном мире христианской церкви требовалось крайне долгое время (буквально века) для того чтобы искоренить

Я хотел бы выразить свою признательность ее участникам (и в особенности, Кэролл Эмбер и Мелвину Эмберу) за их исключительно ценные замечания, позволившие заметно улучшить текст данного раздела.

(почти всегда не до конца) дохристианские нормы, ценности и практики, для того, чтобы добиться интернализации христианских ценностей населением, реального соблюдения им христианских брачно-родственных норм (см., например: [Бессмертный, 1989; Херлихи, 1993]). Нет никаких оснований утверждать, что поверхностная христианизация немедленно ведет к радикальным изменениям в брачно-родственных практиках и нормах.

В качестве рабочей базы данных мы использовали *Этнографический атлас* Дж. П. Мердока [Murdock, 1967; Murdock *et al.*, 1986, 1990, 1999–2000]. Мы дополнительно прокодировали следующие культуры *Этнографического атласа* как "1 (Глубокая христианизация: присутствует)": амхара, армяне, баски, белорусы, болгары, бразильцы, валлонцы, гаитяне, греки, грузины, гуцулы, ирландцы, исландцы (XIX–XX вв.), испанские баски, испанцы (кастильцы), курды, ливанцы (марониты), марийцы, неаполитанцы, немцы, обитатели островов Тристан-да-Кунья, португальцы, румыны, русские, саамы, сваны, североамериканцы Новой Англии, сербы, тиграи, украинцы, франко-канадцы, чехи.

Все остальные культуры *Этнографического атласа* были дополнительно прокодированы как "0 (Глубокая христианизация: отсутствует)".

Мы начали с прямого кросс-табулирования родовой организации и глубокой христианизации. Результаты были следующими (см. табл. 15).

ТАБЛИЦА 15.

Кросстабуляция: Глубокая христианизация * Родовая организация

Христианизация	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	Итого
0 (отсутствует)	382	838	1220
	31,3%	*68,7%*	*100%*
1 (присутствует)	32	4	36
	88,9%	*11,1%*	*100%*
Итого	414	842	1256
	33,0%	*67,0%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,000000000002 (согласно точному тесту Фишера);
φ = – 0,2; α < 0,00000000000000001;
γ = – 0,89; α = 0,00000006

Результаты этого статистического анализа выглядели многообещающими. Корреляция между христианством и наличием родовой организации оказалась в предсказанном направлении, и при этом име-

ла такую статистическую значимость, которая не могла вызвать никаких сомнений. Корреляция не смотрелась достаточно сильной ($\varphi \approx -$ 0,2); однако γ-коэффициент ($\approx -$ 0,9) выглядел вполне убедительно (особенно, учитывая крайне асимметричное распределение выборки, включающей в себя лишь 2,9% глубоко христианизированных обществ). Интерпретация этих результатов в сочетании с кросс-табуляцией не представляла никаких проблем: несмотря на то, что отсутствие родовой организации является довольно слабым предиктором глубокой христианизации, последняя представляет собой чрезвычайно сильный предиктор отсутствия родовой организации.

Было также ясно, что даже значение φ-коэффициента для данной связи можно заметно увеличить. В самом деле, очевидно, что "христианский фактор" нерелевантен для большинства культур, описанных в базе данных *Этнографический атлас*. В этой базе данных большинство безродовых обществ составляют билатерально организованные охотники-собиратели, и нет особых сомнений в том, что христианство к этому никакого отношения не имеет. Христианство появилось на арене человеческой истории сравнительно поздно и при этом среди культур с достаточно высоким уровнем сложности; именно на эти общества христианство и оказало сильное влияние.

Следовательно, с самого начала было ясно, что на определенной стадии придется исключить простые культуры из используемой в данной работе выборки.

Мы начали с того, что оставили в выборке только общества, опирающиеся более чем на 85% на производящее хозяйство (земледелие и скотоводство). Кросстабуляция между родовой организацией и христианизацией в этом случае выглядит следующим образом (табл. 16):

ТАБЛИЦА 16.

Кросстабуляция: Глубокая христианизация* Родовая организация (для культур с производящим хозяйством [земледелие и скотоводство > 85%])

Глубокая христианизация	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	36	292	328
	11,0%	*89,0%*	*100%*
1 (присутствует)	25	3	28
	89,3%	*10,7%*	*100%*
Итого	61	295	356

ПРИМЕЧАНИЕ: α < 0,00000000000000001 (согласно точному тесту Фишера);
φ = – 0,56; α < 0,00000000000000001;
γ = – 0,97; α = 0,00000005

Как и предполагалось, корреляция осталась в том же направлении, и при этом статистически значимой вне всяких сомнений; вместе с тем сила связи значительно возросла.

Однако, можно усомниться в том, что христианизация здесь выступает как независимый фактор. В самом деле, в обществах со средней или высокой культурной сложностью (мы отобрали в эту подвыборку общества с более, чем одним уровнем политической интеграции над общиной) доколониальная глубокая христианизация статистически значимо и положительно коррелирует с политической централизацией, с государственностью (табл. 17):

ТАБЛИЦА 17.

Кросстабуляция: Глубокая христианизация* Количество надобщинных административных уровней (для культур с > 1 уровнем политической интеграции над общиной)

Количество надобщинных уровней	*Глубокая христианизация* 0 (отсутствует)	*Глубокая христианизация* 1 (присутствует)	Итого
2	156	5	161
	96,9%	*3,1%*	*100%*
3	64	21	85
	75,3%	*24,7%*	*100%*
≥4	22	5	27
	81,5%	*18,5%*	*100%*
Итого	242	31	273
	88,6%	*11,4%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = +\ 0{,}29$; $\alpha = 0{,}000001$;
$\gamma = +\ 0{,}66$; $\alpha = 0{,}000007$

С другой стороны, предполагается, что государственность – один из сильнейших факторов разложения родовой организации. Наш статистический тест изначально дал дополнительное подтверждение этой теории. В целом, родовая организация криволинейно коррелирует с политической централизацией (как и со всеми главными компонентами культурной сложности) (табл. 18):

ТАБЛИЦА 18.

Кросстабуляция: Количество надобщинных уровней * Родовая организация

Количество надобщинных уровней	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0	248	261	509
	48,7%	*51,3%*	*100%*
1	65	275	340
	19,1%	*80,9%*	*100%*
2	25	134	159
	15,7%	*84,3%*	*100%*
3	28	57	85
	32,9%	*67,1%*	*100%*
≥4	13	13	26
	50,0%	*50,0%*	*100%*
Итого	379	740	1119
	33,9%	*66,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = + 0{,}24$; $\alpha = 0{,}0000000000000001$;
$\gamma = + 0{,}39$; $\alpha < 0{,}00000000000000001$;
$V = 0{,}31$; $\alpha < 0{,}00000000000000001$

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена для этой таблицы имеет положительное значения из-за скошенности распределения в данной выборке – подавляющее большинство ее культур характеризуется низким уровнем сложности, а для подобного типа культур политическая централизация положительно коррелирует с наличием родовой организации.

Однако для обществ с высоким уровнем культурной сложности характерна статитстически значимая отрицательная корреляция – чем выше уровень политической централизации, тем реже встречается родовая организация. Развитие государственной организации в таком случае представляется важным фактором разложения родовой организации (табл. 19):

ТАБЛИЦА 19.

Кросстабуляция: Количество надобщинных уровней * Родовая организация (для культур с > 1 уровнем политической интеграции над общиной)

Количество надобщинных уровней	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	Итого
2	25 *15,7%*	134 *84,3%*	159 *100%*
3	28 *32,9%*	57 *67,1%*	85 *100%*
≥4	13 *50,0%*	13 *50,0%*	26 *100%*
Итого	66 *24,4%*	204 *75,6%*	270 *100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}26$; $\alpha = 0{,}00001$;
$\gamma = -0{,}49$; $\alpha = 0{,}00005$

Следовательно, возможной альтернативой объяснению отрицательной корреляции между глубокой христианизацией и наличием родовых (унилинейных десцентных) групп является теория, согласно которой настоящий фактор разложения родовой организации – формирование и развитие государства, поскольку вышеуказанная отрицательная корреляция может быть объяснена следующим образом: в доколониальную эпоху христианство было главным образом распространено в государственно организованных обществах (в то время как случаев глубоко христианизированных вождеств, племен или локальных групп охотников-собирателей для этой эпохи почти не известно), однако именно в государственно организованных обществах родовая организация встречается реже – поэтому-то и появляется значимая отрицательная корреляция между глубокой христианизацией и наличием родовой организации.

Это объяснение выглядело достаточно убедительно, однако мы все же сомневались в его правильности. Нужно прежде всего заметить, что сила отрицательной корреляции между христианизацией и родовой организацией для культур с 2–4 надобщинными уровнями ($\varphi = \rho = -0{,}55$; см. табл. 20) намного выше, чем между последней и государственностью ($\rho = -0{,}26$; см. табл. 19), она заметно выше и силы положительной корреляции между государственностью и христианизацией ($\rho = +0{,}29$; см. табл. 17):

ТАБЛИЦА 20.

Кросстабуляция:
Глубокая христианизация * Родовая организация
(для культур с более чем одним уровнем политической интеграции над общиной)

Глубокая христианизация	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	Итого
0 (отсутствует)	38	201	239
	15,9%	*84,1%*	*100%*
1 (присутствует)	28	3	31
	90,3%	*9,7%*	*100%*
Итого	66	204	270
	24,4%	*75,6%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,0000000000000001 (согласно точному тесту Фишера); φ = – 0,55; α < 0,00000000000000001; γ = – 0,96; α < 0,00000000000000001

Этого вполне достаточно для утверждения, что наблюдаемую отрицательную корреляцию между христианизацией и наличием родовых (унилинейных десцентных) групп нельзя объяснить как побочный продукт разлагающего влияния развития государственности на родовую организацию.

Однако можно предложить и дополнительный аргумент против "Альтернативного объяснения". Проконтролируем влияние переменной "политическая централизация", проанализировав подвыборку культур с одним и тем же числом уровней надобщинной политической интеграции. Мы выбрали подвыборку с 3 такими уровнями (которая в большинстве случаев соответствует небольшим государствам), так как она достаточно большого размера в отличие от малочисленной подвыборки обществ с 4 или более уровнями, которые недостаточно представлены в *Этнографическом атласе*. Эта подвыборка к тому же включает в себя значительное число христианских культур.

Для этой подвыборки отрицательная корреляция между христианизацией и родовой организацией оказалась очень сильной (> 0,7; см. табл. 7), она несопоставимо выше силы корреляции между родовой организацией и политической централизацией (ее значение всего лишь – 0,26; см. табл. 21).

ТАБЛИЦА 21.

Кросстабуляция:

Глубокая христианизация * Родовая организация

(для обществ с 3 уровнями политической интеграции над общиной)

Глубокая христианизация	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	9	55	64
	14,1%	*85,9%*	*100%*
1 (присутствует)	19	2	21
	90,5%	*9,5%*	*100%*
Итого	28	57	85
	32,9%	*67,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\alpha = 0{,}0000000003$ (согласно точному тесту Фишера); $\varphi = -0{,}7$; $\alpha < 0{,}0000000001$; $\gamma = -0{,}97$; $\alpha < 0{,}000000001$

Отрицательная корреляция между глубокой христианизацией и родовой организацией настолько сильнее корреляции между последней и политической централизацией, что встает вопрос – не является ли отрицательная корреляция между традиционным государством и родовой организацией иллюзией, созданной сильным присутствием христианских культур в выборках из сложных традиционных обществ (включая выборку Мердока). В самом деле, если мы исключим из нашей выборки сложных обществ (выборки, использованной для составления табл. 5, т.е. выборки обществ с более, чем 1 уровнем политической интеграции над общиной) все глубоко христианизированные культуры, значимость отрицательной корреляции между политической централизацией и родовой организацией упадет ниже критического уровня (табл. 22):

ТАБЛИЦА 22.

Количество надобщинных уровней * Родовая организация (для нехристианских культур с более чем одной ступенью политической интеграции над общиной)

Количество надобщинных уровней	*Родовая организация* 0 (*отсутствует*)	1 (*присутствует*)	Итого
2	21 *13,6%*	133 *86,4%*	154 *100%*
3	9 *14,1%*	55 *85,9%*	64 *100%*
≥4	8 *38,1%*	13 *61,9%*	21 *100%*
Итого	38 *15,9%*	201 *84,1%*	239 *100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}11$; $\alpha = 0{,}08$;
$\gamma = -0{,}27$; $\alpha = 0{,}12$

Подобное происходит и с остальными компонентами культурной сложности, которые являются предполагаемыми факторами разложения родовой организации – с классовой стратификацией и коммерциализацией.

Классовая стратификация, как и все другие компоненты культурной сложности, показывает криволинейное отношение к родовой организацией – общества без родовой организации чаще встречаются и среди эгалитарных обществ и среди обществ со сложной классовой стратификацией (табл. 23):

ТАБЛИЦА 23.
Кросстабуляция: Классовая стратификация * Родовая организация

Классовая стратификация	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	Итого
1 = Отсутствует среди свободных	199 *37,7%*	329 *62,3%*	528 *100%*
2 = Имущественные различия	73 *35,8%*	131 *64,2%*	204 *100%*
3 = Элитарная стратификация	8 *20,5%*	31 *79,5%*	39 *100%*
4 = Дуальная (наследственная аристократия)	58 *26,1%*	164 *73,9%*	222 *100%*
5 = Сложная (социальные классы)	36 *45,0%*	44 *55,0%*	80 *100%*
Итого	374 *34,9%*	699 *65,1%*	1073 *100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = +0{,}053$; $\alpha = 0{,}084$;
$\gamma = +0{,}089$; $\alpha = 0{,}085$;
$V = +0{,}124$; $\alpha = 0{,}002$

Для сложных обществ (в эту категорию мы включили общества с дуальной, элитарной и сложной классовой стратификацией – исключив таким образом из выборки более или менее эгалитарные культуры) классовая стратификация демонстрирует статистически значимую отрицательную корреляцию с присутствием родовой организации (табл. 24) и статистически значимую положительную корреляцию с глубокой христианизацией (табл. 25); но снова сила этих корреляций намного слабее отрицательной корреляции между глубокой христианизацией и родовой организацией (табл. 26):

ТАБЛИЦА 24.

Кросстабуляция:

Классовая стратификация * Родовая организация

(для культур с элитарной, дуальной или сложной классовой стратификацией)

Классовая стратификация	*Родовая организация* 0 (отсутствует)		*Родовая организация* 1 (присутствует)		Итого
3 = Элитарная	8		31		39
		20,5%		*79,5%*	*100%*
4 = Дуальная (наследственная аристократия)	58		164		222
		26,1%		*73,9%*	*100%*
5 = Сложная (социальные классы)	36		44		80
		45,0%		*55,0%*	*100%*
Итого	102		239		341
		29,9%		*70,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0,18$; $\alpha = 0,001$
$\gamma = -0,35$; $\alpha = 0,001$

ТАБЛИЦА 25.

Кросстабуляция:

Классовая стратификация * Глубокая христианизация

(для культур с элитарной, дуальной или сложной социальной стратификацией)

Классовая стратификация	*Глубокая христианизация* 0 (отсутствует)		*Глубокая христианизация* 1 (присутствует)		Итого
3 = Элитарная	37		31		40
		92,5%		*7,5%*	*100%*
4 = Дуальная (наследственная аристократия)	223		2		225
		99,1%		*0,9%*	*100%*
5 = Сложная (социальные классы)	57		24		81
		70,4%		*26,9%*	*100%*
Итого	317		29		346
		91,6%		*8,4%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0,33$; $\alpha = 0,0000000003$;
$\gamma = -0,737$; $\alpha = 0,00003$

ТАБЛИЦА 26.
Кросстабуляция:
Глубокая христианизация* Родовая организация
(для стратифицированных обществ
[с дуальной, элитарной и сложной классовой стратификацией])

	Родовая организация		
Глубокая христианизация	*0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	76	236	312
	24,4%	*75,6%*	*100%*
1 (присутствует)	26	3	29
	89,7%	*10,3%*	*100%*
Итого	102	239	341
	29,9%	*70,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,000000000001 (согласно точному тесту Фишера); γ= – 0,928; α = 0,0000001
φ= – 0,4; α = 0,00000000000002

Подобно тому, что мы наблюдали в отношении политической централизации, при введении контроля на социальную стратификацию "Христианский фактор" сохраняет свою силу и значимость (табл. 27):

ТАБЛИЦА 27.
Кросстабуляция:
Глубокая христианизация * Родовая организация
(для обществ со сложной классовой стратификацией)

	Родовая организация		
Глубокая христианизация	*0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	14	42	56
	25,0%	*75,0%*	*100%*
1 (присутствует)	22	2	24
	91,7%	*8,3%*	*100%*
Итого	36	44	80
	45,0%	*55,0%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,00000002 (согласно точному тесту Фишера)
γ= – 0,94; α = 0,0000000002;
φ= – 0,61; α = 0,00000004

Однако сила отрицательной корреляции между классовой стратификацией и родовой организацией падает ниже статистически зна-

чимого уровня при исключении из выборки глубоко христианизированных культур (табл. 28):

ТАБЛИЦА 28.
Кросстабуляция
Классовая стратификация *Родовая организация
(для не христианских культур с элитарной, дуальной или сложной социальной стратификацией)

Классовая стратификация	*Родовая организация*		Итого
	0 (отсутствует)	*1 (присутствует)*	
3 = Элитарная	5	31	36
	13,9%	*86,1%*	*100%*
4 = Дуальная (наследственная аристократия)	57	163	220
	25,9%	*74,1%*	*100%*
5 = Сложная (социальные классы)	14	42	56
	25,0%	*75,0%*	*100%*
Итого	76	236	312
	24,4%	*75,6%*	*100%*

ПРИМЧАНИЕ: $\rho = -0{,}055$; $\alpha = 0{,}333$
$\gamma = -0{,}135$; $\alpha = 0{,}3$

Как уже отмечалось, подобное происходит и с коммерциализацией. Для обществ с 2 или более надобщинными уровнями наблюдается значимая отрицательная корреляция между коммерциализацией и наличием родовой (унилинейной десцентной) организации (табл. 29); хотя снова сила этой корреляции заметно слабее силы отрицательной корреляции между глубокой христианизацией и родовой организацией в данной выборке (табл. 30):

ТАБЛИЦА 29.[142]

Кросстабуляция: Коммерциализация * Родовая организация (для обществ Стандартной кросс-культурной выборки с > 1 надобщинным уровнем)

	Родовая организация				
Торговля как источник продуктов питания	*0 (отсутствует)*		*1 (присутствует)*		Итого
1 = Нет торговли	0		1	*100%*	1 *100%*
2 = Отсутствует покупка продуктов питания, хотя торговля присутствует	1	*11,1%*	8	*88,9%*	9 *100%*
4 = Присутствует покупка продуктов питания, но < 10% от потребляемого	6	*24,0%*	19	*76,0%*	25 *100%*
5 = > 10%, но < 50%	7	*38,9%*	11	*61,1%*	18 *100%*
7 = > 50%	1	*100%*	0		1 *100%*
Итого	15	*27,8%*	39	*72,2%*	54

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0{,}28$; $\alpha = 0{,}042$;
$\gamma = -0{,}5$; $\alpha = 0{,}032$

[142] В качестве источника данных для этой переменной была использована электронная версия базы данных по *Стандартной кросс-культурной выборке* [SCCS, 1999]. Здесь мы были вынуждены пользоваться переменной *ТОРГОВЛЯ КАК ИСТОЧНИК ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ* для стандартной кросс-культурной выборки [Murdock, Morrow, 1970; 1985; SCCS, 1999. File STDS01.SAV].

ТАБЛИЦА 30.
Кросстабуляция
Глубокая христианизация * Родовая организация
(для обществ Стандартной кросс-культурной выборки с > 1 надобщинным уровнем)

	Родовая организация		
Глубокая христианизация	*0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	10	39	49
	20,4%	*79,6%*	*100%*
1 (присутствует)	5	1	6
	83,3%	*16,7%*	*100%*
Итого	15	40	55
	27,3%	*72,7%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,004 (согласно точному тесту Фишера);
γ= – 0,9; α = 0,02;
φ= – 0,44; α = 0,001

Подобно тому, что мы наблюдали в отношении политической централизации и классовой стратификации, при введении контроля на коммерциализацию "Христианский фактор" сохраняет свою силу и значимость (табл. 31):

ТАБЛИЦА 31.
Кросстабуляция
Глубокая христианизация* Родовая организация
(для обществ с > 1 надобщинным уровнем,
получающих > 10%, но < 50% продуктов питания через рынок)

	Родовая организация		
Глубокая христианизация	*0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует)	4	11	15
	26,7%	*73,3%*	*100%*
1 (присутствует)	3	0	3
	100%		*100%*
Итого	7	11	18
	38,9%	*61,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,043 (согласно точному тесту Фишера);
γ= – 1,0; α = 0,026;
φ= – 0,56; α = 0,017

И снова сила отрицательной корреляции между коммерциализацией и родовой организацией падает ниже порога статистической

значимости с исключением из выборки глубоко христианизированных обществ (табл. 32):

ТАБЛИЦА 32.
Кросстабуляция:
Коммерциализация * Родовая организация
(для нехристианских культур Стандартной кросс-культурной выборки с > 1 надобщинным административным уровнем)

Торговля как источник продуктов питания	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*		*1 (присутствует)*		Итого
1 = Нет торговли	0		1	*100%*	1 *100%*
2 = Отсутствует покупка продуктов питания, хотя торговля имеется	1	*11,1%*	8	*88,9%*	9 *100%*
4 = Присутствует покупка продуктов питания, но < 10% от потребляемого	4	*18,2%*	18	*81,8%*	22 *100%*
5 = > 10%, но < 50%	4	*26,7%*	11	*73,3%*	15 *100%*
7 = > 50%	1	*100%*	0		1 *100%*
Итого	10	*20,8%*	38	*79,2%*	48 *100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = -0,22$; $\alpha = 0,135$;
$\gamma = -0,43$; $\alpha = 0,133$

Предварительное заключение к § 2 Главы IV

Среди факторов разложения родовой организации, рассмотренных в данном разделе (развитие государственной организации, классовой стратификации, товарно-денежных отношений, и фактора глубокой христианизации), глубокая христианизация представляется самым сильным и значимым фактором. Более того, после введения контроля на христианизацию, все остальные факторы становятся статистически незначимыми, тогда как при введении контроля на другие факторы, фактор глубокой христианизации полностью сохраняет свою силу и значимость. Это говорит о том, что значимая отрицательная корреляция для трех указанных выше факторов разложения родовой организации может быть результатом присутствия христианских культур во всех выборках сложных обществ. Таким образом, становление государства, классовой стратификации и товарно-денежных отношений не оказывает самостоятельного значимого разлагающего воздействия на родовую организации.

Дополнительное заключение к § 2 Главы IV

Я не настаиваю на том, что результаты моих тестов окончательно опровергают теории, утверждающие, что развитие государства ведет к разложению родовой организации. В конце концов, мои предыдущие исследования данной проблемы [Коротаев, 1995a; 1996a; 1996б; 1997; 1998; Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Korotayev, 1995a; 1995b; 1996a] убедили меня в том, что эта теория не может быть полностью неверной. Эти исследования скорее заставляли сделать следующий вывод: несмотря на то, что среднесложные нехристианские традиционные государства были обычно не в состоянии разрушить родовую организацию, наиболее сложные традиционные государства в этом преуспевали значительно чаще. Следовательно, чтобы попробовать "спасти" "Фактор государственности" я решил сопоставить сложнейшие государства (с 4 или более административными уровнями над общиной) с менее сложными государственными образованиями с 2-3 надобщинными уровнями. Результаты выглядели следующим образом (табл. 33):

ТАБЛИЦА 33.

Сверхсложные *vs.* менее сложные государства * Родовая организация (для нехристианских культур с более чем одним уровнем политической интеграции над общиной)

Количество надобщинных уровней	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	1 (присутствует)	Итого
2–3	30	188	218
	13,8%	*86,2%*	*100%*
≥ 4	8	13	21
	38,1%	*61,9%*	*100%*
Итого	38	201	239
	15,9%	*84,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,008 (согласно точному тесту Фишера)
γ = – 0,59; α = 0,04
φ = – 0,19; α = 0,004

Таким образом, "фактор государственности" все же оказывает статистически значимое самостоятельное (хотя и чрезвычайно слабое) воздействие на разложение родовой организации.

Заключительные выводы к § 2 Главы IV

Итак, рост силы государства все-таки оказывается значимым фактором разложения родовой организации. Однако его сила несопоставимо слабее силы фактора "Глубокой христианизации".

Но даже такой вывод для большинства читателей, скорее всего, не будет выглядеть убедительно. Разве не очевидно, что в том мире, в котором мы сейчас живем, развитие современного государства, классовой стратификации и коммерциализации ведет к разложению родовых структур во многих частях земного шара, включая и некоторые совершенно не христианизированные ареалы? А разложение современных государственных структур приводит к возрождению и укреплению родовой организации (как случилось, например, в Южном Йемене или Сомали в 1990е гг.).

Конечно трудно не согласиться с Б. Пастернаком, М. Эмбером и К. Эмбер, когда они утверждают: "… Родовые группы теряют жизнеспособность в сложных государственно-организованных, *КОММЕРЧЕСКИ-ИНДУСТРИАЛЬНЫХ* обществах из-за того, что институты государства берут на себя функции рода (например, гарантии

жизни и собственности, или образование). В сложных обществах именно индивиды (а не семьи или большие родственные группы) пользуются экономическими и профессиональными возможностями; когда кто-нибудь переезжает в другой город на новое место работы, он вряд ли возьмет с собой своих родителей, братьев и сестер (и тем более своих теток, дядьев или двоюродных братьев)" [Pasternak, Ember M., & Ember C. 1997. P. 262–263, курсив наш].

Однако это релевантно именно для *ИНДУСТРИАЛЬНОЙ* (т.е. *СОВРЕМЕННОЙ*) государственности, классовой стратификации и коммерциализации. Необходимо подчеркнуть, что Дж. П. Мердок в своем *Этнографическом атласе* (так же, как и в Стандартной кросс-культурной выборке) стремился главным образом собрать данные о традиционных культурах на как можно более раннем этапе их наблюдения и, следовательно, как можно менее модернизированных. Таким образом, выводы данной работы, опиравшейся именно на эти базы данных, применимы только к миру традиционных культур.[143] Результаты воздействия ТРАДИЦИОННОЙ государственности, социальной стратификации и коммерциализации отличаются от результатов влияния СОВРЕМЕННОЙ государственной организации, стратификации и

---

[143] Можно, конечно, возразить, что большинство европейских культур XIX-XX вв. (которые были изучены этнографами, чьи данные Мердок включил в *Этнографический атлас*) были уже достаточно модернизированы. Однако надо заметить, что Мердок в качестве фокальных общин для базы данных старался использовать наименее модернизированные деревни, в наибольшей степени сохранившие традиционную культуру. С другой стороны, необходимо отметить, что комбинацию характеристик, приведенных *Этнографическим атласом* для европейских культур (христианство + государственность + отсутствие родовой организации) нельзя трактовать как результат модернизации – христианизация, становление государства и исчезновение родовой организации имели место во всей христианской равнинной Европе (включая и ее восточную часть) задолго до модернизации. Уже в поздние средние века практически вся христианская равнинная Европа состояла из государств, в которых отсутствовала родовая организация (см., напр.: Удальцова, 1985–1987]; конечно, родовая организация сохранилась в некоторых горных периферийных местностях Европы вплоть до XX века [напр., Косвен, 1963. С. 103, 104, 108, 111, 171, 172, 175, 178]. Трудно не связать этот факт со слабостью [или, иногда, с совершенным отсутствием] государственных структур в этих регионах, хотя нельзя забывать и о том, что эти области подверглись и более поверхностной христианизации.

коммерциализации. СОВРЕМЕННЫЕ государственная организация, стратификация и коммерциализация способствуют разложению (с бо́льшим или меньшим успехом) родовой организации, тогда как развитие ТРАДИЦИОННЫХ классовой стратификации и коммерциализации к этому не ведет; только развитие традиционной государственности является статистически значимым, но достаточно слабым фактором разложения родовой организации.

Лишь сильнейшие традиционные государства были способны (хотя и не всегда) разложить родовую организацию, но такие государства не были типичны для традиционного мира. Умеренно сильные традиционные государства систематически преуспевали в разложении родовой организации только в паре с "Христианским фактором"; в мире традиционных сложных культур родовая организация систематически исчезала только благодаря совместному воздействию фактора государственности и фактора глубокой христианизации, т.е. разложения родовой организации в традиционном мире систематически добивалось государство (даже не очень сильное), действовавшее совместно с поддерживаемой государством Христианской церковью.

Дополнительные замечания к § 2 Главы IV

Выше нами была обнаружена статистически значимая отрицательная корреляция между полигинией и демократией. Полигиния при этом оказалась вполне независимой переменной. Действительно, тотальное отсутствие полигинии в христианской (но не в мусульманской) части "Околосредиземноморского" (*Circummediterranean*) региона трудно объяснить чем-то кроме запрещения полигинии христианской церковью.

Конечно, когда в IV в. н.э. христианская церковь принимала нормативные акты, сделавшие моногамную нуклеарную семью доминирующей формой семейно-родственной организации (т.е. акты, строжайшим образом запрещавшие близкие браки, усыновление, полигинию, внебрачное сожительство, развод и повторный брак) она не стремилась способствовать созданию более чем тысячелетие спустя современной демократии в Западной Европе. Согласно предположению Дж. Гуди [Goody, 1983: 44–46] церковь старалась получить имущество, оставляемое после себя супружескими парами, не имевшими законных наследников. Однако ненамеренным последствием этих действий было формирование относительно гомогенного макрорегиона, состоящего из нуклеарных моногамных семей.

Конечно, греки и римляне были моногамными задолго до христианизации. Однако в дохристианский период германцы, кельты, славяне и венгры были вполне полигинны [Херлихи, 1993].

Следовательно, формирование в Европе сплошной зоны моногамии может быть следствием только христианизации. Вряд ли может быть просто совпадением и то, что несколько веков спустя этот регион состоял преимущественно из демократических общин [Удальцова, 1985–1987]. Учитывая существование сильной корреляции между общинной и надобщинной демократией (см. выше, § 1 данной главы, табл. 11), также вряд ли может быть простым совпадением и то, что именно в этом регионе возникла современная надобщинная демократия. (Данные по Европе, кстати, могут прояснить направленность причинно-следственной связи между общинной и надобщинной демократией. В данном случае большое значение имеет то обстоятельство, что в Европе формирование общинной демократии на несколько веков предшествовало демократизации надобщинных политических структур). Таким образом, христианизация Европы могла косвенным образом способствовать формированию современной демократии в этом регионе.

Следующий вопрос – могла ли христианизация Европы способст-

вовать формированию современной демократии через разложение родовой организации? Есть все основания ожидать, что родовая организация будет отрицательно коррелировать с общинной демократией. Логично предположить, что наличие родовых (унилинейных десцентных) групп препятствовало развитию общинной демократии – в самом деле, их наличие способствует наследственности передачи общинной власти, когда властные позиции монополизируются определенной (самой влиятельной в общине) родовой группой, при этом члены этой группы оказываются объективно заинтересованными в сохранении такого порядка вещей и активно препятствуют попыткам его изменения. Таким образом, исчезновение родовой организации могло благоприятно повлиять на переход от менее демократической наследственной общинной власти к более демократической выборной. Следовательно, можно предположить существование статистически значимой отрицательной корреляции между наличием родовой организации и общинной демократией. Для проверки этой гипотезы мы использовали базу данных *Этнографический атлас*. Результаты получились следующими (табл. 34):

ТАБЛИЦА 34.
Кросстабуляция
Общинная демократия * Родовая организация
(для всех культур мира)

Общинная демократия	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*	*Родовая организация* *1 (присутствует)*	Итого
0 (отсутствует – наследственная власть)	131	376	507
	25,8%	*74,2%*	*100%*
1 (присутствует – выборная [формально, или через консенсус] власть)	102	79	181
	56,4%	*43,6%*	*100%*
Итого	233	455	688
	33,9%	*66,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,0000000000002 (согласно точному тесту Фишера);
$\gamma = -0,58$; α < 0,0000000000000000001
$\varphi = -0,28$; α < 0,000000000000000001

Как видно, результаты статистического анализа подтвердили нашу гипотезу. Значимость связи оказалась вне всяких возможных со-

мнений, хотя ее сила и не очень высока. А теперь посмотрим, является ли отсутствие родовой организации важным предиктором наличия общинной демократии в сложных обществах. Отрицательная корреляция между двумя этими переменными для этой подвыборки оказывается не только статистически значимой, но и заметно более сильной, чем для всей выборки в целом (табл. 35):

ТАБЛИЦА 35.
Кросстабуляция
Общинная демократия * Родовая организация
(для сложных классовых обществ)

Общинная демократия	*Родовая организация*		Итого
	0 (отсутствует)	*1 (присутствует)*	
0 (отсутствует – наследственная власть)	2 *14,3%* *11,5%*	12 *85,7%* *57,1%*	14 *100%* *35,0%*
1 (присутствует – выборная [формально, или через консенсус] власть)	17 *65,4%* *89,5%*	9 *34,6%* *42,9%*	26 *100%* *65,0%*
Итого	19 *47,5%* *100%*	21 *52,5%* *100%*	40 *100%* *100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: α = 0,002 (согласно точному тесту Фишера)
γ= – 0,84; α < 0,0003
φ= – 0,49; α < 0,001

Итак, в сложных классовых обществах исчезновение родовой организации оказывается сильным и статистически значимым фактором развития общинной демократии.

Таким образом, христианизация Европы могла способствовать развитию современной демократии не только через запрещение полигинии (см. выше § 1 данной главы), превращение малой нуклеарной семьи в главную форму семейно-родственной организации [Bondarenko & Korotayev, 2000], но и благодаря той важной роли, которую она сыграла в разложении родовой организации.

По-видимому, это привело к тому, что почти вся христианская Европа уже в средние века состояла из демократических общин (см., например: [Удальцова, 1985–1987]), что в дальнейшем способствовало демократической трансформации надобщинных уровней политиче-

ской организации.

* * *

Внимательное изучение данных к табл. 7 показывает, что кроме христианства существует и другая религия, которая (в паре с государством) систематически уничтожает родовую организацию. Этой религией является буддизм хинаяны.

Трудно сразу же не заметить то обстоятельство, что христианство и буддизм сходны в одной важной детали – обе религии отказываются применять насильственные методы, у обеих отрицание насилия – важнейший принцип. Может ли это быть совпадением?

Мы попытаемся ответить на этот вопрос в следующем разделе данной монографии – "Родовая организация, религии ненасилия и социализация: кросс-культурное сравнение".

§ 3

Родовая организация, религии ненасилия и социализация: кросс-культурное исследование

Начнем с того, что несколько переформулируем гипотезу. Выскажем предположение, что систематическое разлагающее влияние на родовую организацию в традиционных государствах среднего уровня сложности оказывает не только христианство, а в целом, религии ненасилия (т.е. христианство и буддизм) выступающие в качестве официальной государственной идеологии.

Результаты статистического кросс-культурного тестирования по выборке *Этнографический атлас* [Murdock, 1967; Murdock *et al.*, 1986, 1990, 1999–2000] оказались следующими (табл. 36):

ТАБЛИЦА 36.

Кросстабуляция:

Религии ненасилия как официальная государственная идеология * Родовая организация

(для обществ с 3 уровнями политической интеграции над общиной)

Религия ненасилия как официальная государственная идеология	*Родовая организация* 0 (отсутствует)	*Родовая организация* 1 (присутствует)	Итого
0 (отсутствует)	6	56	62
	9,7%	*90,3%*	*100%*
1 (присутствует)	22	1	23
	95,7%	*4,3%*	*100%*
Итого	28	57	85
	32,9%	*67,1%*	*100%*

ПРИМЕЧАНИЕ: $\alpha = 0{,}00000000000006$ (согласно точному тесту Фишера);
$\varphi = -0{,}81$; $\alpha < 0{,}00000000000000001$;
$\gamma = -0{,}99$; $\alpha < 0{,}00000000000000001$

Как мы видим, сила связи в этом случае растет еще больше достигая – 0,81 ($\varphi = \rho = r$), т.е. связь у нас в этом случае не просто сильная, а сверхсильная. Значит, объяснений отрицательной связи между христианизацией и разложением родовой организации, приведенных выше, оказывается недостаточно. Следует предполагать, что разлагающее влияние на родовую организацию должны оказывать какие-то характеристики общие для обеих религий. Одна из них, впрочем, уже обсуждалась выше – безбрачие “иерархов”. Другая же очевидная общая характеристика, “культ ненасилия”, только упоминалась. Теперь постараемся выяснить, не может ли разлагающее влияние, оказываемое на родовую организацию христианством и буддизмом, возведенными в ранг государственной идеологии, объясняться тем обстоятельством, что и та, и другая являются религиями ненасилия.

Как было показано К. Р. Эмбер, М. Эмбером и Б. Пастернаком [C. R. Ember, M. Ember, & Pasternak, 1983], одним из важнейших факторов развития и сохранения родовой организации является т.н. "внутренняя война" (*internal warfare*), т.е. высокий уровень насилия внутри общества, когда каждая данная семья может ждать в любой момент нападения со стороны другой семьи, семейно-родственной группы (стремящейся, например, выполнить свой долг кровной мести) или общины. Общая логика этой связи выглядит приблизительно следую-

щим образом: в подобных условиях родители будут крайне заинтересованы в том, чтобы их главные защитники, сыновья, остались жить вместе или рядом с ними после заключения брака. Т.е. ситуация "внутренней войны" будет иметь тенденцию вести к появлению и сохранению практики патрилокального брачного поселения. Однако, если в течение нескольких поколений сыновья систематически селятся вместе или рядом со своими родителями, на выходе практически неминуемо образуется группа семей мужская часть которых ведет свое происхождение от одного предка по одной линии, т.е. семейно-родовая группа. Таким образом, если даже до сползания общества в состояние многовековой "внутренней войны" родовой организации в нем не было, через несколько поколений следует ждать ее появления. С другой стороны, пока состояние "внутренней войны" продолжается, трудно ждать исчезновения родовой организации.

Кросс-национальные и кросс-культурные исследования последних лет заставляют предположить, что одним из важнейших факторов межличностной агрессии является война: общества, ведущие частые война, чаще имеют более высокий уровень такого насилия; в рамках отдельного общества обычно наблюдается тенденция к росту уровня межличностного насилия по завершении войны, и при этом независимо от того, выиграло данное общество войну или проиграло [Russell, 1972; Eckhardt, 1973; Archer & Gartner, 1984. P. 63–97; Gurr, 1989. P. 47–48 и т.д.].

Среди других факторов высокого уровня межличностного насилия исследователями рассматривались такие, как стрессовая социализация (низкий уровень отзывчивости агентов социализации/ низкий уровень теплоты, чуткости и заботы, жесткая социализация с высоким уровнем применения разного рода мер наказания [Dollard *et al.* 1939; Berkowitz, /1962/ 1980; Bacon, Child, & Barry, 1963; Palmer, 1970; Allen, 1972 и т.д.]), отсутствие/ малая роль отца в воспитании ребенка [Burton & Whiting, 1961; Bacon, Child, & Barry, 1963; B.Whiting, 1965; Munroe, Munroe, & Whiting, 1981 и т.д.] и социализация на агрессию [Bandura, /1973/ 1980. P. 146; Montagu, 1976. P. 3–4 и т.д.]. Тем не менее, исследования последних лет заставляют предполагать, что наиболее важным из вышеперечисленных факторов здесь все-таки оказывается социализация подростков, поощряющая агрессивное поведение [Ember & Ember, 1994]. Проделанный Эмберами множественный регрессионный анализ дал следующие результаты: общее совокупное воздействие вышеназванных факторов уровня насилия оказалось достаточно сильным ($R^2 = 0,560$), однако независимое действие социализации на агрессию значительно сильнее такогого для любого другого фактора (стандартизированный коэффициент 0,739, что

можно сопоставить с таковым в 0,135 для войны, 0,112 для отсутствия отца, а также 0,095 и менее для различных индикаторов стрессовой социализации). Таким образом, социализация на агрессию отодвигает на второй план все остальные факторы этой группы. Проделанный дополнительно Эмберами факторный анализ заставляет предположить, что и война оказывает влияние на уровень насилия внутри общества не столько непосредственно, сколько как фактор роста интенсивности социализации на агрессию.

Нельзя ли предположить, что христианство и буддизм хинаяны[144] могли оказывать разлагающее влияние на родовую организацию через снижение социализации на агрессию, что как мы могли видеть это выше, не могло не приводить к снижению интенсивности "внутренней войны" или полной ее прекращению, а значит и к ликвидации основного *raison d'être* родовой организации.

Проверим для начала, наблюдается ли в действительности положительная корреляция между социализацией на агрессию и наличием родовой организации.

Для проверки этой гипотезы (и последующих гипотез, использующих переменную "Социализация на агрессию") я воспользовался базой данных по "Стандартной кросс-культурной выборке" [SCCS, 1999]. В качестве источника данных по социализации на агрессию использовались: [Barry *et al.*, 1976; 1985; SCCS, 1999. File STDS13.SAV]. Учитывалась только социализация на агрессию "старших мальчиков" (V300), ибо, как было показано К. Эмбер и М. Эмбером [Ember & Ember, 1994] социализация на агрессию именно этой половозрастной группы оказывает решающее воздействие на уровень насилия в обществе.

---

[144] Почему я предпочитаю вести речь о буддизме хинаяны, а не о буддизме вообще? Одна из причин этого эмпирическая. Как мы могли видеть это выше, с отсутствием родовой организации устойчиво коррелирует именно буддизм хинаяны. В чем здесь дело? Одна из возможных причин может заключаться в том, что именно буддизм хинаяны являлся официальной государственной религией в заметном числе достаточно сильных государств, в то время, как выше мы могли видеть, что наиболее эффективное разлагающее влияние на родовую организации религия ненасилия оказывает в паре с достаточно сильным государством, официальной идеологией которого она выступает. Отмечу также, что буддизм махаяны имел в заметно большей степени, чем буддизм хинаяны тенденцию к тому, чтобы не искоренять добуддистские культы, а абсорбировать их в себя (см., например: [Васильев, 1983]), что должно было вести к снижению потенциала его воздействия на снижение социализации на агрессию.

Результаты тестирования по всемирной кросс-культурной выборке выглядели следующим образом:

ТАБЛИЦА 37.
Кросстабуляция:
Социализация на агрессию * Родовая организация
(для всей Стандартной кросс-культурной выборки)

Интенсивность социализации на агрессию	*Родовая организация* *0 (отсутствует)*		*1 (присутствует)*		Итого
1 (низкая)	3	*5,1%*	1	*1,1%*	4
2	3	*5,1%*	6	*6,7%*	9
3	4	*6,8%*	6	*6,7%*	10
4	7	*11,9%*	2	*2,2%*	9
5 (средняя)	18	*30,5%*	23	*25,8%*	41
6	15	*25,4%*	28	*31,5%*	43
7	2	*3,4%*	3	*3,4%*	5
8	6	*10,2%*	13	*14,6%*	19
9 (высокая)	1	*1,7%*	7	*7,9%*	8
Итого	59	*100%*	89	*100%*	148

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = +0{,}18$; $\alpha = 0{,}01$ (односторонний тест);
$\gamma = +0{,}255$; $\alpha = 0{,}03$

Как можно видеть, результаты теста оказались в предсказанном направлении и статистически значимыми. Сила связи здесь, однако, хотя и статистически значима, все-таки крайне слаба. Отмечу, впрочем, что для Евразии и Северной Африки (включая мусульманский Судан), т.е. для региона, который должен был бы нас интересовать в данном контексте в первую очередь, ситуация несколько отличается (см. табл. 37):

ТАБЛИЦА 38.

Кросстабуляция:

Социализация на агрессию * Родовая организация

(для культур Евразии и Северной Африки)

	Родовая организация		
Интенсивность социализации на агрессию	*0 (отсутствует)*	*1 (присутствует)*	Итого
1 (низкая)	3 *15,8%*	1 *2,9%*	4
2	2 *10,5%*	2 *5,9%*	4
3	2 *10,5%*	3 *8,8%*	5
4	2 *10,5%*	1 *2,9%*	3
5 (средняя)	7 *36,8%*	10 *29,4%*	17
6	3 *15,8%*	9 *26,5%*	12
7		2 *5,9%*	2
8		4 *11,8%*	4
9 (высокая)		2 *5,9%*	2
Итого	19 *100%*	34 *100%*	53

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = +\,0{,}39$; $\alpha = 0{,}002$ (односторонний тест);
$\gamma = +\,0{,}55$; $\alpha = 0{,}001$

Итак, как мы видим, именно для того макрорегиона, где только и можно ждать ощутимого воздействия "осевых" религий ненасилия на традиционные формы социальной организации населения, наблюдается более сильная и значимая положительная корреляция между социализацией на агрессию и наличием родовой организации. А значит, этот элемент гипотезы можно считать успешно прошедшим статистическую кросс-культурную проверку.

Однако, наблюдается ли отрицательная корреляция между присутствием официальных религий ненасилия и пониженной социализацией на агрессию в действительности?

Результаты первого теста корреляции между присутствием официальных религий ненасилия (христианства и буддизма)[145] и уровнем социализации на насилие выглядели следующим образом:

$\rho = -0{,}18$; $\alpha = 0{,}01$ *(односторонний)*

$\gamma = -0{,}53$; $\alpha = 0{,}059$

Для Евразии и Северной Африки (включая мусульманский Судан) связь выглядит следующим образом:

$\rho = -0{,}29$; $\alpha = 0{,}02$ *(односторонний)*

$\gamma = -0{,}62$; $\alpha = 0{,}03$

Как мы видим, связь оказалась в предсказанном направлении и статистически значимой. Однако, сила связи оказалась снова крайне слабой (в особенности для всемирной выборки). Вместе с тем для Евразии и Северной Африки (где, собственно, рассматриваемый фактор только и был традиционно действительно релевантен) сила связи ощутимо выше, а значение γ-коэффициента и просто высоко. Тем не менее, эти результаты заставляют утверждать, что описанный выше механизм разлагающего воздействия религий ненасилия на родовую организацию через снижение социализации на агрессию может объяснить это воздействие лишь частично. Вместе с тем сама гипотеза о существовании такого механизма может считаться успешно прошедшей статистическую кросс-культурную проверку.

---

[145] Присутствие этих религий было закодировано как "1", отсутствие – как "0".

Заключение к главе IV

Выше мы рассмотрели несколько конкретных случаев воздействия систематической деятельности людей по приведению сущего в соответствие с должным на ход социокультурной эволюции. Случаи эти, на мой взгляд, показывают, что подобное воздействие чрезвычайно глубоко и важно. При этом значимые результаты такого воздействия отнюдь не всегда оказываются предусмотренными самими субъектами этого воздействия.

Вместо заключения

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА

В заключение вернемся к проблеме движущих сил социального прогресса. Вызывает ли удивление тот факт, что многим социальным системам удавалось добиться долгосрочного социального прогресса (т.е. значимого превышения прогрессивных составляющих над антипрогрессивными)? В общем, нет. Социальный прогресс имеет достаточно мощную движущую силу. В субъективной перспективе, которая была обоснована во введении, люди оценивают эволюционные сдвиги в обществе, в котором они живут, по тому, стало ли в их результате лучше или хуже им самим и их близким. Но люди как раз, как правило, и стремятся сделать лучше жизнь себе и своим близким. Поэтому, вроде бы нет ничего удивительного, что людям это довольно часто удается, в результате чего и будет наблюдаться социальный прогресс (по крайней мере, с точки зрения его творцов).

В объяснении поэтому, на первый взгляд, нуждается скорее тот факт, что, несмотря на все колоссальные усилия людей сделать лучше свою жизнь и жизнь своих близких, на протяжении многих тысячелетий наблюдалась тенденция скорее к ухудшению, а не улучшению жизни большинства людей. В недавнем исследовании проблемы прогресса в исторической перспективе С. К. Сандерсон использовал 4 группы показателей прогресса: стандарт жизни (качество питания, уровень здоровья, продолжительность жизни и т.д.); характер труда и продолжительность рабочего дня, степень социально-экономического равенства, а также уровень демократии и свободы. Он показал, что если в наиболее развитых странах мира последние несколько десятков лет наблюдается ощутимый прогресс по подавляющему большинству показателей, то в течение нескольких тысячелетий после неолитической революции наблюдалась устойчивая тенденция к антипрогрессу по столь же подавляющему большинству показателей в большинстве регионов мира, совершивших переход к земледелию [Sanderson, 1995. P. 336–357].

В чем же здесь дело? Начнем с того, что люди стремятся сделать жизнь лучше для себя и своих близких. А вот на "чужих" это стремление, как правило, не распространяется. С одной стороны, это обстоятельство еще не все объясняет. Можно найти множество социально значимых действий, предпринимаемых с целью улучшить свою жизнь и жизнь своих близких, но практически неминуемо

ведущие, в конечном счете, к улучшению жизни и многих других людей. Это относится, например, к изобретениям, поднимающим производительность труда, улучшающим качество продукции и т.п. Конечно, истории известны сотни примеров, когда изобретатели старались как раз добиться того, чтобы их изобретение улучшало жизнь только им самим и их близким, чтобы оно осталось "семейным секретом"; но в подавляющем большинстве случаев рано или поздно такие изобретения все-таки становились всеобщим достоянием.[146]

Итак, здесь получается своего рода парадокс. За несколько тысяч лет после неолитической революции люди систематически пытались сделать свою жизнь лучше. Были сделаны и получили широкое распространение тысячи разного рода инноваций, повышавших производительность труда, улучшавших качество продукции, качество жизни и т.д. Появились новые более эффективные орудия, материалы, более урожайные сорта культурных растений, более продуктивные породы скота, новые более эффективные лекарства и т.д. И при этом качество жизни большинства населения не выросла. Диета имела тенденцию к ухудшению, ухудшался и средний уровень здоровья населения, сокращалась средняя продолжительность жизни и т.д. В чем же здесь дело?

На мой взгляд, дело здесь прежде всего в следующем. Показатели уровня и качества жизни достаточно многочисленны. И рост по одному из этих показателей не редко исключает рост по другим показателям. На протяжении большей части существования человечества одним из важнейших показателей качества жизни для подавляющего большинства его представителей был репродуктивный успех. Необходимым показателем жизненного успеха (без которого все остальные показатели в общем практически целиком теряли смысл) было многочисленное потомство.

Как уже упоминалось выше, за несколько тысячелетий после начала неолитической революции человечеством было сделано большое количество инноваций, повышавших производительность труда и позволявших в потенции заметно поднять качество жизни большинства людей. Однако практически всегда дополнительные ресурсы, оказавшиеся в распоряжении людей в результате подобных инноваций, использовались ими прежде всего для увеличения своего репродуктивного успеха. Всякое повышение уровня жизни у заметной части населения имело своим последствием определенное сокращение

---

[146] Ситуация здесь еще более улучшается с развитием патентного права, позволяющего изобретателю доводить свое изобретение до всеобщего использованию с гарантией защиты его собственных интересов.

детской смертности (в том числе и насильственной, через отказ от инфантицида как вынужденного средства контроля над рождаемостью) и заметное увеличение в семьях среднего числа детей доживавших до репродуктивного возраста. В результате дополнительные ресурсы, оказавшиеся в распоряжении людей в результате эффективной инновации или серии таких инноваций, уходили прежде всего в рост населения, который довольно быстро съедал все эти дополнительные ресурсы. В результате в завершение цикла качество жизни большинства населения возвращалось к исходному уровню, если даже не опускалась ниже него (см., например: [Harris, 1977; Коротаев, 1991 и т.д.]).

Увеличение плотности населения приводит к ухудшению обеспечения большинства населения землей, люди оказываются вынужденными обрабатывать все менее и менее плодородные участки, сокращать срок перелога, вкладывать все бóльшое количество труда в восстановление плодородия почвы, получая все меньшую отдачу от добавочных вложений (см., например: [Boserup, 1972]). Обнаруживается, что два важных экономических показателя производительности коррелируют между собой (по крайней мере, в доиндустриальном мире) едва ли не отрицательно. Речь идет о производительности труда, с одной стороны, и производительности земли, с другой.[147] После достижения населением потолка несущей способности земли при данном типе хозяйства рост производительности земли оказывается несравненно более значим, чем рост производительности труда. Если продукта, актуально получаемого с данной территории едва достаточно, чтобы прокормить живущее на ней (и при этом постоянно растущее) население, вопрос будет стоять о том, как увеличить абсолютный выход продукта с этой территории, а не о том, чтобы получить больше продукта за единицу времени. Если даже при новой технологии на получение единицы продукта уходит больше рабочего времени, но зато появляется возможность заметно увеличить выход продукта с единицы площади, то эта технология в подобном социодемографическом контексте имеет самые реальные шансы на успех. В такой ситуации будут появляться новые технологии, снижающие производительность труда, но повышающие производительность земли (например, сокращение срока перелога или переход от пашенного земледелия к грядковому в некоторых наиболее густонаселенных областях Китая). А инновации повышающие производительность труда, но понижающие производительность земли (например, переход к использованию при

[147] О понятии "производительность земли" см. выше, IV глава, § 12, прим. 93.

пахоте лошади вместо вола) будут наоборот иметь тенденцию отторгаться.

В результате, если у экстенсивных мотыжных земледельцев Тропической Африки производительность труда колеблется в пределах 1,3–1,75 кг зернового эквивалента в час, то у интенсивных земледельцев Китая она составляет 0,3–1,0 кг/час; при этом, при особо интенсивном земледелии оно оказывается в пределах 0,3–0,5 кг/час [Clark & Haswell, 1966. P. 81, table XIX; p. 83, graph II]. С середины XI до середины XIX в. (к моменту начала Опиумных войн) ВВП Китая вырос в несколько раз, но в еще большей степени выросло население; в результате, доход на душу населения сократился на ≈ 25% и это при том, что средняя продолжительность рабочего дня увеличилась. Т.е. люди, работая дольше, получали на выходе более низкий уровень жизни (что выражалось и в некотором падении средней продолжительности человеческой жизни [Мельянцев, 1996. С. 61]).

Заметного перелома вышеописанного циклического пэттерна европейцам удалось достичь в позднее средневековье во многом благодаря началу систематического ограничения рождаемости. Т.е. начало устойчивого социального прогресса в Европе было связано фактически с определенной переоценкой ранжирования "критериев прогресса", утратой числом детей той функции важнейшего показателя жизненного успеха, которую оно играло на протяжении большей части постнеолитической истории человечества. "В позднее средневековье жители многих западноевропейских стран стали более жестко придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имело семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной, и прежде всего Северо-западной, Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня" [Мельянцев, 1996. С. 88].

Остановимся теперь подробнее на еще одном "ограничителе социального прогресса", о котором уже вкратце упоминалось выше. Сводится он к тому, что люди все-таки стремятся, как правило, улучшить жизнь не всем людям вообще, а именно себе самим и своим близким. При этом на "чужих" на протяжении большей части существования человечества это стремление не распространялось.

Как уже было сказано выше, существуют такие виды человеческой деятельности (речь идет прежде всего об улучшающих жизнь инновациях [в особенности, но не только, технологических]),

где заметный успех в улучшении собственной жизни практически неизбежно приводит и к улучшению жизни других людей. Но ко всем видам деятельности (например, ко многим разновидностям политической деятельности) это не относится. Отметим, что на протяжении большей части существования человечества в большинстве обществ никаких моральных ограничителей улучшения жизни "своих" за счет "чужих" не существовало. И постнеолитической истории человечества известны бесчисленные примеры того, как отдельным группам удавалось добиваться систематического роста уровня жизни "своих" за счет столь же систематического снижения уровня жизни чужих (через систематическое ограбление, обложение данью, порабощение и т.д.). А это обстоятельство имеет самое прямое отношение к постнеолитическим антипрогрессивным тенденциям, в особенности по таким показателям как степень социально-экономического равенства, уровень демократии и свободы (и, кстати, характер труда и продолжительность рабочего дня – так как порабощенные группы были, как правило, вынуждены удлинять свой рабочий день и заниматься наименее привлекательными видами труда).

Определенный перелом этих тенденций связан во многом с наметившейся уже давно контртенденцией к расширению круга "своих" – во многом в связи с укрупнением политических единиц, но также и в связи с развитием межсоциумных коммуникативных сетей, диффузией религиозных и иных верований и т.д. Решающий перелом и здесь был достигнут в Осевое время и связан был, видимо, прежде всего с развитием мировых религий и иных универсалистских идеологий, оказавшихся потенциально способными включить в "круг своих" всех людей мира. Неслучайным в этой связи кажется появление в последние века и относительно устойчивый рост числа людей, рассматривающих в качестве "своих" всех жителей Земли.

К числу социально-экономических механизмов, систематически (хотя и не без сбоев) приводящих к тому, что деятельность производителя, направленная на улучшение жизни его самого и его близких, ведет и к улучшению жизни других, относятся развитые рыночные системы. Производитель стремящийся улучшить свою жизнь и выпускающий с этой целью новый конкурентоспособный товар (т.е. продукт более высокого качества по более низкой цене), даже если он этого и не хочет, улучшает жизнь и покупателей, приобретающих за те же деньги бóльшие количества более качественного продукта.

В социально-политической области сходные функции выполняют развитые демократические системы. Даже если руководство правящей партии стремится лишь к сохранению своей власти, оно все равно в

рамках подобной системы будет вынуждено заниматься систематической работой по улучшению жизни граждан – иначе оно просто проиграет следующие выборы и не добьется своей цели.

Указанные выше обстоятельства в значительной степени объясняют как долгосрочные антипрогрессивные тенденции постнеолитической истории человечества, так и наметившуюся в XIX–XX вв. в наиболее развитых странах мира устойчивую тенденцию к социальному прогрессу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1
АПОЛОГИЯ СИНХРОННОГО СРАВНИТЕЛЬНО–ЭВОЛЮЦИОННОГО МЕТОДА СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В данной монографии (см. в особенности § 3 II главы и V главу) мною широко использовался синхронный сравнительно-эволюционный метод – многие эволюционные выводы были получены путем анализа синхронных баз данных. Метод этот вплоть до настоящего времени часто ставится под сомнение. Поэтому в приложении к данной монографии я счел необходимым дать обоснование этого метода.

* * *

"Специалисты по кросс-культурным исследованиям, в целом, не считают, что исследование синхронных данных может дать основания для умозаключений о конкретных эволюционных процессах"[148] (C. R. Ember, Levinson, 1991. P. 80). И это действительно так. Нежелание делать подобные умозаключения, по-видимому, восходит (по крайней мере, в американской антропологии) к очень важной работе Ф. Боаса, изначально опубликованной в 1896 г., "Границы сравнительного метода в антропологии" (Boas, 1896/1940; Боас, 1997). В этой статье Ф. Боас доказывал (и не без оснований), что "если антропология стремится выяснить законы развития культуры, она должна, не ограничиваясь сравнением итогов развития, всюду, где возможно, сопоставлять его ход"[149] (Боас, 1997. С. 518).

Конечно же, с этим трудно спорить. Вне всякого сомнения, эволюционная теория, базирующаяся на обобщениях, сделанных на основании сравнительного изучения эволюционных процессов, будет заметно более обоснованной, чем, если она будет основываться лишь на сравнительном изучении синхронных данных.

Позднее, однако, эта точка зрения была развита до такого предела, что перестала быть столь убедительной, как она была в своей

---

[148] "*Cross-culturalists do not generally assume that synchronic associations can lead to inferences about specific evolutionary developments*".

[149] "*If anthropology desires to establish laws governing the growth of culture it must not confine itself to comparing the RESULTS of the growth alone, but whenever such is feasible it must compare the PROCESSES of growth*" [Boas, 1896/1940. P. 280].

изначальной форме. Некоторые авторы начали утверждать, что антропологи-эволюционисты не просто не должны ограничиваться сопоставлением синхронных данных (чем, они, впрочем, как было убедительно показано С. К. Сандерсоном [Sanderson, 1990. P. 37–39, 211–215], никогда и не ограничивались), но что на основании синхронных данных вообще нельзя делать никаких эволюционных выводов (см., например: [Goldenweiser, 1937; Nisbet, 1969; Mandelbaum, 1971]). Что несколько удивительно, эта критика сравнительного эволюционного метода, похоже, подействовала и на кросс-культурных исследователей эволюционистской ориентации, которые, тем не менее, при анализе кросс-культурных данных теперь предпочитают говорить об "объяснении вариации", а не "объяснении эволюции", о "предикторах", а не "факторах" и т.д. (см., например: [C. R. Ember, Levinson, 1991; C. R. Ember, M. Ember, 1998], или большинство статей в: [C. R. Ember, M. Ember, 1996]).

Но так ли это на самом деле? Является ли сравнительный эволюционный метод в социокультурной антропологии, действительно, совершенно неправомерным? Я склонен в этом очень сильно сомневаться. Обращу сразу же внимание на то обстоятельство, что неправомерность этого метода всегда доказывалась лишь самыми общими словами. Насколько мне известно, никому до сих пор не удалось представить этому хоть сколько-нибудь строгих доказательств. Как эти доказательства могли бы выглядеть? Собственно говоря, я не могу представить себе никакого строгого доказательства сравнительного эволюционного метода кроме следующего. При помощи диахронных данных необходимо доказать, что эволюционные обобщения, сделанные на основе синхронных данных, систематически оказываются ошибочными. Например, Дж. П. Мердок, используя синхронные этнографические данные, пришел к выводу о том, что переход от унилокального "к неолокальному и билокальному брачному поселению ведет в конечном счете к утрате унилинейного счета родства"[150] (Murdock, 1949. P. 209). Для дискредитации сравнительного эволюционного метода необходимо с использованием столь же строгих диахронных данных, что и использованные Мердоком синхронные показать, что переход от унилокального к неолокальному и билокальному брачному поселению в реальности приводил в конечном счете к развитию, а не исчезновению унилинейного счета родства. Более того, подобной проверке должна подвергнуться статистически значимого размера случайная выборка подобных гипотез, обоснованных на синхронном

---

[150] *The transition from unilocal "to neolocal and bilocal residence results ultimately in the loss of unilinear descent*" (Murdock, 1949. P. 209).

материале; и при этом должно быть показано, что результаты, полученные по синхронным данным, в большинстве случаев существенно противоречат результатам, полученным по диахронным данным.

Нельзя вместе с тем не отметить, что ни один из яростных критиков сравнительного эволюционного метода социокультурной антропологии не побеспокоил себя тем, чтобы предоставить хоть что-то, хотя бы отдаленно похожее на описанные выше доказательства обоснованности подобной критики. Более того, ни один из них не провел не то что серии описанных выше тестов, но даже одной-единственной строгой проверки правомерности критикуемого метода.

Если критики сравнительного метода так и не сделали ни разу строгой проверки его правомерности, проведем (более чем через сто лет после начала атак на сравнительный метод) подобную проверку сами.

Для проверки я решил использовать классическую социоантропологическую проблему соотношения между системами терминов родства (СТР) и семейно-родственной организацией. Я решил ограничиться Околосредиземноморским мегарегионом (примерно так, как он был определен Дж. П. Мердоком [Murdock, 1967]).

Почему я выбрал именно этот регион? Одна из причин заключалась в том, что подавляющее большинство культур этого мегарегиона использует лишь два основных типа СТР,[151] а именно, либо линейный, либо бифуркативно-коллатеральный. Это, конечно же, сильно облегчает статистический анализ, т.к. в случае присутствия в регионе всех разновидностей СТР статистический анализ бы резко усложнился тем обстоятельством, что системы эти невозможно обоснованно ранжировать вдоль одной оси. С другой стороны, общества этого мегарегиона обладают в целом сходным уровнем культурной сложности (почти всех их можно охарактеризовать как высокосложные культуры), что давало надежды обнаружить в этом макрорегионе один параметр семейно-родственной организации, детерминирующий тип СТР. Однако одной из важнейших причин, обусловивший выбор именно этого макрорегиона, было то обстоятельство, что заметная часть его культур обладает достаточно глубокой письменной историей, что обещало обеспечить исследование достаточным количеством диа-

[151] Это утверждение будет выглядеть, конечно, еще более убедительно, если мы исключим из него некоторые области Тропической Африки, достаточно искусственно включенные в него Мердоком на основании их (достаточно поверхностной на момент "этнографического настоящего") исламизации (см., например: [Burton *et al.,* 1996]).

хронных данных, необходимых для проверки результатов полученных по синхронным материалам.

Что использовать в качестве выборки? Я остановился на "Стандартной кросс-культурной выборке[152]" [Murdock, White, 1969], наиболее часто используемой для проверки социоэволюционных теорий по синхронным данным.

Я начал с проверки синхронной корреляции между СТР и наличием родовой организации.[153]

Данные по наличию родовой организации (*unilineal descent groups*) были взяты из: [Murdock & Wilson, 1972; 1985; SCCS, 1999. File STDS3.SAV]. Использовались переменные №№ 70 и 71 электронной версии базы данных по SCCS:

№ 70 "Счет родства – членство в корпоративных родственных группах" (*Descent – membership in corporate kinship groups*). Переменная эта имеет следующие значения: "1 = матрилинейный – через женскую линию"; "2 = двойной" (одновременное существование в одной культуре и патрилинейных, и матрилинейных групп); "3 = патрилинейный – по мужской линии"; "4 = амбилинейный – через любого родителя в каждом поколении "; "5 = билатеральный – корпоративные родственные группы отсутствуют";[154]

№ 71 "Десцентные группы, локализация ядра группы" (*Descent groups, location of core gender group*). Переменная эта имеет следующие значения: "0 = ядро отсутствует – билатеральный счет родства"; "1 = локализованные линиджи..."; "2 = клановые общины..."; "3 = дисперсные сибы...".[155]

Случаи со значениями 4–5 для переменной 70 и значением 0 для переменной 71 были перекодированы как "0 = родовая организация отсутствует "; случаи со значениями 1–3 для переменных 70 и 71 были перекодированы как "1 = родовая организация присутствует".

---

[152] *Standard Cross-Cultural Sample*, далее SCCS.

[153] Напомню, что под родом я понимаю любую (необязательно экзогамную) группу лиц, ведущих свое происхождение от одного предка по одной линии. Обоснование такого понимания см. в: [Коротаев, Оболонков, 1989; 1990; Коротаев, 1997. С. 23–63].

[154] *"1 = matrilineal – through female line"; "2 = double descent – separate groups through male and female lines"; "3 = patrilineal – through male line"; "4 = ambilineal – through one parent in each generation"; "5 = bilateral – not a corporate kin group"* (SCCS, 1999. File STDS3.SAV).

[155] *"0 = none – bilateral"; "1 = localized lineages – in community, more than one per community"; "2 = clan communities – core group and spouses constitute community"; "3 = dispersed sibs – core group dispersed in different communities"* (SCCS, 1999. File STDS3.SAV).

Данные по СТР были взяты из: [Murdock, 1970; 1985; SCCS, 1999. File STDS25.SAV]. Использовались переменные №№ 639 и 640 электронной версии базы данных по SCCS:

№ 639 "СТР для братьев родителей" (*Patterns for uncles*) со следующими значениями: "1 = простая бифуркативно-сливающая СТР"; "2 = простая бифуркативно-коллатеральная СТР"; "3 = скошенная бифуркативно-коллатеральная СТР"; "4 = линейная СТР"; "5 = генерационная СТР"; "6 = возрастно-дифференцированная бифуркативно-коллатеральная СТР"; "7 = относительно-возрастная СТР"; "8 = дифференцированая по говорящему бифуркативно-сливающая СТР"; "9 = дифференцированая по говорящему бифуркативно-коллатеральная СТР"; "10 = редкие СТР".[156]

№ 639 "СТР для сестер родителей" (*Patterns for aunts*) со следующими значениями: "1 = простая бифуркативно-коллатеральная СТР"; "2 = бифуркативно-сливающая СТР"; "3 = линейная СТР"; "4 = генерационная СТР"; "5 = скошенная бифуркативно-коллатеральная СТР"; "6 = относительно-возрастная СТР"; "7 = возрастно-дифференцированная бифуркативно-коллатеральная СТР"; "8 = дифференцированая по говорящему бифуркативно-коллатеральная СТР"; "9 = редкие СТР".[157]

Подавляющее большинство культур мегарегиона имеет значения 2 или 4 переменной № 639 и величины 1 или 3 переменной № 640. Случаи со значением 2 переменной № 639 и значением 1 переменной № 640 были перекодированы как "2 = бифуркативно-коллатеральная СТР". Случаи со значением 4 переменной № 639 и значением 3 переменной № 640 были перекодированы как "0 = линейная СТР". Случаи со значением 2 переменной № 639 и значением 3 переменной № 640 были перекодированы как "1 = промежуточная СТР".

База данных по SCCS содержит необходимые релевантные данные по следующим "околосредиземноморским" культурам: абхазы (≈ 1880 г.), горные албанцы (≈ 1910 г.), амхара (≈ 1953 г.), армяне (≈ 1843), баски (≈ 1934 г.), бого (≈ 1855 г.), вавилоняне (≈ 1750 г. до

---

[156] *"1 = simple bifurcate collateral pattern"; "2 = bifurcate merging pattern"; "3 = lineal pattern"; "4 = generation pattern"; "5 = skewed bifurcate collateral pattern"; "6 = relative age pattern"; "7 = age-differentiated bifurcate collateral pattern"; "8 = speaker-differentiated bifurcate collateral pattern"; "9 = rare patterns".*

[157] *"1 = simple bifurcate collateral pattern"; "2 = bifurcate merging pattern"; "3 = lineal pattern"; "4 = generation pattern"; "5 = skewed bifurcate collateral pattern"; "6 = relative age pattern"; "7 = age-differentiated bifurcate collateral pattern"; "8 = speaker-differentiated bifurcate collateral pattern"; "9 = rare patterns".*

н.э.), древние евреи (≈ 621 до н.э.), египтяне (≈ 1950 г.), ирландцы (≈ 1932 г.), каффа (≈ 1905 г.), курды (≈ 1951 г.), римляне (≈ 110 г. н.э.), бедуины руала (≈ 1913 г.), теда (≈ 1950 г.), турки (≈ 1950 г.). В целом, данные по большинству культур SCCS относятся к XIX–XX вв. Однако "околосредиземноморская" часть этой выборки является единственным значимым исключением из этого правила. Она включает 3 древние культуры (древние римляне, древние евреи и вавилоняне), поэтому данные эти трудно назвать вполне синхронными. Поэтому для "чистоты эксперимента" я решил заменить эти три культуры их современными нам "преемниками" – современными римлянами (т.е. обитателями Рима XX в. / итальянцами), израильскими евреями (ашкенази), и иракцами.[158]

База данных по SCCS содержит сведения по представителям всех основных мердоковских субрегионов "Околосредиземноморья", кроме одного – того, что Дж. П. Мердок (Murdock, 1967) обозначил как "*Overseas Europeans*". Однако выборка содержит сведения об одной культуре, которая в некоторых отношениях может быть отнесена к этому "субрегиону" – гаитянах. В самом деле, в отношении интересующих нас переменных эта культура никак не отличается от культур других "*Overseas Europeans*". Так как подобная аттрибуция все равно может быть поставлена под вопрос, мы решили заменить в выборке гаитян франко-канадцами, релевантные данные по которым можно легко найти в электронной версии базы данных *Этнографический атлас* (Murdock *et al.*, 1999–2000. Files EA09–10.SAV). Стоит подчеркнуть, что если бы мы оставили гаитян в выборке, это никак не отразилось бы на результатах (ибо в интересующих нас отношениях обе культуры никак друг от друга не отличаются).

Наконец, SCCS включает в себя и русских (≈ 1955 г.). Однако, к моему удивлению, база данных по SCCS не содержит информации по современной русской СТР. Естественно, я не смог отказаться от мысли дополнительно прокодировать эту информацию самому (как на основании своих собственных наблюдений [в центральной России, где расположен "фокус" SCCS, деревня Вырятино], так и по данным научной литературы [Даль, 1955; Моисеев, 1963; Сумникова, 1969; Ожегов, 1978. С. 100, 170, 713, 732; Власова, 1987; Шмайлова, 1999]).

Результаты статистического анализа этой вполне синхронной выборки выглядят следующим образом (см. табл. А):

---

[158] Данные по этим культурам были получены нами из следующих источников: [Красновская, 1989, 1999; Зорько, Майзель, Скворцова, 1998; Членов, 1999; Even-Shoshan, 1998. P. 117; Першиц, 1958; Амирьянц, 1979, 1999; Кирей, 1996; Van Ess, 1956].

ТАБЛИЦА А.
СТР * Родовая организация

СТР	Родовая организация *0 (отсутствует)*	 *1 (присутствует)*
0 (линейная)	**6** амхара баски франко-канадцы израильтяне ашкенази итальянцы русские	**0**
1 (промежуточ-ная)	**0**	**1** армяне
2 (бифуркатив-но-коллатеральная)	**1** ирландцы	**10** абхазы горные албанцы бого египтяне иракцы каффа курды бедуины руала теда турки

ПРИМЕЧАНИЕ: ρ **= 0.83;** α **= 0.00002**
γ **= 0.97;** α **= 0.000001**

Данный статистический тест, естественно, заставляет предполагать, что бифуркативно-коллатеральная СТР положительно ассоциирована с присутствием родовой организации, в то время как подобная корреляция с линейной СТР отрицательна. Корреляция эта очень сильна и статистически значима вне всяких сомнений.

Конечно же, результаты эти как раз те, что и нужно было ожидать.

В самом деле, если родовая организация присутствует (отметим, что для "Околосредиземноморского" мегарегиона речь будет идти почти исключительно о патрилинейной родовой организации), в эгоцентрической перспективе, например, брат твоего отца будет твоим сородичем (и обычно вторым по значимости [после твоего отца]), в то время как брат твоей матери, как правило, вообще не будет твоим со-

родичем.[159] Полный объем твоих прав и обязанностей по отношению к брату твоего отца будет существеннейшим образом отличаться от такового по отношению к брату твоей матери.

Таким образом, нет даже необходимости читать, скажем, Рэдклифф-Брауна (Radcliffe-Brown, 1941; 1950; 1952) для того, чтобы понять, что в подобном контексте брат твоего отца и брат твоей матери будут скорее всего обозначаться разными терминами.

В отсутствии родовой организации, в билатеральном семейно-родственном контексте, брат твоего отца будет для тебя родственником, крайне сходным по своим правам и обязанностям (по отношению к тебе) с братом твоей матери (точнее говоря, права и обязанности дяди эго не будут систематически определяться тем, к какой из линий, материнской или отцовской, он принадлежит). Понятно, что в подобном контексте брат твоего отца и брат твоей матери будут скорее всего обозначаться одним и тем же термином.

Можно ли из рассмотренной выше синхронной корреляции сделать (хотя бы предположительно) какие-либо выводы о (диахронной по определению) эволюции СТР? Я думаю, что вполне можно. Более того, на мой взгляд, выводы эти достаточно очевидны. С моей точки зрения, отмеченная выше корреляция заставляет вполне определенно предполагать, что исчезновение родовой организации в рамках сложной культуры с бифуркативно-коллатеральной СТР должно в тенденции вести к переходу от бифуркативно-коллатеральной СТР к линейной, в то время как развитие родовой организации в сложной культуре (по крайней мере средиземноморского типа) с линейной СТР должно в тенденции вести к переходу от линейной СТР к бифуркативно-коллатеральной. Один из побочных эволюционных выводов заключается в том, что если у вас есть данные о том, что культуры определенного субрегиона испытали, например в IX–XV вв., переход от бифуркативно-коллатеральной к линейной СТР, вы можете предполагать с большой долей уверенности, что по крайней мере большинство этих

[159] Конечно, если в данной патрилинейной культуре преобладает патрилатеральный ортокузенный брак (что наблюдается в заметном числе патрилинейных "околосредиземноморских" культур), брат твоей матери вполне может быть твоим сородичем. Но и в этом случае брат твоего отца будет представлять для тебя собою родственника, кардинально отличного от брата твоей матери. Наиболее очевидное различие заключается в том, что дочь брата твоего отца является твоей предпочтительной невестой, а дочь брата твоей матери – нет.

культур испытали в районе этого времени переход от родовой (унилинейной) к билатеральной семейно-родственной организации.[160]

Проверим теперь, будут ли эти эволюционные выводы, полученные на основе синхронной корреляции, опровергнуты кросс-культурным тестом с использованием диахронных данных.

Как можно предположить, собрать релевантные диахронные данные оказалось отнюдь не легкой задачей. Естественно, оказалось невозможным собрать необходимые диахронные данные для всех культур выборки. Более того, собрать эти данные оказалось невозможным и для случайной выборки (где "околосредиземноморская" подвыборка выборки *Этнографического атласа* использовалась в качестве генеральной совокупности), так как при всех этих попытках выяснялось, что подобные данные отсутствует для значительной части субрегионов "Околосредиземноморья". В итоге, нам не оставалось ничего другого, как попытаться собрать диахронные данные везде, где это можно, стараясь покрыть как можно больше "околосредиземноморских" субрегионов.

В конечном счете, мы[161] постарались собрать релевантные данные по любой обеспеченной необходимыми источниками релевантной культуре для двух временных фокусов, разделенных между собой не менее, чем тремя веками (мы исходили из предположения, что это может быть минимальным временем, в течение которого в сложных традиционных культурах могла в доиндустриальную эпоху произойти значимая трансформация СТР).

Собранная нами база данных выглядела следующим образом (см. табл. Б; коды, использованные в этой таблице, идентичны кодам, использованным в табл. А):

ТАБЛИЦА Б.
СТР * Родовая организация
"Статическая" сводка данных

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ПЕРЕМЕННЫЕ	
		Родовая организация	*СТР*
Албанцы	X в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
	≈ 1910 г.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-

[160] Более того, должен признаться, что в одной из наших предыдущих работ мы уже использовали это самое умозаключение (Korotayev & Kazankov, 2000).

[161] В этой работе наряду со мной принимали участие А. А. Казанков, Л. М. Дрейер и Н. Е. Дмитриева.

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ПЕРЕМЕННЫЕ	
		Родовая организация	*СТР*
			коллатеральная)
Армяне	X в.	1 (присутствует)	1(промежуточная)
	≈ 1843 г.	1 (присутствует)	1(промежуточная)
Эфиопы (Амхара)	VI в.	1 (присутствует)	1(промежуточная)
	≈ 1953 г.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Французы	XII в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
	XIX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Немцы	XI в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
	XIX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Арабы Ирака	VII–VIII вв.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	нач. XX в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Ирландцы	XII в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Ирландцы-1 (сельские)	≈ 1932 г.	0 (отсутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Ирландцы-2 (городские)	кон. XX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Римляне	III в. до н.э.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Итальянцы области г. Рима	XX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Евреи Израиля	≈ 621 г. до н.э.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	кон. XX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Осетины	XIII в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	XIX в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Поляки	XI в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	нач. XX в.	0 (отсутствует)	1(промежуточная)
Русские	XI в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	XIX в.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
Сокотрийцы	XIX в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ПЕРЕМЕННЫЕ	
		Родовая организация	*СТР*
	XX в.	1 (присутствует)	1(промежуточная)
Сирийцы	III–IV вв.	0 (отсутствует)	0 (линейная)
	нач. XX в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Турки	XVI в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	≈ 1950 г.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
Украинцы (западные)	XI в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	XX в.	0 (отсутствует)	1(промежуточная)
Йеменцы Северо-востока	X в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)
	XX в.	1 (присутствует)	2 (бифуркативно-коллатеральная)

ТАБЛИЦА В.
Источники данных для табл. Б

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ
Албанцы	X в.	Жугра, 1998; Korkuti, 1969; Peinsipp, 1985
	≈ 1910 г.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999; Иванова, 1973. С. 88–92, 125–129; Жугра, 1998
Армяне	X в.	Асмангулян, 1983. С. 17–21, 42, 47–48, 71–73; Бдоян, 1952; Туманян, 1971
	≈ 1843 г.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999; Асмангулян, 1983; Бдоян, 1952; Зелинский, 1899; Бахиа, 1986
Эфиопы	VI в.	Кобищанов, 1966. С. 145–146, 148; Leslau, 1987. P. 13, 123
(Амхара)	≈ 1953 г.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999; Титов, 1959. С. 174
Французы	XII в.	Bloch, 1931; Бессмертный, 1986; Котельникова, 1986; Beaune, 1985; Hippeau, 1873; Бородина и др., 1955; Gremais, 1987. P. 619
	XIX в.	Bloch, 1931; Segalen, 1983; Littré, 1875–1877

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ
Немцы	XI в.	Майер, 1986; Котельникова, 1986; Schultze, 1987; Tschemodanow, 1940
	XIX в.	Evans, Lee, 1986; Sander, 1893
Арабы Ирака	VII–VIII вв.	Большаков, 1989–2000; Lane, 1865–1893
	нач. XX в.	Першиц, 1958; Амирьянц, 1979, 1999; Кирей, 1996; Van Ess, 1956
Ирландцы	XII в.	Осипова, 1973. С. 33 ; Шкунаев, 1989; MacLysaght, 1957; Калыгин, 1986; Королев, 1984
Ирландцы-1 (сельские)	≈ 1932 г.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999; Messenger, 1969. P. 72–75
Ирландцы-2 (городские)	кон. XX в.	Kennedy, 1973; Brown, 1981
Римляне	III в. до н.э.	Маяк, 1983. С. 120–182; Westrup, 1934; 1952; Крюков, 1968. С. 378; 1972. С. 55–58; 1995. С. 116; Balsdon, 1962. P. 179; Heurgon, 1973
Итальянцы области г. Рима	XX в.	Крюков, 1968. С. 379; 1972. С. 55–58; 1995. С. 117; Красновская, 1989. С. 109–112, 1999; Зорько, Майзель, Скворцова, 1998. С. 986–987;
Евреи Израиля	≈ 621 г. до н.э.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999
	кон. XX в.	Симоновский, Стрепетова, 1995; Дрейер, 1999; Even-Shoshan, 1998
Осетины	XIII в.	Абаев, 1958–1978; Бушуев, 1959; Чочиев, 1985; Гаглойти, 1966; Гутнов, 1989; Ванеев, 1959. С. 120, 149; Кузнецов, 1971. С. 40; 1992. С. 254
	XIX в.	Абаев, 1950. С. 38, 133, 226, 303, 442, 485; Кокиев, 1989. С. 51–58, 60–61
Поляки	XI в.	Лавровский, 1867. С. 42; Grodecki, 1969; Королюк, 1957; Мацеевский, 1877; Косвен, 1963; Berneker, 1908–1911
	нач. XX в.	Thomas, Znaniecki, 1918; Крюков, 1968. С. 375–376; 1972. С. 55–58; 1995. С. 112–113; Миллер, Хренов, 1955; Щавинский, 1913; Brückner, 1974. P. 64, 107
Русские	XI в.	Косвен, 1963; Лавровский, 1867. С. 33–37; Филин, 1948; Шмайлова, 1999; Berneker, 1908–1911

КУЛЬТУРА	ВРЕМЯ	ИСТОЧНИКИ ДАННЫХ
	XIX в.	Лавровский, 1867. С. 33–37; Даль, 1989, I. С. 512, IV. С. 404; Ожегов, 1978. С. 100, 170, 713, 732; Моисеев, 1963; Власова, 1987. С. 361–371; Шмайлова, 1999
Сокотрийцы	XIX в.	Наумкин, Порхомовский, 1981; Наумкин, 1988
	XX в.	Наумкин, Порхомовский, 1981; Наумкин, 1988
Сирийцы	III–IV вв.	Пигулевская, 1979; Brockelmann, 1928. P. 144, 231, 528; Шифман, 1977
	нач. XX в.	Велерс, 1952; Кирей, 1996; ал-Массарини, Сегал, 1978; Шмайлова, 1999
Турки	XVI в.	Новичев, 1960
	≈ 1950 г.	Murdock *et al.*, 1999–2000; SCCS, 1999; Makal, 1967; Dirks, 1969
Украинцы (западные)	XI в.	Иванов, 1895; Лавровский, 1867. С. 33–37; Котляр, 1998; Александров, 1997; Багалій, 1928; Косвен, 1963; Berneker, 1908–1911; Власова, 1987. С. 367, 369, 371
	XX в.	Бурячок, 1954. С. 4, 10–12; Бандрівскій, 1960; Власова, 1987. С. 361–371
Йеменцы Северо-Востока	X в.	al-Hamdaॐn❺, 1948, 1966, 1980, 1990; Abuॐ Ghaॐnim, 1985/1405, 1990/1410; Dresch, 1989; Gochenour, 1984
	XX в.	Abuॐ Ghaॐnim, 1985/1405, 1990/1410; Chelhod, 1970, 1975, 1979, 1985; Dresch, 1989; Rossi, 1939

Конечно, это еще сводка "статичных" данных, описывающих состояние данной культуры в данный момент, а не ее динамику. Однако ее достаточно легко преобразовать в сводку "динамических" данных. Последняя описывает изменения, происходящие с величиной данной переменной между двумя временными фокусами наблюдения данной культуры.

"Динамическая" сводка данных (см. ниже табл. Г.) была получена через трансформацию "статической" сводки (табл. Б). Скажем, если данная культура закодирована в табл. Б на момент времени t как "0 (родовая организация: отсутствует", а на момент $t + dt$ как "1 (родовая организация: присутствует)", в табл. Г в колонке *Изменение родовой организации* будет стоять запись "+ 1" ($x_{t+dt} - x_t = +1 - 0 = +1$). Если данная культура закодирована в табл. Б на момент времени t как

"2 (СТР: бифуркативно-коллатеральная)", а на момент $t + dt$ как "2 (СТР: линейная)", в табл. Г в колонке *Изменение СТР* будет стоять запись "– 2" ($у_{t + dt} – у_t = 0 – 2 = – 2$). "Динамическая" сводка данных приводится ниже (табл. Г):

ТАБЛИЦА Г.
СТР * Родовая организация
"Динамическая" сводка данных

Этническая группа	**Первый времен-ной фокус**	**Второй времен-ной фокус**	**ПЕРЕМЕННЫЕ**	
			Изменение родовой организации	*Изменение СТР*
Албанцы	X в.	≈ 1910 г.	+ 1	+ 2
Армяне	X в.	≈ 1843 г.	0	0
Эфиопы	VI в.	≈ 1953 г.	– 1	– 1
Французы	XII в.	XIX в.	0	0
Немцы	XI в.	XIX в.	0	0
Арабы Ирака	VII–VIII вв.	нач. XX в.	0	0
Ирландцы-1	XII в.	≈ 1932 г.	– 1	0
Ирландцы-2	XII в.	кон. XX в.	– 1	– 2
Итальянцы области г. Рима	III в. до н.э.	XX в.	– 1	– 2
Евреи Израиля	≈ 621 г. до н.э.	кон. XX в.	– 1	– 2
Осетины	XIII в.	XIX в.	0	0
Поляки	XI в.	нач. XX в.	– 1	– 1
Русские	XI в.	XIX в.	– 1	– 2
Сокотрийцы	XVI в.	XX в.	0	– 1
Сирийцы	III–IV вв.	нач. XX в.	+ 1	+ 2
Турки	XVI в.	≈ 1950 г.	0	0
Западные Украинцы	XI в.	XX в.	– 1	– 1
Йеменцы Северо-востока	X в.	XX в.	0	0

Как можно видеть, "динамическая" сводка данных позволяет сравнивать именно культурные изменения, а не просто состояния культуры, снимая, таким образом, главное возражение антиэволюционистов (а также эволюционистских педантов) против сравнительного эволюционного метода социокультурной антропологии.

Попробуем теперь, используя эту сводку данных, проверить, как изменения родовой организации коррелируют с изменениями в СТР. Здесь стоит напомнить, что на основе синхронных данных мы

предположили, что исчезновение родовой организации в высокосложной культуре с бифуркативно-коллатеральной СТР должно в тенденции вести к переходу от бифуркативно-коллатеральной СТР к линейной, в то время как появление родовой организации в сложной культуре (по крайней мере "околосредиземноморского" типа) с линейной СТР должно в тенденции вести к переходу от линейной СТР к бифуркативно-коллатеральной; отсутствие изменений в отношении родовой организации должно коррелировать с отсутствием изменений СТР (естественно, только в отношении того измерения СТР, которое здесь рассматривается).

Результаты статистического теста приводятся ниже (табл. Г):

ТАБЛИЦА Д.

Изменение СТР * Изменение семейно-родственной организации

Изменение СТР	**Изменение родовой организации**		
	– 1	*0*	*+ 1*
– 2	**4** русские итальянцы ирландцы-2 израильтяне	**0**	**0**
– 1	**2** з. украинцы поляки эфиопы	**1** сокотрийцы	**0**
0	**1** ирландцы-1	**7** армяне французы немцы осетины иракские арабы турки йеменцы	**0**
+ 1	**0**	**0**	**0**
+ 2	**0**	**0**	**2** албанцы сирийцы

ПРИМЕЧАНИЕ: $\rho = 0.85$; $\alpha = 0.00001$
$\gamma = 0.98$; $\alpha = 0.000001$

Корреляция оказалась в предсказанном направлении, очень сильной и, безусловно, статистически значимой. Конечно, было бы неправильно сказать, что результаты эти были для меня неожиданными. Собственно говоря, значительно более неожиданными эти результаты оказались бы, если бы после того, как статистический анализ синхронных данных показал наличие сильной корреляции между двумя социоантропологическими параметрами (при том, что у нас есть ясное функциональное объяснение, почему переменная А коррелирует с переменной Б), диахронные данные бы **НЕ** показали, что изменение параметра А приводит к изменению параметра Б в предсказанном направлении. По сути дела, единственное обстоятельство, которое оказалось для меня действительно неожиданным, это то, что показатель силы корреляции, полученный через анализ диахронных данных, оказался столь близок показателю, полученному посредством статистического анализа синхронных материалов.[162]

Диахронный тест показал, что выводы о конкретных эволюционных процессах, сделанные нами на основе анализа синхронных данных, оказались совершенно правильными. Таким образом, исследование синхронных данных **МОЖЕТ** давать основания для обоснованных умозаключений о конкретных эволюционных процессах.

ВЫВОДЫ К ПРИЛОЖЕНИЮ 1

1.а. Вывод для специалистов по кросс-культурным исследованиям, занимающимся изучением социоэволюционных процессов: "Нет оснований бояться делать умозаключения о конкретных эволюционных процессах на основе исследования синхронных данных (по крайней мере, при отсутствии убедительных опровергающих доказательств иного рода) ". Я полагаю, что подобные умозаключения всегда оправданны, когда найденная корреляция статистически значима и когда есть убедительное объяснение того, почему параметр А определенным образом связан с параметром Б. Сила и абсолютная значимость корреляции должны при этом учитываться для определения адекватной модальности умозаключения. Кроме того, статистический анализ синхронных данных вполне может, на мой взгляд, использоваться для проведения процедур верификации/фальсификации конкретных социоэволюционных теорий. Представим, например, следующую ситуа-

---

[162] Собственно говоря, я не склонен предполагать, что будущие тесты такого типа будут часто давать столь близкие цифры.

цию. Существуют две переменные, А и Б. Допустим, каждая из них имеет значения 0 и 1. Некая эволюционная теория утверждает, что изменение значения переменной А с 0 на 1 ведет к изменению значения переменной Б с 1 на 0, предлагая достаточное теоретическое объяснение, почему это изменение должно произойти. Я полагаю, что в подобном контексте статистический тест с использованием репрезентативной "синхронной" выборки культур, показавший наличие значимой отрицательной корреляции между параметрами, может рассматриваться в качестве полноценного эмпирического доказательства соответствующей теории. Данная теория должна рассматриваться как полноценная рабочая гипотеза до того момента, как она будет опровергнута (если она, конечно, вообще будет когда-либо опровергнута) либо через использование более качественной "статической" базы данных (основанной на более репрезентативной выборке или использующей более надежные данные), либо надежной диахронной "динамической" БД; теория/гипотеза может быть, естественно, в дальнейшем отвергнута из-за того, что в самой теоретической модели обнаружатся серьезные логические ошибки/погрешности. Вплоть до этого момента сам по себе тот факт, что эволюционная гипотеза/теория получила эмпирическое подтверждение через статистический анализ синхронной "статичной" базы данных, не может рассматриваться в качестве достаточного основания для того, чтобы эта гипотеза/ теория считалась опровергнутой/ отвергнутой/ фальсифицированной. Анализ синхронных "статичных" данных может, естественно, использоваться не только для верификации, но и для фальсификации социоэволюционных теорий.

1.б. Второй вывод для специалистов по кросс-культурным исследованиям, занимающимся изучением социоэволюционных процессов: "Вне всякой зависимости от того, что было сказано выше, можно считать, что в исходных рассуждениях Ф. Боаса о сравнительном методе в антропологии содержится ощутимое зерно истины. Собственно говоря, я совершенно согласен с ним в том, что "если антропология стремится выяснить законы развития культуры, она должна, не ограничиваясь сравнением итогов развития, всюду, где возможно, сопоставлять его ход"[163] (Боас, 1997. С. 518). Нет сомнения в том, что социоэволюционная теория опирающаяся не только на синхронные, но и на диахронные данные, будет значительно более убедительной, чем если она опирается лишь на синхронные данные. Поэтому можно лишь сожалеть о том, что все опубликованные до настоящего времени

---

[163] "*If anthropology desires to establish laws governing the growth of culture it must not confine itself to comparing the RESULTS of the growth alone, but whenever such is feasible it must compare the PROCESSES of growth*" (Boas, 1896/1940. P. 280).

кросс-культурные антропологические базы данных (см., например: [Barry, Schlegel, 1980; 1990; Glascock, Wagner, 1987; Levinson, Wagner, 1987; Murdock, 1967; 1981; Murdock *et al.,* 1986; 1990; 1999–2000; Winkelman, White, 1987, SCCS, 1999] и другие сводки данных этого типа, опубликованные в *Ethnology* и электронном журнале *World Cultures*]) являются именно "статичными". Может только вызывать сожаление, что приведенная выше табл. Г является едва ли ни первой публикуемой "динамической" базой социоантропологических данных. Может только вызывать сожаление, что проведенный выше статистический анализ (см. табл. Д и примечание к ней) является едва ли ни первым статистическим тестом кросс-культурных антропологических данных, ориентированным непосредственно на поиск корреляций между долгосрочными изменениями, а не состояниями культуры.[164] Я полагаю, что создание "динамических" кросс-культурных баз социоантропологических данных должно рассматриваться в качестве приоритетной задачи для всех специалистов по кросс-культурным исследованиям, занимающихся проблемами социокультурной эволюции".

2. Вывод для антиэволюционистов: "Рассуждения о неадекватности сравнительного эволюционного метода социальной антропологии не могут восприниматься всерьез прежде, чем вы дадите строгое доказательство того, что он действительно неадекватен. При этом хотелось бы напомнить вам, что это не должен быть одиночный тест какой-либо эволюционной теории (эмпирически подтвержденной синхронными данными) по вашему выбору. Для этого недостаточно протестировать даже десяток подобных теорий. Здесь нужна именно статистически значимая ***СЛУЧАЙНАЯ*** выборка социоэволюционных теорий. И отрицательные результаты должны быть получены в статистически значимом числе тестов. Нет сомнения, что определенное число таких тестов в любом случае фальсифицирует отдельные социоэволюционные теории, подтвержденные синхронными данными. Но, в любом случае, большое число социоэволюционных теорий, изначально подтвержденных синхронными данными, были в дальнейшем фальсифицированы последующими тестами с использованием более качественных ***СИНХРОННЫХ*** "статичных" данных. Например, мож-

[164] Мне известно лишь очень небольшое число попыток подтвердить социоэволюционные обобщения, сделанные на основе синхронных данных, при помощи диахронных материалов (см., например: [Carneiro, 1969; Henke, 1973; Marano, 1973]; обзор таких попыток см. в: [Hays, 1998. P. 257–261]). Ни одна из этих попыток впрочем не привела к непосредственной постановке статистических тестов диахронных данных и сопоставлению их результатов с результатами статистического анализа синхронных материалов.

но начать с самого первого набора социоэволюционных теорий, изначально подтвержденных статистическими тестами Э. Тайлора с использованием синхронных "статичных" данных (Tylor, 1889), а в дальнейшем опровергнутых именно тестами с использованием более качественных синхронных "статичных" данных. Многочисленные дополнительные примеры могут быть найдены в: [Levinson, Malone, 1980; C. Ember, Levinson, 1991]. Таким образом, отдельный отрицательный результат вышеописанного типа не будет доказывать неадекватности сравнительного эволюционного метода вообще, а свидетельствовать скорее о погрешностях в дизайне и исполнении отдельного "синхронного" теста (речь может идти, например, об использовании ненадежных данных, нерепрезентативной выборки и т.д.). Поэтому для того, чтобы доказать неадекватность антропологического сравнительно-эволюционного метода, необходимо доказать, что этот метод СИСТЕМАТИЧЕСКИ ведет к получению неверных результатов."

Здесь, конечно, возможно следующее возражение:

"Не сталкиваемся ли мы здесь с двойным стандартом? Вы требуете от нас столь сложной серии статистических тестов с использованием случайной выборки, в то время как сами вы произвели как раз лишь один-единственный тест теории по своему собственному усмотрению".

Ответ здесь будет выглядеть следующим образом:

"Мы полагаем, что в данном случае должна применяться обычная юридическая процедура. Прежде всего речь идет, конечно, о презумпции невиновности. Как известно, в суде доказывать вину должен именно обвинитель. Если обвиняемый не может представить никаких доказательств своей невиновности, но обвиняющая сторона при этом не предоставляет никаких убедительных доказательств виновности, первая сторона будет сочтена однозначно невиновной. Я полагаю, что в нашем случае именно антиэволюционисты должны представить убедительные доказательства неадекватности синхронного сравнительного метода эволюционной антропологии. К настоящему времени все возражения против этого метода скорее должны быть приравнены к "подозрениям" (но не к доказательствам). Но подозрения в таких случаях вообще не могут приниматься серьезно в счет. Собственно говоря, представленный выше тест в подобно контексте должен быть приравнен к "алиби". Как хорошо известно, хотя в суде обвиняемый и не обязан представлять никаких доказательств своей невиновности, он все-таки может их представить. Таким образом, главная цель этого текста это именно, по сути дела, представить такого рода "алиби", привлечь внимание академического сообщества к тому обстоятельству, что до сих пор никто так и не представил убедительных доказательств неадекватности синхронно-сравнительного эволюционно-

антропологического метода, ограничиваясь лишь голыми подозрениями. Таким образом, метод этот должен рассматриваться в качестве одного из абсолютно правомерных методов социальной антропологии, пока не будет представлено убедительных доказательств противоположного.[165]

[165] Несколько слов необходимо сказать и о ***КОНКРЕТНЫХ*** результатах данной работы. Хотел бы подчеркнуть, что работа эта имеет явно выраженный методологический характер, и ее конкретные результаты крайне ограничены. Теория о том, что бифуркативные (включая сюда и бифуркативно-коллатеральные) СТР связаны с присутствием родовой организации (а небифуркативные [включая и линейные] СТР – с ее отсутствием) была вполне убедительно развита еще Рэдклифф-Брауном [Radcliffe-Brown, 1941, 1950, 1952 и т.д.]. Наши тесты, таким образом, вполне могут рассматриваться просто как дополнительное доказательство правильности этой теории. Вывод о том, что переход от унилинейной десцентной к билатеральной семейно-родственной организации в сложных обществах с бифуркативно-коллатеральными СТР ведет в долгосрочной перспективе к переходу от бифуркативно-коллатеральной СТР к линейной, был уже в предельно четкой форме сделан М. В. Крюковым [1968, 1972, 1995]. Более того, он даже привел некоторые диахронные данные, подтверждающие этот вывод [Там же]. Он, однако, ограничился применением лишь иллюстративного метода и не провел никаких статистических проверок своей гипотезы.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев, В. И. (1950). *Русско-Осетинский Словарь*. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.

Абаев, В. И. (1958–1978). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. М. – Л.: Наука.

Авдеева, К. Д. (1986). Сельскохозяйственная техника и агрикультура // *История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма.* Т. 2: *Крестьянство Европы в период развитого феодализма* / Ред. М. А. Барг и др. М.: Наука. С. 16–41.

Аверинцев, С. С., Дьяконов, И. М., Неронова, В. Д., Свенцицкая, И. С., Штаерман, Е. М. (1983). Идеология поздней Римской империи // *История Древнего Мира.* III. *Упадок древних обществ* / Ред. В. Д. Неронова. М.: Наука. С. 239–264.

Алаев, Л.Б. (1981). *Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции.* М.: Наука.

Александров, Д. Н. (1997). *Галицко-Волынская земля в XIII – первой четверти XIV вв.* М.: Российская академия естественных наук.

Алексеев, В. П. (1989). Палеодемография: содержание и результаты // *Историческая демография: проблемы, суждения, задачи* / Ред. Ю. А. Поляков. М.: Наука. С. 63–90.

Амирьянц, И. А. (1979). Арабы южного Ирака // *Расы и народы.* Т. 9. С. 223–237.

Амирьянц, И. А. (1999). Иракцы // *Народы и религии мира* / Ред. В. А. Тишков и др. М.: Большая Российская Энциклопедия. С. 193–194.

Анисимов, А. Ф. (1966). *Духовная жизнь первобытного общества*. М. – Л.: Наука.

Апродов, В. А. (1982). *Вулканы*. М.: Мысль.

Артемова, О. Ю. (1987). *Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине (по австралийским этнографическим данным).* Москва. С. Наука.

Артемова, О. Ю. (1989). К проблеме первобытного эгалитаризма // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока* / Ред. С. И. Блюмхен и др. Ч. 3. М.: Наука. С. 3–5.

Артемова, О.Ю. (1991). Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 44–91.

Артемова, О.Ю. (1993). Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-*

политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля / Ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература. С. 40–70.

Асмангулян, А. А. (1983). *История армянских терминов родства (опыт историко-этимологического исследования).* Ереван: Издательство Ереванского университета.

Ахмаджонзода, А. (1988). О проблеме так называемой мусульманской культуры // *Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке* / Ред. Л. А. Аганина и др. М.: Наука. С. 3–4.

Багалій, Д. І. (1928). *Наріс історіі Украіни на соціально-економічному грунті.* Киів: Державидав Украіни.

Бандрівській, Д. Г. (1960). *Говіркі Підбузького району Львівской області.* Киів: Акад. наук Укр. РСР. Ин-т суспільніх наук.

Бартольд, В. В. (1925). Мусейлима // *Известия Российской Академии наук.* Серия VI. Т. 19. С. 483–512.

Бауэр, Г. М., Лундин, А. Г. (1994). Южная Аравия в X в. до н.э. – VI в. н.э.: основные этапы истории // *Красноморскиые заметки* / Ред. Э. Е. Кормышева и А. В. Седов. Т. 1. М.: ИВ РАН. С. 86-117.

Бахрей. (1976 [1593]). История галла (пер. К. П. Калиновской) // К. П. Калиновская. *Возрастные группы народов Восточной Африки.* М.: Наука. С. 133–143.

Бахта, В. М., Сенюта, Т. В. (1972). Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии // *Охотники, собиратели, рыболовы* / Ред. А. М. Решетов. Л.: Наука. С. 68–90.

Бдоян, В. А. (1952). Кровнородственный *азг* и родственные отношения у армян // *Советская этнография.* № 1. С. 189–192.

Беляев, Е. А. (1966). *Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье.* М.: Наука.

Берзина, С. Я. , Куббель, Л. Е. (Ред.) (1990). *История Африки в древних и средневековых источниках.* Хрестоматия. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.

Березкин, Ю. Е. (1994). Апатани и древнейший Восток: альтернативная модель сложного общества // *Кунсткамера: этнографические тетради*. Т. 4. С. 5–19.

Березкин, Ю. Е. (1995а). Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов. М.: Восточная литература. С. 62–78.

Березкин, Ю. Е. (1995б). Модели среднемасштабного общества: Америка и древнейший Ближний Восток // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин и В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука. С. 94–104.

Березкин, Ю. Е. (1997). Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // *Вестник древней истории.* № 2. С. 3–24.

Березкин, Ю. Е. (2000). Еще раз о горизонтальных и вертикальных связях в структуре среднемасштабных обществ // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. М.: Логос. С. 259–264.

Берент, М. (2000). Безгосударственный полис: раннее государство и древнегреческое общество // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. М.: Логос. С. 235–258.

Берталанфи, Л., фон. (1969). Общая теория систем – обзор проблем и результатов // *Системные исследования.* Т. 1.

Бессмертный, Ю. Л. (1986). Французское крестьянство в X–XIII вв. // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* Т. 2. *Крестьянство Европы в период развитого феодализма* / Ред. М. А. Барг и др. М.: Наука. С. 94–114.

Бессмертный Ю. Л. (1989). К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII веков // *Одиссей.* Т. 1. С. 98–113

Боас, Ф. (1997). Границы сравнительного метода в антропологии. *Антология исследований культуры.* Т. 1. *Интерпретации культуры* / Ред. Л. А. Мостова. СПб.: Университетская книга. С. 509–518.

Боголепов, М. А. (1912). *Колебания климата и историческая жизнь (голод и война).* М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете

Боголюбов А. С. (1991). Зава🕉дж [Брак] // *Ислам* / Ред. С. М. Прозоров и др. М.: Наука. С. 71–72.

Большаков, О. Г. (1989–2000). *История Халифата.* Т. I–IV. М.: Восточная литература.

Бондаренко, Д. М. (1995а). *Бенин накануне первых контактов с европейцами: Человек. Общество. Власть.* М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко, Д. М. (1995б). Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: доколониальный Бенин // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин и В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука. С. 139–50.

Бондаренко, Д. М. (1995в). Вождества в доколониальном Бенине // *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Ред. В. А. Попов. Москва: Наука. С. 140–52.

Бондаренко, Д. М. (1996). Мегаобщина как вариант структуры и типа социума: предпосылки сложения и функционирования // *Восток.* № 3. С. 30–38.

Бондаренко, Д. М. (1997). *Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной Тропической Африке.* М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко, Д. М. (1998). Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // *Восток*. № 1. С. 195–202.

Борзенкова, И. И. (1992). *Изменение климата в кайнозое.* СПб.: Гидрометеоиздат.

Бородина, М. А., Бородина, Л. М., Гордина, М. В., Шишмарев, В. Ф. (1955). *Словарь старофранцузского языка.* М. – Л.: Издательство Академии наук СССР.

Брэстед, Дж. Г. (1915). *История Египта с древнейших времен до персидского завоевания*. Т.2. М.: Сабашниковы.

Бурячок, А. А. (1954). *Названия родства и свойства в украинском языке.* Киев: АН УССР.

Бутинов, Н. А. (1985). *Социальная организация полинезийцев*. М.: Наука.

Бутовская, М. Л. (1989). Реконструкция групповой организации и социального поведения ранних гоминид в свете данных приматологии // *Биологические предпосылки антропосоциогенеза* / Ред. В. П. Алексеев и М. Л. Бутовская. Т. 2. М.: Наука. С. 55–111.

Бутовская, М.Л., и Файнберг, Л.А. (1993). *У истоков человеческого общества. Поведенческие аспекты эволюции человека*. М.: Наука.

Бушуев, С. И. (Ред.) (1959). *История Северо-Осетинской АССР.* Т. 1. М.: Издательство Академии наук СССР.

Вайнберг, И. П. (1989). Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н.э. // *История древнего мира.* II. *Расцвет древних обществ* / Ред. И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая. М.: Наука. С. 95–114.

Ванеев, З. Н. (1959). *Средневековая Алания.* Сталинир: Госиздат Юго-Осетии.

Васильев, А. (1907) (ред.). Житие св. Григентия, епископа Омиритского // *Византийский временник.* Т. 14.

Васильев, Л. С. (1983). *История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество)*. М.: Высшая школа.

Васильев, Л. С. (2000). Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 96–114.

Вебер, М. (1972). *Протестантская этика.* М.: ИНИОН АН СССР.

Вебер, М. (1990). Протестантская этика и дух капитализма // Вебер, М. *Избранные произведения.* М.: Прогресс. С. 61–272.

Велерс, Ж. (1952). *Крестьяне Сирии и Ливана.* М.: Издательство иностранной литературы.

Вигасин, А. А., и Лелюхин, Д. Н. (1987). Древняя Индия // *Межгосударственные отношения и дипломатия на древнем Востоке* / Ред. И. А. Стучевский. М.: Наука. С. 177–213.

фон Висман, Г. (1981). *Аравия. Материалы по истории открытия.* М.: Наука.

Власова, И. В. (1987). Семья. *Этнография восточных славян* / Ред. К. В. Чистов. М.: Наука. С. 361–371.

Гаглойти, Ю. С. (1966). *Аланы и вопросы этногенеза осетин.* Тбилиси: Мецниереба.

Гезер, Г. (1867). *История повальных болезней.* СПб.: Медицинский департамент Министерства внутренних дел.

Грязневич, П.А. (1994). *Историко-археологические памятники древнего и средневекового Йемена. Полевые исследования 1970–1971гг.* Спб.: Петербургское востоковедение (Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры. Т. 2. Вып. 1).

Гуревич, А. Я. (1972). *История и сага.* М.: Наука.

Гуревич, А. Я. (1990). Теория формаций и реальность истории // *Вопросы философии.* № 11. С. 31–43.

Гутнов, Ф. Х. (1989). *Генеалогические предания осетин как исторический источник.* Орджоникидзе: Ир.

Гущенко, И. И. (1979). *Извержения вулканов мира (каталог).* М.: Наука.

Даль, В. И. (1989). *Толковый словарь живого великорусского языка.* Т. 1–4. М.: Русский язык.

Демин М. В. (1973). *Проблемы теории личности (Социально-философский аспект).* М.: Издательство Московского университета.

Докинз, Р. (1993). *Эгоистический ген.* М.: Мир.

Дьяконов, И. М. (1994). *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.* М.: Восточная литература.

Дюркгейм, Э. (1900) *О разделении общественного труда.* Одесса.

Дюркгейм Э. (1912). *Самоубийство.* СПб.: Н. П. Карбасников.

Дюркгейм, Э. (1991). *О разделении общественного труда. Метод социологии.* М.: Наука.

Дьяконов, И. М. (1983a). Общественно-политические изменения в аморейских царствах. *История древнего Востока.* I. *Месопотамия* / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. С. 324–340.

Дьяконов, И.М. (1983b). Царство Шумера и Аккада: III династия Ура // *История древнего Востока.* I. *Месопотамия* / Ред. И. М. Дьяконов. М.: Наука. С. 267–280.

Жугра, А. В. (1998). Албанские соционимы и система терминов родства // *Алгебра родства.* Т. 2. С. 167–185.

Жуков, Е. М. (1974). Роль религии в мировой истории // *Атеизм и религия.* Т. 1. С. 25–38.

Журов, Ю.В. (1994). О средней продолжительности жизни человека как критерии прогресса в историческом развитии // *Новая и новейшая история*. 1994. N 4–5. С. 94–105.

Зелинский, С. П. (1899). Народно-юридические обычаи у армян Закавказского края. I. Родство // *Известия Кавказского отделения Российского географического общества.* Т. 12. № 3. С. 149–184.

Зорько, Ф., Майзель, Б. Н., Скворцова, Н. А. (1998). *Nuovo dizionario italiano-russo.* М.: Русский язык.

Иванов, П. А. (1895). *Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV века.* Одесса: Экономическая типография.

Иванова, Ю. В. (1973). *Северная Албания в XIX – начале XX века. Общественная жизнь.* М.: Наука.

Илюшечкин, В.П. (1986а). *Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ*. М.: Наука.

Илюшечкин, В.П. (1986б). *Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа)*. М.: Наука.

Илюшечкин, В. П. (1990). *Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах*. М.: Наука.

Илюшечкин, В. П. (1997). *Теория стадийного развития общества*. М.: Восточная литература.

Кабо, В. Р. (1980). У истоков производящей экономики // *Ранние земледельцы: Этнографические очерки* / Ред. А. М. Решетов. Л.: Наука. С. 59–85.

Кабо, В. Р. (1986). *Первобытная доземледельческая община*. М.: Наука.

Казаков, А. П. (1978). К определению понятий "источники" и "движущие силы" научно-технического прогресса // *Источники и движущие силы научно-технического прогресса* / Ред. В. Д. Марахов. Л.: Издательство университета. С. 17–24.

Казанков, А. А. (2000). Особенности адаптаций охотников-собирателей в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная альтернатива // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 207–218.

Калыгин, В. П. (1986). *Язык древнейшей ирландской поэзии.* М.: Наука.

Карелкин. (1854). Рецензия на перевод *Слова* Н.Гербеля // *Отечественные записки*. Т. 93.

Карнейро, Р. (2000). Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. М.: Логос. С. 265–291.

Келле, В.Ж., Ковальзон, М. Я. (1981). *Теория и история (Проблемы теории исторического процесса)*. М.: Политиздат.

Кирей, Н. И. (1996). *Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки.* Краснодар: КубГУ.

Классен, Х. Дж. М. (2000). Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. М.: Логос. С. 6–23.

Ключевский, В. О. (1988 [1908]). *Курс русской истории*. Ч. 3 // *Соч. в 9 томах*. Т.3. М.: Мысль.

Ключевский, В. О. (1989 [1908]). *Курс русской истории*. Ч. 5 // *Соч. в 9 томах*. Т. 5. М.: Мысль.

Кобищанов, Ю. М. (1966). *Аксум.* М.: Наука.

Кобищанов, Ю. М. (1980). *Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире (VI – середина VII вв.).* М.: Наука. Главная редакция восточной литературы.

Ковалевски, С. (2000). Циклические трансформации в североамериканской доистории // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 171–185.

Кокиев, Г. А. (1989). Нормы осетинской морали // *Проблемы этнографии осетин* / Ред. В. А. Кузнецов. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. С. 50–63.

Кон, И. С. (1987). Материнство и отцовство в историко-этнографической перспективе // *Советская этнография*. № 6. С. 26–37.

Козинцев, А.Г. (1980). Переход к земледелию и экология человека // *Ранние земледельцы: Этнографические очерки* / Ред. А. М. Решетов. Л.: Наука. С. 6–33.

Королев, А. А. (1984). *Древнейшие памятники ирландского языка.* М.: Наука.

Королюк, В. Д. (1957). *Древнепольское государство.* М.: Издательство Академии наук СССР.

Коротаев, А. В. (1989). О некоторых экономических предпосылках классообразования и политогенеза // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока* / Ред. С. И. Блюмхен и др. Т. 1. М.: Наука. С. 44–59.

Коротаев, А. В. (1991а). Некоторые экономические предпосылки классообразования и политогенеза // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 136–191.

Коротаев, А. В. (1991б). *Объективные социологические законы и субъективный фактор*. М.: Институт экономики АН СССР.

Коротаев, А. В. (1992). Объективные социологические законы и субъективный фактор // *Альтернативность истории* / Ред. Я. Г. Шемякин и А. В. Коротаев. Донецк: ДО САМИ. С. 76–108.

Коротаев, А. В. (1995а). Горы и демократия: к постановке проблемы // *Альтернативные пути к ранней государственности* / Ред. Н. Н. Крадин, В. А. Лынша. Владивосток: Дальнаука. С. 77–93.

Коротаев, А. В. (1995б). Некоторые проблемы социальной эволюции архаических (и не только архаических) обществ // *Восток*. № 5. С. 211–220.

Коротаев, А. В. (1995в). Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // *Социологический журнал*. № 4. С. 68–86.

Коротаев, А. В. (1996а). Два социально-экологических кризиса и генезис племенной организации в Северо-восточном Йемене // *Восток*. № 6. С. 18–28.

Коротаев, А. В. (1996б). От вождества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем Северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет // *Этнографическое обозрение*. № 2. С. 81–91.

Коротаев, А. В. (1997). *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации.* М.: Восточная литература.

Коротаев, А. В. (1998). *Вождества и племена страны Хашид и Бакил: Общие тенденции и факторы эволюции социально-политических систем Северо-восточного Йемена*. М.: ИВ РАН.

Коротаев, А. В. (1999а). О соотношении систем терминов родства и типов социальных систем: опыт количественного кросс-культурного анализа // *Алгебра родства.* Т. 3. С. 117–147.

Коротаев, А. В. (1999б). Тенденции социальной эволюции // *Общественные науки и современность.* № 4. С. 112–125.

Коротаев, А. В. (1999в). Тенденции социокультурной эволюции *Социально-исторический прогресс: мифы и реалии* / Ред. Э. С. Кульпин. М.: Папирус Про. С. 27–48.

Коротаев, А. В. (1999г)."Объективные социологические законы и субъективный фактор" печ. *Время мира* 1 (1999): 204–233

Коротаев, А. В. (2000). Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 265–291.

Коротаев, А. В., Блюмхен, С.И. (1991). Введение. Узловые проблемы социологии развития архаических обществ // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 3–43.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (2000). Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 24–83.

Коротаев А. В., Оболонков А. А. (1989). Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // *Советская этнография*. № 2. С. 35–45.

Коротаев А. В., Оболонков А. А. (1990). Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // *Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока* / Ред. К. З. Ашрафян и Г. Ф. Ким. М.: Наука. С. 3–52.

Косвен М. О. (1963). *Семейная община и патронимия*. М.: Издательство Академии наук СССР.

Котельникова, Л. А. (1986). Крестьянская община // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* II. *Крестьянство Европы в период развитого феодализма* / Ред. М. А. Барг и др. М.: Наука. С. 476–492.

Котляр, М. Ф. (1998). *Галицко-Волинська Русь.* Київ: Альтернативи.

Крадин, Н. Н. (1992). *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н. (1994). Кочевые общества в контексте стадиальной эволюции // *Этнографическое обозрение*. № 1. С. 62–72.

Крадин, Н. Н. (1995). Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // *Цивилизации*. Вып. 3. М. С. 164–79.

Крадин, Н. Н. (1996). *Империя Хунну*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н. (2000). Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 314–336.

Красновская, Н. А. (1989). Народы Италии // *Брак у народов Западной и Южной Европы* / Ред. Ю. В. Иванова. М.: Наука. С. 107–133.

Красновская, Н. А. (1999). Итальянцы // *Народы и религии мира* / Ред. В. А. Тишков и др. М.: Большая Российская Энциклопедия. С. 200–201.

Крачковский, И.Ю., пер. (1991). *Коран*. М.: Буква.
Крюков, М. В. (1968). Типы родства и их историческое соотношение // *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Ред. Л. В. Данилова. Москва: Наука. С. 352–383.
Крюков, М. В. (1972). *Система родства китайцев*. Москва: Наука.
Крюков, М. В. (1995). Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // *Алгебра родства.* Т. 1. С. 111–137.
Кузищин, В. И. (1966) *Очерки по истории земледелия в Италии II в. до н.э. – I в. н.э.* М.: Издательство Московского университета.
Кузищин, В. И. (1970). *Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве (II в. до н.э. – I в. н. э.)*. М.: Наука.
Кузищин, В. И. (1973). *Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э.* М.: Издательство Московского университета.
Кузнецов, В. А. (1971). *Алания в X–XIII вв.* Орджоникидзе: Ир.
Кузнецов, В. А. (1992). *Очерки истории алан.* 2-е изд. Орджоникидзе: Ир.
Кульпин, Э.С. (1990). *Человек и природа в Китае*. М.: Восточная литература.
Кульпин, Э.С. (1992). *Социоестественная история: предмет, метод, концепция*. М.: Московский лицей.
Кульпин, Э.С. (1995). *Путь России*. М.: Московский лицей.
Кульпин, Э.С., Пантин, В.И. (1993). *Решающий опыт*. М.: Московский лицей.
Лавровский, П. А. (1867). *Коренное значение в названиях родства у славян*. СПб.: Типография Академии наук.
Лелюхин, Д. Н. (1989). *Структура древнеиндийского государства в первой половине I тыс. н.э.* Дисс. канд. ист. наук. М.: Институт востоковедения АН СССР.
Лелюхин, Д. Н. (1993). Государство, администрация и политика в "Артхашастре" Каутильи // *Вестник древней истории*. № 2. С. 4–24.
Лелюхин, Д. Н. (1998). Структура державы Маурьев по сведениям эдиктов Ашоки // *Вестник древней истории.* № 2. С. 115–129.
Лелюхин, Д. Н. (2000). Государство и администрация в "Артхашастре" Каутильи // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко и В. А. Лынша. М.: Логос. С. 292–301.
Лихачев, Д. С. (1983). *Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков.* 2–е изд. Л.: Наука.
Лундин, А. Г. (1961). Южная Аравия в VI веке // *Палестинский сборник.* Т. 8. С. 1–159.

Люри, Д. И. (1994). Развитие ресурсопользования и экологические кризисы // *Известия РАН. Серия географическая.* № 1. С. 14–30.

Мавлютов, Р. Р. (1974). К вопросу о происхождении ислама // *Атеизм и религия.* Т. 1. С. 202–209.

Майер, В. Е. (1986). Немецкое крестьянство в XI–XIII вв. // *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма.* II. *Крестьянство Европы в период развитого феодализма* / Ред. М. А. Барг. М.: Наука. С. 168–184.

Мальтус, Т. [1798] (1993а). *Опыт о законе народонаселения.* Петразаводск: Петроком (Шедевры мировой экономической мысли. Т. 4) = (1993б). Опыт о законе народонаселения // Столяров, И.А., ред., *Антология экономической классики: Т.Мальтус, Д.Кейнс, Ю.Ларин.* М.: ЭКОНОВ/Ключ. С. 3–134.

Марей, А. В. (2000). Особенности социально-политической организации печенегов // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 337–343.

Маркс, К. (1846). Письмо П.В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // Маркс, К., Энгельс, Ф. *Собрание сочинений.* 2-е изд. Т. 29. М.: Политиздат.

Маркс, К., и Энгельс, Ф., *Соч.* 2–е изд. М.: Политиздат

ал-Массарини, М., Сегал, В. С. (1978). *Арабско-русский словарь сирийского диалекта.* М.: Русский язык.

Массон, В. М. (1975). *Экономика и социальный строй древних обществ.* Л.: Наука.

Материалистическая диалектика. (1984). Т. 4 / Ред. В. Г. Марахов. М.: Мысль.

Мацеевский, В. А. (1877). *Древнепольская сельская община.* Варшава: Варшавская губернская типография.

Маяк, И. Л. (1983). *Рим первых царей (Генезис римского полиса).* М.: Издательство Московского университета.

Медников, Б. М. (1976). Геном и язык (параллели между эволюционной генетикой и сравнительным языкознанием) // *Бюллетень МОИП. Отдел биологический.* Т. 81. № 4. С. 134–145.

Медников, Б. М. (1982). *Biologia Axiomatica.* М.: Знание.

Медников, Б. М. (1993). Введение // Докинз, 1993. С. 5–7.

Мельянцев, В. А. (1996). *Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность.* М.: Изд-во МГУ.

Менинг, О. (1982). *Поведение животных: Вводный курс.* М.: Мир.

Мец, А. (1996/1922). *Мусульманский ренессанс* [Die Renaissance des Islams]. М.: ВиМ.

Мешков, К. Ю. (1982). Филиппины // *Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин* / Ред. Н. Н. Чебоксаров и А. И. Кузнецов. М.: Наука. С. 175–226.

Миллер, И. С., Хренов, И. А. (Ред.) (1955). *История Польши.* Т. 2. М.: Академия наук СССР.

Моисеев, А. И. (1963). Термины родства в современном русском языке // *Филологические науки.* № 3. С. 120–132.

Морган, Л. Г. (1934). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации.* Л.: Издательство Института народов Севера ЦИК СССР.

Назаретян, А. П. (1991). *Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки медисциплинарной теории прогресса*. М.: Недра.

Назаретян, А. П. (1995). *Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса.* М.: Наследие.

Назаретян, А. П. (1999а). Векторы исторической эволюции // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 112–126.

Назаретян, А. П. (1999б). Векторы исторической эволюции // *Социально-исторический прогресс: мифы и реалии* / Ред. Э. С. Кульпин. М.: Папирус Про. С. 4–26.

Наумкин, В. В. (1988). *Сокотрийцы. Историко-этнографический очерк.* М.: Наука.

Наумкин, В. В., Порхомовский, В. Я. (1981). *Очерки по этнолингвистике Сокотры.* М.: Наука.

Негря, Л. В. (1981). *Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V–VII вв.* М.: Наука.

Никитин, Н. И. (1987). О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса) // *Феодализм в России* / Ред. В. Л. Янин. М.: Наука. С. 236–245.

Новичев, А. Д. (1960). *Турецкие кочевники в XV–XVIII вв.* М.: Издательство восточной литературы.

Новый Завет (1994). [М.]: Международный центр православной литературы.

Ожегов, С. И. (1969). *Словарь русского языка*. М.: Русский язык.

Ольгейрссон, Э. (1957). *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии.* М.: Издательство иностранной литературы.

Оппенхейм, А. Л. (1980). *Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации.* М.: Наука.

Осипова, Т. С. (1973). *Ирландский город и экспансия Англии XII–XIII вв.* М.: Наука.

Парсонс, Т. (1997а). *Система современных обществ.* М.: Аспект Пресс.

Парсонс, Т. (1997б). О построении теории социальных систем: Интеллектуальная автобиография // Парсонс, 1997а. С. 210–268.

Першиц, А. И. (1958). Арабы Ирака // *Советская этнография.* № 5. С. 77–90.

Петрушевский, И. П. (1966). *Ислам в Иране в VII–XV веках*. Л.: Наука.

Пигулевская, Н. В. (1964). *Арабы у границ Византии и Ирана в IV–VI вв.* М. – Л.: Наука.

Пигулевская, Н. В. (1979). *Культура сирийцев в средние века.* М.: Наука.

Пиотровский, М. Б. (1984). Пророческое движение в Аравии VII в. // *Ислам. Религия, общество, государство* / Ред. П. А. Грязневич, С. М. Прозоров. М.: Наука. С. 19–27.

Платон. (1923). Законы (перевод А.Н.Егунова) *Полное собрание творений Платона в 15 томах* / Ред. Жебелев, С.А., и др., Т. 13. Петроград: Academia.

Поршнев, Б.Ф. (1966). *Социальная психология и история.* Москва: Наука.

Промахина, И. М. (1975). Количественные методы исследования в работах представителей "новой экономической истории" (США) // *Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории* / Ред. И. Д. Коавльченко. М.: Наука. С. 283–319.

Прусаков, Д. Б. (1994). Социально-природный кризис и образование государства в древнем Египте // *Восток*. 1994. № 3. С. 21–33.

Прусаков, Д. Б. (1996). Социально-экологический кризис и упадок Нового Царства в Древнем Египте // *Восток*. № 1. С. 14–29.

Прусаков, Д. Б. (1999). *Природа и человек в древнем Египте.* М.: Московский лицей.

Пу И. (1968). *Первая половина моей жизни. Воспоминания Пу И – последнего императора Китая.* М.: Прогресс.

Рассел, Б. (1990). История западной философии. Глава XXVII. "Карл Маркс" // *Общественная мысль: исследования и публикации.* Вып. 2. С. 260–269.

Рожин, В. П. (1966). Вопросы диалектики современного общественного развития // *Диалектика современного общественного развития* / Ред. Ф. В. Константинов. М.: Наука. С. 149–159.

Align Рознер, И. Г. (1970). Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. // *Вопросы истории.* № 8. С. 42–56.

Розов, Н. С. (1992). *Структура цивилизации и тенденции мирового развития*. Новосибирск: НГУ.

Северцов, А. Н. (1939). *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л.: Издательство АН СССР.

Северцов, А. Н. (1967). *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд., М.: Издательство Московского университета.

Семенов, В. С. (1987). Движущие силы развития общества // *Марксистская диалектика как общая теория развития*. IV. *Диалектика общественного развития* / Ред. Л. Ф. Ильичев. М.: Политиздат. С. 52–81.

Семенова, Л. А. (1974). *Из истории фатимидского Египта.* М.: Наука.

Симоновский, С. И., Стрепетова, М. П. (1995). *Израиль.* М.: Международные отношения.

Скрынникова, Т. Д. (1997). *Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. М.: Восточная литература.

Скрынникова, Т. Д. (2000). Монгольское кочевое общество периода империи // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 344–355.

Смелзер, Н. (1994). *Социология*. М.: Феникс.

Смирнов, Н. А. (1954). *Очерки изучения истории ислама в СССР*. М.: АН СССР.

Сорокин, П. А. (1994). *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука.

Соселия, Е. Г. (1979). *Анализ систем терминов родства (по материалам картвельских языков)*. Тбилиси: Мецниереба

Спенсер, Г. (1866). Прогресс, его закон и причина // *Собрание сочинений*. В 7-ми томах. Т.1. Вып.1. СПб.: Н. Л. Тиблен.

Спенсер, Г. (1898). *Основания социологии*. Т.1. *Сочинения*. Т.4. СПб.: Издатель.

Стеблин-Каменский, М. И. (1984). *Мир саги. Становление литературы*. Л.: Наука.

Сумникова, Н. И. (1969). Термины родства и свойства в современном русском языке // *Русская речь.* № 2. С. 117–122.

Титов, Е. Г. (1959). Об особенностях амхарского языка в сравнении с некоторыми другими семитскими языками // *AFRICANA*. Т. 3. С. 169–183.

Тишков, В. А. (1998). (Ред.), *Народы и религии мира*. М.: Большая российская энциклопедия.

Толстов, С. П. (1931). Проблемы дородового общества // *Советская этнография*. № 3–4.

Толстов, С. П. (1932). Очерки первоначального ислама // *Советская этнография*. № 2. С. 24–82.

Трепавлов, В. В. (2000). Бий мангытов, коронованный *chief*: вождества в истории позднесредневековых номадов Западной Евразии // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 356–367.

Тугаринов, В. П. (1965). *Личность и общество*. М.: Мысль.

Туманян, Е. Г. (1971). *Древнеармянский язык.* М.: Наука.

Удальцова, З. В. (1985–1987). (Ред.), *История крестьянства в Европе*. ТТ. 1–3. М.: Наука.

Файнберг, Л. А. (1968). Первобытнообщинные отношения и их разложение у полярных эскимосов Гренландии // *Разложение родового строя и формирование классового общества* / Ред. А. И. Першиц. М.: Наука. С. 167–189.

Файнберг, Л. А. (1974). Возникновение и развитие родового строя // *Первобытное общество: Основные проблемы развития* / Ред. А. И. Першиц. М.: Наука. С. 49–87.

Файнберг, Л. А. (1986). Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов // *История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины* / Ред. Ю. В. Бромлей, А. И. Першиц, В. А. Шнирелман. М.: Наука. С. 130–235.

Федосова, В. Н. (1994). Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) // *Российская археология*. № 3. С. 71–82.

Филин, Ф. П. (1948). О терминах родства и родственных отношениях в древенерусском литературном языке // *Язык и мышление*. Т. 9. С. 329–346.

Фильштинский, И. М. (1977). *Арабская литература в средние века*. М.: Наука.

Французов, С. А. (1994). Три легенды об обращении в ислам хадрамаутских язычников // *Петербургское востоковедение*. Т. 5. С. 306–332.

Французов, С. А. (2000). Общество Райбуॐна // *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.: Логос. С. 302–313.

Фролов, Э. Д. (1988). *Рождение греческого полиса*. Л.: Издательство ЛГУ.

Хазанов, А.М. (1979). Классообразование: факторы и механизмы // *Исследования по общей этнографии* / Ред. А. И. Першиц. М.: Наука. С. 125–177.

Хайек, Ф. А. (1990). Дорога к рабству // *Вопросы философии.* № 10. С. 113–150; № 11. С. 123–165; № 12. С. 103–149.

Херлихи Д. (1993). Биология и история: к постановке проблемы // *Цивилизации.* Т. 2. С. 34–44.

Чижевский, А. Л. (1992). *Физические факторы исторического процесса*. Калуга: Ассоциация "Калуга – Марс" (репринт издания 1924 г.).

Чиркин, В. Е. (1955). Об изучении государственных образований, возникавших в ходе восстаний рабов и крестьян // *Вопросы истории*. № 9. С. 102–104.

Чиркин, В. Е., (1957). О государственности восставших рабов и крестьян // *Советское государство и право*. № 3. С. 70–80.

Членов, М. А. (1999). Евреи // *Народы и религии мира* / Ред. В. А. Тишков и др. М.: Большая российская энциклопедия. С. 167–169.

Чочиев, А. Р. (1985). *Очерки истории социальной культуры осетин.* Цхинвали: Ирыстон.

Чубаров, В. В. (1991). Ближневосточный локомотив: темпы развития техники и технологии в древнем мире // *Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития* / Ред. А. В. Коротаев и В. В. Чубаров. Т. I. М.: Институт истории СССР АН СССР. С. 92–135.

Чудинова, О. Ю. (1981). Мужчины и женщины в обществе аборигенов Австралии // *Пути развития Австралии и Океании. История, экономика, этнография* / Ред. К.В.Малаховский. Москва: Наука. С. 220–237.

Шифман, И. Ш. (1977). *Сирийское общество эпохи принципата.* М.: Наука.

Шифман, И. Ш. (1989). Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина 1 тысячелетия до н.э.) // *Государство и социальные структуры на древнем Востоке* / Ред. В. А. Якобсон. М.: Наука. С. 53–86.

Шкунаев, С. В. (1989). *Община и общество древних кельтов.* М.: Наука.

Шмайлова, Н. (1999). *Сравнительный анализ исторического развития систем терминов родства в русском и арабском языках.* Дипломная работа. М.: РГГУ.

Шнирельман, В. А. (1980). *Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема)*. М.: Наука.

Шнирельман, В. А. (1986). Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников-собирателей // *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины* / Ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука. С. 236–426.

Шнирельман, В. А. (1994). У истоков войны и мира // *Война и мир в ранней истории человечества* / Ред. А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, В. А. Шнирельман. Т. 1. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 9–161.

Штаерман, Е. М. (1989). К проблеме возникновения государства в Риме // *Вестник Древней Истории.* № 2. С. 76–94.

Щавинский, З. (1913). *Новый полный польско-русский словарь.* Варшава: Общедоступный книжный магазин.

Энгельс, Ф. (1961). Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. М.: Политиздат.

Aberle, D. F. (1961). Matrilineal Descent in Cross-Cultural Perspective // *Matrilineal Kinship* / Ed. by D. M. Schneider & K. Gough. Berkeley: University of California Press. P. 655–727.

Abuॐ Ghaॐnim, F. ➹A. A. (1985/1405). *Al-bunyah al-qabaliyyah f❺ 'l-Yaman bayna 'l-istimra*ॐ*r wa-'l-taghayyur*. Dimashq: al-Kaॐtib al-➹Arabiyy.

Abuॐ Ghaॐnim, F. ➹A. A. (1990/1410). *Al-qab❺lah wa-'l-dawlah f❺ 'l-Yaman*. al-Qaॐhirah: Daॐr al-Manaॐr.

Adams, R. N. (1975). *Energy and Structure.* Austin, TX – London: University of Texas Press.

Ahroni, R. (1982). *Yemenite Jewry. Origins, Culture, and Literature.* Bloomington: Indiana University Press.

Alexander, J. C. (1983). *Theoretical Logic in Sociology*. Berkeley., CA – Los Angeles, CA: University of California Press. Vol. 4.

Allen, M. G. (1972). A Cross-Cultural Study of Aggression and Crime // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 3. P. 259–271.

Al-Rasheed, M. (1994). The Rash❺d❺ Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia // *New Arabian Studies.* Vol. 2. P. 140–152.

Archer, D., Gartner, R. (1984). *Violence and Crime in Cross-National Perspective.* New Haven, CT: Yale University Press.

Arnhart, L. (1990). Aristotle, Chimpanzees, and Other Political Animals // *Social Science Information*. Vol. 29. P. 479–559.

Arnhart, L. (1994). The Darwinian Biology of Aristotle's Political Animals // *American Journal of Political Science*. Vol. 38. P. 464–485.

Artemova, O. Yu. (2000a). Initial Phases of Politogenesis // *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko & A. V. Korotayev. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 54–72.

Artemova, O. Yu. (2000b). Monopolization of Information and Social Inequality // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 132–137.

Audouin, R., Breton, J.-F., & Robin, C. (1988). Towns and Temples - the Emergence of South Arabian Civilization // *Yemen: 3000 Years of Art and Civilization in Arabia Felix* / Ed. by W. Daum. Innsbruck – Frankfurt/Main: Pinguin Verlag – Umschau-Verlag. P. 63–77.

al-Azraqī, Muḥammad b. ʿAbdallāh. (1858). *Kitāb akhbār Makkah* / Ed. by F.Wüstenfeld. Leipzig: Brockhaus.

Bacon, M. K., Child, I. L., & Barry, H., III. (1963). A Cross-Cultural Study of Correlates of Crime // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 66. P. 291–300.

Bahrey. (1954 [1593]). History of the Galla // *Some Records of Ethiopia (1593–1646). Being Extracts from the* History of High Ethiopia or Abassia *by Manoel de Almeida together with Bahrey's* History of the Galla. Ed. and transl. by C. F. Beckingham & G. W. B. Huntingford. London: Hakluyt Society (Works issued by the Hakluyt Society. 2nd series, No 107).

Bailey, R. C., & Peacock, N. (1989). *Time Allocation of Efe Pygmy Men and Women of the Ituri Forest, Zaire.* New Haven, CT: HRAF Press.

Baksh, M. (1990) *Time Allocation among the Machiguenga of Camana (Peru)*. New Haven, CT: HRAF Press.

Balādhurī, Aḥmad b. Yaḥyā. (1866). *Futūḥ al-buldān* / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum: E.J.Brill.

Baldwin, B., Pollack, J., Summers, A., Toon, O., Sagan, C., & Van Camp, W. (1976). Stratospheric Aerosols and Climate Change // *Nature*. Vol. 263. P. 551–555.

Balkwell, C., & Balswick, J. (1981). Subsistence Economy, Family Structure and the Status of the Elderly // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 43. P. 423–429.

Balsdon, J. P. V. D. (1962). *Roman Women.* London etc.: Bodley Head.

Bandura, A. [1973] (1980). The Social Learning Theory of Aggression // *The War System: An Interdisciplinary Approach* / Ed. by R. A. Falk and S. S. Kim. Boulder, CO: Westview.

Barry, H., III, Child, I. L., & Bacon, M. K. (1959). Relation of Child Training to Subsistence Economy // *American Anthropologist.* Vol. 61. P. 51–63.

Barry, H. III, Josephson, L., Lauer, E., & Marshall, C. (1976). Traits Inculcated in Childhood: Cross-Cultural Codes 5 // *Ethnology*. Vol. 15. P. 83–114.

Barry, H. III, Josephson, L., Lauer, E., & Marshall, C. (1985). Traits Inculcated in Childhood: Cross-Cultural Codes 5 // *World Cultures.* Vol. 1. N 2. Files STDS13.COD, STDS13.DAT.

Barry, H. III, & A. Schlegel. (1980) (Eds.). *Cross-Cultural Codes and Samples*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Barry, H. III, Schlegel, A. (1990). *Quantitative Cross-Cultural Data Series*. IV: *Adolescence*. New Haven, CT: HRAF Press (one floppy disk and paper codebook).

Barton, R. F. (1919). *Ifugao Law*. Berkeley, CA: University of California Press (University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Vol. XV).

Barton, R. F. (1922). *Ifugao Economics*. Berkeley, CA: University of California Press (University of California Publications in Amirican Archaeology and Ethnology. Vol. XV. Pt. 5).

Barton, R. F. (1938). *Philippine Pagans*. London: Routledge.

al-Bayaॐt❺, ⇗A❀dil Jaॐsim. (1407/1987). *Al-malaॐh¤im al-⇗arabiyyah: Muqaॐranaॐt f❺ d¤aw' al-asaॐt¤❺r wa-l-malaॐh¤im al-kawniyyah al-sumiriyyah wa-l-saॐmiyyah*. Bayruॐt: ⇗A❀lam al-kutub.

Beaune, C. (1985). *Naissance de la nation Françe.* Paris: Gallimard.

Beeston, A. F. L. (1984a). Judaism and Christianity in pre-Islamic Yemen // Chelhod, J., et un groupe d'auteurs, *L'Arabie du Sud: histoire et civilization*. 1. *Le peuple yéménite et ses racines*. Paris: Maisonneuve & Larose (Islam d'hier et d'aujourd'hui. Vol. 21). P. 271–278.

Beeston, A. F. L. (1984b). The Religions of pre-Islamic Yemen // *L'Arabie du Sud: histoire et civilization*. 1. *Le peuple yéménite et ses racines* / Ed. J. Chelhod. Paris: Maisonneuve & Larose (Islam d'hier et d'aujourd'hui. Vol. 21). P. 259–269.

Beeston, A. F. L. (1984c). Himyarite Monotheism // *Studies in the History of Arabia*. II. *Pre-Islamic Arabia* / Ed. by A. M. Abdallaॐh *et al.* Riyad: King Saud University Press. P. 149–154.

Beeston, A. F. L. (1985). The Martyrdom of Azqir // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 15. P. 5–10.

Befu, H. (1966). Political Complexity and Village Community: Test of an Hypothesis // *Anthropological Quarterly.* Vol. 39. P. 43–52.

Berent M. (1994). *Stateless Polis*. Unpublished Ph.D. thesis manuscript. Cambridge: Cambridge University.

Berent, M. (1996). Hobbes and the "Greek Tongues" // *History of Political Thought.* Vol. 17. P. 36–59.

Berent, M. (1998). The stateless polis: towards a new anthropological model of the ancient Greek community // *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach* / Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev & O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 97–98.

Berent, M. (2000). Greece (11^{th} – 4^{th} centuries BC) // *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko & A. V. Korotayev. Mos-

cow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 228–254.

Berezkin, Yu. E. (1995). Alternative Models of Middle Range Society. "Individualistic" Asia vs. "Collectivistic" America? // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin & V. A. Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka. C. 75–83.

Berezkin, Yu. E. (2000). Once Again on Horizontal and Vertical Links in Structure of the Middle Range Societies // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck & P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 220–224.

Berkowitz, L. [1962] (1980). The Frustration-Aggression Hypothesis // *The war system: An Interdisciplinary Approach* / Ed. by R. A. Falk & S. S. Kim. Boulder, CO: Westview.

Berneker, E. (1908–1911). *Slavisches etymologisches Wörterbuch.* 11 vols. Heidelberg: Winter.

Berry, J. W. (1971). Ecological and Cultural Factors in Spatial Perceptual Development // *Canadian Journal of Behavioural Science.* Vol. 3. P. 324–336.

Berry, J. W. (1976). *Human Ecology and Cognitive Style.* New York: John Wiley.

Behrens, C. A. (1989). *Time Allocation among the Shipibo of Nuevo Eden (Peru).* New Haven, CT: HRAF Press.

de Biberstein Kazimirski, A. (1846). *Dictionnaire Arabe-Français*. Paris: Theophile Barrois.

Bloch, M. (1956). *Les caracteres originaux de l'histoire rurale française.* Paris: Colin.

de Blois, F. (1990). The Date of the "Martyrs of Nagraॐn" // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Vol. 1. P. 110–128.

Blumberg, R. L., & Winch, R. F. (1972). Societal Complexity and Familial Complexity: Evidence for the Curvilinear Hypothesis // *American Journal of Sociology*. Vol. 77. P. 898–920.

Boas, F. (1940). The Limitations of the Comparative Method of Anthropology // Franz Boas. *Race, Language, and Culture*. New York, NY: Macmillan. P. 261–283 (Originally published 1896).

Bohannan, P. (1963). *Social Anthropology.* New York, NY: Holt, Rinehart & Winston.

Bondarenko, D. M. (1994). Precolonial Benin: Man, Authority and the Structure of the Society // *State, City & Society* / Ed. by J. A. Sabloff & M. Lal. New Delhi: World Archaeological Congress. P. 1–10.

Bondarenko, D. M. (1997). Benin on the Eve of the First Contacts with the Europeans. Man. Society. Authority. Summary // *African Studies in Russia*. Vol. 3. P. 162–170.

Bondarenko, D. M. (1998). The Benin Kingdom (13th – 19th Centuries) as a Megacommunity // *Sociobiology of Ritual and Group Identity: A Homology of Animal and Human Behaviour. Concepts of Humans and Behaviour Patterns in the Cultures of the East and the West: Interdisciplinary Approach* / Ed. by M. Butovskaya, A. Korotayev & O. Khristoforova. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 111–113.

Bondarenko, D., & Korotayev, A. (2000). Family Size and Community Organization: A Cross-Cultural Comparison // *Cross-Cultural Research*. Vol. 34. P. 190–208.

Bondarenko, D. M. & Roese, P. M. (1998). Pre-Dynastic Edo: The Independent Local Community Government System and Socio-Political Evolution // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. Vol. 39. P. 367–372.

Boserup, E. (1972 [1st ed. – 1965]). *The Conditions of Agricultural Growth: The Economics of Agrarian Change under Population Pressure*. London: Allen & Unwin.

Boserup, E. (1981). *Population and Technological Change.* Chicago: University of Chicago Press.

Boudon, R. (1986). *Theories of Social Change: A Critical Appraisal.* Translated by J.C.Whitehouse. Cambridge.

Bowen, R. L. (1958). Ancient Trade Routes in South Arabia // *Archaeological Discoveries in South Arabia* / Ed. R. L. Bowen & F. P. Albright. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press (Publications of the American Foundation for the Study of Man. Vol. II). P. 35–42.

Boyd, R., Richerson, P.J. (1985). *Culture and the Evolutionary Process*. Chicago: University of Chicago Press.

Brockelmann, C. (1928). *Lexicon Syriacum.* Halis Saxonum: Max Niemeyer.

Brown, F., Driver, S. R., Briggs, C. A. (1951). *Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Including the Biblical Aramaic*. Oxford: Clarendon Press.

Brown, T. (1981). *Ireland: A Social and Cultural History, 1922–79.* Glasgow: Fontana.

Brückner, A. (1974). *Slownik etymologiczny jezyka polskiego.* Warszawa: Wiedza powszechna.

Brunton, R. (1989). The Cultural Instability of Egalitarian Societies // *Man.* Vol. 24. P. 673–681.

Burton, M. L., Moore, C. C., Whiting, J. W. M., & Romney, A. K. (1996). Regions Based On Social Structure // *Current Anthropology.* Vol. 37. P. 87–123.

Burton, M. L., Reitz, K. (1981). The Plow, Female contribution to Agricultural Subsistence and Polygyny: A Long-Linear Analysis // *Behavior Science Research.* Vol. 16. P. 275–306.

Burton, R. V., Whiting, J. W. M. (1961). The Absent Father and Cross-Sex Identity // *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development.* Vol. 7. P. 85–95.

Butovskaya, M., Korotayev, A., Kazankov, A. (2000). Dominance Styles and Variability of Social Relationships in Non-Human and Human Primates: Searching for a General Paradigm // *Primatologie.* Vol. 3. N 6.

Carneiro, R. L. (1969). The Measurement of Cultural Development in the Ancient Near East and in Anglo-Saxon England // *Transactions of the New York Academy of Sciences*, Series II. Vol. 31. P. 1013–1023.

Carneiro, R. L. (1970a). Introduction // Spencer, H. *The Evolution of Society.* Chicago: University of Chicago Press. P. I–LVII.

Carneiro, R. L. (1970b). A Theory of the Origin of the State // *Science.* Vol. 169. P. 733–738.

Carneiro, R. L. (1981). The Chiefdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones & R. R. Kautz. Cambridge etc. P. 37–79.

Carneiro, R. L. (1987). Cross-Currents in the Theory of State Formation // *American Ethnologist.* Vol. 14. N 4. P. 756–770.

Carneiro, R. L. (1988). The Circumscription Theory: Challenge and Response // *American Behauioral Scientist.* Vol. 31. N 4. P. 497–511

Carneiro, R. L. (1991). The Nature of the Chiefdom as Revealed by Evidence from the Cauca Valley of Colombia // *Profiles in Cultural Evolution* / Ed. by A.T.Rambo and K.Gillogly. Ann Arbour, MI: Michigan University Press (Anthropology Papers, Museum of Anthropology, University of Michigan. No. 85). P. 167–190.

Carneiro, R. L. (2000a). *The Muse of History and the Science of Culture.* New York, NY etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Carneiro, R. L. (2000b). Process *vs.* Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 52–58.

[Carpenter, E.] (1869) (ed.). Martirium sancti Arethae et Sociorum in civatate Negran // *Acta Sanctorum*. Vol. 10. P. 721–759.

Cavalli-Sforza, L.L., Feldman, M.W. (1981). *Cultural Transmission and Evolution. A Quantitative Approach*. Princeton: Princeton University Press.

Cavanaugh, D. (1971). Specific Effect of Temperature upon Transmission of the Plague Bacillus by the Oriental Rat Flea X. Cheopis' // *American Journal of Tropical Medicine and Hygiene.* Vol. 20. P. 264–274.

Chase-Dunn, C. & P. Grimes. (1995). World-System Analysis // *Annual Review of Sociology.* Vol. 21. P. 387–417.

Chase-Dunn, C. & T. D. Hall. (1993). Comparing World-Systems: Concepts and Working Hypotheses // *Social Forces.* Vol. 71. N 4. P. 851–886.

Chase-Dunn, C., and Hall, T.D. (1994). The Historical Evolution of World-Systems // *Sociological Inquiry*. Vol. 64. N 3. P. 257–280

Chase-Dunn, C. & T. D. Hall. (1995). The Historical Evolution of World-Systems // *Protosoziologie.* Vol. 7. P. 23–34, 301–3.

Chase-Dunn, C., & Hall, T. D. (1997). *Rise and Demise. Comparing World-Systems.* Boulder, CO: Westview Press.

Chelhod, J. (1970). L'Organisation sociale au Yémen // *L'Ethnographie.* Vol. 64. P. 61–86.

Chelhod, J. (1975). La societé yéménite et le droit // *L'Homme.* Vol. 15. N 2. P. 67–86.

Chelhod, J. (1979). Social Organization in Yemen // *Diraॐsaॐt Yamaniyyah*. N 3. P. 47–62.

Chelhod, J. (1985). Les structures sociales et familiales // *L'Arabie du Sud: histoire et civilization.* 3. *Culture et institutions du Yémen* / Ed. Chelhod, J. et al. Paris: Maisonneuve et Larose (Islam d'hier et d'aujourd'hui. Vol. 25). P. 15–123.

Chirot, D. (1994). *How Societies Change*. Thousand Oaks, CA etc.: Sage.

Christie, J. W. (1995). State Formation in Early Maritime Southeast Asia // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde.* Vol. 151. P. 235–88.

CIAS (1977). *Corpus des inscriptions et antiquités Sud Arabes*. T. 1. Louvain: Peeters.

Claessen, H. J. M. (1989). Evolutionism in Development. Beyond Growing Complexity and Classification // *Kinship, Social Change, and Evolution*. / Ed. by A. Gingrich *et al.* Wien. P. 231–247.

Claessen, H. J. M. (1996). How Unique Was Srivijaya? // *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde.* Vol. 152. P. 443–445.

Claessen, H. J. M. (2000a). Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 1–11.

Claessen, H. J. M. (2000b). *Structural Change. Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology.* Leiden: Research School CNWS.

Claessen, H. J. M., & Oosten, J. G. (1996) (Eds.). *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., & Skalnik, P. (1978) (Eds.). *The Early State*. The Hague – Paris – New York: Mouton.

Claessen, H. J. M., & Skalnik, P. (1981) (Eds.). *The Study of the State*. The Hague – Paris – New York: Mouton.

Claessen, H. J. M., & van de Velde, P. (1982). Another Shot at the Moon // *Research*. Vol. 1. P. 9–17.

Claessen, H. J. M., & van de Velde, P. (1985a). The Evolution of Sociopolitical Organization // *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, & M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Carvey. P. 1–12.

Claessen, H. J. M., & van de Velde, P. (1985b). Sociopolitical Evolution as Complex Interaction // *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, & M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey. P. 246–263.

Claessen, H. J. M., & van de Velde, P., (1987a). (Eds.). *Early State Dynamics.* Leiden etc.: Brill.

Claessen, H. J. M., & van de Velde, P. (1987b). Introduction // *Early State Dynamics*. Ed. by H. J. M. Claessen & P. van de Velde. Leiden etc.: Brill. P. 1–23.

Claessen, H. J. M., van de Velde, P., & Smith, M. E. (1985) (Eds.). *Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization*. South Hadley, MA: Bergin & Carvey.

Clark, C., & Haswell, M. (1966). *The Economics of Subsistence Agriculture.* 2nd ed. London etc.: Macmillan – New York, NY: St. Martin's Press.

Cohen, G. A. (1982). *Karl Marx's Theory of History: A Defence*. Oxford: Clarendon Press.

Cohen, M. N. (1977). *The Food Crisis in Prehistory: Overpopulation and the Origins of Agriculture*. New Haven, CT: Yale University Press.

Cohen, M. N. (1987). The Significance of Long-Term Changes in Human Diet and Food Economy // *Food and Evolution: Toward a Theory of Human Food Habits*. Edited by M. Harris and E. Ross. Philadelphia, PN: Temple University Press. P. 261–283.

Cohen, M. N. (1989). *Health and the Rise of Civilization*. New Haven, CT: Yale University Press.

Cohen, M. N. (1995). The Osteological Paradox Reconsidered // *Current Anthropology*. Vol. 35. P. 629–631.

Cohen, M. N. (1998). Were Early Agriculturalists Less Healthy Than Food Collectors? // *Research Frontiers in Anthropology* / Ed. by C. R. Ember, M. Ember and P. N. Peregrine. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall. P. 61–83.

Cohen, M. N., and Armelagos, G. J. (1984) (Eds.). *Paleopathology at the Origins of Agriculture*. Orlando etc.: Academic Press.

Cohen, P. S. (1968). *Modern Social Theory*. London: Heinemann.

Cohen, R. (1985). Warfare, and State Formation // *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, and M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey. P. 276–289.

Cohen, Ye. A. (1969). Ends and Means in Political Control: State Organization and the Punishment of Adultery, Incest, and Violation of Celibacy // *American Anthropologist*. Vol. 71. P. 658–687.

Cole, M. M. (1966). *South Africa*. London: Methuen – New York: Duttan.

Collins, R. (1975). *Conflict Sociology: Toward an Explanatory Science*. New York, NY etc.: Academic Press.

Collins, R. (1988). *Theoretical Sociology*. San Diego, CA: Jovanovich.

Comte, A. (1896). *The Positive Philosophy*. Transl. by Harriet Martineau. London: Bell.

Conrad, G. W., & Demarest, A. A. (1984). *Religion and Empire. The Dynamics of Aztec and Inca Expansion*. Cambridge: Cambridge University Press.

Conrad, A. H., & Meyer J. R. (1964). *The Economics of Slavery and Other Studies in Econometric History*. Chicago: Aldine.

Coon, C. S. (1950). The Mountains of Giants: A Racial and Cultural Study of the North Albanian Mountain Ghegs // *Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology, Harvard University*. Vol. 23. P. 1–105.

Coser, L.A. (1956). *The Functions of Social Conflict*. New York, NY: The Free Press – London: Macmillan.

Coult, A. D., & Habenstein, R. W. (1965). *Cross Tabulations of Murdock's World Ethnographic Sample*. Columbia, MO: University of Missouri Press.

Crone, P. (1987). *Meccan Trade and the Rise of Islam*. Oxford: Basil Blackwell.

al-D¤abb❺, Mufad¤d¤al ubn Muh¤ammad. (1964). *Al-Mufad¤d¤aliyyaॐt* / Tah¤q❺q Ah¤mad Muh¤ammad Shaॐkir & ✍Abd al-Salaॐm Muh¤ammad Haॐruॐn. al-Qaॐhirah: Daॐr al-Ma✍aॐrif bi-Mis¤r (D❺waॐn al-✍Arab. Majmuॐ✍aॐt min ✍uyuॐn al-shi✍r. Mujallad 1).

Dahrendorf, R. (1959). *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Dawkins, R. (1976). *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press.

Dawson, J. L. M. (1967). Cultural and Physiological Influences upon Spatial-Perceptual Processes in West Africa // *International Journal of*

Psychology. Vol. 2. P. 115–128; 171–185.

Derlugian, L. (1997). *The Unlikely Abolitionists: The Russian Struggle against the Slave Trade in the Caucasus, 1800–1864.* Unpublished PhD thesis manuscript. Binghampton, NY: SUNY.

Dirks, S. (1969). *La famille musulmane turque. Son évolution au 20-e siècle*. Paris – La Haye: Mouton.

Divale, W. T. (1974). Migration, External Warfare, and Matrilocal Residence // *Behavior Science Research*. Vol. 9. P. 75–133.

Dobzhansky, T., Ayala, F.J., Stebbins, G.L., & Valentine, J.W. (1977). *Evolution*. San Francisco, CA: W. H. Freeman.

Doe, D. B. (1971). *Southern Arabia*. London.

Dollard, J., L. Doob, N. Miller, O. Mowrer, and R. Sears. (1939). *Frustration and Aggression.* New Haven, CT: Yale University Press.

Donner, F.M. (1980). Mecca's Food Supplies and Muh¤ammad's Boycott // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 20. P. 249–266.

Dostal, W. (1974). Sozio-ökonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Yemen // *Sociologus*. Vol. 24. P. 1–15.

Dostal, W. (1985). *Egalität und Klassengesellschaft in Südarabien. Anthropologische Untersuchungen zur sozialen Evolution.* Horn – Wien: Ferdinand Berger & Söhne (Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Bd. 20).

Dostal, W. (1990). *Eduard Glaser–Forschungen im Yemen*. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.

Dostal, W. (1991). Mecca before the Time of the Prophet – Attempt of an Anthropological Interpretation // *Der Islam.* Bd. 68. S. 193–231.

Dozy, R. (1991). *Supplement aux dictionnaires Arabes*. Beirouth: Librairie du Liban. Vol. 1.

Dresch, P. (1984a).The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen // *Man.* Vol. 19. P. 31–49.

Dresch, P. (1984b). Tribal Relations and Political History in Upper Yemen// *Contemporary Yemen: Politics and Historical Background* / Ed. by B. R. Pridham. London – Sydney: Croom Helm. P. 154–174.

Dresch, P. (1989). *Tribes, Government, and History in Yemen*. Oxford: Clarendon Press.

Durham, M. E. (1909). *High Albania.* London: Routledge.

Durham, M. E. (1928). *Some Tribal Origins, Laws and Customs of the Balkans.* London: Routledge.

Durham, William H. (1990). Advances in Evolutionary Culture Theory // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 19. P. 187–210.

Durham, William H. (1992). Applications of Evolutionary Culture Theory // *Annual Review of Anthropology*. 21. P. 331–335.

Durkheim, E. (1952 [1st ed. 1897]). *Suicide*. London: Routledge & Kegan Paul.

Durkheim, E. (1958 [1st ed. 1895]). *The Rules of Sociological Method*. London: Collier – Macmillan.

Earle, T. (1997). *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory.* Stanford, CA: Stanford University Press.

Eckhardt, W. (1973). Anthropological Correlates of Primitive Militarism // *Peace Research.* Vol. 5. P. 5–10.

Eickelman, D. F. (1981). *The Middle East. An Anthropological Approach*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Eisenstadt, S. N. (1964). Social Change, Differentiation and Evolution // *American Sociological Review.* Vol. 29. P. 375–386;

Eisenstadt, S. N. (1970). Social Change and Development // *Readings in Social Evolution and Development* / Ed. by S. N. Eisenstadt. Oxford etc.: Pergamon. P. 3–33.

Eisenstadt, S. N. (1978). *Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations*. New York, NY: The Free Press – London: Collier Macmillan.

Eisenstadt, S. N. (1982). The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics // *Archives Européennes de Sociologie*. Vol. 2. P. 294–314.

Eisenstadt, S. N. (Ed.). (1986). *The Origins and Diversity of Axial Age Civilizations.* Albany, N.Y: SUNY Press.

Eisenstadt, S. N. (1993). *The Political System of Empires*. New Brunswick, NJ: Transaction.

Eliade, M. (1959). *Cosmos and History.* New York: Harper & Row.

Ember, M. (1963a). The Relationship between Economic and Political Development in Non-Industrialized Societies // *Ethnology.* Vol. 2. P. 228–248.

Ember, M. (1963b). Warfare, Sex Ratio, and Polygyny // *Ethnology.* Vol. 13. P. 197–206.

Ember, C. R., & Ember, M. (1994). War, Socialization, and Interpersonal Violence // *Journal of Conflict Resolution.* Vol. 38. P. 620–646.

Ember, C. R., & Ember, M. (1996) (Eds.). *Cross-Cultural Research for Social Sciences*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall/Simon and Shuster Custom Publishing.

Ember, C. R., Ember, M. (1998). Cross-Cultural Research // *Handbook of Methods in Cultural Anthropology* / Edited by H. R. Bernard. Walnut Creek, CA: AltaMira Press. P. 647–690.

Ember, M., & Ember, C. R. (1999). *Anthropology*. 9th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

Ember, C. R., and Levinson, D. (1991). The Substantive Contributions of Worldwide Cross-Cultural Studies Using Secondary Data // *Behavior Science Research.* Vol. 25. P. 79–140.

Ember, C. R., Ember, M., & Pasternak, B. (1983). On the development of unilineal descent // *Marriage, family, and kinship: comparative studies of social organizations* / Ed. by M. Ember & C. R. Ember. New Haven, CT: HRAF Press. P. 359–397.

Ember, C. R., & Levinson, D. (1991). The Substantive Contributions of Worldwide Cross-Cultural Studies Using Secondary Data // *Behavior Science Research*. Vol. 25. P. 79–140.

Ember, M., & Ember, C. R. (1999). *Anthropology*. 9th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

Engels, F. (1884). *Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*. Hottingen – Zürich: Verlags-Magazin.

Engerman, S. L. (1971). The Economic Impact of the Civil War // *The Reinterpretation of American Economic History* / Ed. by R. W. Fogel & S. L. Engerman. New York, NY etc.: Harper & Row. P. 368–379.

Etzioni, A., & Etzioni, E. (1964). Introduction // *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences* / Ed. by A. Etzioni and E. Etzioni. New York – London: Basic Books. P. 3–9.

Evans, R. J., Lee, W. R. (Eds.) (1986). *The German Peasantry. Conflict and Community in Rural Society from the 18th to the 20th Centuries.* London–Sydney: Croom Helm.

Evans-Pritchard, E. E. (1949). *The Sanusi of Cyrenaica.* Oxford: Clarendon Press.

Even-Shoshan, A. (1998). *Ha-milon ha-ʿivri ha-merukaz*. Jerusalem: Kiryat-Sefer (in [Modern] Hebrew).

Fahd, T. (1966). *La divination arabe*. Leiden: E.J.Brill.

Fedele, F.G. (1988). North Yemen: The Neolithic // *Yemen: 3000 Years of Art and Civilization in Arabia Felix* / Ed. by W. Daum. Innsbruck: Pinguin – Frankfurt/Main: Umschau-Verlag. P. 34–37.

Fine, J. V. A. (1987). *The Late Medieval Balkans. A Critical Survey from the Late Twelfth Century to the Ottoman Conquest.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Fitzmyer, J. A., Harrington, D. J. (1978). *A Manual of Palestinian Aramaic Texts*. Rome.

Fogel, R. W., Engerman, S. L. (1971). The Economics of Slavery // *The Reinterpretation of American Economic History* / Ed. by R. W. Fogel and S. L. Engerman. New York, NY: Harper & Row. P. 311–341.

Fogel, R. W., Engerman, S. L. (1974). *Time on the Cross. The Economics of American Negro Slavery.* 2 vols. Boston – Toronto: Little, Brown & Co.

Fortes, M. (1953). The Structure of Unilineal Descent Groups // *American*

Anthropologist. Vol. 55. P. 17–41.

Fox, R. (1989). *The Search for Society: Quest for a Biosocial Science and Morality*. New Brunswick, NJ: Transaction.

Frantsouzoff, S. A. (1995). The Inscriptions from the Temples of Dhaॐt H¤imyam at Raybuॐn // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 25. P. 15–27, tables I–II.

Frantsouzoff, S. A. (1996). A GEZERAH-Decree from Ancient Southern Arabia (new approach to the interpretation of MAFRAY-H¤as¤❺ 1) // *ARAM*. Vol. 8. N 1&2.

Frantsouzoff, S. A. (1997). Regulation of Conjugal Relations in Ancient Raybuॐn // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 27. P. 47–62.

Frantsouzoff, S. A. (2000). The Society of Raybuॐn // *Alternatives of Social Evolution* / *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, & P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 258–265.

Fried, M. H. (1967a). *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

Fried, M. H. (1967b). On the Concepts of 'Tribe' and 'Tribal Society // *Essays on the Problem of Tribe*. Ed. by J. Helm. Seattle – London: University of Washington Press. P. 3–20.

Fried, M. H. (1975). *The Notion of Tribe*. Menlo Park, CA etc.: Benjamin Cummings.

Führer-Haimendorf, C. (1962). *The Apa Tanis and Their Neighbours*. London: Routledge & Paul – New York, NY: The Free Press of Glencoe.

Futuyma, D. J. (1986). *Evolutionary Biology*. 2nd ed. Sunderland, MA: Sinauer.

Gajda, I. (1996). H¤ujr b. ✍Amr roi de Kinda et l'etablissement de la domination h¤imyarite en Arabie centrale // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 26. P. 65–73, pl. I.

Gellner, E. (1969). *Saints of the Atlas*. London: Weidenfeld and Nicolson.

Gellner, E. (1981). *Muslim Society*. Cambridge – New York, NY – Melbourne: Cambridge University Press.

Gellner, E. (1988). *Plough, Sword and Book.* London: Collins Harvill.

Giddens, A. (1981). *A Contemporary Critique of Historical Materialism*. Berkeley, CA – Los Angeles, CA: University of California Press.

Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley, CA – Los Angeles, CA: University of California Press.

Giner, S. (1972). *Sociology*. London: Martin Robertson.

Glascock, A. P., Wagner, R. A. (1987). *Quantitative Cross-Cultural Data Series*. II: *Death and Dying in the Life Cycle*. New Haven, CT: HRAF Press (one floppy disk and paper codebook).

Gochenour, D. T. (1984). *The Penetration of Zayd❺ Islam into Early Medieval Yemen*. Ph. D. thesis. Cambridge, MA: Harvard University.

Godelier, M. (1975). Modes of Production, Kinship and Demographic Studies // *Marxist Analysis and Social Anthropology* / Ed. by M. Bloch. London.

Goldenweiser, A. (1937). *Anthropology*. New York: F. S. Crofts.

Goody, J. (1983). *The Development of the Family and Marriage in Europe.* Cambridge: Cambridge University Press.

Gould, R. A. (1969). *Yiwara: Foragers of the Australian Desert*. New York, NY: Scribner.

Gould, R. A. (1977). *Puntutjarpa Rock Shelter in the Australian Desert Culture*. New York, NY: The American Museum of Natural History (The American Museum of Natural History Anthropological Papers. Vol. 54. Pt. 1).

Gould, R. A. (1981). Comparative Ecology of Food-Sharing in Australia and Northwest California // *Omnivorous Primates: Gathering and Hunting in Human Evolution* / Edited by S. O. Harding & G. Teleki. New York, NY: Columbia University Press. P. 422–454.

Gould, R. A. (1991). Arid-Land Foraging as Seen from Australia: Adaptive Models and Behavioral Realities // *Oceania*. Vol. 62. N 1. P. 12–33.

Gremais, A. J. (1987). *Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milleu du 14e siècle*. Paris: Larousse.

Grodecki, R. (1969). *Polska piastowska.* Warszawa: Panstw. wydwo naukowe.

Gurr, T. R. (1989). Historical Trends in Violent Crime: Europe and the United States // *Violence in America.* Vol.1. *The History of Crime* / Ed. by T. R. Gurr. Newbury Park, CA: Sage.

Habermas, J. (1979). *Communication and the Evolution of Society*. Boston: Beacon Press.

Habermas, J. (1984). *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.

Hallpike, C.R. (1986). *The Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon Press.

Halperin, D. J. (1976). The Ibn S¤ayyaॐd Tradition and the Legend of al-Dajjaॐl // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 96. P. 129–141.

Hames, R. (1993). *Ye'kwana Time Allocation (Venezuela).* New Haven, CT: HRAF Press.

Harner, M.J. (1970). Population Pressure and the Social Evolution of Agriculturalists // *Journal of Anthropological Research*. Vol. 26. N 1.

Hansen, J., Wang, W.-C., & Lacis, A. (1978). Mount Agung Eruption Provides Tests of a Global Climatic Perturbation // *Science*. Vol. 199. P. 1065–1068.

Harper, C. L. (1998). *Exploring Social Change: America and the World.* 3rd ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

Harris, M. (1968). *The Rise of Anthropological Theory*. New York, NY: Crowell.

Harris, M. (1978). *Cannibals and Kings: The Origins of Cultures*. London: Collins.

Harris, M. (1979). *Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture*. New York: Random House.

Hasluck, M. (1954). *The Unwritten Law in Albania.* Cambridge: Cambridge University Press.

Hayek, F. A. (1945). *The Road to Serfdom.* Chicago, IL: University of Chicago Press.

Hayes, W. (1959). *The Scepter of Egypt*. II. *The Hyksos Period and the New Kingdom*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Hays, D. G. (1998). *The Measurement of Cultural Evolution in the Non-Literate World. Homage to Raoul Naroll.* New York, NY: Metagram Press (CD edition).

Henke, R. (1973). Appendix to Naroll (1973) // *Main Currents in Cultural Anthropology* / Edited by R. Naroll & F. Naroll. New York, NY: Appleton. P. 355–360.

Heurgon, J. (1973). *The Rise of Rome to 264 B.C.* London: Batsford.

Hippeau, C. (1873). *Dictionnaire de la langue française au 12e et au 13e siècle.* 2 vols. Paris: Oubry.

Hoebel, E. A. (1977). *The Cheyennes: Indians of the Great Plains.* Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich.

Hoftijzer, J., Jongeling, K., (1995). *Dictionary of the North-West Semitic Inscriptions*. Leiden – New York – Köln: E.J.Brill.

Hunt, E. F., Colander, D.C. (1993). *Social Science*. New York – Toronto.

Ibn ✍Abd Rabbi-hi, Ah¤mad Muh¤ammad al-Andalus❺. (1949-65). *Kitaॐb al-✍iqd al-far❺d* / Tah¤q❺q Ah¤mad Am❺n, Ah¤mad al-Zayn & Ibrah❺m al-Abyaॐr❺. 7 vols. al-Qaॐhirah: Lajnat al-Ta'l❺f wa-'l-Tarjamah wa-'l-Nashr.

Ibn al-Abras¤, ✍Ab❺d. (1983). Indhaॐr ilaॐ Imru'-'l-Qays // *Al-rawaॐ'i✍ min al-adab al-✍Arabiyy*. 1. *Al-✍as¤r al-Jaॐhiliyy* / Tah¤q❺q Yuॐsuf Khal❺f. al-Qaॐhirah: al-Hay'ah al-Mis¤riyyah al-✍A✿mmah li-'l-Kitaॐb. P. 162–165.

Ibn al-Ath❺r, Abuॐ-'l-H¤usayn ✍Al❺. (1866). *Kitaॐb al-kaॐmil f❺ 'l-ta'r❺kh. Al-juz' al-awwal* / Ed. by C. J. Tornberg. Lugduni Batavorum [Leiden]: E.J.Brill.

Ibn H¤ab❺b, Muh¤ammad. (1942). *Kitaॐb al-muh¤abbar* / Tah¤q❺q I. Lichtenstädter. Hyderabad al-Dakkan: Mat¤ba✍at Jam✍iyyat Daॐ'irat al-Ma✍aॐrif al-✍Uthmaॐniyyah.

Ibn Hischaॐm, ✍Abd al-Malik. (1858–1860). *Das Leben Muh¤ammed's nach Muh¤ammed Ibn Ish¤aॐk¤* / Hrsg. F. Wüstenfeld. 2 vols. Göttingen.

Ibn Khalduॐn, ✍Abd al-Rah¤maॐn ibn Muh¤ammad. (1415/1995). *Muqaddimah* / Tah¤q❺q Darw❺sh al-Juwayd❺. S¤aydaॐ – Bayruॐt: al-Maktabah al-✍As¤riyyah.

Ibn Khalduॐn. (1958). *The Muqaddimah* / Trans. Franz Rosenthal. London: Routledge.

Ibn Kulthuॐm, ✍Amr. (1983). al-Mu✍allaqah // *Al-rawaॐ'i✍ min al-adab al-✍Arabiyy. 1. Al-✍as¤r al-Jaॐhiliyy* / Tah¤q❺q Yuॐsuf Khal❺f. al-Qahirah: al-Hay'ah al-Mis¤riyyah al-✍Ammah li-'l-Kitaॐb. S¤. 162–165.

Ibn Munabbih, Wahb. (n.d.). *Kitaॐb al-Tijaॐn f❺ Muluॐk H¤imyar*. S¤an✍aॐ': Markaz al-Diraॐsaॐt wa-'l-Abh¤aॐth al-Yamaniyyah.

Ibn Muॐsaॐ, T❺s❺r. (1984). Al-h¤ayaॐt al-ijtima`iyyah f❺ L❺biyaॐ f❺ 'l-`ahd al-`Uthmaॐniyy // *Turaॐth al-sha`b*. Vol. 14. P. 68–95.

Ibn Saad. (1905). *Biographien Muhammedes*. Bd. 1/1. Leiden: E.J.Brill.

Ingold, T. (1986). *Evolution and Social Life*. Cambridge: Cambridge University Press.

Irvine, A. K. (1973). The Arabs and the Ethiopians // *Peoples of the Old Testament Times* / Ed. by D. J. Wiseman. Oxford: OUP. P. 287–311.

al-Is¤fahaॐn❺, Abuॐ 'l-Faraj. (1955–1964). *Kitaॐb al Aghaॐn❺*. Mujallad I–XXV. Bayruॐt: Daॐr al-Thaqaॐfah.

Ishii-Kuntz, M., & Lee, G. R. (1987). Status of the Elderly: An Extention of the Theory // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 49. P. 413–420.

Jaॐm❺, `Abd al-Qaॐdir. (1973). *Min T🕒araॐbulus al-G🕒arb ilaॐ 'l-S🕒ah🕒raॐ' al-Kubraॐ*. T🕒araॐbulus: al-Hay'ah al-`Ammah li-'l-Nashr.

al-Ja✍qubi (al-Ya✍quॐb❺), Ah¤mad b. Ab❺ Ya✍quॐb. (1883). *Historia* / Ed. by M. T. Houtsma. 2 vols. Leiden: E.J.Brill.

Jastrow, M. (1982). *A Dictionary of the Targumim...* New York: The Judaica Press.

Jasuba, J. (1961). The Profitability and Viability of Plantation Slavery in the United States // *The Economics Studies Quarterly*. September. P. 60–67.

Jaspers, K. (1953). *The Origin and Goal of History*. New Haven, CT: Yale University Press.

Jelavich, B. (1983). *History of Balkans.* Vol. 1. Cambridge etc.: Cambridge University Press.

Johnson, D. (1992). Polygamists Emerge from Secrecy, Seeking Not Just Peace but Respect // *Talking about People. Readings in Contemporary Cultural Anthropology* / Ed. by W. A. Haviland & R. J. Gordon. London – Toronto: Mayfield. P. 129–131.

Johnson, A. W., & T. Earle. (1987). *The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State.* Stanford: Stanford University Press.

Johnson, A., & Johnson, O. R. (1987). *Time Allocation among the Machiguenga of Shimaa (Peru).* New Haven, CT: HRAF Press.

al-Kalb❺, Hishaॐm ibn Muh¤ammad. (1931). *Kitaॐb al-as¤naॐm* / Tah¤q❺q Ah¤mad Zak❺-baॐshaॐ. 2nd edition. al-Qaॐhirah: al-Mat¤ba✍ah al-Am❺riyyah.

Kammeyer, K. C. W., Ritzer, G., & Yetman, N. R. (1994). *Sociology. Experiencing Changing Societies.* 6th ed. Boston etc.

Kazankov, A. A. (2000). Hunter-Gatherer Adaptations in Semi-Desert Areas // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 117–122.

Kelly, R. C. (1985). *The Nuer Conquest: The Structure and Development of an Expansionist System.* Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Kelly, P., Sear, C. (1984). Climatic Impact of Explosive Volcanic Eruptions // *Nature.* Vol. 311. P. 740–743.

Kennedy, J. (1898). The Early Commerce of Babylon with India // *Journal of the Royal Asiatic Society*. P. 241–273.

Kennedy, R. E. (1973). *Emigration, marriage, and fertility.* Berkeley, CA: University of California Press.

Kerbo, H.R. (1989). *Sociology. Social Structure and Social Conflict.* New York, NY.

Kirchhoff, P. (1968). The Principles of Clanship in Human Society // *Readings in Anthropology* / Ed. by M. H. Fried. 2nd ed., vol. 2. New York, NY: Crowell (originally published 1955).

Kister, M. J. (1965). Mecca and Tam❺m (Aspects of Their Relations) // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 8. P. 117–163.

Kister, M. J. (1986). Mecca and the Tribes of Arabia // *Studies in Islamic History and Civilization in honour of David Ayalon* / Ed. by M. Sharon. Jerusalem – Leiden: Cana – E.J.Brill. P. 33–57.

Kitchen, K. A. (1973). *The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B.C.).* Warminster: Aris & Phillips.

Kitchen, K. A. (1994). *Documentation for Ancient Arabia.* Pt. 1. *Chronological Framework and Historical Sources*. Liverpool: Liverpool University Press.

Knabenhans, A. (1919). *Die politische Organisation bei den australischen Eingeborenen*. Berlin.

Köler, L., Baumgartner, W. (1994). *The Hebrew and Aramaic Lexicon of the Old Testament*. Leiden – New York – Köln: E.J.Brill.

Korkuti, M. (Ed.). (1971). *Les Illyriens et la genèse des Albanais.* Tirana: Univ. de Tirana. Inst. d'histoire et de lingustique.

Korotayev, A. (1995a). *Ancient Yemen. Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and the Sabaean Culture*. New York: Oxford University Press.

Korotayev, A. V. (1995b). Mountains and Democracy: An Introduction // *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin & V. A. Lynsha. Vladivostok: Dal'nauka. P. 60–74.

Korotayev, A. V. (1996a). *Pre-Islamic Yemen. Sociopolitical Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Korotayev, A. V. (2000a). The Chiefdom: Precursor of the Tribe? (Some Trends of the Evolution of the Political Systems of the North-East Yemen in the 1st And 2nd Millennia A.D.) // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, & P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 242–257.

Korotayev, A. V. (2000b). North-East Yemen (1st and 2nd millennia AD) // *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko & A. V. Korotayev. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 191–227.

Korotayev, A. V. (2003). Unilineal Descent Groups and Deep Christianization: A Cross-Cultural Comparison // *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science.* Vol. 37. N 1.

Korotayev, A. V., & Bondarenko, D. M. (2000). Polygyny and Democracy: A Cross-Cultural Comparison // *Cross-Cultural Research. The Journal of Comparative Social Science.* Vol. 34. N 2. P. 190–208.

Korotayev, A., & Kazankov, A. (2000). Regions Based on Social Structure: A Reconsideration // *Current Anthropology.* Vol. 41. N 5. P. 668–690.

Korotayev, A.V., Klimenko, V. V., & Proussakov, D. B. (1999). Origins of Islam: Socio-Political and Socio-Ecological Context // *Acta Orientalia Hung.* Vol. 52. N 3–4. P. 243–276.

Kowalewski, S. A. (2000). Cyclical Transformations in North American Prehistory // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, & P. K. Wason.

Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 177–186.

Kradin, N. N. (1993). Specific Features of Evolution in the Nomadic Societies // *Prehistory and Ancient History.* Vol. 4. N 5. P. 165–183.

Kradin, N. N. (1994). Tribe, Chiefdom and Empire in Pastoral Societies // *Bridges of the Science between North America and the Russian Far East.* Vol. 2. Vladivostok: Dal'nauka. P. 172–173.

Kradin, N. N. (1995). The Origins of the State Among the Pastoral Nomads // *Etnohistorische Wege und Lehrjahre eines Philosophen. Festschrift fur Lawerence Krader zun 75. Geburstag*. Frankfurt am Main. P. 163–177.

Kradin, N. N. (2000a). The Hsiung-nu (200 BC – AD 48). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko & A. V. Korotayev. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 287–304.

Kradin, N. N. (2000b). Nomadic Empires in Evolutionary Perspective // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, & P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 274–288.

Kropp, M. (1994). The Realm of Evil: the Struggle of Ottomans and Zaidis in the 16th–17th Centuries as Reflected in Historiography // *Yemen – Present and Past* / Ed. by B. Knutsson *et al.* Lund: Lund University Press (Lund Middle Eastern and North African Studies. Vol. 1). P. 87–95.

Lammens, H. (1910). La république marchande de la Mecque vers l'an 600 de notre ère // *Bulletin de l'Institut Égyptien. 5th series.* Vol. 4. P. 23–54.

Lammens, H. (1924). *La Mecque à la veille de l'hégire*. Beirut.

Lane, E. W. (1865–1893). *An Arabic-English Lexicon.* 7 vols. London: Williams and Norgate.

Lee, G. R. (1984). Status of the Elderly: Economic and Familial Antecedents // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 46. P. 267–275.

Lee, G. R., & Kezis, M. (1979). Family Structure and the Status of the Elderly: A Preliminary Study // *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 10. P. 429–443.

Lee, R. B., de Vore, I. (1968). Problems in the Study of Hunters and Gatherers // *Man the Hunter* / Ed. by R. B. Lee & I. de Vore. Chicago: Aldine. P. 3–20.

Leistner, O. A. (1979). Southern Africa // *Arid Land Ecosystems*. Ed. by D. W. Goodall. Vol. 1. Cambridge etc.: Cambridge University Press./ P. 109–143.

Lenski, G. E. (1966). *Power and Privilege: A Theory of Social Stratification*. New York: McGraw-Hill.

Lenski, G., Nolan, P., and Lenski, J. (1995). *Human Societies. An Introduction to Macrosociology*. 7th ed. New York, NY etc.: McGraw-Hill.

Leslau, W. (1987). *Comparative Dictionary of Ge✍ez (Classical Ethiopic).* Wiesbaden: Otto Harrassowitz.

Levinson, D. (1979). Population Density in Cross-Cultural Perspective // *American Ethnologist.* Vol. 6. P. 742–751.

Levinson, D., & Malone, M. (1980). *Toward Explaining Human Culture*. New Haven, CT: HRAF Press.

Levinson, D., & Wagner, R. A. (1987). *Quantitative Cross-Cultural Data Series*. I: *General Cultural and Religion Data*. New Haven, CT: HRAF Press (one floppy disk and paper codebook).

Lewis, H.S. (1981). Warfare and the Origin of the State. Another Formulation // *The Study of the State* / Ed. by H. J. M. Claessen, & P. Skalnik. The Hague – Paris – New York: Mouton. P. 201–222.

Littré, E. (1875–1877). *Dictionnaire de la langue française.* 4 vols. Paris: Hachette.

Lopreato, J. (1984). *Human Nature and Biocultural Evolution*. Boston etc.

Lowie, R. (1970). *Primitive Society.* New York: Liveright (originally published in 1920).

Luhmann, N. (1982). *The Differentiation of Society*. New York: Columbia University Ptess.

Lumsden, C. J., and Wilson, E.O. (1981). *Genes, Mind, and Culture: The Coevolutionary Process*. Cambridge, MA – London: Harvard University Press.

MacLysaght, E. (1957). *Irish Families. Their Names, Arms, and Origins.* Dublin: Figgis.

al-Mad♈aj, M. M. M. (1988). *The Yemen in Early Islam 9–233/ 630–847: a Political History*. London: Routledge.

Makal, M. (1967). *Allah árnyekában Egy anatóliai tanító feljegyzései.* (Forditotta Fekete Sándor). Budapest: Kossuth könyvkiadó.

Mandelbaum, M. (1971). *History, Man, and Reason: A Study in Nineteenth-Century Thought*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Mannheim, K. (1957). *Systematic Sociology*. Westport.

MAPTAB (1997). *Standard Cross-Cultural Sample Data Base, Final Electronic Version*. Natick, MA: Analytical Technologies.

Marano, L. A. (1973). A Macrohistoric Trend toward World Government // *Behavior Science Notes.* Vol. 8. P. 35–39.

Maraqten, M. (1993). Wine Drinking and Wine Prohibition in Arabia before Islam // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 23. P. 95–115.

Marcolongo, B., Palmieri, A.M. (1992). Paleoenvironment and Settlement Pattern of the Tihamah Coastal Plain (Republic of Yemen) // *Yemen*. Vol. 1. P. 117–123.

Marey, A. V. (2000). The Socio-Political Structure of the Pechenegs // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 289–293.

Marshall, G., (1994) (Ed.). *The Concise Oxford Dictionary of Sociology*. Oxford – New York, NY: Oxford University Press.

Marshall, J. (1973). Hunting Among the Kalahari Bushmen // *Peoples and Cultures in Africa* / Ed. by E. P. Skinner. New York: Doubleday – Natural History Press. P. 106–121.

Marshall, L. (1976). *The !Kung of Nyae Nyae*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Masters, R. (1990). Evolutionary Biology and Political Theory // *American Political Science Review*. Vol. 84. P. 195–210.

al-Mas✍uॐd❺, Abuॐ-l-H¤asan ✍Al❺ ibn al-H¤usayn ibn ✍Al❺. (1965). *Muruॐj al-dhahab wa-ma✍aॐdin al-jawhar*. Mujallad2. Bayruॐt: Daॐr al-Andalus.

al-Mawlaॐ-bik, Muh¤ammad Ah¤mad Jaॐd, al-Bijaॐw❺, ✍Al❺ Muh¤ammad, and Ibraॐh❺m, Muh¤ammad Abuॐ l-Fad¤l. (1942). *Ayyaॐm al-✍Arab f❺ 'l-Jaॐhiliyyah*. al-Qaॐhirah: Daॐr Ih¤yaॐ' al-Kutub al-✍Arabiyyah.

McNeill, W. H. (1964). *Europe's Steppe Frontier. 1500–1800*. Chicago, IL – London: The University of Chicago Press.

McNett, C. W. (1973). Factor Analysis of a Cross-Cultural Sample // *Behavior Science Notes*. Vol. 8. P. 233–257.

Messenger, J. C. (1969). *Inis Beag: Isle of Ireland.* New York *et al.*: Holt, Rinehart and Winston.

Minge-Klevana, W. (1980). Does Labor Time Decrease with Industrialization? // *Current Anthropology.* Vol. 21. P. 279–298.

Minturn, L., & Lambert, W. (1964).The Antecedents of Child Training: A Cross-Cultural Test of Some Hypotheses // *Mothers of Six Cultures*. New York: John Wiley. P. 164–175, 343–346.

Moberg, A. (1924) (ed.). *The Book of Himyarites*. Lund: C.W.K.Gleerup.

Montagu, Ashley. (1976). *The Nature of Human Aggression.* Oxford – New York, NY: Oxford University Press.

Moore, W. E. (1969). Reconsideration of Theories of Social Change // *Sociological Theory: A Book of Readings* / Ed. by L. A. Coser & B. Rosenberg. London: Macmillan – Toronto: Collier – Macmillan. P. 729–741.

Morgan, L. H. (1877). *Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. New

York: Holt.

MPAT - Fitzmyer, J.A., Harrington, D.J. (1978).

Mulder, M. B., Kerr, A. T., & Moore, M. (1997). *Time Allocation among the Kipsigis of Kenya.* New Haven, CT: HRAF Press.

Muller, J. (1997). *Mississippian Political Economy.* New York – London: Plenum Press.

Müller, W. W. (1991). CIH 325: Die jüngste datierte sabäische Inschrift // *Recueil offert à Jacques Ryckmans* / Ed. C. Robin. Louvain-la-Neuve: l'Institut Orientaliste de Louvain (Publications de l'Institut Orientaliste de Louvain. Vol. 39). P. 117–131.

Müller,W. W., von Wissmann, H. (1991). Über die von einem Lavastrom bedrohten Tempel der Stadt Damhaॐn, des heutigen al-H¤uqqa, im antiken Gau Ma'din (Jemen) // *Anzeiger der phil.-hist. Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 113. S. 112–146.

Munroe, R. L., & Munroe, R. H. (1990a). *Time Allocation among the Logoli (Kenya).* New Haven, CT: HRAF Press.

Munroe, R. L., & Munroe, R. H. (1990b). *Samoan Time Allocation (American Samoa).* New Haven, CT: HRAF Press.

Munroe, R. L., & Munroe, R. H. (1990c). *Black Carib Time Allocation (Belize).* New Haven, CT: HRAF Press.

Munroe, R. L., & Munroe, R. H. (1995). *Newar Time Allocation (Nepal).* New Haven, CT: HRAF Press.

Munroe, R. L., Munroe, R. H., & Whiting, J. W. M. (1981). Male Sex-Role Resolutions // *Handbook of Cross-Cultural Human Development* / Ed. by Munroe, R. L., Munroe, R. H., & Whiting, B. B. New York: Garland STPM. P. 611–632.

Murdock, G. P. (1949). *Social Structure.* New York: Macmillan.

Murdock, G. P. (1967). *Ethnographic Atlas: A Summary*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.

Murdock, G. P. (1970). Kin Term Patterns and their Distribution // *Ethnology.* Vol. 9. P. 165–207.

Murdock, G. P. (1981). *Atlas of World Cultures*. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press.

Murdock, G. P. (1985). Kin Term Patterns and their Distribution // *World Cultures.* Vol. 1. N 4. Files STDS25.DAT, STDS25.COD.

Murdock, G. P., & Morrow, D. O. (1970). Subsistence Economy and Supportive Practices: Cross-Cultural Codes 1 // *Ethnology*. Vol. 9. P. 302–330.

Murdock, G. P., & Morrow, D. O. (1985). Subsistence Economy and Supportive Practices: Cross-Cultural Codes 1 // *World Cultures*. Vol. 1. N 1. Files STDS01.COD, STDS01.DAT.

Murdock, G. P., & Provost, C. (1973). Mesurement of Cultural Complexity

*Ethnology*. Vol. 12. P. 379–392.

Murdock, G. P., & Provost, C. (1985). Mesurement of Cultural Complexity // *World Cultures*. Vol. 1. N 1. Files STDS06.COD, STDS06.DAT.

Murdock, G. P., Textor, R., Barry III, H., & White, D. R. (1986). Ethnographic Atlas // *World Cultures*. Vol. 2. N 4 – first computer version.

Murdock, G. P., Textor, R., Barry III, H., & White, D. R. (1990). Ethnographic Atlas // *World Cultures*. Vol. 6. N 3 – second computer version.

Murdock, G. P., Textor, R., Barry, H. (III), White, D. R., Gray, J. P., Divale, W. (1999–2000). Ethnographic Atlas // *World Cultures*. Vol. 10. N 1. P. 24–136, files AT01–09.SAV; vol. 11. N 1. File EA10.SAV (third computer version).

Murdock, G. P., & White, D. R. (1969). Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. Vol. 8. P. 329–369.

Murdock, G. P., & Wilson, S. F. (1972). Settlement Patterns and Community Organization: Cross Cultural Codes 3 // *Ethnology*. Vol. 11. P. 254–295.

Murdock, G. P., & Wilson, S. F. (1985). Settlement Patterns and Community Organization: Cross Cultural Codes 3 // *World Cultures*. Vol. 1. N 1. Files STDS03.COD, STDS03.DAT.

Naroll, R. (1973). Holocultural Theory Tests // *Main Currents in Cultural Anthropology*. Edited by R. Naroll & F. Naroll. New York, NY: Appleton. P. 309–384.

Nimkoff, M. F., & Middleton, R. (1960). Types of Family and Types of Economy // *American Journal of Sociology*. Vol. 66. P. 215–225.

Nisbet, R. A. (1969). *Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development*. New York, NY – Oxford: Oxford University Press.

Nöldeke, Th. (1879). *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Saॐsaॐniden, aus der arabischen Chronik des T¤abar❺*. Leiden: E.J.Brill.

Nöldeke, Th. (1887). Die Ghassaॐnischen Fürsten aus dem Hause Gafna's // *Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil.-hist. Kl.* S. 3–60.

Obermeyer, G. J. (1982). Le formation de l'imamat et de l'état au Yémen: Islam et culture politique // *La péninsule Arabique d'aujourd'hui.* T. II. *Etudes par pays* / Ed. by P. Bonnenfant. Paris: CNRS. P. 31–48.

Ogburn, W. F. (1922). *Social Change with Respect to Culture and Original Nature*. New York: B. W. Huebsch.

Ogburn, W. F., Nimkoff, M.F. (1950). *A Handbook of Sociology*. London: Routledge & Kegan Paul.

Olinder, G. (1927). The Kings of Kinda of the Family of A:kil al-Muraॐr // *Lunds Universitets Arsskrift N.F. Avd.* 1.23.6. P. 1–118.

Osmond, M. W. (1969). A Cross-Cultural Analysis of Family Organization // *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 31. P. 302–310.

Palmer, Stuart. (1970). Aggression in Fifty-Eight Non-Literate Societies: An Exploratory Analysis // *Annales Internationales de Criminologie.* Vol. 9. P. 57–69.

Paolisso, M. J., & Sacket, R. D. (1988). *Time Allocation among the Yukpa of Yurmutu (Venezuela).* New Haven, CT: HRAF Press.

Parsons, T. (1966). *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives.* Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Parsons, T. (1970). On Building Social System Theory: A Personal History // *Daedalus.* Vol. 99. N 4. P. 826–881.

Parsons, T. (1971). *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Pasternak, B. (1976). *Introduction to Kinship and Social Organization*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Pasternak, B., Ember, M., & Ember, C. (1997). *Sex, Gender, and Kinship: A Cross-Cultural Perspective*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
Pasternak, B. (1976). *Introduction to Kinship and Social Organization*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.

Pasternak, B., Ember, M., & Ember, C. (1997). *Sex, Gender, and Kinship: A Cross-Cultural Perspective*. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.
Peinsipp, W. (1985). *Das Volk der Shkypetaren: Geschichte, Gesellschaft und Verhaltensordnung.* Wien etc.: Böhlaus.

Percel, C.H. (1990). *Understanding Society*. New York etc.

Peregrine, P., Gray, J. P. (1993). MAPTAB 4.0 User's Guide // *World Cultures*. Vol. 7. N 2. P. 26–67.

Peters, F. E. (1994). *Muh¤ammad and the Origins of Islam*. Albany: State University of New York Press.

Pirenne, J., Tesfaye, G. (1982). Les deux inscriptions du negus Kaleb en Arabie du sud // *Journal of Ethiopian Studies*. Vol. 15. P. 105–122.

Pisko, J. E. (1896). Gebräuche bei der Geburt und Behandlung der Neugeborenen bei den Albanesen // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien.* Bd. 26. S. 141–146.

Pollack, J., Toon, O., Sagan, C., Summers, A., Baldwin, B., Van Camp, W. (1976). Volcanic Explosions and Climatic Change: A Theoretical Assessment // *Journal of Geophysical Research*. Vol. 81. P. 1071–1083.

Precourt, W. (1975). Initiation Ceremonies and Secret Societies as Educational Institutions // *Cross-Cultural Perspectives on Learning* / Ed. by R. Brislin, W. Lonner, & S. Boohner. Beverly Hills, CA: Sage. P. 231–250.

al-Qaॐl❺, Abuॐ `Al❺ Isma`❺l b. al-Qaॐsim. (1234 H). *Kitaॐb al-amaॐl❺*. I. Buॐlaॐq: Daॐr al-Kitaॐb.

Radcliffe-Brown, A. R. (1941). The Study of Kinship Systems // *Journal of the Royal Anthropological Institute.* Vol. 71. P. 49–89.
Radcliffe-Brown, A. R. (1950). Introduction // *African Systems of Kinship and Marriage.* Edited by A. R. Radcliffe-Brown and D. Forde. London: Oxford University Press. P. 1–85.
Radcliffe-Brown, A. R. (1952). *Structure and Function in Primitive Society.* London: Cohen & West.
Rampino, M., Self, S. (1982). Historic Eruption of Tambora (1815) and Agung (1963). Their Stratospheric Aerosols and Climatic Impact // *Quaternary Research.* Vol. 18. P. 127–143.
Rampino, M., Self, S. (1984). Sulphur-Rich Volcanic Eruptions and Stratospheric Aerosols // *Nature.* Vol. 310. P. 677–679.
Rathjens, C. (1962). Die alten Welthandelstrassen und die Offenbarungsreligionen // *Oriens.* Vol. 15. P. 115–129.
Redman, C. (1978). *The Rise of Civilization: From Early Farmers to Urban Society in the Ancient Near East.* San Francisco, CA: W. H. Freeman.
Rensch, B. (1959). *Evolution above the Species Level.* London: Methuen.
Rigby, S. H. (1987). *Marxism and History: A Critical Introduction.* Manchester: Manchester University Press.
Rippin, A. (1991). RH¤MNN and the H¤an❺fs // *Islamic Studies Presented to Charles J. Adams* / Ed. by W. B. Hallaq & D. P. Little. Leiden: E.J.Brill. P. 153–168.
Robin, C. J. (1980). Judaisme et Christianisme en Arabie du Sud d'apres les sources epigraphiques et archeologiques // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. Vol. 10. P. 85–96.
Robin, C. J. (1982a). *Les hautes terres du Nord-Yémen avant l'Islam.* Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut Istanbul, 2 vols.
Robin, C. J. (1982b). Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique // *La péninsule Arabique d'aujourd'hui.* T. II. *Etudes par pays* / Ed. par P. Bonnenfant. Paris: Editions CRS. P. 17–30.
Robin, C. J. (1984). La civilization de l'Arabie méridionale avant l'Islam // *L'Arabie du Sud: histoire et civilization.* 1. *Le peuple yéménite et ses racines* / Ed. par J. Chelhod. Paris: Maisonneuve & Larose (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 21). P. 195–223.
Robin, C. (1991a). Quelques episodes marquants de l'histoire sudarabique // *L'Arabie antique de Karib'il a Mahomet. Novelles donnees sur l'histoire des Arabes grace aux inscriptions* / Ed. par C. Robin. Aix-en-Provence: Edisud (Revue du Monde Musulman et de la Mediterranee. Vol. 61). P. 55–70.
Robin, C. (1991b). La penetration des Arabes nomades au Yemen // *L'Arabie antique de Karib'il a Mahomet. Novelles donnees sur l'histoire des Arabes grace aux inscriptions* / Ed. par C. Robin. Aix-

en-Provence: Edisud (Revue du Monde Musulman et de la Mediterranee. Vol. 61). P. 71–88.

Robin, C. J. (1991c). Du paganisme au monothéism // *L'Arabie antique de Karib' ❺l à Mahomet. Novelles données sur l'histoire des Arabes grâce aux inscriptions* / Ed. par C. Robin. Aix-en-Provence: Edisud (Revue du Monde Musulman et de la Méditerranée. Vol. 61). P. 139–155.

Robin, C. J. (1994). Sheba dans les inscriptions d'Arabie du Sud // *Supplement au Dictionnaire de la Bible*. Paris: Letouzey & Ane. P. 1047–1254.

Robin, C. J., Beaucamp, J., & Briquel Chatonnet, F. (1996). La persécution des Chrétiens de Najra☸n et la chronologie h¤imyarite // *ARAM.* Vol. 10.

Rohner, R. P. (1975). *They Love Me, They Love Me Not: A Worldwide Study of the Effects of Parental Acceptance and Rejection.* New Haven, CT: HRAF Press.

Rohner, R. P., Rohner, E. C. (1982). Parental-Acceptance-Rejection and Parental Control: Cross-Cultural Codes // *Ethnology.* Vol. 20. P. 245–260.

Rohner, R. P., & Rohner, E. C. (1985). Parental-Acceptance-Rejection and Parental Control: Cross-Cultural Codes // *World Cultures.* Vol. 1. N 2. Files STDS20.COD, STDS20.DAT.

Rossi, E. (1939). *L'arabo parlato a San*✍a☸'. *Grammatica – Testi – Lessico.* Roma: Inst. per l'Oriente.

Rothstein, G. (1899). *Die Dynastie der Lahmiden in al-H❺ra*. Berlin.

Rubin, U. (1990). H¤an❺fiyyah and Ka✍ba. An Inquiry into the Arabian pre-Islamic Background of the d❺n Ibrah❺m // *Jerusalem Studies in Arabic and Islam.* Vol. 13. P. 85–112.

Russel, E. W. (1972). Factors of Human Aggression: A Cross-Cultural Factor Analysis of Characteristics Related to Warfare and Crime // *Behavior Science Notes*. Vol. 7. P. 275–312.

Ryckmans, J. (1951). *L'institution monarchique en Arabie Méridionale avant L'Islam (Ma✍❺n et Saba').* Louvain (Bibliothèque du Muséon. Vol. 28).

Sahlins, M. D. (1960). Evolution: Specific and General // *Evolution and Culture* / Ed. by M.D.Sahlins, E. R. Service. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press. P. 12–44.

Sahlins, M. D. (1972). *Stone Age Economics*. Chicago, IL: Aldine.

Sander, D. (1893). *Hanwörterbuch der deutschen Sprahe.* Leipzig: Wigand.

Sanderson, S. K. (1988). *Macrosociology: An Introduction to Human Societies.* New York, NY etc.: Harper & Row.

Sanderson, S. K. (1990). *Social Evolutionism. A Critical History*. Cambridge, MA – Oxford: Basil Blackwell.

Sanderson, S. K. (1995). *Social Transformations. A General Theory of Historical Development.* Cambridge, MA – Oxford: Basil Blackwell.

Sanderson, S. K. (1999). *Macrosociology: An Introduction to Human Societies.* 4th ed. New York etc.: Longman.

Sauer, J.A., Blakely J.A., Toplyn, M.R., Glanzman, W.D., Ghaleb, A.O., Grolier, M.J., Overstreet, W.C., and Tiede, L.J. (1988). Archaeology along the Spice Route of Yemen // *Araby the Blest* / Ed. by D. T. Potts. Copenhagen: CNI (CNI Publications. Vol. 7). P. 91–115.

SCCS, (1999). Standard Cross-Cultural Sample Variables (Ed. by W. Divale) // *World Cultures.* Vol. 10. N 1. Files STDS01–83.SAV.

Schlegel, A., & Barry, H. III. (1980). The Evolutionary Significance of Adolescent Initiation Ceremonies // *American Ethnologist.* Vol. 7. P. 696–715.

Schultze, H. K. (1987). *Von Reich der Franken zum Land der Deutschen: Merowinger und Karolinger.* Berlin: Siedler.

Scupin, R., & DeCorse, C. R. (1998). *Anthropology: A Global Perspective.* 3rd ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

Segalen, M. (1983). *Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the 19th Century.* Oxford: Blackwell.

Service, E. R. (1962). *Primitive Social Organization.* New York: Random House.

Service, E. R. (1971). *Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective.* 2nd ed. New York: Random House.

Service, E. R. (1975). *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution.* New York: Norton.

Shah❺d, I. (1971). *The Martyrs of Najra*ॐ*n. New Documents.* Bruxelles (Subsidia Hagiographica. Vol. 49).

Shah❺d, I. (1989). *Byzantium and the Arabs in the Fifth Century.* Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Shah❺d, I. (1994). On the Chronology of the South Arabian martyrdoms // *Arabian Archaeology and Epigraphy.* Vol. 5. P. 66–69.

Shah❺d, I. (1995). *Byzantium and the Arabs in the Sixth Century.* Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection.

Simkin, T., Siebert, L., McClelland, L., Bridge, D., Newhall, C., & Latter, J. (1981). *Volcanoes of the World.* Stroudsburg: Hutchinson Ross Publ. Co.

Simon, R. (1989). *Meccan Trade and Islam. Problems of Origin and Structure.* Budapest: Akademiai Kiado.

Skrynnikova, T. D. (2000). Mongolian Nomadic Society of the Empire Period // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 294–302.

Smith, G. (1995). *Time Allocation among the Madurese of Gedang-Gedang (Indonesia).* New Haven, CT: HRAF Press.

Smith, S. (1954). Events in Arabia in the 6th Century A.D. // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* Vol. 14. P. 425–468.

Sokoloff, M. (1990). *A Dictionary of Jewish Palestinian Aramaic of the Byzantine Period*. Jerusalem: Bar Ilan University Press.

Southall, A. (2000). On the Emergence of State // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 150–153.

Spencer, C. S. (2000). The Political Economy of Pristine State Formation // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, and P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 154–165.

Spencer, H. (1972). *Principles of Sociology.* Vol. 1. London: Appleton.

Spencer, H. (1972). *On Social Evolution* (selected writings edited and introduced by J. D. Y. Peel). Chicago: Aldine.

Stark, R. (1996). *The Rise of Christianity: A Sociologist Reconsiders History.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Stebbins, G. L. (1969). *The Basis of Progressive Evolution.* Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press.

Steinmetz, S. R. (1930). Classification des Types Sociaux et Catalogue des Peuples // *Zur Ethnologie und Sociologie*. II: *Gesammelte Kleinere Schriften*. Groningen: P.Noordhoff.

Stevenson, R. F. (1968). *Population and Political Systems in Tropical Africa*. New York, NY – London: Columbia University Press.

Steward, J. H. (1955). *Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press.

Stookey, R. W. (1978). *Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic.* Boulder, CO: Westview Press.

Storey, R. (1985). An Estimate of Mortality in a Pre-Columbian Urban Population // *American Anthropologist.* Vol. 87. P. 515–535.

Stothers, R. (1984). Mystery Cloud of AD 536 // *Nature.* Vol. 307. P. 344–345.

Stothers, R., Rampino, M. (1983). Volcanic Eruptions in the Mediterranean before AD 630 from Written and Archaeological Sources // *Journal of Geophysical Research.* Vol. 88, B8. P. 6357–6371.

Sztompka, P. (1993). *The Sociology of Social Change*. Oxford – Cambridge, MA: Blackwell.

Tapper, R., ed. (1983). *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. London: Routledge.

Textor, R. B. (1967). *A Cross-Cultural Summary.* New Haven, CT: HRAF Press.

Thomas, W. I., Znaniecki, F. (1918). *The Polish Peasant in Europe and America.* Boston: Richard G. Badger.

Townsend, J. B. (1985). The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms // *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization*. Ed. by H. J. M. Claessen, P. van de Velde, and M. E. Smith. South Hadley, MA: Bergin & Garvey. P. 141–155.

Trepavlov, V. V. (2000). The Mangyt Biy as a Crowned Chief: Chiefdoms in the Nomadic History of Late Medieval Western Eurasia // *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin, A. V. Korotayev, D. M. Bondarenko, V. de Munck, & P. K. Wason. Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 302–310.

Tschemodanow, N. S. (1940). *Lesebuch zur Geschichte der deutchen Sprahe... mit Anmerkungen und Wörterbüchern.* Moskau: Staatsverlag für Lehrbücher und Pädagogik.

Tuden, A., Marshall, C. (1972). Political Organization: Cross-Cultural Codes 4 // *Ethnology.* Vol. 11. P. 436–464.

Tuden, A., Marshall, C. (1985). Political Organization: Cross-Cultural Codes 4 // *World Cultures.* Vol. 1. N 1. Files STDS04.DAT, STDS04.COD (computer version).

Turnbull, C. M. (1966). *Wayward Servants: The Two Worlds of the African Pygmies.* London: Eyre & Spottiswoode.

Tylor, E. B. (1889). On a Method of Investigating the Development of Institutions: Applied to Laws of Marriage and Descent // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.* Vol. 18. P. 245–272. Reprinted (1961). In *Readings in Cross-Cultural Methodology* / Ed. by F. W. Moore. New Haven, CT: HRAF Press. P. 1–25

Vago, S. (1999). *Social Change*. 4th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall.

Van Ess, J. (1956). *The Spoken Arabic of Iraq.* 2nd ed. London: Oxford University Press.

Voget, F. W. (1975). *A History of Ethnology*. New York: Holt, Rinehart & Winston.

de Waal, F. (1982). *Chimpanzee Politics: Power and Sex among Apes*. New York, NY etc.: Harper & Row.

Wallerstein, I. (1974). *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press.

Wallerstein, I. (1979). *The Capitalist World Economy.* Cambridge: Cambridge University Press.

Wallerstein, I. (1987). World-Systems Analysis // *Social Theory Today* / Ed. by A. Giddens & J. H. Turner. Cambridge: Polity Press. P. 309–324.

Watt, W. M. (1953). *Muh¤ammad at Mecca*. Oxford: Clarendon Press.

Watt, W. M. (1964). *Muh¤ammad, Prophet and Statesman*. Oxford: Clarendon Press.

Watt, W. M. (1975). H¤an❺f // *Encyclopédie de l'Islam*. T. III. Leyde: E.J.Brill. P. 165–166.

Weber, M. (1930). *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. London: Allen and Unwin.

Weil, J. (1993). *Time Allocation among the Bolivian Quechua Coca Cultivators*. New Haven, CT: HRAF Press.

Wellhausen, J. (1897/1961). *Reste Arabischen Heidentums*. Berlin: Walter de Gruyter.

Werner, D. (1991). *Mekranoti Time Allocation (Brazil)*. New Haven, CT: HRAF Press.

Westrup, C. W. (1934). *Introduction to Early Roman Law. Comparative Sociological Studies. The Patriarchal Joint Family*. Kobenhavn: Einar Munksgaard – London: Oxford University Press.

Westrup, C. W. (1952). *A Near-Kin within the Kin. A Comparative Study*. Kobenhavn (Det Kongelige Danske videnskabernes selskap. Historisk-filologiske meddelelser. Bd 33. N 4).

White, D. R. (1988). Causes of Polygyny // *Current Anthropology*. Vol. 29. P. 529–558.

White, D. R., Burton, M. L. (1988). Causes of Polygyny: Ecology, Economy, Kinship and Warfare // *American Anthropologist*. Vol. 90. P. 871–887.

White, L. A. (1949). *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. New York, NY: Farrar, Straus & Cudahy.

White, L. A. (1959). *The Evolution of Culture*. New York, NY: McGraw-Hill.

White, L. A. (1975). *The Concept of Cultural Systems: A Key to Understanding Tribes and Nations*. New York, NY: Columbia University Press.

White, L., Jr. (1962). *Medieval Technology and Social Change*. Oxford: Oxford University Press.

Whiting, B. B. (1965). Sex Identity and Physical Violence: A Comparative Study // *American Anthropologist*. Vol. 67. P. 123–140.

Whiting, J. W. M. (1960). Resource Mediation and Learning by Identification // *Personality Development in Children* / Ed. by I. Iscoe & H. Stevenson. Austin, TX: University of Texas Press. P. 112–126.

Whyte, M. K. (1978). *The Status of Women in Preindustrial Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Wilson, E.O. (1975). *Sociobiology. The New Synthesis*. Cambridge, MA – London: Belknap Press of Harvard Univ. Press.

Wilson, E.O. (1978). *On Human Nature*. Cambridge, MA – London: Harvard University Press.

Wilson, J. Q. (1993). The Moral Sense // *American Political Science Review*. Vol. 87. P. 1–11.

Winkelman, M., White, D. (1987). *Quantitative Cross-Cultural Data Series*. III: *A Cross-Cultural Study of Magico-Religious Practitioners and Trance States*. New Haven, CT: HRAF Press (one floppy disk and paper codebook).

Woodburn, J. C. (1972). Ecology, Nomadic Movement and the Composition of the Local Group among Hunters and Gatherers: An East African Example and its Implications // *Man, Settlement and Urbanism* / Ed. by P. J. Ucko, R. Tringham & G. W. Dimbleby. London: Duckworth. P. 193–206.

Woodburn, J. C. (1979). Minimal Politics: The Political Organization of the Hadza of North Tanzania // *Politics in Leadership: A Comparative Perspective* / Ed. by W. A. Shack and P. S. Cohen. Oxford: Clarendon Press.

Woodburn, J. C. (1980). Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. by E. Gellner. London: Duckworth. P. 95–117.

Woodburn, J. C. (1982). Egalitarian Societies // *Man.* Vol. 17. P. 431–451.

Woodburn, J. C. (1988a). African Hunter-Gatherer Social Organization. Is it Best Understood as a Product of Encapsulation // *Hunters and Gatherers*. I. *History, Evolution and Social Change* / Ed. by T. Ingold, D. Riches & J. Woodburn. Oxford: Berg Publishers.

Woodburn, J. C. (1988b). Some Connections between Property, Power and Ideology // *Hunters and Gatherers*. II. *Property, Power and Ideology* / Ed. by T. Ingold, D. Riches & J. Woodburn. Oxford: Berg Publishers. P. 10–31.